БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

«СОВЕТСКАЯ

РОССИЯ»

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

МОСКВА

·СОВЕТСКАЯ

РОССИЯ·

1991

РФ
Н30

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ

Л. М. Леонов,
председатель
В. П. Аникин
В. И. Белов
Ю. В. Бондарев
С. И. Журавлев
Ю. Г. Круглов
Б. А. Рыбаков

Составление, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии
А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной

Составление иллюстративной части
и пояснения к иллюстрациям
М. А. Мухлынина

Оформление
Б. А. Диодорова

Н $\frac{4702010105-017}{\text{М-105(03)91}}$ под. 91

ISBN 5-268-01287-8 (т. 10)
ISBN 5-268-00784-х

© Некрылова А. Ф., Савушкина Н. И., составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии, 1991 г.

© Мухлынин М. А., составление иллюстративной части и пояснения к иллюстрациям, 1991 г.

© Диодоров Б. А., оформление, 1991 г.

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕАТР

Русская народная драма и народное театральное искусство в целом — интереснейшее и значительное явление национальной культуры.

Драматические игры и представления еще в начале XX века составляли органическую часть праздничного народного быта, будь то деревенские посиделки, духовные училища, солдатские и фабричные казармы или ярмарочные балаганы.

И всюду актеры находили множество благодарных зрителей. Народные актеры в большинстве своем не были профессионалами, это были особого рода любители, знатоки народной традиции, которая переходила по наследству от отца к сыну, от деда к внуку, от поколения к поколению деревенской молодежи допризывного возраста. Такие же традиции существовали в военных частях, квартировавших в провинциальных российских городках, на небольших фабриках и даже в тюрьмах и острогах.

Все эти сферы бытования не разделялись непроницаемой стеной. Это были как бы единая, подлинно народная, демократическая аудитория и один многосоставный актерский коллектив с общим репертуаром излюбленных пьес. Приходил со службы или с промыслов мужик и приносил в родное село полюбившуюся пьесу, выученную назубок или списанную в тетрадку. Пусть он был в ней вначале всего лишь статистом — воином или разбойником, но знал ведь всю наизусть. И вот уже

собирается группа молодежи и в укромном месте перенимает «выходку», учит роли. А на святках — «премьера».

Ф. М. Достоевский в главе «Представление» «Записок из мертвого дома» описывает разыгранный арестантами в Омском остроге спектакль, преобразивший его участников. «У нас в отдаленных городах и губерниях действительно есть такие театральные пьесы, которые, казалось бы, никому не известны, может быть, нигде никогда не напечатаны, но которые сами собой откуда-то явились и составляют необходимую принадлежность всякого народного театра в известной полосе России... Я верить не хочу, чтоб все, что я потом видел у нас, в нашем острожном театре, было выдумано нашими же арестантами. Тут необходима преемственность предания, раз установленные приемы и понятия, переходящие из рода в род и по старой памяти»[1].

География распространения народной драмы обширна. Своеобразные театральные «очаги» собиратели наших дней обнаружили в Ярославской и Горьковской областях, русских селах Татарии, на Вятке и Каме, в Сибири и на Урале.

Любовь народа к театральным зрелищам и сила воздействия представлений были столь велики, что память о виденном хоть однажды спектакле сохранялась на всю жизнь. Не случайно и по сей день можно записать яркие воспоминания зрителей народных спектаклей более чем полувековой давности: описание костюмов, манеры игры, целые запомнившиеся сцены и диалоги, звучавшие в представлениях песни.

Более того, зрители, далекие от эстетики народного театра, испытали на себе его великое обаяние. Как увидит читатель, не все их оценки одинаковы, в некоторых сквозит ирония, не всегда схвачена важная для народа идея. Но глубокое эмоциональное воздействие отдельных образов и сцен было несомненным, будь то народный юмор или «высокая» романтика.

Вот как писал В. Я. Брюсов о представлении «Царя Максимилиана» в канун 1900 года под Москвой в исполнении рабочих фабрики Полякова: «Те места, которые уцелели с давнего времени, прекрасны. Наивность и торжествующая условность производят сильнейшее впечатление; «за сердце хватает» (как говорили прежде) при сцене, когда окованный «непокорный сын Адольф» поет:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест...»[2]

Народная драма, вопреки мнению некоторых ученых,— естественное порождение фольклорной традиции. В ней спрессовался творче-

[1] Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3.— М., 1956.— С. 545—546.
[2] Брюсов В. Я. Дневники.— М., 1927.— С. 79.

ский опыт, накопленный десятками поколений самых широких слоев народа.

На поздних порах этот опыт обогатился заимствованиями из профессиональной и лубочной литературы и демократического театра.

Формирование известнейших народных пьес произошло в эпоху социальных и культурых преобразований в России конца XVIII века. С этого времени появляются и широко распространяются лубочные листы и картинки, которые были для народа и злободневной «газетной» информацией (сообщения о военных событиях, их героях), и источником знаний по истории, географии, и развлекательным «театром» с комическими героями — Петрухой Фарносом, разбитной блинщицей, «широкорожей» Масленицей.

Много лубочных картинок издавалось на религиозные темы — о муках грешников и подвигах святых, об Анике-воине и Смерти.

Позже чрезвычайную популярность в лубочных картинках и книжках получили сказочные сюжеты, заимствованные из переводных романов («Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич»), и повествования о разбойниках — Черном Вороне, Фадее Дятле, Чуркине. Огромными тиражами издавались дешевые песенники, включавшие произведения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Батюшкова, Цыганова, Кольцова.

Продавцы лубочных книжек — офени — проникали в самые отдаленные уголки России. Лубочные картинки, продававшиеся с XIX века на всех ярмарках, были обязательным украшением крестьянской избы.

На городских, а позже и сельских ярмарках устраивались карусели и балаганы, на подмостках которых игрались спектакли на сказочные и национальные исторические темы, постепенно вытеснившие ранние переводные пьесы. Десятилетиями не сходили с массовой сцены спектакли, восходящие к драматургии начала XIX века,— «Ермак, покоритель Сибири» П. А. Плавильщикова, «Наталья, боярская дочь» С. Н. Глинки, «Дмитрий Донской» А. А. Озерова, «Двумужница» А. А. Шаховского, позже — пьесы о Степане Разине С. Любицкого и А. Навроцкого.

Неоднократно переиздававшиеся в лубочных изданиях произведения, увиденные на ярмарках спектакли не могли не повлиять на эстетические вкусы народа, расширили его сказочный и песенный репертуар.

Лубочные и театральные заимствования во многом определили своеобразие сюжетики и поэтики народной драмы. Однако они «легли» на древние игровые традиции народных игрищ, ряжения, особую исполнительскую культуру фольклора.

Прежде всего традиционной была приуроченность народных представлений. Повсеместно они устраивались на святки и масленицу. Эти два коротких театральных «сезона» вмещали очень насыщенную про-

грамму. В годовом цикле календарных праздников святки и масленица исконно выделяются своей «театральностью». Древние обрядовые действа, в конце XIX — начале XX века уже воспринимавшиеся как развлечение и более того — озорство, совершались ряжеными. Особенно богаты драматическими играми ряженых святки. Публикуемые нами описания очевидцев святочных сборищ молодежи — посиделок — правдиво, несмотря на некоторую иронию или осуждение, передают особую атмосферу этого праздника.

В этой атмосфере были естественны шуточные сценки, проказы ряженых, непристойные, кощунственные слова, исполняемые на мотив церковных песнопений.

Древний смысл ряжения — магическое воздействие словом и поведением на сохранение, восстановление и увеличение жизненных плодоносных сил людей и животных, природы. С этим связано появление на посиделках голых или полуодетых людей, «клевание» журавлем девушек, удары жгутом, лопаткой, лаптями или палкой при «продаже» кваса, сукна, набойки и т. д.

В описании священника Преображенского из Вологодской губернии (текст № 9) приведен очень полный перечень персонажей и сцен ряжения, где соседствуют страшилища «кикиморы» (древние символы мрака в облике древних старух) и «торгованы», т. е. купцы с красным товаром, сопровождающие ярмарочный торг прибаутками; «кузнецы» и «рыбаки», «ревизор» и «рекрута».

Столь же значительными и древними являются свадебные и особенно покойницкие игры, которым посвящена специальная литература[1].

Генетически связанные с древнеславянскими похоронными обрядами, культом предков, покойницкие игры постепенно превратились в веселое представление, комическое воспроизведение эпизодов похорон. Самого бесстрашного из парней, согласившегося стать «мертвецом» («умраном»), одевали в саван и на досках вносили в избу, на поседки. Там начиналось «прощание» и «отпевание», сопровождавшиеся пением непристойных песен, шуточных причитаний и молитв. В конце действа «покойник» вскакивал и убегал, пугая присутствующих.

Пародийные песнопения представлены в нашем сборнике популярнейшими сюжетами фольклора. Такова известная по сказкам комическая церковная служба, во время которой поп и дьякон переговари-

[1] См., напр.: Гусев В. Е. От обряда к народному театру: Эволюция святочных игр в покойника//Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор.— Л., 1974.— С. 49—59; Его же: Истоки народного театра.— Л., 1977.

ваются о том, где спрятан табак, какие приношения несут прихожане. В других случаях использованы широко известные мотивы небылиц: поп попадает на небеса и видит там церковь, блинами крытую, образа из пряников; старуха, идущая на поминки, не помнит имени мужа.

Несколько особняком стоит описание проводов Масленицы с чтением «пачпорта». Общерусский обряд встречи и проводов Масленицы в виде чучела, колеса, сопровождаемого свитой, дополнен обычаем, характерным для Урала и Сибири. В описании сочетается древнее обрядовое действо «париться в бане» и чтение «пачпорта» большеносого барышника с исполнением «старины» про Кострюка.

К святочным и масленичным играм ряженых примыкают небольшие сатирические пьески «Барин», «Мнимый барин», «Маврух», «Пахомушка». Они-то, очевидно, и явились «мостиком» от малых драматических форм к большим. Популярность комических диалогов барина и старосты, барина и слуги была столь велика, что они неизменно включались и в представления «Лодки», а иногда и «Царя Максимилиана».

Тематика и проблематика крупных народных драм, являющих связи с литературными и лубочными источниками на всех уровнях, тем не менее сходны с другими жанрами фольклора. Об этом свидетельствуют прежде всего ее основные персонажи — вольнолюбивый атаман, разбойник, храбрый воин, непокорный царский сын Адольф... В них народ воплотил свои представления о положительных героях, с глубоко привлекательными для их создателей чертами — удалью и отвагой, бескомпромиссностью, стремлением к свободе и справедливости.

В характеристике атамана разбойников, героя драмы «Лодка», совмещаются фольклорные легендарные черты неуязвимости — «мелкие пули духом (т. е. дыханием) отдуваю» — и литературные реминисценции из «Братьев-разбойников» Пушкина.

«Разбойничья» драма особенно любима народом за атмосферу романтической вольности, в которой была возможность существовать вне социальной иерархии общества, мстить обидчикам, восстанавливать справедливость. Однако не обходила драма и мрачных коллизий: постоянное ощущение опасности, неприкаянность разбойников, их «отверженность» были чреваты жестокостью.

Во многих версиях и вариантах «Лодки» присутствует мотив любви атамана к благородной пленнице, которая отвергает его притязания или предложение брака. В поединке гибнет защитник девушки (жених, брат).

Мотивы и ситуации народных драм «Лодка», «Шайка разбойников» широко известны не только в фольклоре разных народов, но и в литературе периода романтизма.

Столь же актуальной для народа была и проблематика драмы «Царь

Максимилиан», в которой борьба за веру (злободневная в период борьбы церкви и государства с расколом) осмыслялась как стойкость в убеждениях, способность противостоять тирану.

Столь же любимы народом мнимопростодушные комические персонажи, носители тех свойств национального характера, которые Белинский обозначил как «...лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»[1]. Слуга Афонька-малый, староста, докладывающий о делах в имении, изобличают глупость барина.

К комически осмеиваемым персонажам — барину, купцу — примыкают и интермедийные фигуры доктора-лекаря, из-под Каменного моста аптекаря (что служило синонимом отнюдь не гуманной профессии грабителя), и портного «на чужой покрой»: «кто бы сшил да скроил, а я бы денежки получил», т. е. такого же мошенника.

Сценки, разыгрываемые комическими героями, перекликались с лубочными сюжетами. Так, была широко известна картинка «Барин в ресторане», где разорившийся «мнимый» барин, узнав цены на блюда и напитки, заказывает стакан холодной воды.

Поколения создателей и исполнителей народных драм выработали определенные приемы сюжетосложения, характеристик персонажей и стиля. Развернутым народным драмам присущи сильные страсти и неразрешимые конфликты, непрерывность и быстрота сменяющих друг друга действий. Так, допросы царем сына следуют один за другим, за последним из них немедленно следует вызов палача и приказ о казни. Призванный палач требует открыть «все кабаки и трактиры», угощает публику, вершит казнь и после краткого монолога кончает жизнь самоубийством.

Все это происходит без словесных пауз и промедления в действиях. Этот динамизм развития действия отметила дочь художника В. Д. Поленова Е. В. Сахарова в своих воспоминаниях: «...развертывается странный, но яркий лубок. Спокойные, быстрые казни: раз, два и упал. Бас с черной бородой — дядя Костя Овчинников — мрачно гудит односложные реплики... Действие развертывается с лихорадочной быстротой. Вот на сцене дряхлый старикашка в сером кафтане, в седом парике. Хитренький, юродствующий морит со смеху зрителей»[2].

Отличительной чертой народной драмы являются выходные монологи ее героев. Развернутые самохарактеристики персонажей были свойственны и ранней русской драматургии, и вертепным пьесам, и сценкам ряжения. В народных пьесах встречаются устойчивые по

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5.— М., 1954.— С. 666.

[2] Народный театр и семья В. Д. Поленова: (Воспоминания дочери художника)//Тарусские страницы.— Калуга, 1961.— С. 242—243.

набору элементов-формул выходные монологи, что, конечно, способствовало их легкому запоминанию и воспроизведению. Герой должен был рассказать, кто он, откуда прибыл, зачем явился, что собирается (может) делать. Зрителей не удивляла эта своеобразная «самореклама», ведь взаимных характеристик попросту не было. Особенности строения сюжета и образов героев связаны со спецификой народного представления. Оно происходило без сцены, занавеса, кулис, бутафории и реквизита — непременных компонентов профессионального театра. Действие развертывалось в избе, среди народа; не участвующие в сцене актеры стояли полукругом, по мере надобности выходя вперед и представляясь публике. Перерывов в представлении не было. Условность времени и пространства — ярчайшая черта народного театрального действа. Оно требовало активного сотворчества зрителей, которые должны были вообразить, руководствуясь словами героев, место событий.

Мы уже обратили внимание на повторение в разных вариантах разбойничьей драмы комических сцен с барином, слугой, старостой, которые, однако, текстуально различны. Следует сказать, что в живом бытовании не только действие каждой драмы было непрерывным, но и целые тексты разных драм часто соединялись, образуя устойчивые контаминации, иногда очень органичные (слуга оказывается членом шайки разбойников). Так достигалось эстетическое единство излюбленных народом тем — антибарской и разбойничьей. Обе они несли заряд социального протеста.

Соединение «высоких», трагических сцен с комическими присутствует во всех сюжетах и текстах драм, включая и «Царя Максимилиана». Это сочетание имеет важный мировоззренческий и эстетический смысл. В драмах происходят трагические события — царь Максимилиан казнит непокорного сына Адольфа, атаман убивает в поединке рыцаря, офицера; кончают самоубийством палач, прекрасная пленница. На эти события откликается, как в античной трагедии, хор. А следующая сцена отпевания и погребения героев, как правило, комическая. Она привносит разрядку напряжения, придает всему представлению двуединый характер. Так, разбойники в пьесе «Черный Ворон» «схватывают тела умерших за руки и за ноги и тащат вон с припевом «...пошла душа в рай, задела за край, хвостиком завиляла...».

Старик-гробокопатель, вызванный царем, разговаривает с ним прибаутками, а иногда издает непристойные звуки. Получив приказ захоронить убитых, «обирает и убирает» их тоже с прибаутками.

Возникшая на стыке фольклорных и литературных традиций народная драматургия долгое время вызывала неприятие исследователей своей непохожестью на «классические» нормы фольклорной поэтики.

Прежде всего это проявляется в речевом стиле. Стиль народной драмы характеризуется наличием в нем разных слоев или стилевых рядов, каждый из которых по-своему соотносится с сюжетом и системой персонажей.

Так, главные герои изъясняются торжественной церемониальной речью, представляются, отдают приказы и распоряжения. В минуты душевных потрясений персонажи драмы произносят проникновенные лирические монологи (их иногда заменяет исполнение песни).

В диалогах и массовых сценах звучит бытовая событийная речь, в которой выясняются отношения и определяются конфликты.

Комическим персонажам присуща шутливая, пародийная речь. Актеры, исполнявшие роли старика, слуги, доктора-лекаря, часто прибегали к импровизации на основе традиционных в фольклоре приемов обыгрывания глухоты, синонимов и омонимов.

Особую роль играют в народной драме песни, исполнявшиеся героями в критические для них моменты или хором — комментатором совершающихся событий. Песни были своеобразным эмоционально-психологическим элементом представления. Они исполнялись большей частью фрагментарно, раскрывая эмоциональный смысл сцены или состояние персонажа. Обязательными были песни в начале и конце представления. Песенный репертуар народных драм состоит преимущественно из авторских популярных во всех слоях общества песен XVIII—XIX веков. Это и солдатские песни «Ездил белый русский царь», «Мальбрук в поход уехал», «Хвала, хвала тебе, герой», и романсы «Я вечор в лужках гуляла», «Я в пустыню удаляюсь», «Что затуманилась, зоренька ясная» и многие другие.

Среди народных драм встречаются сюжеты, известные в немногих записях или даже в единичных полных вариантах. Их тексты (не считая свидетельств, фрагментов) отсутствуют как в обширных дореволюционных архивах, так и в материалах экспедиций советского времени, работавших в местах записи этих пьес.

Некоторые из этих сюжетов, близкие играм ряженых, были зафиксированы только на Севере. Таковы «Маврух» и «Пахомушка». Тексты этих пьес содержат черты импровизации, зависящей во многом от мастерства, находчивости, богатства репертуара исполнителей. В их представлениях широко участвовали зрители. Не случайно собиратели назвали «Пахомушку» игрой-комедией. Так, незадачливый Пахомушка выбирал себе «невесту» из присутствовавших девушек. В пьесе «Маврух» прослеживаются элементы покойницкой игры ряженых в сочетании с инсценировкой песни «Мальбрук в поход собрался».

Но есть и другая группа пьес, возникших на основе конкретных литературных источников. В популярных народных драмах, насчиты-

вающих десятки вариантов, книжные заимствования в процессе бытования были, естественно, значительно переработаны, переплавлены в горниле длительной фольклорной традиции. В некоторых же случаях авторская пьеса, шедшая на массовой сцене, была по-иному приспособлена к разыгрыванию в народной среде; бывало, что и полюбившаяся лубочная книжка инсценировалась народными исполнителями. Конечно, и в этом случае источники были переделаны в соответствии с эстетикой народной драмы. Однако круг действующих лиц, основные события, главные речи персонажей близки конкретным первоисточникам.

Так, инсценировались неоднократно переиздававшиеся лубочные романы о разбойниках — «Могила Марии», «Черный гроб, или Кровавая звезда», «Фра-Дьявол» и другие.

Публикуемая драма «Ермак», наряду с традиционными мотивами «Лодки» (постройка лодочки, плавание, пленение девушки, появление в барской усадьбе) и отчасти исторических песен, содержит сцены из многочисленных лубочных исторических романов и пьес, варьирующих знаменитую пьесу Н. А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (издавалась в 1845, 1866, 1908, 1912 и др. годы).

Народная драма «Как француз Москву брал», известная в одной записи, по нашим предположениям, основанным на изучении этого сюжета Т. М. Акимовой и П. Н. Берковым, является переработкой патриотической пьесы неизвестного автора «Смерть князя Потемкина из Смоленска, случившаяся в 1812 году, когда французы вторглись в Россию», известной в переводах на греческом (1850) и болгарском (1872) языках. Она широко исполнялась в Болгарии в период борьбы за освобождение (1877—1878), когда ее там могли видеть и перенять русские солдаты[1].

Драматический конфликт народной переработки сюжета — отказ генерала Потемкина перейти на службу к Наполеону — обнаруживает сходство с конфликтом Адольфа и царя Максимилиана в одноименной народной драме. Близость этих драм проявляется и в комических сценах, где действуют Доктор, Старик и Старуха.

Интересна история пьесы «Параша». Ее источник — водевиль актера П. Григорьева «Ямщик, или Как гуляет староста Семен Иванович» (1844). Водевиль был чрезвычайно популярен в XIX веке, неоднократно переиздавался (в 1867, 1873, 1904 и др. годы), в том числе и в сборниках для любительской сцены, солдатских и иных театров.

В северное село Тамицу ее принес крестьянин-отходник И. К. Гера-

[1] Подробнее см.: Савушкина Н. И. Русская устная народная драма. Вып. I. Классификация и сюжетный состав.— М., 1978.— С. 87—96.

симов, работавший на лесопильном заводе в Кеми. В читальне при заводе он и увидел этот спектакль, чрезвычайно ему понравившийся, в исполнении «верховлян» (т. е. жителей Сев. Двины). Так григорьевские «Ямщики» вошли в репертуар народных драм.

Особую, чрезвычайно яркую страницу народной театральной зрелищной культуры составляют ярмарочные увеселения и гулянья в городах по случаю больших календарных праздников (рождество, масленица, пасха, троица и пр.) или событий государственной важности (коронование на царство, торжества в честь военных побед и т.п.).

О том, что ярмарки и народные гулянья занимали в жизни городского населения России двух прошедших веков заметное место, можно судить не только по записям этнографов и фольклористов. Об этом же свидетельствует отечественная литература, театр, живопись, и не по одним лишь подробным описаниям или воспроизведениям (которые встречаются довольно часто), но и по прямым или косвенным отражениям этой культуры на стиле, образной системе, характере творчества или отдельного произведения различных писателей, художников, актеров, режиссеров, композиторов. Вспомним Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Н. Успенского, Ф. И. Шаляпина, В. Э. Мейерхольда, Б. М. Кустодиева, М. Ларионова, Н. Гончарову, А. Н. Бенуа, И. Ф. Стравинского и др.

Расцвет гуляний приходится на XVIII–XIX века, хотя отдельные виды и жанры народного искусства, составлявшие непременную принадлежность ярмарочной и городской праздничной площади, создавались и активно бытовали задолго до обозначенных столетий и продолжают, часто в трансформированном виде, существовать по сей день. Таков кукольный театр, медвежья потеха, отчасти прибаутки торговцев, многие цирковые номера. Другие жанры были порождены ярмарочной площадью и ушли из жизни вместе с прекращением гуляний. Это комические монологи балаганных зазывал, раек, представления балаганных театров, диалоги клоунов на раусах.

Обычно во время гуляний и ярмарок в традиционных местах возводились целые увеселительные городки с балаганами, каруселями, качелями, палатками, в которых продавалось все — от лубочных картин до певчих птиц и сладостей. Зимой добавлялись ледяные горы, доступ на которые был совершенно свободен, а спуск на санях с высоты 10–12 м (именно такой была высота масленичных гор в Петербурге конца XIX века) доставлял ни с чем не сравнимое удовольствие.

Ярмарка и гулянье всегда воспринимались как яркое событие, как шумный всеобщий праздник. «Можно ли хладнокровно смотреть на горы, на этот сбор и сброд всякой всячины, ребят и стариков, карет и саней, мужиков и господ, пряников и орехов, обезьян и лошадей,

фокусников и шарлатанов... Боже мой! чего нет на горах?» — восклицал автор заметки о масленичном гулянье 1834 года в Петербурге[1]. Жители Ярославля еще перед второй мировой войной помнили в подробностях ярмарку, проходившую в их городе с 5 по 25 марта, рассказывали о балаганах, петрушечниках, клоунах, панорамах, раешниках, о ларьках, где продавалась всемирно известная чайная посуда фабрики Кузнецова, и как разбегались глаза от ситцев, платков, воздушных шаров, «красного товара» и пр.[2]

При всем разнообразии и пестроте городской народный праздник воспринимался как нечто цельное. Целостность эту создавала специфическая атмосфера праздничной площади, с ее свободным словом, фамильярностью, безудержностью смеха, еды и питья; равенством, весельем, праздничным восприятием мира. За этим, в полном смысле слова жизнерадостным смехом угадывается ритуальный разгульный смех, о котором писал В. Я. Пропп[3], и особая эстетика «народной балаганной и вообще площадной комики средних веков и Ренессанса», прекрасно описанной М. М. Бахтиным[4].

В XVIII—XIX веках исконное, древнее значение смеха практически забылось, а то, что сохранялось по традиции, переосмыслялось и трансформировалось. Непристойность, брань, неприличные жесты, грубая буффонада, немотивированный смех, распространенный на все и на всех, становились не всегда понятны и приемлемы. Постепенно смех из формы восприятия действительности, осмысления жизни и ее законов превращался в средство борьбы с тем, что осуждалось, не принималось. Исторические и социальные условия России прошлого века, особенно второй его половины, как нельзя лучше способствовали тому, что выступления народных увеселителей приобретали все более злой, сатирический, остросоциальный характер. Существенно, однако, и то, что социальная сатира, проникая все глубже в народное площадное искусство, не меняла в целом общей картины ярмарочного веселья.

Всеобъемлющий, безудержный характер площадного смеха, его «разгульность», способность возникать от количества, от полной от-

---

[1] Архив Гос. литературного музея (Москва), инв. № 263, кор. 20, папка 1 д., № 22.

[2] См.: В. В. В. Масленица 1834 г. в Петербурге//Северная пчела.— 1834.— 4 апр.

[3] См.: Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре: По поводу сказки о Несмеяне//Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи.— М., 1976.— С. 174—204; Его же. Проблемы комизма и смеха.— М., 1976.— С. 137—140.

[4] См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.— М., 1965.— С. 34.

дачи себя во власть недопустимого, невозможного в обычное, непраздничное время во многом определял характер городского зрелищного фольклора. К примеру, такую своеобразную черту, как удивительное смешение самого разнородного материала.

Сама праздничная площадь поражала невероятным сочетанием всевозможных увеселений. Соответственно и внешне она представляла собой красочный громкий хаос. Яркие, разношерстные одежды гуляющих, броские, необычные костюмы «артистов», кричащие вывески балаганов, качелей, каруселей, лавок и трактиров, переливающиеся всеми цветами радуги изделия кустарных промыслов и — одновременное звучание шарманок, труб, флейт, барабанов, возгласы, песни, выкрики торговцев, громкий хохот от шуток балаганных дедов и клоунов — все сливалось в единую ярмарочную какофонию, которая завораживала, возбуждала и веселила.

Заметим, что по тому же принципу соединения несоединимого или простого нанизывания отдельных, не связанных между собой кусков построено большинство жанров народного площадного искусства. Такова последовательность сцен в петрушечной комедии (не случайно кукольник, в зависимости от условий выступления, без ущерба для комедии мог какие-то сцены выбрасывать, изменять порядок их следования, вставлять эпизоды, заимствованные у коллег). Таков же способ соединения прибауток в репертуаре балаганных и карусельных дедов, у владельцев потешных панорам (райков), у вожаков ученых медведей. Таким же образом составлялись и программы балаганов, где представление состояло из суммы отдельных номеров.

Естественно, специфика жанра каждый раз определяла, ограничивала выбор репертуара, художественных средств и способов исполнения. Однако (и это важно подчеркнуть) внутри многих жанров, как и ярмарки в целом, господствовала тенденция к совмещению как можно большего и разнообразного материала.

Эта особенность городского зрелищного фольклора отчасти помогает понять и широкое использование в выступлениях народных комиков гипербол и оксюморонов. Ими буквально пронизана словесная ткань, они же в большой мере определяют внешнюю форму и содержание представлений.

Возьмем балаганного деда. Он изображается молодым стариком. У него огромные лапти, борода, усы; на кафтане большие яркие нашивки, имитирующие заплаты. Он не разговаривает, а кричит. Прибаутки его, в чем легко убедится читатель, в том же стилистическом ключе.

Подобное же пристрастие к оксюморонным сочетаниям и гиперболе наблюдается в райке. Преувеличениями и алогизмами переполнена

комедия о Петрушке, диалоги клоунов на раусах, балагурство разносчиков и ремесленников.

На крупные, известные гулянья «под горами» и «под качелями» съезжалось немало гастролеров из Европы (многие из них были содержателями балаганов, панорам) и даже азиатских стран (фокусники, укротители зверей, силачи, акробаты и другие). Иностранная речь и заморские диковинки были привычным делом на столичных гуляньях и больших ярмарках. Понятно, почему городской зрелищный фольклор представал нередко как своего рода смешение нижегородского с французским. Это и расположение в тесном соседстве и одновременное выступление русских и иноземных увеселителей; и сознательная ориентация на иностранный образец; и стремление выдать свое за чужое (вывески на балаганах и мастерских прекрасно иллюстрировали это: «Русский национальный театр живых картин, танцов и фокусов китайца Су-чу на русском деолекте со всеми китайскими причудами»[1]; «Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: «Иностранец из Лондона и Парижа». Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным»[2]).

Добавим, что с балаганными зазывалами впервые нас познакомили итальянцы и французы. Первые русские зазывалы на балконах балаганов выступали в том же наряде Пьеро, отчего в народе их прозвали «мельниками». Однако довольно скоро они сменили этот костюм, приняв вид настоящего балаганного деда, очень похожего на традиционного старика святочного ряжения. В Петербурге середины XIX века Петрушка выступал вместе с итальянским Пульчинелло, и, даже став Петром Ивановичем Уксусовым или просто Ваней, он долго сохранял костюм своих европейских собратьев, кукольных шутов и дураков, мудрецов и забияк: остроконечный колпак, бубенцы, красный кафтан, обязательный горб и огромный нос. Иностранным влиянием или происхождением объясняется и традиционное начало раешного комментария к картинкам: «А это, андерманир штук, другой вид...»

Необходимо подчеркнуть еще одно немаловажное обстоятельство. Ярмарочное искусство — не просто искусство, но и товар, подчиняющийся законам рынка.

Русская ярмарка и городское гулянье делили всех участников на поставляющих и потребляющих. Первые стремились как можно лучше сбыть свой товар, вторые — как можно больше получить при меньших затратах. В этом смысле правомерно ставить вопрос о влиянии законов

---

[1] Слепцов В. А. Балаганы на святой//Соч.: В 2 т. Т. 2.— М.; Л., 1933.— С. 479.

[2] Гоголь Н. В. Мертвые души//Собр. соч.: В 6 т. Т. 5.— М., 1953.— С. 367.

рынка на содержание и стиль ярмарочных увеселений. Отметим такую характерную черту городских зрелищных форм, как установка на необычное с обязательной опорой на известное, популярное, модное, ведь всякая коммерция требует нового, но одно новое не может существовать, оно не будет узнаваться и восприниматься. Поэтому столь велика в зрелищном фольклоре доля традиционного при закономерной тяге к неслыханному и невиданному. Особенность ярмарочных увеселений в том, что новое в них часто перерастало в необычное, даже в жульничество и обман, а традиционное — в штампы и безвкусные повторы.

Несколько в стороне от городских зрелищных форм стоит вертепная драма. Обычай устанавливать в храме на рождество ясли с фигурками богородицы, младенца, пастуха, трех царей, животных пришел в славянские страны из средневековой Европы. В католической Польше он перерос в подлинно народное религиозное представление и в таком виде проник на Украину, в Белоруссию, в некоторые районы России.

Вертепная драма разыгрывалась в специальном ящике, разделенном на два (редко три) этажа. События, связанные с рождением Христа, разыгрывались в верхнем ярусе, а эпизоды с Иродом и бытовая, комедийная часть — на нижнем. Верхний этаж обыкновенно оклеивался голубой бумагой, в центре изображались ясли с младенцем в окружении Марии, Иосифа, ягненка, коровы, лошади. Над яслями прикреплялась или рисовалась звезда. Нижний этаж обклеивали яркой цветной бумагой, посередине устанавливали трон Ирода, справа и слева имелись двери, через которые куклы появлялись и уходили. Деревянные куклы делались высотой пятнадцать — двадцать сантиметров, их раскрашивали или наряжали в матерчатые одежды, закрепляли на стержнях, с помощью которых передвигали по прорезям в полу домика-вертепа. Кукольник сам говорил за всех персонажей, за ящиком располагался хор и музыканты.

В русской традиции религиозная часть не занимала большого места, зато довольно развитой была комедийная половина, где одна за другой следовали бытовые, исторические, остросатирические, шуточные сценки, которые перемежались танцем кукол разной национальности или марширующими солдатами. Эта часть рождественской драмы наполнялась популярными песнями, бытовыми анекдотами, мотивами лубочных картинок и пр.

В составе настоящего сборника представлены все виды, жанры и жанровые разновидности народной драматургии, сложившейся за длительный исторический период, но известной нам по записям и описаниям лишь с середины XIX века. Основная масса вариантов драм была записана только в конце XIX — начале XX века. Это предопределило и время и качество публикаций и характер комментирования издаваемых

текстов, а впоследствии и направления исследований этого интереснейшего явления не только фольклора, но и народной культуры в целом.

Так, наиболее полными, капитальными изданиями и на сегодняшний день остаются сборники Н. Е. Ончукова и Н. Н. Виноградова.

Опубликованные ими тексты повторно увидели свет около полувека спустя в антологии П. Н. Беркова, до последнего времени оставшейся единственным доступным широкому читателю изданием.

Особое место в истории фольклористики занимает сборник Н. Е. Ончукова. Известный собиратель фольклора, выпустивший сборник «Северные сказки» (1909), в начале века обнаружил на Русском Севере, кроме сказок, «очаги» активного бытования народной драмы. Он записал и опубликовал весь репертуар народных пьес, в специальной статье[1] и предисловии к сборнику рассказал об их исполнителях и условиях бытования народной драмы в северной деревне.

Не меньшее значение для науки имеют и публикации Н. Н. Виноградова. В 1905 году он издает первый текст драмы «Царь Максимилиан» со списка, полученного им в Костроме от С. Сергеева, дед которого, матрос, участвовал в представлении этой драмы во время своей службы[2]. В 1914 году Н. Н. Виноградов публикует еще четыре варианта той же пьесы в указанном сборнике.

Эти тексты, вместе с вариантами, напечатанными на страницах «Этнографического обозрения» и других журналов, в 1890—1900-х годах послужили материалом для первых исследователей народной драмы — Р. М. Волкова, Б. В. Варнеке, В. В. Каллаша. В их трудах определилось историко-литературное направление исследований этого фольклорного жанра, связанное с поиском источников отдельных пьес.

К сожалению, городским зрелищным фольклором исследователи занимались мало и далеко не планомерно, поэтому большинство сведений приходится черпать из мемуаров, бытовой и этнографической беллетристики. Собственно ярмарочно-площадным жанрам посвящены немногочисленные собрания и работы современников активного бытования данного вида народного творчества. Это рассказы А. Я. Алексеева-Яковлева — одного из первых русских профессиональных режиссеров-постановщиков народных гуляний; собрание балаганных прибауток В. И. Кельсиева; тексты райка, собранные редактором нижегородских изданий А. С. Гациским; брошюра А. В. Лейферта с предисловием А. Н. Бенуа; очерки С. В. Максимова, В. А. Слепцова; рукописное со-

[1] См.: Ончуков Н. Е. Народная драма на Севере//Известия отд. рус. языка и словесности.— Т. XIV.— Кн. 4.— Спб., 1909.— С. 224—228.

[2] См.: Виноградов Н. Н. Народная драма «Царь Максимьян и непокорный сын Адольф».— Там же.— Т. X.— Кн. 2.— С. 301—337.

брание петрушечных текстов и раусов П. Н. Тиханова; записи вертепных и петрушечных представлений в архиве И. П. Еремина; великолепная коллекция «торговой поэзии» (выкрики и приговоры разносчиков и ремесленников) этнографа и фольклориста В. И. Симакова и некоторые другие. (Ссылки на эти издания и архивы приведены в соответствующих примечаниях.)

В общих чертах «судьбы народных гуляний и связанных с ними зрелищ» осветил Е. М. Кузнецов в предисловии к книге воспоминаний А. Я. Алексеева-Яковлева. Образ Петрушки, становление народного кукольного театра в России (в том числе и вертепа) рассматривались в работах А. Д. Алферова, В. Н. Перетца, И. П. Еремина.

Начало широкого фольклористического изучения славянской народной драмы и театра положено работами П. Г. Богатырева, впервые раскрывшего эстетическую специфику народного театра в единстве всех его элементов — текста, игры, сценической площадки, зрительного зала, костюмов, режиссуры.

В дальнейшем работы Т. М. Акимовой, В. Ю. Крупянской, В. Е. Гусева, Ю. А. Дмитриева осветили многие вопросы генезиса и идейно-эстетического своеобразия русской народной драмы и театра. Этому способствовали новые многочисленные записи, сделанные экспедициями последних десятилетий.

* * *

Просуществовав относительно недолго, народные представления, городские и ярмарочные гулянья все же оставили в памяти нескольких поколений неизгладимый след и отразились на творчестве многих людей искусства. Но и для тех, кто не имел счастья видеть эти праздники в живом бытовании, они служат бесценным источником тем, образов, приемов, являются сокровищницей народного юмора, примером утраченного смехового отношения к себе и к жизни, своеобразной культуры и эстетики смеха, которой так недостает сегодня.

Возросший в наши дни интерес к народным театральным традициям проявляется в стремлении использовать их в современных массовых праздниках, гуляньях, развлечениях. Фольклорные драматические и исполнительские приемы многопланово входят в спектакли самодеятельных коллективов, любительского и профессионального театров.

Во всех этих случаях необходима опора на подлинный материал. Тексты и описания, помещенные в этой книге, послужат этой цели.

А. НЕКРЫЛОВА
Н. САВУШКИНА

ИГРЫ И СЦЕНКИ РЯЖЕНЫХ

СВЯТОЧНОЕ РЯЖЕНИЕ

I

[...] Нетерпеливо проводит первый день святок деревенская молодежь: по установившемуся обычаю, деревенские забавы начинаются только со второго дня. В первый день идут приготовления к гулянью. Выбираются парни-распорядители, которые устраивают складчину и на собранные деньги нанимают у кого-либо из односельчан просторную избу на все святки, то есть на две недели, отопляют и освещают ее. В складчине принимают участие и люди женатые, пожилые, и даже дети-подростки; последние обыкновенно платят половину того, что приходится на долю взрослых.

[...] Лишь только начнет смеркаться, избранная и приготовленная распорядителями изба быстро наполняется молодежью. Сюда приходят и люди пожилые — мужчины и женщины; тут же толпятся и ребятишки. Появляются здесь «талья-

ночки», в иных селах — балалайки и даже скрипки,— и деревенский бал открывается!

[...] Непременным развлечением деревенской молодежи на вечеринках служит переряживание... Ряженые обыкновенно изображают цыган и цыганок-ворожей, толстых купцов, евреев, солдат, скоморохов с медведем, нищих-побирух и т. п. Ряженые потешают неприхотливую деревенскую публику разными фокусами, шутками и каламбурами и таким образом вносят в праздничное веселье еще больше одушевления и разнообразия. Любимыми экземплярами ряженых для деревенской публики являются медведь, ломающийся, показывающий, как бабы ходят по воду, как девушки глядятся в зеркало, как ребятишки воруют чужой горох, и «журав», т. е. представляющий из себя подобие журавля. Чтобы изобразить журавля, парень набрасывает на себя вывороченную шерстью вверх шубу, в один из рукавов которой продевает палку с крючком на конце. Палка изображает клюв журавля, и этим клювом ряженый бьет присутствующих на вечеринке девушек, а те, чтобы откупиться от назойливой птицы, бросают на землю орехи, конфекты, пряники, которые журавль и подбирает.

[...] Крестьянские затеи на вечеринках в рождественские святки не исчерпываются песнями, танцами, ряжеными. Продолжительность праздничного времени и веселья требует разнообразия, и потому деревенская молодежь придумывает много и других игр и развлечений. Большинство из них, конечно, невинного характера, но есть развлечения и непохвального свойства, и некоторые из последних отзываются даже кощунством. К таким играм нужно отнести игры в венчание и в похороны. Игра в венчание состоит в следующем. Посредине избы, где происходит вечеринка, ставят ступу или большую корзину (мастину), покрывают ее чем-нибудь и кладут на нее крест, сделанный из палок и перевитый соломою, какую-либо книгу или тетрадь. Все эти вещи должны обозначать аналой, крест и евангелие. В некоторых местах евангелие заменяется лошадиным подседельником. Из среды собравшихся на вечеринку выбирают парня и девушку, которых ставят перед воображаемым аналоем, как жениха и невесту, надевают им на головы сплетенные из соломы венки и потом три раза обводят

их вокруг ступы или корзины с пением или извращенных церковных песней, поемых при бракосочетании, или какой-либо хороводной песни. Главное, затейщики игры изображают из себя священника и диакона и, наподобие ризы и стихаря, надевают на себя женский сарафан, ветхий кафтан, а то и просто рогожу. Какой-либо шустрый мальчишка изображает из себя псаломщика-певца и после обвода парня и девушки вокруг ступы выкрикивает им многие лета. Повенчанных таким образом тут же заставляют поцеловаться, и если девушка отказывается от этого, то ее бьют жгутами. Парень должен заплатить «попам» за венчание от 10 до 50 копеек. Игра продолжается до тех пор, пока соберут достаточно денег или пока не найдется больше охотников принимать участие в ней. На собранные деньги парни устраивают общий кутеж. Эта неприличная игра, сопровождаемая самыми откровенными циническими разговорами и шутками, происходит в присутствии детей-подростков, которые нередко сами, собравшись где-нибудь особо вместе, проделывают, в подражение старшим, то же самое, до кутежа включительно.

Игру в похороны устраивают преимущественно девушки одни, без участия парней.

[...] В этой игре одна из участниц вечеринки представляется умершею и ложится на скамейку. Другие девушки «голосят» над мнимою покойницей; зажигают свечи и «отпевают» покойницу, копируя настоящее церковное отпевание, а потом поднимают скамью с лежащею на ней девушкою и выносят из избы. Вся соль игры заключается в том, чтобы представившуюся покойницей девушку выронить или на пол, или в сугроб снега, после чего поднимаются смех и возня.

Можно упомянуть еще об игре во время святок, известной в деревнях под названием «продажа кваса». Игра эта не отличается остроумием и по характеру своему груба и плоска. Состоит она в том, что всех собравшихся на вечеринку девушек заставляют «покупать квас» у двух парней или женатых молодых мужчин. На просьбу — продать квасу продающие отвечают ударом жгута. Чем ловчее и больнее придется покупающей девушке удар, тем больше хохоту вызывает это у собравшейся публики.

II

[...] В избу с криком, кривляниями, с корзинами снегу, перемешанного с сажею, вбежали кикиморы и принялись завывать, хлестать и парить вениками во все стороны, стараясь получше угостить грязным веником чужих ребят. Эти кикиморы были не кто иной, как туземные ребята, одетые по-старушечьи во всевозможные лохмотья и тряпки с горшком, накрытым тряпицею и заменявшим кокошник на голове, чтобы как можно более походить на кикимор, т. е. ведьм.

[...] После кикимор приехали торгованы, т. е. купцы с сукнами, нанкою, китайкою, кумачом и вообще с красным товаром; этих купцов было четверо, и были они самые здоровые мужики. При них еще находился прикащик, мальчишка. Его обязанность была прикатить в избу пустой бочонок... У многих не на шутку дрогнуло ретивое... Купцы по одежде несколько отличались друг от друга; двое имели на себе панталоны, кнуты в руках и больше ничего, даже рубашек не имели; другие же двое не имели на себе решительно никакого белья, а одеты были только в одни короткие полушубки нараспашку и шерстью вверх.

Бочка помещена середи избы. Торгованы обошли все углы избы с приглашением:

— Добрые молодцы, красные девицы, молодые молодки, белые лебедки, милости прошаем купить, продать, пошить, покропать, пожалуйте — кому что угодно.

На это приглашение волей-неволей должны были выходить все ребята и непременно покупать что-нибудь.

Выходившего спрашивали, что ему угодно?

На ответ его «сукна» или чего другого, торгованы вскрикивали:

— Так ему сукна! Отдирай ему, ребята, двадцать аршин.

Покупателя немедленно берут двое из купцов, один за голову, другой за ноги и кладут на бочку, вниз брюшком и вверх спинкой, а двое других примутся иногда так усердно отдирать аршин за аршином кнутами по спине покупателя, что у того кости трещат и он ревет благим матом, то есть во всю силу своих легких. От этих-то обновок и прячутся некоторые из ребят, осо-

бенно те, которые почему-либо чувствуют, что им будет драть.

[...] За стрелком следовали к у з н е ц ы.

В избу втащили скамью, на которой лежало что-то закрытое простыней. За скамьей тащили кузов, то есть корзину, сплетенную из сосновых драниц, громаднейшей величины. Корзину поставили вверх дном. За корзиной шли сами кузнецы... Что касается до костюма кузнецов, то он был таков, чтобы не скрывал ничего из организма. За кузнецами следовали музыканты, то есть целая процессия ребятишек, стучавших в сковороды, заслонки, ухваты, кочерги и тому подобные вещи, издающие самые раздирающие звуки. Все это шумело, стучало, звенело и выло...

Когда музыка, кузнецы и все заняли свои места, один из шумной компании стал у края скамьи. Простыня открылась — и что же вы думаете там было? Человек, совершенно нагой, с закрытым лицом. Этого неизвестного господина купец взял за ноги и начал подымать и опускать их одну за другой: ноги представляли кузнечные мехи... Корзина представляла наковальню...

К кузнецам, тоже как к торгованам, должны были выходить все ребята. Кузнецы не били их кнутами, а драли за волоса, давали в голову кулаком тумака, более или менее горячего. Это значило, что кузнецы куют разные железные и стальные вещи. Во все это время музыка не смолкала — сковороды стучали, заслонки визжали, ухваты кряхтели, ребятишки завывали...

Кому хотели сделать вещь получше и покрепче, того обыкновенно сильнее драли и сильнее колотили.

Когда всем наковали разных железных и стальных вещей с закалом и без закала, изба в воображении зрителей должна была превратиться в озеро. Приехали р ы б а к и. Рыбу ловили они не неводами и не удочкой, а острогой при свете лучины. [...] Чтобы все это представить на игрище, нужно было приготовить луч для освещения воды и рыбы: для этого ставят кого-нибудь на четвереньки почти совершенно нагого, в руку дают ему длинную палку, которую он должен держать так, чтобы конец ее выходил назад между ногами; на конце палки зажигают бересту, и луч самый блистательный готов. Рыбаки ходят без рубашки в одних панталонах; место остроги им заменяет метла. Они стараются поворотить луч в ту сторону, где сидят и стоят

девушки, и бьют метлою по полу, представляя, что ловят разного рода рыбу.

[...] Первое испытание, которое обрушилось на бедных ребятишек, был рекрутский набор. Потаскавши их с печки, с полатей, из-за девушек, собрали середи избы, всех до одного раздевали, а доктор осматривал, способен ли представленный к военной службе. Кого доктор находил способным, тому давали щелчка в лоб и ставили в сторону, кто же оказывался неспособным, тому давали подзатыльника так, что он летел к дверям, однако же был очень рад, что ему дали затылок, а не выбрили лоб. Рекрутов поставили в рядок, провели их в ногу по избе раза два-три и наконец всех потаскали за волоса на полати. Рев и самая энергичная ругань посыпались от ребятишек: они отлично умеют ругаться.

Ругань ребятишек навлекла на них новую невзгоду, какой они уж вовсе не ожидали. Стали солить снетки, и роль снетков должны были представлять ребятишки.

В избе появился кузов или огромная корзина, сплетенная из сосновых драниц. В эту корзину посажали всех ребятишек, одного на другого, когда они еще не успели одеться. Потом на них высыпали такую же корзину снегу. Это значит — их посолили. Ребятишки запищали, а выскочить было нельзя. В заключение для рассолу на них вылили ушат холодной воды. С визгом и неимоверной быстротой выпрыгнули ребятишки из кузова и ударились на печку и на полати одеваться и отогреваться.

Дверь снова отворилась, и вдруг чинным порядком пошли какие-то личности. Они были одеты в одни полушубки, сделанные наподобие фрака. Под этим фраком не было никакой одежды. Передняя личность, ревизор, важно несла в руках швабру в виде посоха, следующая — горшок с сажей, разведенной в воде, и с палкою; это писарь нес чернильницу с пером; затем третья личность несла несколько бересты, это секретарь нес бумаги.

Ревизор сел в передний угол, держа в руках швабру как знак его ревизорского достоинства. Секретарь с писарем сели у стола, поставили на него чернильницу и разложили бумаги.

Прочие более мелкие чиновники стояли в почтительном отдалении и ожидали приказаний. Это значило, что хотят про-

извести ревизию. Ревизор помахал шваброй, что значило, что пора начинать ревизию. Два мелкие чиновника отправились к девушкам, схватили одну из них и подвели к столу. Секретарь делал ей несколько допросов: кто она, сколько ей лет и прочее. Писарь смарал палкой бересту, что значило, что он записывает.

III

Зимние удовольствия у мещан и крестьян г. Василя открываются с наступлением рождественских праздников. Молодой народ весь пост с нетерпением ожидает наступления праздника, которым начинается для него ряд святочных удовольствий...

[...] Вечерние увеселения начинаются со второго дня праздника и продолжаются беспрерывно до самого кануна крещенского сочельника.

[...] В отношении наряда святочники представляют самое пестрое разнообразие; все они ходят группами. Одна группа, например, состоит из цыганки, турчанки и старика с непременным горбом; другая состоит из бурлака, черемисина в белой рубахе с обшивным воротом, женщины в барском платье и кормилицы с ребенком; третья группа водит медведя на цепи, и все бывают одеты сообразно этому представлению: один изображает мишку, другой — козу, третий — скрипача или барабанщика. Эта группа особенно доставляет удовольствие девицам.

Но самую соль удовольствия играющим доставляет представление черта: изображающий его с красными глазами и губами, с длинными когтями, хвостом и рогами, весь обтянутый кожей, вбегает быстро в комнату к страху глазеющих старух.

В скором времени приходит одетый в рогожу и представляет собой попа: с словами «мир съем» и «дух вон» он кропит веником и кадит лаптем; после чего черт, как не терпящий каждения и кропления, с громким криком убегает, к немалому удовольствию присутствующих.

Самый же обыкновенный и любимый наряд святочников составляет красная рубаха, обшитая галуном, и при этом шляпа, обвязанная лентами всевозможных цветов.

IV

[...] После уборки льна начинаются посиделки. Нанимается особая изба, и первый вечер открывается пиршеством, которое состоит из дешевых лакомств и нередко водки. На посиделки собираются девушки и парни; первые являются с работой, а вторые с гармоникой и балалайкой. Весь вечер проходит в песнях; в некоторых селениях бывают и пляски.

Но с наступлением святок характер посиделок изменяется, и самые посиделки уже называются беседками. К песням присоединяются игры, разные представления и ряженые. Девушки по-прежнему являются с работой, но никто ничего не делает...

— Ряженые, ряженые.

Показались два парня в берестяных масках и с деревянными лопатками в руках; они подходят то к одной, то к другой девице и спрашивают:

— Сколь набить аршин набойки?

Девка говорит. Ряженый бьет ее по спине лопаткой столько раз, сколько она пожелала себе аршин набойки.

— С сушеною рыбой! Кому сушеной рыбы? — кричит новый ряженый, держа за спиной пару сухих лаптей.

Требование сушеной рыбы удовлетворяется точно таким же образом, как набойка: ряженый бьет лаптями девок по спине и чему попало.

В избе крик и хохот.

Влетает еще ряженый, и это — наездник. Он с нагайкой и дугой, перекинутой через плечо, бегает и хлещет нещадно девок, так что все убегают и изба остается совершенно пустою. Появление новых ряженых собирает разбежавшихся, и в избе снова начинаются представление и шутки ряженых.

К числу самых любимых сцен, которые разыгрываются на святочных беседках, относится сцена под названием «Афонька новый и Барин голый». Это — диалог, который ведется между барином и его слугою Афонькой, и есть не что иное, как сатира на старый помещичий быт. В ней изображается тип барина и его отношения к своим крестьянам, у которых хозяйство доведено до такой степени совершенства, что хлеб в поле стоит «Колос от

колоса, не слыхать человечьего голоса», из рогатой скотины только «таракан да жужелица» и т. д.

К сожалению, народная сатира по форме изложения так мало литературна, что делать из нее извлечения положительно неудобно. То же самое нужно заметить и относительно большинства святочных представлений, которые возбуждают в зрителях такой искренний восторг, какого не может у образованного человека вызвать ни одна из первоклассных комедий.

V

Два парня кладут на плечи две палки, связывают их (чтобы не разъезжались) и накрывают пологом. В передний угол полога набивают соломы и делают лошадиную голову, на которой рисуют углем глаза и нос; сюда же продевают ухват, который образует уши («Где ухват уши живут»). Лошади узду одевают, ширкунчики (звонки и бубенцы) навязывают на шею («где шея живет»), и верхом на нее садится человек. Так въезжают в избу на беседу, причем лошадь двое ведут, т. к. она благует (скачет) шибко. Первый парень под пологом держит ухват и фыркает к девкам по-лошадиному. Свободные парни ловят девок и пихают по одной под полог — «девками кормят лошадь».

Затем подходит покупатель: «Отдай, дядя, лошадь!» — «Купи!» Седок слезает, и новый хозяин берет лошадь за повод; слезший торгуется с тем, который за повод лошадь взял; лошадь в это время повалится.

Купец к седоку: «Надо, бат, вылечить ее, ты, бат, знаешь молитвы — вылечи». Седок читает «молитву» (неприличнейшие стихи). Лошадь встает, и новый хозяин уводит.

Иногда лошадь делают из соломы, при помощи одного коромысла, и парень выезжает на ней верхом, как на палочке.

Подобным образом рядятся коровой, и так же ряженье сопровождается нескромными выражениями.

Бык. Парень с горшком на ухвате накидывает полог. В таком виде вводят его в избу; здесь он помычит около девок, махая головой как бык.

Находится покупатель и торгует быка. Когда сторгуются, то кто-нибудь из толпы бьет по горшку, и он разбивается, а «бык»

быстро срывает с себя свой наряд и убегает по возможности незамеченным. Гуляющие в избе парни вынимают тогда заранее приготовленные соломенные жгуты и бьют девок со словами: «С кем быка ела?»

Девки визжат, прячутся, а когда парни всех побьют, покупатель берет полог с ухватом и уходит домой со словами: «Надо хоть шкуру взять да идти домой — быка съели».

ШУТОЧНАЯ СВАДЬБА

Свадьбу изображали (на святки). Сидят все вокруг стола. Потом всех разгоняют, девки убежат, выбирают, кого из парней женить, невесту. Стул поставят. Сват ходит, выбирает невесту:

— Я не в Питер пошел,
Я не в Киев пошел,
Я не пенье ломать
И не коренья драть,
Я невесту выбирать.
Которая невеста
Без белил девка бела,
Без румянцу румяна,
То невеста моя.

Приходит парень, к нему сват подводит девку. Так «женят» всех. Потом «теща» с «блинами», «отец» с «вином». Это значит — на тарелке вода (блины) и в стакане (вино). «Молодой» выпивает, «теща» руку в воде помочит и по щекам его — «Ешь!».

Жених выберет невесту и на стул положит плаху, и девушка бежит и должна через эту плаху с лучиной перепрыгнуть. Если она сробела, жениха лупят.

РАССКАЗ О РЯЖЕНИИ

На святки [...] покойником рядились. Плетни ранешние были, вроде санок. Растянули простынь, его повалили. Один ходит, кадит. Кадило вроде настоящее. И поют:

Покойник, покойник,
Умер во вторник.
Стали кадить —
Он из-под савана глядит.

Покойник встает и бежит.

Рядились еще лет десять тому назад, в вывороченные шубы и всяко...

Еще ходили двое. Старуха с Ермолаем. Ходили, шили сапоги, и у них накладено было всего, со своей сшивальней.

Старуха говорит:

— Ермолай, не сошьешь ли мне сапоги?

— Не сошью!

— А не сошьешь, так вот тебе!

И бьет его. Ссорятся при всех. Она его палкой лупит, хлопает и приговаривает (всяко смешно).

СТАРИК СТАРУХУ ВЫХВАЛИВАЕТ

(Приговор ряженного стариком)

Нарядились М. А. Яганова стариком, А. Ф. Обаньина старухой. Старик старуху стал хвалить:

— Вот до чего старуха хороша.
Вот, бывало, сварит суп
Из двенадцати круп.
Складет две ноги лосины,
Да две лошадины,

Да две пропадины.
Накладет макарону,
Из которого гнезды вьют вороны.
Хлебнешь и ногами лягнешь.
А мяса отпустишь,
Да глядишь, и в трусы напустишь.
А настряпает, бывало, пирогов,
Да хохрики, да мохрики,
Да лепешки без перемешки
Да состряпает два звонаря,
Да три колокола,
Состряпает, бывало,
Из рыбы пирог,
Стоит, что рог,
Красивый, что плешь,
Подскакивай да ешь.
Но на все была дельна,
И платья было много.
Было три корзины с узлами
Да три с рипасами.
Сарафанчик с зеленой бороздой,
А от зеленой борозды
Недалеко до .....
Вот до чего дельна была старуха!
А посуды, что!
Медной посуды —
Крест да пуговица,
А рогатого скота —
Петух да курица,
Вот до чего дельна была старуха!
Купила мне
Часы карманны
О двенадцати камнях,
Которы возят на дровнях,
На семи лошадях.
Бывало, пойдут через пень,
Через тын, через подворотку,
Через большу дорогу.

В телеграфный столб.
В опаленну сосну уйдут.
А лошадку купила жеребца,
Как запрягнешь, бывало, из утра,
И ноги половина,
А посмотришь —
Она в середине овина.
Придешь домой да скомандуешь:
— Софья, согрей самоварчик!
А она поклонилась
Да в трех местах и переломилась.
Я пошел к пайщикам:
— Нельзя ли жены спаять?
Они говорят:
— Можно спаять,
Да не будет стоять.
Я и к швецам:
— Нельзя ли жены сшить?
— А можно сшить,
Да не будет жить.
А я пошел,
Да взял свое мочало,
Да давай ее сначала
Взял да сшил,
И три года жил,
А пришлось расстаться —
Померла.

ОПИСАНИЕ РЯЖЕНИЯ

Покойником рядились. Человека одевают в худое, в белое наряжают. Постилахой (простыней, значит) накрывают и положат на доску и несут. А тут уж нашли кадило настоящее, разыщут, бывало, или обвяжут криночку и угли положат. Дру-

гой наряжается священником. Несут человека четыре покойника, пятый священник с кадилом. И поет:

— Помяни, господи,
Усопшего раба Ивана!

А те:

— Аллилуйя, аллилуйя,
Царство небесное
Нашему Ивану,
Светлое место
Без окошечек.

А поп опять:

Отче наш,
Иже еси на небеси.
Помяни, господи,
Раба божьего Ивана!

А потом, когда это все совершилось, происходит плаканье. Причитальщица причитывает; всяко насобирает. Надо покойника выносить хорошо. Стали его поднимать, а он только взял, сошел, по избе-то пошел. Растопырил руки, и эти девчонки все перепугались. Испугу он дал им, как же, мертвец стал. Старина это большая, когда наряжонками ходили.

Конем рядились. Берут дугу с колокольчиком, делают хвост — под пиджаком — веник-листвяник. Вот колокольчик забренчал, кричат: «Конь идет! Конь идет!» Конь прибежал, скачет, звонок грохает почем зря. Маски делали из бумаги. Коня не торгуют и не погоняют. Испуг только делают. На веник сажи намажут и водой польют, вот и брызгает всех. В старину конь приходил на поседки в шубе перевороченной. Шерсть как шкура.

Журавом рядились. Шубу вывернут, рукав вздернут, мысом сделают. В рукав лучину, из лучины сделан нос, или батожок вставят. Он ходит и клюет всех. Наш брат боится.

Лисицей тоже в шубу перевернутую рядятся. Руки и ноги в рукава, подол закинут и ходят на четвереньках.

ПОПОВСКИЕ СТИХИ

(Пародийная молитва)

Паки, паки,
Попа съели собаки,
Кабы не дьячки,
Пригрызли на тарачки.
Оглушительно.
Поп попадью
Переделал на бадью,
А дьякон дьяконицу
Переделал на сахарницу.
Оглушительно, оглушительно.
— Дьякон, дьякон,
Куды табак спрятал?
— Полторы напойки
В алтаре на полке.
Усмешительно, усмешительно.
— Покури,
Да и мне оставь.
А поп забрался в овин
Да и пользовался один.
Оглушительно, оглушительно.
Бедный мужик
Ведет ковать коня в кузницу,
А богатый — в кутьицу.
Усмешительно, усмешительно.
У богатого мужика
На столе золотые ложки,
А у бедного одни плошки.
Оглушительно, оглушительно.
— Дьякон ты, дьякон,
Ты погляди-тко в окошко,
Там не идет ли кто,
Не несет ли чего?
— Идет старуха
Да несет кошель на клюхе.
— Это тебе, господи!

Оглушительно, оглушительно.
У батюшки новое кадило,
Да берегись, чтобы в рыло не всадило.
Оглушительно, оглушительно.
У батюшки кадило новое,
Да цепи-то старые,
Да далеко ли хватит?
Усмешительно, усмешительно!

СЛУЖБА НЕГРАМОТНОГО ПОПА

Поп. Раз в страстную пятницу
Пришел к попадье молока хлебать,
А она меня сковородником.

Певчие. Неправда, батюшка,
Неправда, отец духовный,
Неправда твоя.

Поп. Пошел я с этой досады в лес,
Вырубил себе топорище
И заказал топор —
Не мал, не велик,
Семерым не поднять,
А мне в руки нечего взять.

Певчие. Неправда, батюшка,
Неправда, отец духовный,
Неправда твоя.

Поп. Нашел я крепкое дерево — крапиву,
Стал его рубить,
Сук мне попал в рожу,
И я упал в лужу.

Певчие. Неправда, батюшка,
Неправда, отец духовный,
Неправда твоя.

Поп. И прилетели ко мне три ангела:
Комар, пчела и муха,
Взяли меня за волоса

И потащили на небеса.
А там все не по-нашему:
Церковь блином покрыта,
А образа из пряников,
А я хам-хам,
Да все и поел.

Певчие. Неправда, батюшка,
Неправда, отец духовный,
Неправда твоя!

БАБА В ЛАПТИЩАХ

— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Что ты несешь, али пещерище?
— Правда, мой батюшка, правда твоя.
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Что у тебя в пещерище, али пирожище?
— Пирожище, мой батюшка, пирожище!
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
С чем у тебя пирожище, али с мясищем?
— С мясищем, мой батюшка, с мясищем!
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Кого ты идешь поминать-то, али мужа свово?
— Мужа, мой батюшка, мужа свово.
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Как у тебя его звали?
— Не помню, мой батюшка, не помню!
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Не походил ли он у тебя на вилы?
— Вавилой, мой батюшка, Вавилой.
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Каким он у тебя ремеслом-то занимался?
— Скрыпичным, мой батюшка, скрыпичным.
— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
Какую он у тебя песню-то пел?
— Сухопаренька, поджара
Хвост поджала, побежала.

ПРОВОДЫ МАСЛЕНИЦЫ НА РЕКЕ ТАВДЕ

Крестьянин Иван Федоров Сазонов изображал «госпожу честную Масленицу», а его главный воевода был Никифор Андреевич Калинин. Оба были в одних рубахах, распоясанные и босые. Кто-нибудь из публики спрашивал: «Гей, Масленичка! А есть ли у тебя пачпорт?» и Масленичка отвечала: «Есть у меня пачпорт». И воевода Калинин начинал говорить:

В Картамышевской деревне,
Толовской слободы
Жил Яковской блин,
Маркитан-господин,
Славно́й, главно́й, вышно́й
Большоносой барышник.
По нынешнему году он
Много множество скота набирал.
Бьет, а на дому ни единова пуда не продавал.
Приходят господа обыватели
Свежину торговати,
А он не хочет продавати,
По пяти алтын отдати:
– Лучше я свезу в Екатерин-город
И отдам копеек в сорок.
Нанимал Архипка Ховрина,
Федотка Кокорина,
Оне зиму продоржали,
Молотьбы-то не измолотили,
Стала Талица заниматься,
Оне стали со свежиной отправляться,
Лыва да вода:
На сани сесть нельзя.
Криво-неправо добилися
До Екатеринбурху-городу,
До рынку, до базару,
И всю свежину в кучу склали.
Яковской блин,
Маркитан-господин,

Сидел на этой куче,
Целый день глаза пучил,
Не мог на калачи огоревать.
Запрегал он свово доброво коня,
Садился на колеса́,
Поднимал руки под небеса.
— Батюшко, Никола бурлацкой бог,
Донеси меня до двора.
Да до Шадринова двора
Ста полтора.
Шадрин перевоз дорог,
Отдать копеек сорок,
А у меня денежки нет.
До Исеть до реки доплывали,
Лагушку-то открывали,
Телега-то немазя,
Скрипит да ревет,
Яковскому блину назолу дает.
Повстречался ему тут малой брат:
— Братец ты, братец,
У нас в доме большое несчастье.
— Какое такое несчастье?
— Большой братец в ослаблении лежит.
— Какое это несчастье!
Вот мне несчастье:
Осерья да головы остались,
Не знаю, их куды девать.
Вывозил на поле,
В кучу склал.
Собаки объедалися,
На людей бросалися.
— Старый ты плут,
Да почто ты склал тут?
Взяли его под суд.
Мишка Маслов судил,
На трех рублях помирил.

Публика встречает этот «пачпорт Масленицы» гомерическим хохотом и всеобщим одобрением. Маслянку и ее клевретов уго-

щают водкой-самосядкой и домашним пивом. А затем из среды зрителей опять раздаются голоса: «Ну-ко, Маслянка, распотешь честной народ да спой-ко старинку песенку». И Маслянка с воеводой начинают петь такую старинку:

Князь Белогорский поехал в Москву,
Засватал у Кострюка-Мастрюка да родную сестру,
Родную сестру да Милитрису Кирбитьевну.
Кто бы в большой колокол бил,
Чтобы слышно было по всей Москве,
По всей Москве, по всей ярманке.
Собиралися б к царю на двор
Бела хлеба рушати,
Белой лебеди кушати,
Зелена вина чарами пить,
Побороться, побарахтаться.
Выходили два да молодца,
Два Андрея Андреевича,
Они брали князя за большие отворотички,
Они выздняли его повыше себя,
Опустили пониже себя.
Златы пуговки пукнули,
Шелковы петли треснули,
И его брюшина скрозь прошла.

После этого Маслянка — Сазонов начинает представлять народу, как Маслянка парится в бане. Для этого он раздевался донага, брал веник, входил в бот-лодку и там парился на потеху публики.

Считаю, что описание проводов масленицы сделано неполно. Не приведены, например, прибаутки, которые, несомненно, говорил на потеху публики Сазонов.

Запись Городцовым сделана 13 января 1908 г. от крестьянина д. Артомоновой Луки Леонтьевича Заякина.

САТИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

БАРИН

Действующие лица:

Барин, в красной рубахе и пиджаке; на плечах соломенные эполеты; на голове соломенная шляпа с вырезанными фигурками из бумаги; в руках трость, украшенная фигурками из бумаги. У барина большое брюхо и пиджак не застегнут на пуговицы.

Откупщик, на плечах армяк, в руках погонялка, на голове шапка держима — обыкновенная.

Панья, кумачник — красный сарафан, белая рубаха и белый передник, пояс двоерядный, шелковый; на голове «перевязка» с лентами, в руках «корегу́шка» — веер и платок.

Конь, человек, к нему подделан хвост из соломы.

Удивительные люди: полдесятка или семеряга парнишек лет по двенадцати; лица в саже.

Бык, особенно не одевается, а подсунется из фофанцев.
Просители, обыкновенно фофанцы из публики.

В Тамице играющих «Барина» берут обыкновенно из разных «четвертей» селения (селение разделено на четыре «конца», имеющие особые названия),— Барина, например, из Заречья, Откупщика хоть из Верховья, Панью, положим, из Серечья, Коня, положим, с Низу. Делается это для того, чтоб никакому концу села не обидно было.

Начинается игра так: подходят играющие к дому, где происходит, например, вечеринка. Отворяют дверь, и первый вбегает в избу Конь и хлыщет публику погонялкой; все находящиеся в избе становятся на лавки, часть залезает на полати, и, таким образом, изба становится свободной для действий. За Конем в избу входит и вся компания и идут с песнями в передний угол; перед ними несут фонарь. В переднем углу Барин становится лицом к народу, рядом с ним по одну руку Панья, по другую Откупщик. Народ и фофанцы (ряженые) с улицы входят за играющими и становятся по всей избе.

Барин. Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девицы,
Здравствуйте!

Все (*отвечают*). Здравствуй, здравствуй, господин барин, здравствуй!

Барин. Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девушки,
Нет ли у вас промежду собой просеб каких?

Все. Есть, есть.

Барин. Подходите, подходите!

Кто-нибудь из фофанцев подходит, изображая просителя.

Проситель. Господин барин, прими мою просьбу.

Барин. Ты кто?

Проситель (*называется вымышленным именем,— именем какого-нибудь парня в селе*). Владимир Воронин.

Барин. Об чем просишь?

Проситель. На Парасковью прошу: по летам Парашка любит меня, а по зимам другого парня — Василья.

Барин. А подойди-ко, Парасковья, сюды. Пошто же это ты двух сразу любишь?

Парасковья также настоящее имя какой-нибудь девицы на селе. Вместо нее на зов Барина подходит кто-нибудь из фофанцев и начинает спорить и ругаться с просителем. Говорят кто что вздумает; кто сильнее и остроумнее выругается, тот и больший успех имеет у публики. Барин и Откупщик советуются вслух, кто из судящихся виновен и кого наказать: парня или девку; признают виновной, например, девицу. Барин говорит: «Давай-ко, Парасковья, приваливайся-ко спиной-то!» Парасковья подчиняется решению суда и подставляет спину. Откупщик наказывает ее плетью. За первым просителем является другой и выкладывает еще какую-нибудь просьбу про соседа, про жену и прочее. В основание просьб кладется обыкновенно какой-нибудь действительно существующий в селе факт, который, конечно, преувеличивается, доводится до смешного, до абсурда, и, таким образом, суд является сатирой на местную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой. Когда просителей больше нет и все просьбы рассмотрены, приведены решения суда и исполнены приговоры, начинается продажа коня.

Барин. Купчинушка, нет ли коня продать?
Откупщик. Есть, есть.

Приводят Коня. Барин водит Коня по избе, смотрит, как он бегает, смотрит в зубы, тычет под бока, заставляет прыгать через палку и надумывает купить.

Барин. Сколько за коня хошь?
Откупщик. Сто рублей деньгами,
Сорок сорокушек
Соленых.....
Сорок анбаров
Мороженых тараканов,
Аршин масла,
Кислого молока три пасма,
Михалка Тамицына нос,
Нашей Кожарихи хвост.
Барин. Сто рублей найду у себя в кармане,
А сорок сорокушек
Соленых.....
Сорок анбаров
Сухих тараканов

Взыщите ли, миряне?
Все. Взыщем, взыщем.

Барин отдает деньги и берет Коня.

Барин. А что, купчинушка, нет ли у тебя быка на мясо продать?

Откупщик. Как нет, есть, есть.

Барин. А сколько за быка хочешь?

Откупщик. Сто рублей деньгами.
Сорок сорокушек
Соленых.....
Сорок анбаров
Сухих тараканов...

По-старому идет торг до конца. Когда торг кончается, Быка — человека в вывороченной шубе и с крынкой на голове, подводят, и Барин бьет его поленом по голове, крынка ломается, Бык падает; на него накидываются фофанцы и мнут бока; выпускают кровь.

Барин. А что, купчинушка, нет ли у тебя Удивительных людей продать?

Откупщик. Есть, есть. Эй, Удивительные люди, выходите!

Удивительные люди выскакивают, кривляются, пляшут, плюются во все стороны, затем уходят.

Барин. Эй, малой, подай водки алой.

Кто-нибудь из фофанцев идет и несет бутылку воды. Запевают песню «Во лузях», и Барин под руку с Паньей несколько раз проходят по избе. Уходя из избы на другую вечеринку, прощаются.

Барин. Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девицы,
Прощайте!

Все. Прощайте. Прощайте!

Вся компания уходит на другую вечеринку, которых в вечер обходят три или четыре.

МНИМЫЙ БАРИН

Действующие лица:

Барин, в военной форме, с погонами; белая соломенная шляпа, в усах, с тростью, при зонтике.

Барыня, переодетый мужчина из молодых парней; в платье, в чепце. Старается говорить тонким голосом.

Трактирщик, в рубашке навыпуск, в жилетке, на груди зеленый фартук, на голове картуз.

Лакей, во фраке или сюртуке, на голове фуражка, на руках перчатки.

Староста, старик в сермяге, на голове черная шляпа котлом, за плечами сумка, на ногах лапти.

Барин. Марья Ивановна, пойдемте прогуляться. (*Входят в трактир, обращаются к Трактирщику.*) Трактирщик!

Трактирщик. Что угодно, барин голый!

Барин. Ах, как ты меня пристрамил.

Трактирщик. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Барин. Есть ли у вас комнаты, нам с Марьей Ивановной расположиться, чаю-кофею напиться.

Трактирщик. Есть, даже шпалерами обиты-с.

Барин. И пообедать будет можно?

Трактирщик. Как же-с, барин, можно-с.

Барин. А что именно будет приготовлено?

Трактирщик. Жаркое-с.

Барин. Именно какое?

Трактирщик. Комар с мухой, таракан с блохой на двенадцать частей разрезаны-с, на двенадцать персон приготовлены-с.

Барин. Мария Ивановна! Какое жаркое чудесное-с! (*К Трактирщику.*) Сколько будет стоить-с?

Трактирщик. Полтора шесть гривен-с!

Барин. Болван, не лучше ли бы тебе сказать: два десять.

Трактирщик. Мы не болваны, а живем с людями на обманы-с.

Барин. И водочки достать можно?

Трактирщик. Как же, барин, можно-с.

Барин. Каки именно водки?

Трактирщик. Шампанское донское.

Барин. Сколько будет стоить?

Трактирщик. Два шесть гривен-с.

Барин. Какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал. И дурман-водки достать будет можно?

Трактирщик. Как же, барин, можно.

Барин. Сколько будет стоить?

Трактирщик. Три шесть гривен-с.

Барин. Полтора шесть гривен-с, два шесть гривен-с, три шесть гривен-с, какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал! Поэтому вы, трактирщик, болван.

Трактирщик. Нет, мы не болваны, а живем с людями на обманы; не таких видали, без шинели домой отпускали, а если вас порядочно угостить, можно без мундира отпустить; у вас в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи.

Барин. Ах, Марья Ивановна! Должно быть, он в наш карман лазил. Не хочу гулять, иду дальше. (*Уходит.*) Афонька-малый!

Является его Лакей.

Лакей. Что, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня пристрамил!

Лакей. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Барин. Афонька-малый, подай-ко нам полведра водки алой.

Лакей. А где бы я ее взял?

Барин. В поставе.

Лакей. А черт ее там поставил.

Барин. Посмотри в другом.

Лакей. Я семь раз обежал кругом, ни черта не нашел.

Барин. А что же мы вчерась пили?

Лакей. У вашей маменьки в гостях были.

Барин. Афонька-малый, поил ли ты моих коней?

Лакей. Как же, барин, поил.

Барин. Почему же верхняя губа суха?

Лакей. Не могли достать.

Барин. А ты бы подрубил.

Лакей. Я и так по колен ноги отрубил.

Барин. Дурак, ты бы корытце подрубил.

Лакей. Я и так все четыре ноги отрубил.

Барин. Дурак, ты моих коней сгубил.

Лакей. Нет, я на Волынской двор спровадил.

Барин. Афонька-малый, посмотри-ко, не едет ли дядя староста.

Лакей (*бежит и кричит из-за двери*). Едет дядя староста.

Староста входит, кланяется Барину и говорит.

Староста. Здорово, барин-батюшко, синей жеребеч, Михайло Петрович! Я был на Нижегорочкой ярманке, видел свиней вашей породы да вашу барску шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочён; еще привез вам подарочек: гуся да индюшечку.

Барин. Что ты, дурак, разве бывает свинина барской породы?

Староста. Вашего завода.

Барин. Ах да, моего завода! А разве бара носят хомуты?

Староста. Очень прочен, боерин-батюшко.

Барин. Ну, расскажи, дядя староста, откуда ты?

Староста. С вашей новой деревни.

Барин. Ну, как в деревне мужички поживают?

Староста. Порато дородно поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. Каждый крестьянин по семи топоров имеет.

Барин. Ах, как хорошо! А что они топорами делают?

Староста. Занимаются вырубкой лесов.

Барин. Поди, много вырубают?

Староста. Порато много, боерин-батюшко.

Барин. Как много?

Староста. А вот как соберутся всей-то деревней в лес да возьмут веревку, на вершину наложат, клонят, клонят, дерево-то и сломят, всей деревней и пружат целый день.

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. На каждой топор по семи дерев вырубают, боерин-батюшко.

Барин. Ах, как много! А что же они из лесу делают?

Староста. Домы строят.

Барин. Поди-ко, большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. А собачки бежат, в окошечко глядят.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. Куричи на крышу вылетают, с неба звезды хватают. Я утром вышел: петух идет, полмесяца волокет.

Барин. Ах, какие дома громадные! Поди, у них окна большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. А вот как: долотчём намечено, а муравчём проверчено, твоя маминька, кривая сука, впялит глаза и смотрит.

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. Весь свет в одно окно видно.

Барин. Ах, какие окна большие! А у наших крестьян хлебопашество есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Поди-ко много.

Староста. Порато много, боерин-батюшко.

Барин. А как много?

Староста. В ту сторону сажень да в другую сажень, дак кругом-то четыре будет.

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. Каждый крестьянин по семи десятин имеет.

Барин. Ах, как много! Поди-ко, наши крестьяне на многих лошадях и на пашню выезжают?

Староста. Порато на многих.

Барин. А как на многих?

Староста. Всей деревней на одной сохе и то на козе.

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. Каждый крестьянин на пары лошадях выезжает.

Барин. Ах, как много! А рано, поди, и на пашню-то выезжают?

Староста. Порато рано, боерин-батюшко.

Барин. А как рано?

Староста. В пабедок поедут, а в обед уж дома.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. С утра до вечера, с восходу до закату работают.

Барин. Ах, хорошо! У наших крестьян и посев большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. В полосу зерно, в борозду друго, и посев весь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. Каждый крестьянин по семь кулей высевает.

Барин. Ах, хорошо! А эдак у них и урожай хороший бывает?

Староста. Порато большой, боерин-батюшко.

Барин. А как велик?

Староста. Колос от колоса — не слышно человеческого голоса.

Барин. Что ты болтаешь?

Староста. Куриче пробресть некуда.

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и нажин большой бывает?

Староста. Порато большой, боерин-батюшко.

Барин. А как большой?

Староста. Сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — день езды, тихо едешь, два проедешь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. На каждой десятине по сто копен становится.

Барин. Ах, как хорошо! Эдак и копны у них большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. Курича перешагнет.

Барин. Как, как?

Староста. Палкой не перекинешь.

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и примолот у них большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. Начнут молотить, дак и зерно не летит.

Барин. Как, как?

Староста. С каждого овина по семи кулей вымолачивают.

Барин. Ах, как много! Эдак у наших крестьян и коровы есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Поди-ко, дойливые?

Староста. Порато дойливые.

Барин. А как дойливые?

Староста. Пойдут доить — чух-бух, подойник сух.

Барин. Что ж ты болтаешь?

Староста. Каждая корова по десять крынок в удой дает.

Барин. Ах, как много! А поди-ко, у наших крестьян и куры есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Поди-ко, кладливые?

Староста. А вот как: у нас была одна курица, дак три года на ей быки не скакали; собрались мужики, пошли в лес, вырубили шест сажен шесть, двое наставляют, трое пехают, как тут и яйца!

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. Каждая кура по два яйца в день несет.

Барин. Был ли на моей новой мельнице?

Староста. Как же, барин, был.

Барин. У меня ведь мельница на семи поставах.

Староста. Черт ее там поставил: на одном столбе чуть-чуть-чуть дёржится, пихнуть, дак и свалится. А начнешь молотить, дак поскрети да подмести, нечего вам с Марьей Ивановной и под нос поднести.

Барин. Что, что ты болтаешь?

Староста. Каждые сутки по семи кулей размалывает.

Барин. А был ли ты, староста, на моей новой мызе?

Староста. Как же, барин, был.

Барин. Все там благополучно?

Староста. Все получено, боерин-батюшко, а вот тетка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Барин. Подай-ко ее сюда.

Староста. Сейчас, боерин-барин.

Барин. Только не изорви.

Староста. Не изорву, только изомну. (*Тащит письмо из*

лаптя.) О-о-н! Да еще блоха укусила. (*Чешет спину и подает записку.*) На-ко, барин, прочти.

Барин (*берет записку и говорит*). Как у вас написано-то, по азам?

Староста. Не разобрать твоим чертовским глазам.

Барин (*читает*). Как же вы сказали, все благополучно? Во-первых, мой перочинный ножик сломался.

Староста. Сломали, боерин-батюшко, сломали, прогневали бога, сломали.

Барин. Ну, расскажи, как его сломали?

Староста. Вот я расскажу, как его сломали: как твой сиво-пегий жеребец помер, мы с него шкуру сдирали, кругом хвостика обвернули, а он был стальной да и хрупнул.

Барин. Как, разве мой сиво-пегий жеребец поколел?

Староста. Помер, боерин-батюшко.

Барин. Поколел же?

Староста. Помер.

Барин. Ну, расскажи, отчего поколел?

Староста. Расскажу, отчего помер: как твоя маменька, кривая сука, поколела, ей на кладбище повезли, он был сердечком-то ретив, себе ножку сломал, тут и помер.

Барин. Как, разве моя маменька померла?

Староста. Поколела, стара сука.

Барин. Померла же?

Староста. Поколела.

Барин. Видите ли, Марья Ивановна, лошади помирают, а люди поколевают. Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

Староста. Расскажу, отчего поколела. Как твой-то трехэтажный домик загорелся, твоя-то маменька сердечком была ретива и с крылечка скочила, себе ногу сломила, тут и поколела.

Барин. Как, разве мой трехэтажный дом сгорел?

Староста. Ау в траву, ноги в осоку, давным-давно.

Барин. Как же, ведь там у меня были винные подвалы, ренсковые погреба?

Староста. Были, боерин-батюшко; мы раз шли да нашли две бутылки ренского, взяли да и раскокали.

Барин. Ведь вы выпили?

Староста. Нет, раскокали.

Барин. А ты на пожаре-то был?

Староста. Как же, боерин-батюшко, был. Три раза кругом обежал, таких три кирпича красных вытащил!

Барин. Неужели с пожару ничего не осталось?

Староста. Нет, осталось много.

Барин. А что такое?

Староста. А чем чай-то пьют.

Барин. Что такое, чай, что ли?

Староста. Нет, крупнее.

Барин. Дак сахар, что ли?

Староста. Нет, чернее.

Барин. Дак уголья, что ли?

Староста. Вот гальё, гальё.

Барин. Ты, староста, кажется, и посейчас-то пьян.

Староста. Нет, я для вашей милости упрям.

Барин. Где ты по сие время шлялся?

Староста. Я на вашей красной шлюпочке катался.

Барин. Видите ли: у барина петля на шее, а он на красной шлюпочке катался!

Староста. Если бы была у вас, барин, петля на шее, я взял бы тримбабули-бом да и задавил бы.

МАВРУХ

Действующие лица:

Маврух, в белой рубахе и подштанниках, на голове белый же куколь, как у савана, лицо закрыто, на ногах бахилы. Маврух лежит на скамье, которую носят четыре офицера.

Офицеры, четыре, в черных пиджачках, на плечах соломенные эполеты, сбоку на поясах сабли, на головах шапки или шляпы с ленточками и фигурками.

Панья, парень, одетый в женское платье, на голове косынка.

Пан, в долгом армяке черного цвета, в черной шляпе.

Поп, в ризе из портяного полога, на голове шляпа, в руках деревянный крест из палок, книга «для привилегия» и кадило-горшочек на веревке, а в нем куриный помет.

Дьяк, в кафтане и шляпе, в руках книга.

Офицеры вносят Мавруха на скамье в избу и ставят по ее середине, головой вдоль избы.

Поп *(начинает ходить кругом покойника, кадит и говорит протяжным голосом нараспев, подражая службе священника).*

Чудак покойник
Умер во вторник,
Пришли хоронить —
Он из окошка глядит.

Все (*участвующие в комедии поют*).

Маврух в поход уехал.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Маврух в походе умер.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Оттуда едет в черном платье пан.
Миротон-тон-тон, Миротень.
— Пан ты, пан, любезный,
Какую весть везешь?
— Сударыня, заплачешь,
Услыша весть мою:
Маврух в походе умер,
Он умер из земли.
Четыре офицера покойника несут
И поют, поют, поют:
Вечная ему память!

Поп. Государь мой батюшко, Сидор Карпович,
Много ли тебе веку?

Маврух. Семдесять.

Поп (*поет на церковный лад*).

Семдесять, бабушка, семдесять.
Семдесять, Пахомовна, семдесять.
(*Спрашивает у Мавруха.*)
Государь мой батюшко,
Много ли у тебя осталось деток?

Маврух. Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро.

Поп. Чем ты их будешь кормить?

Маврух. По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Поп и все (*повторяют эту же фразу пением и дальше*).
По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.
Поп (*читает протяжно по-церковному*).
На море, на окияне,
На острове на Буяне,
Около столба точёного,
Веретена золоченого
Стоял бык точеной[1],
В ж..е чеснок толченой.
Наши ребятки узнали,
К этому бычку похаживали,
Этот чеснок помакивали,
Кушанье похваливали:
— Ах, како кушанье,
Хвацко, бурлацко,
Само лободыцко!
Есть хорошо,
Да ходить с... далеко:
За двадцать пять верст,
Ближе места не приберешь.
Дьяк (*поет*).
...Тереха, брюшина поп.
Поп *(читает по книге, на церковный лад).*
Муж поутру встает,
Глаза помочил,
У жоны есть попросил,
А жона мужу отвечает:
— Эка ненаедная скотина!
На работу не спешишь,
Только бьешься об еды.
Муж жоны отвечает:
— Хороша жона поутру встает,
Благословясь печку затопляет,
А худа жона встает,
С бранью печку затопляет,
С бранью горшки наливает.

[1] Должно быть: печеный.

Хороша метла подпашет,
А худа метла по сторонам размашет.

Дьяк (*поет*).

...Тереха, брюшина поп.

Поп (*читает*).

Туча, молнии над нами
С дождями.
Матку подломило,
Руль оборвало,
Коршика нет,
Капитан сидит в каюте,
Лоцмана сидят на баре,
Плачут, рыдают,
Смерти ожидают:
— Ходили вместе,
Погибнем вдруг.

ПАХОМУШКА

Парни и девушки рассаживаются по лавкам беседной избы и избирают из своей среды главных исполнителей: Пахомушку, Пахомиху, Мать, Отца, Крестных, Попа, Прохожего человека и Шаферов. Выбранные лица тут же приступают к костюмировке и гримированию. Остальные тем временем оформляют сценическую площадку, достают тем или иным способом реквизит и приготовляют необходимую бутафорию. Когда все необходимые приготовления закончены, Пахомушка вскакивает верхом на сковородник. Кривляясь и нелепо жестикулируя, он объезжает вокруг пня. Затем, подъехав к родителям, падает перед ними на колени.

Пахомушка. Тятенька, благослови меня, я поезжаю жениться.

Мать и Отец указывают ему на его недостатки и сомневаются, может ли он исполнять супружеские обязанности. Пахомушка все отвергает, и они ему дают свое благословение... Пахомушка скачет к какой-нибудь из сидящих девушек, садится к ней на колени.

Пахомушка (*шепотом, но так, чтобы все слышали*). Девка, пойдем за меня замуж?

Девушка. Иду.

Пахомушка скачет к матери, садясь перед ней на колени.

Пахомушка. Маменька, я невесту вызвал.

Мать. Верно, эта девка глупа, что сразу пошла за тебя, не бери ее.

Пахомушка возвращается к девушке.

Пахомушка. Маменька сказала, что ты глупа.

Девушка (*рассердившись*). Ты сам глуп, твоя мать глупа...

В намеченном порядке Пахомушка сватается ко всем сидящим девушкам, причем с каждой у него почему-нибудь дело не ладится. Одна не идет из-за его горба, другая из-за его вшей, третья потому, что он трясучий, четвертая сомневается в наличии у него способности к браку, пятой не нравится его мать и так далее. С каждой из девушек у Пахомушки своя сценка, между которыми он поет частушки такого рода. Пахомушка едет к свадебной девушке.

Пахомушка. Нива, нова, пеньев нет,
Хочу жениться, мочи нет.
Выйду в поле, закричу:
Караул ... хочу!

В конце концов Пахомушка добирается до Пахомихи, которая после недолгих колебаний соглашается выйти за него. Обрадовавшись, Пахомушка спешит показать людям свою невесту. Одному Пахомиха не нравится (Пахомушка его бьет), другому нравится (Пахомушка его бьет за то, что «люди хулят, а ты хвалишь»), третьему и нравится и не нравится (не хороша, не худа).

Родители соглашаются на брак, дают свое благословение, и весь поезд (Пахомушка, Пахомиха, Родители, Крестные, Шафера и большинство присутствующих) едет в церковь (Пахомушка и Пахомиха на сковороднике), ко пню, где находится Поп. Пахомушка и Пахомиха слезают со сковородника, становлясь рядом на подостланную тряпку (при этом лицами в разные стороны). Поп делает вид, что одевает кольца, Крестные их переодевают (если находятся кольца — их пускают в игру). Затем Поп одевает на венчающихся корцы (шайки для молока), тотчас подхватываемые Шаферами. Корцы держат в течение всего венчания. Пахомушке и Пахомихе дают тлеющие лучинки (свечи). Во время венчания Пахомушка и Пахомиха кланяются и крестятся. Во время каждого поклона они оборачиваются вокруг собственной оси,—таким образом, оба остаются все время лицами в разные стороны. Кроме того, Пахомушку все время трясет. Поп становится спиной к брачующимся, в руках у него спичечный коробок на веревочке (кадило).

Поп (*подражая церковному пенью*).

Поп Макарий ехал на кобыле карей,
Кобыла его сбесишеся.
И попа Макария на землю сверзишися...

В венчании пародируются лишь основные моменты обряда. Так, кончив про Макария, поп обводит брачующихся трижды вокруг аналоя. При этом он поет.

Поп *(трижды).*

Заварила теща квас
В недобрый час...
Исайя, ликуй,
Пахом, Пахомихи не бракуй.

Затем начинается обедня.

Поп. Баба ты, баба, дура деревенская,
Сено в зубах, палка в руках,
Куда ты пошла-то?

Хор *(все присутствующие).*

На поминки, мой батюшка, на поминки.
На поминки, батюшка, на поминки.

Обряд кончается целованием креста, сложенного из лучинок, и весь поезд едет домой. Кто-либо расстилает на полу тряпье или подкладывает охапку соломы. Пахомиха и Пахомушка ложатся спать, оказываясь ногами в разные стороны. Пахомушка начинает искать голову Пахомихи и не находит.

Пахомушка (*кричит*). Маменька, у невесты головы нет!

Мать. Поищи хорошенько, может, нет ли?

Пахомушка ищет. При этом оба переворачиваются, снова оказываясь ногами в разные стороны.

Пахомушка. Маменька, ищу, и все нет!

И так далее, якобы всю ночь. Наутро, раздосадованная испытанием молодой, Пахомиха делает все шиворот-навыворот, одевает «дельницы» не на ту руку, и Пахомушка честит ее «неуклюжей». Затем следует ряд наставлений родителям, чтобы они смотрели за Пахомихой.

Пахомушка. Жена, садись в лодку, перевези через озеро.

По очереди Пахомушка обнимается и целуется с отцом и матерью. Пахомушка и Пахомиха садятся на скамейку спинами друг к другу и, гребя палками, ногами передвигаются через озеро.

Пахомушка. Живи хорошенько, не ходи никуда, слушайся отца да матерь, с парнями не балуй.

Пахомушка остается на «том берегу», Пахомиха едет обратно, распевая песню.

Пахомушка принимается за работу: садится тачать сапоги.

Пахомушка (*поет, пристукивая инструментами*).

Черт возьми косые ноги,
Тятька отдал в пастухи.
Сел на камешки, заплакал;
Куда тпрукушки ушли.

К Пахомушке приходит Прохожий человек, объявляет, что Пахомушкина мать умерла,—на Пахомушку это мало действует. Тогда Прохожий человек объявляет, что умирает отец. Пахомушка радуется, что станет просторнее в избе, и поет.

Пахомушка. Разукрашены колеса,
Едет новый тарантас,
У меня жена хороша,
Никому чужим не даст.

Прохожий человек объявляет, что Пахомиха родила. Пахом бросает работу, собирает инструменты и прикладывает руку рупором.

Пахомушка. Ей, перевозу... (*Следует ругательство.*)

Пахомиха приезжает к нему на скамейке. Они обнимаются и целуются.

Пахомиха. Здорово ли ты жил, имел ли работу, много ль заработал, не имел ли какой заботы?

Пахомушка. Я-то хорошо, а ты как поживала, тятеньку мово уважала? Слушала ли маменьку, топила баенку? Запирала ли дверь на замочку? Спала ли всегда в одиночку?

Пахомиха. Все делала, Пахомушка, как ты велел.

Вернувшись домой, Пахомушка обнаруживает ребенка.

Пахомушка. Откуда у тебя ребенок?

Пахомиха. Ребенок твой.

Пахомушка. Как может быть мой! Я дома не ночевал...

Пахомиха. Я ведь в первую ночь с тобой спала.

Пахомушка. Врешь, безголова-неуклюжа!

Начинает бить всех присутствующих, все со смехом и визгом разбегаются.

ГЕРОИКО-РОМАНТИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ ДРАМЫ

ЛОДКА

Действующие лица:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги.

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки с значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же Безобразов), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на косной лодке; последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты дозволь, дозволь, хозяин,
В нову горенку войти!
Припев: Ой, калина! Ой, малина!
Черная смородина (*дважды*).
В нову горенку войти.
Вдоль по горенке пройти, (*дважды*).
Слово вымолвити.
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленье посмотреть?»

Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим!», «Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул

СЦЕНА 1

Атаман (*топает ногою и кричит грозно*). Эсаул!

Эсаул (*точно так же топает ногою и кричит в ответ*). Атаман!

Атаман.

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул.

Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

Атаман. Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Эсаул. Слушаю, Атаман! (*Запевает песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запевает Эсаул.*)

Ах, вы, горы мои, горы, горы Воробьевские!
Ничего-то вы, ах, да горы, не спородили.
Спородили вы только, горы, бел горюч камень.
Из-под камешка бежит быстра реченька...

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногою и кричит.

Атаман. Эсаул!
Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман. Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться.
Мигоментально сострой мне косную лодку!

Эсаул. Готова, Атаман:
Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодка), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Молодец! Скоро потрафил! (*Обращаясь к гребцам.*) Молись, ребята, богу! Отваливай.

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск весел).

Атаман. Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул вместе со всеми разбойниками поют.

Вниз по матушке по Волге...

Атаман (*перебивая песню*). Эсаул!
Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман. Возьми подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Смотри во все стороны:
Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Эсаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман (*кричит*). Зри верней, сказывай скорей!

Эсаул. Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. Сказывай, что видишь?

Эсаул. Вижу: на воде колода!

Атаман (*как бы не расслышав*).
Какой там черт — воевода!
Будь их там сто или двести —
Всех их положим вместе!
Я их знаю и не боюсь,
А если разгорюсь,
Еще ближе к ним подберусь.
Эсаул-молодец!
Возьми мою подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Посмотри на все четыре стороны,
Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест,
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!
Гляди верней,
Сказывай скорей!

Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни.

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут...

Атаман (*сердито топает и кричит*).
Кто это в моих заповедных лесах гуляет

И так громко песни распевает?
Взять и привести сюда немедленно!

Эсаул (*выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается*).

Дерзкий пришлец в ваших заповедных лесах гуляет
И дерзкие песни распевает,
А взять его нельзя,
Грозится убить из ружья!

Атаман. Ты не Эсаул, а баба,
У тебя кишки слабы!
Сколько хошь казаков возьми,
А дерзкого пришельца приведи!

Эсаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

СЦЕНА 2

Эсаул с разбойниками возвращаются и приводят с собою связанного Незнакомца.

Атаман (*грозно*). Кто ты есть таков?

Незнакомец. Фельдфебель Иван Пятаков!

Атаман. Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять
И дерзкие песни распевать?

Незнакомец.
Я знать никого не знаю;
Где хочу, там и гуляю
И дерзкие песни распеваю!

Атаман. Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец.
Роду-племени своего я не знаю,
А по воле недавно гуляю...
Нас было двое — брат и я,
Вскормила, вспоила чужая семья.
Житье было не сладость
И взяла нас завидость;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле.

Взяли мы с братом вострый нож
И пустились на промысел опасный,
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья — в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу все глядим:
Кто ни идет по дороге —
Жид богатый
Или барин брюхатый,—
Всех бьем,
Все себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,
Все даром пьем и подъедаем...
Но не долго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали
И с братом вместе кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог,
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А все за какого-то старика признавал.
Брат скоро помер, я его зарыл.
А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам,
Никому спуску не дам!

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Эсаул. Слушаю, могучий Атаман! (*Обращаясь к Незнакомцу.*) Как тебя зовут?

Незнакомец. Пиши — Безобразов!

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подзорную трубку и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.

Эсаул (*заявляет*). На море чернедь.

Атаман (*как бы не расслышав*).
Что за черти?
Это — в горах черви,
В воде — черти,
В лесу — сучки,
В городах — судейские крючки —
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить.
Только я их не боюсь.
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю вкатить разиков сто —
Пропадет вся твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул (*посмотрев снова в трубу*). Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. А что ты видишь?

Эсаул. Вижу на берегу большое село!

Атаман. Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело. (*Обращаясь к гребцам.*) Приворачивай, ребята!

Все разбойники хором подхватывают и весело поют песню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку...

Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто в этом селе живет.

Эсаул (*кричит, обращаясь к публике*). Эй, полупочтенные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь из публики отвечает: «Богатый помещик!»

Атаман (*посылает Эсаула к Богатому помещику узнать*).
Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

СЦЕНА 3

Эсаул (*выходит из лодки и, подойдя к одному из участников представления, спрашивает*). Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик. Богатый помещик.

Эсаул. Тебя-то нам и надо!
Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

Помещик. Рад!

Эсаул. А как рад?

Помещик. Как чертям!

Эсаул (*грозно*). Ка-ак? Повтори!

Помещик (*дрожащим голосом*). Как милым друзьям.

Эсаул. Ну, то-то же!

Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни: «Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы!..» Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Эсаулом.

Атаман. Деньги есть?

Помещик. Нет!

Атаман. Врешь, есть!

Помещик. Тебе говорю — нет!

Атаман (*обращаясь к шайке, кричит*). Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Действующие лица:

Атаман Черный Ворон.
Эсаул.
Преклонский, Зарез-Головорез } разбойники.
Купец.
Лариза, его дочь.
Рыцарь.
Хозяин избы — богатый мужик.
Шайка разбойников, хор, гребцы.

Описание и костюмы действующих лиц

Атаман Черный Ворон, высокий, дюжий мужчина, грозного вида, лет тридцати — тридцати пяти, черные волосы, большие усы, небольшая бородка; иногда одни усы.

Костюм его: красная кумачная рубашка, синяя или черная суконная поддевка, черные брюки с красными лампасами, высокие сапоги, высокая барашковая шапка с соломенным султаном; на поддевке соломенные «палеты» (эполеты); на широком кожаном поясе шашка и патронташ, за поясом кинжал и пистолет; за плечами на перевязи ружье.

Эсаул, обычно худощавый, стройный, подвижной мужчина, непременно моложе Атамана, обязательно без бороды; цвет волос произвольный.

Костюм его: приблизительно такой же, как и у Атамана, лишь немного попроще: лампасов на брюках нет, султан на шапке меньше, «палеты» (эполеты) проще. Непременным атрибутом эсаульского звания является так называемая «значка» (значок, знак), т. е. розетка, сделанная из кумачу, лент или цветной бумаги и соломы. Эту «значку» Эсаул все время носит на груди, как знак отличия.

Преклонский, разбойник. Гримировка произвольная. Иногда стараются загримироваться как-нибудь «почуднее», то есть посмешнее, так как Преклонский вместе с Зарезом-Головорезом во время представления исполняют комические роли и, являясь чем-то вроде шутов, стараются своими ответами и замечаниями (часто совершенно произвольными экспромтами) рассмешить толпу зрителей. Часто производят среди окружающих какую-нибудь суматоху.

Костюм его: красная кумачная рубашка, синяя или черная суконная поддевка, брюки взаправку за высокие сапоги; шапка или картуз, с соломенной кокардой. Пояса, эполет и лампасов не полагается. Вооружен ружьем или шашкой, смотря по тому, что можно было достать.

Зарез-Головорез, разбойник. Точно такой же тип, что и Преклон-

ский. В гримировке может быть разница, но костюм и вооружение одинаковые.

Купец, обыкновенно гримируется под интеллигента. Волосы стрижены «под польку», борода обрита, усы подвиты или закручены кверху. Лицо, изображающее Купца, старается и разговор вести «по-господски», то есть говорит «свысока» (по-московски, акающим говором), придавая своей речи книжный характер и вставляя, если может, иностранные или неупотребительные в обиходной крестьянской речи слова.

Костюм его: сюртук или пиджак, жилет, крахмальная рубашка; брюки навыпуск или взаправку за высокие лаковые сапоги; иногда — пальто, так называемый «дипломат» (иначе — «тепломат»); на голове — котелок или какая-нибудь шляпа; в одной руке тросточка, в другой — чемодан; на пальцах — кольца; часы на длинной шейной цепочке.

Г. С. Чистяков сообщил, что иногда, за неимением почему-либо настоящей господской шляпы, лицо, играющее Купца, надевало «грешневик» — старинную шляпу, валянную из шерсти, имеющую вид высокого цилиндра с узкими полями. Однажды Купцу шляпа была сделана из соломы, равно как и шейная цепочка для часов, а часы из жестяной коробки из-под ваксы.

Лариза, дочь Купца. Девицам обычай запрещает совершенно участвовать в представлениях (по крайней мере, так повелось во всех тех местностях, о которых я имею сведения и откуда у меня имеются материалы по народному театру), а «молодцы» и даже ребятишки очень неохотно берут на себя женские роли, так как именами исполненных ролей обыкновенно их и начинают дразнить, и эти обидные прозвища остаются на долгое время. Кроме того, переодетые женщинами парни часто служат объектами весьма неприятных для них циничесих предложений и поползновений со стороны подгулявших участников пьесы. Поэтому участники спектакля бывают рады всякому, кто бы только ни согласился играть женскую роль, лишь бы была возможность «ходить с приставленьем». Этим и объясняется то явление, что женских ролей вообще очень мало в пьесах народного театра, да и исполняются они как попало, по большей части совершенно неподходящими лицами.

Костюм ее: платье с кофточкой; накидка или пелерина, часто жакетка; на голове шляпка, если не настоящая «городская», то — «доморощенная», из ржаной соломы с бумажными цветами; в руках — раскрытый зонтик; на руках перчатки, на перчатках — кольца, браслеты, вообще надевается возможно большее количество разнообразных украшений. Лариза говорит «по-господски» (см. выше — Купец), ходит «под ручку с папашей», старается подражать, возможно комичнее, походке городских обывательниц.

Рыцарь, наиболее крупная фигура из всех участвующих в представлении; несмотря на то что он является возлюбленным или женихом Ларизы, лицо, играющее Рыцаря, дает обыкновенно тип пожилого мужчины, возможно, свирепого типа, с большими усами и бородой, с густыми бровями; говорит обязательно басом и возможно громче, почти кричит, все время размахивая обнаженной шашкой.

Костюм его: на голове шапка-шишак, сплетенный из соломы; поверх одежды панцирь из золотистой или серебристой бумаги, иногда — кольчуга,

сплетенная из соломы; на груди «кавалерия» — своедельные ордена и медали, состряпанные из чего и как попало (вообще, нужно сказать, костюм Рыцаря отличается обилием украшений); пояс — из широкой цветной ленты, за поясом кинжал (обыкновенно хлебный нож); через плечо — шашка.

Хозяин избы, ни костюма особенного, ни какой-либо гримировки для этой роли обычно не полагается. Ввиду незначительности и обыденности играют ее как попало и кто попало; иногда даже и тот хозяин, в избе которого дается очередное представление, или кто-нибудь из его домочадцев.

Разбойники, составляющие шайку, или так и остаются молодыми парнями, или гримируются, как кому нравится, иной как-нибудь «почудней» да «позанятней».

Костюм разбойников однообразный; красные рубашки, синие поддевки, высокие сапоги и картузы или шапки. Вооружение — какое кто смог добыть.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор разбойников (*поет за кулисами песню*).

За Уралом, за рекой
Шайка собиралась.
Припев.
Вот, браво! Вот, люли!
Шайка собиралась!
Эта шайка немалая,—
Вольна, беспаспортна.
Припев.
Нам хозяин — вострый меч.
Сабля-лиходейка.
Припев.
Пропадем мы ни за грош,
Жизнь наша — копейка!
Припев.

ЯВЛЕНИЕ 2

На сцене появляются Купец с дочерью «под ручку». Актеры, изображающие их, стараются вести разговор «по-господски».

Дочь. Папаша, нам теперь пускаться в путь опасно: здесь место неблагонадежно!

Купец. Полно, дочка, не бойся пустяков! Да ведь мы и не с пустыми руками: у меня имеется очень превосходный пистолет.

За сценой шум и свист.

Дочь. Папаша, чу! Какие-то слышны звуки, звуки какой-то безалаберной семьи!

Купец. Я ничего не побоюсь, с оружием в руках поеду.

ЯВЛЕНИЕ 3

Выскакивают (обыкновенно «из кути» или из-за зрителей) Атаман с разбойниками и окружают Купца с дочерью, громко крича и размахивая саблями.

Атаман (*громко и грозно*). Стой! Ни с места!

Купец стреляет из пистолета, но мимо.

Атаман. Сопротивляетесь напрасно, сдайся!

Купец бросает пистолет на пол.

Атаман (*обращаясь к разбойникам*). Взять его!

Разбойники бросаются на Купца и схватывают его за обе руки. Дочь Купца плачет.

Атаман. Немедленно и крепко обыскать!

Разбойники тщательно обыскивают Купца, находят пачку векселей и подают Атаману.

Атаман (*пересмотревши поданные бумаги, бросает их*). Это векселя! Ищите кредиту!

Разбойники снова обыскивают, находят деньги и подают Атаману.

Атаман. Вот это настоящий кредит! Теперь завяжите старику глаза, выведите на дорогу и отпустите, а эту красавицу отведите в мое подземелье.

Разбойники завязывают Купцу глаза и уводят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Вся шайка разбойников выходит на средину избы, становится вокруг Атамана и хором поют песню, обращаясь к хозяину той избы, где дается представление.

Песня

Ты, позволь, позволь, хозяин,
В нову горенку взойти!
Припев.
Ой, калина, ой, малина!
В нову горенку взойти!
В нову горенку взойти,
Слово вымолвити.
Припев [1].
Уж как нет ли здесь, хозяин,
У вас лишнего бревна?
Припев.
Есь найдется здесь оно,
Так мы вырубим его.
Припев.
Вырубим, выкинем, сожжем,
Пепел по ветру рассеем.
Припев.
Здравствуй, наш храбрый Атаман!

Атаман. Где ж вы запоздали?

Разбойники (*хором*).
Мы все песни распевали,
Себя веселили,
Других на страх наводили!

Атаман. Браво! Да у вас, как я посмотрю, прибыль есть?

Разбойники. Мы не дорогой шли,
Попутных нашли,
Они хороши нам,
Понадобятся и вам.

Атаман. Браво, браво, молодцы!

[1] С повторением каждый раз второй строки.

Атаман некоторое время как бы в глубоком раздумье расхаживает вдоль по полу, затем начинает разговаривать сам с собою.

Атаман. Как, бывало, брат да я
Заложим тройку удалую,
Едем, свищем, веселимся,
Никого на свете не боимся!
А теперь нас, молодцов,
Собралось со всех концов.
Какая разница в одежде,
В лицах и в народах;
Вот примерно вам Башкирец,
А вот кочующий Цыган,
Который рассуждает так:
«Зачем мне (быть) в лесе?
Я лучше буду у хозяина здеся!»
Теперь нас шайка удалая,
Всем вмиг мы жару поддадим;
Одно меня лишь огорчает:
Нет у меня храброго Эсаула...

ЯВЛЕНИЕ 5

Один из разбойников выходит из толпы, встает против Атамана, подбоченившись, и говорит.

Не звезда с небес свалилась,—
Пред вами Эсаул явился...
Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Я вижу, что ты, Эсаул, молодец!
Скажи, кто твой отец,
Какого ты роду-племени
И как тебя зовут по имени?

Эсаул. Не скажу, какого я роду-племени
И как меня зовут по имени,
Одно лишь только я и скажу,
Всю правду-истину докажу:
Вырос я во дремучем лесу,
А молился дубовому колесу;

Воспитывала меня львица
Своим львиным молоком,
Оттого я стал силен и храбр,
Не боюсь ни встречника,
Ни какого поперечника.
Когда я еду чистым полем —
С неба звезды хватаю;
А еду по крутым горам —
С холмов вершины толкаю;
Когда еду по дикой степи —
Из сыпучих песков облака поднимаю...
А теперь я рад служить вам,
Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Поди и приведи ту злосчастную девчушку, которая мое сердце заразила!

Преклонский *(кричит из толпы разбойников)*. И мое позагрязнила!

Атаман. Молчать!

Эсаул. Иду и приведу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Эсаул приводит, держа за руку, Ларизу, взятую в плен. Лариза падает на колени перед Атаманом, умоляюще протягивая руки.

Лариза. Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Лариза, будь моей женой!

Лариза. Нет, нет! Ты, Атаман, кровопийца,
А я невинная девица,—
Не могу быть твоей женою!

Атаман (*прельщает*).
Жалкая ты, несчастная девица,
Жалкая, бесталанная,
Сама не знаешь, чего отрицаешься.
Я осыплю тебя жемчугом,
Закую всю в золото,
Одену шелком и бархатом...
Лариза, будь моей женою!

Лариза.

Нет, нет, нельзя мне быть твоей женою!
Я... я невинная девица.
А ты, Атаман, корысти ради кровопийца.

Атаман. Отведите ее в мое подземелье, авось одумается.

Два разбойника берут Ларизу за руки и уводят со сцены.

Атаман (*запевает*).

Подайте мне, подайте
Вы тройку лошадей,
Я сяду и поеду
К любовнице своей...

Эсаул. Тройка готова, господин Атаман.
Лошади на козлах,
Хомуты на кучерах.
Кони рвутся, не стоят!

Атаман уходит. За сценой изображают отъезд: ржанье и топот лошадей, звон колокольчика.

ЯВЛЕНИЕ 7

Шайка разбойников остается одна без Атамана; держит себя вольнее; все располагаются как попало. Слышны крики некоторых: «Песню, песню! Запевайте песню».

Эсаул (*запевает*).

Атаман наш уезжал,
Приказанье отдавал.

Все остальные разбойники хором подхватывают припев.

Хор (*поет припев*).

Это верно, это правда,
Это правда все была!
Это верно, это правда
Приказанье отдавал![1]

Вы не воры, вы не плуты,
Не разбойнички;

[1] Припев повторяется после каждых двух строк. Часто употребляются и другие припевы.

Припев.

Вы ночные, не денные
Рыболовщички.

Припев.

Вы берите невода:
Все железные лома;

Припев.

Уж вы рыбушку ловите
Не по дням, а по ночам;

Припев.

Не по дням, а по ночам,
По сухим по берегам;

Припев.

По сухим по берегам,
По амбарам, сельникам.

Припев.

Мы у дядюшки Петра
Поимали осетра;

Припев.

Сивогривую кобылу
Да гнедого жеребца.

Припев.

А у дядюшки Луки
Поимали куль муки.

Припев.

Полведерочка винца
Да бочоночек пивца.

Припев.

Мы у дедушки Еремы
Осмотрели все хоромы —
Пусто!

За сценой слышен топот, шум и звон колокольчика, вернулся Атаман. Разбойники замолкают и ждут Атамана.

ЯВЛЕНИЕ 8

Атаман входит и ходит в глубокой задумчивости по сцене, напевая ту песню, которую запел уезжая. Разбойники стоят, сбившись в кучу.

Атаман (*поет*).

Приехал я, примчался —
И дома не застал;
В калитку постучался,
Сам грозно засвистал.
Старуха испужалася
Свисту моего.
«Чего ты напужалася,
Старая карга?
Мой свист грому подобен,
Боец я — молодец...
Сквозь сердца глядит,
А мечь-кладенец
Долго жить мне не велит.
Чего ж ты напужалася,
Старая карга?
А где же твоя дочка?
Подай ее сюда!»
Старуха напугалася,
Стоит — сама дрожит...
О смерти о старухиной
Разбойнику гребтит.
Я выколол ей очи
И вытянул язык.
И с той я темной ночи
Разбойничать привык...

Ходит несколько времени молча, затем вдруг останавливается и кричит: «Эсаул!»

Эсаул. Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Поди и приведи мне ту злосчастную девчушку, которая мое сердце заразила!

Преклонский (*из толпы остальных разбойников кричит*). И мое позагрязнила!

Атаман (*грозным голосом*). Молчать!

Эсаул. Иду и приведу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 9

Является Эсаул, ведя за собою Ларизу.

Лариза (*падает перед Атаманом на колени*). Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Лариза, будь моей женою!

Лариза. Нет! Ты, Атаман, кровопийца,
А я невинная девица,—
Не хочу быть твоею женою!

Атаман (*обращаясь к разбойникам, приказывает*). Гей, ребята! Спойте ей песенку!

Разбойники (*хором поют*).
Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой, росой?
Припев: Там за лесом, там за лесом...
Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой, слезой?

Атаман (*поет один*).
Жаль мне покинуть тебя, одинокую...
Певень ударил крылом, крылом.

Разбойники (*хором*).
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы, купцы.
Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху, меху...
Будешь ходить ты вся в злато залитая,
Спать на лебяжьем пуху, пуху.

Атаман (*подстает, и поют всем хором*).
За душу твою одинокую
Много я душ погублю, погублю...
Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю, люблю.

Окончив пение, разбойники рассыпаются.

Атаман (*обращаясь к девице*). Лариза, будь моей женою!

Лариза. Нет! Ты, Атаман, кровопийца,
А я невинная девица,—
Не хочу быть твоею женою!

Атаман (*приказывает Эсаулу*). Отведи ее в мое подземелье, авось одумается!

Эсаул берет за руку Ларизу и ведет ее вон.

Лариза (*в это время поет песню*).

Вы знавали ль мово друга,
Какой бравый молодец?
В белых перьях храбрый воин,
Отличался ото всех...

(Скрывается.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Атаман ходит по сцене в глубокой задумчивости, допевая ту песню, которую только что все они пели Ларизе.

Время! Ведите коня мне любимого,
Крепче держите его под усцы, усцы,—
Еду искать я бойца престрашимого,
Вы — на сторожу бойцы-удальцы.

Быстро уходит за сцену, садится на коня и уезжает.

ЯВЛЕНИЕ 11

Разбойники сидят и шепчутся между собою. Эсаул ходит по сцене.

Эсаул. Зарез-Головорез, становись на стражу!

Зарез-Головорез. Слушаюсь.

Встает с саблей наголо и стоит немного; затем ходит взад и вперед и говорит товарищам: «Господа, спеть ли вам песенку?»

Все (*кричат*). Спой, спой, умная голова!

Зарез-Головорез (*запевает*).

Шел я, катился,
Хотел я разжиться:
В возу посмотреть
Да руки погреть...

Хорошо ли, господа?

Все (*кричат вместе*). Хорошо, хорошо, умная голова!

Зарез-Головорез. Господа честные, спеть ли вам другую?

Все (*вместе*). Спой, спой, умная голова!

Зарез-Головорез (*поет*).

Хоша 6 пули в лоб летели,
А не трусить, не сдавать;
Хош руки, ноги отвертели—
Должон грабить, убивать...

Хороша ли песня, робята?!

Все (*вместе*). Хороша, хороша, умная голова!

Эсаул (*обращаясь к Зарезу-Головорезу*). Должно быть, ты из ученых?

Зарез-Головорез (*сердито*). А что тебе до моей ученности?

Уходит со сцены и не появляется долгое время до самого приезда Атамана. Разбойники собираются в кружок и поют песни.

ЯВЛЕНИЕ 12

Появляется Атаман. Разбойники быстро вскакивают и разбегаются по местам. Атаман ходит по сцене взволнованный, быстрыми шагами.

Атаман. Как зверь кровожадный,
Ночью прохладной
Рыскал я по полям и долинам,
По дорогам и тропинкам,
По лесам и равнинам:
Никого нет здесь в лесах,
Один месяц светит в небесах—
Опасности нет никакой...
(*Кричит.*)
Преклонский!

Преклонский (*отвечает из толпы*). Что прикажешь, Атаман?

Атаман. Дай мне водки
Для смочения глотки.

Преклонский. Сей момент, господин Атаман.

Подходит к Атаману, держа в одной руке бутылку зеленоватой настойки, в другой—стакан «от гривенника», и наливает и, подавая, говорит.

На, выпей, Черный Ворон,
Залей свое темное горе.
Эта водка
Не царапает глотку.

Атаман (*выпивает сразу весь стакан и говорит*). А где ты взял ее, мерзавец?!

Преклонский (*поет*).

Лишь я вышел на дорогу,
Показался там мужик;
Сердце грянуло тревогу,
Побежал к нему я вмиг...
(Останавливается.)

Атаман. Что же ты сказал ему, каналья?

Преклонский (*поет*).

Не сказал ему ни слова:
Хлоп по морде кистенем!
А сам выхватил бутылку,
Побежал — и был таков...

За сценой шум и смятение, слышен громкий разговор.

ЯВЛЕНИЕ 13

На сцену вбегает, запыхавшись, Зарез-Головорез и кричит.

Зарез-Головорез. Опасно, нас кто-то ищет!

Все затихают. Издали слышен постепенно приближающийся голос, поющий песню.

Песня

Прости-прощай, страна родная,
Прощайте, милые друзья,
Благослови меня, родная,
Иду, быть может, на смерть я.
Быть может, меткая винтовка
Из-за куста меня сразит;
Быть может, шашка проклятая
Вмиг мой череп разразит.
Не буду пули я бояться,

Я буду весело сражаться
С молитвой верной и святой,
С нечистой силой проклятой...

ЯВЛЕНИЕ 14

Вместе с последними словами песни вооруженный Рыцарь с обнаженной шашкою выскакивает на середину избы и кричит.

Рыцарь.

Прочь вы, дерзкие разбойники
Или пресмыкающие черти,
Или не видите пред собою отверстые врата ада?
Лютая смерть будет вам всем награда!
Будете каяться, да поздно.
(Размахивает обнаженною шашкою.)

Разбойники все расскакиваются в разные стороны. Продолжая размахивать шашкою, Рыцарь подходит к Атаману и говорит.

Рыцарь.

А ты что, гнусный повелитель?
Чего ждет твоя преступная душа,
Душа, заклейменная позором?
Давно ждет палач твоей преступной головы.
Скажи, куда сокрыл мою невесту?

Атаман (*насмешливо*). Она — там.

Рыцарь. Где там, исчадие ада?

Атаман. Там, где не достанет ее власть твоя.

Рыцарь (*взбешенный*). А, ты так!.. Защищайся! Разражу твою крокодилову голову! *(Поднимает шашку и бросается на Атамана.)*

Атаман (*держа шашку в левой руке, правой выхватывает из-за пояса пистолет, делает выстрел и кричит*). Друзья, в сечь!

ЯВЛЕНИЕ 15

Выскакивают с разных сторон разбойники с обнаженными шашками и кричат: «Бей его!», «Стреляй!», «Руби!»
Но Атаман уже нанес Рыцарю смертельный удар, и Рыцарь падает мертвый. Разбойники окружают его и, видя, что он уже мертв, запевают хором песню.

Наш Атаман в красной рубашке,
Он не делает промашки...
Раз делу, раз! Раз делу, раз!..

Атаман (*кричит*). Эсаул!

Эсаул. Чего изволите, господин Атаман?

Атаман. Подходи ко мне смелей,
Говори со мной резвей,
Не подойдешь ко мне скоро,
Не скажешь резво —
Усы твои оборву,
В грязь тебя затопчу,
Двадцать пять горячих вкачу!..
Карать тебя я буду!

Эсаул. Карать ты меня не можешь!

Атаман. Карать тебя не буду,
Служи верно — не забуду,
За службу награжу.
Иди и приведи ту злосчастную девчонку,
Которая мое сердце заразила.

Преклонский (*кричит из толпы*). И мое позагрязнила!

Атаман (*кричит*). Молчать!

Эсаул уходит за Ларизой.

ЯВЛЕНИЕ 16

Атаман и все разбойники собираются у тела убитого Рыцаря, осматривают и трогают его, но он уже мертв. Убедившись в его смерти, затягивают песню.

Ты кончил, несчастный, свой несчастный век,
Лежишь бездыханен, повержен в крови,
Теперь затмилася слава твоя,
И ты не увидишь невесты своей...

ЯВЛЕНИЕ 17

Входит Эсаул, держа за руку Ларизу. Увидев ее, разбойники продолжают петь песню, обращаясь к ней.

Жалкая дева, приди, посмотри
На хладное тело любимца свово!
В последний простися и прах вспомяни,
И с горькой слезою забудь о любви...

Лариза подходит к мертвому Рыцарю, опускается на его тело с громкими рыданиями; украдкой вынимает из-за пояса у Рыцаря кинжал, встает на колени и говорит, обращаясь к Атаману.

Лариза. Атаман-кровопийца,
Вот я, невинная девица,
Если тебе мало одной жертвы —
Вот тебе другая!

(Вонзает кинжал себе в грудь и падает на тело Рыцаря.)

Атаман (*кричит*). Друзья, спасите ее!

Все бросаются к ней, но она уже лежит мертвою.

Все (*кроме Атамана запевают хором).*
Нет, поздно! Нет, поздно! Убила себя
И тем доказала, что любит его,
И смерть соединила их своим венцом,
А кольцом обручит их Всевышний Творец.

Атаман *(кричит).* Эсаул!

Эсаул. Чего изволите, господин Атаман?

Атаман. Убрать это тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы черви не точили,
А мою душу черти не тащили.

Разбойники *(схватывают тела умерших за руки и за ноги и тащат вон с припевом).*

Потащили душу в рай,
В рай, таки в рай!
Так и надо, чтобы в рай!
В рай, таки в рай!

Пошла душа в рай,
Задела за край,
Хвостиком завиляла...
Так и надо, чтобы в рай,
В рай, таки в рай!

После выноса тела Атаман становится печальным и, повеся голову, ходит взад и вперед. Все затихают. Атаман приходит «в забвение» и говорит каким-то невнятным голосом.

Атаман. Все пропало... все умерло... и деньги... и любовь.

ЯВЛЕНИЕ 18

Возвращаются разбойники, убиравшие трупы, и обращаются к Атаману.

Все исполнено, господин Атаман!

Атаман (*как бы очнувшись*). Что? Что такое?

Разбойник.

Тела земле предали,
Чтобы сверх земли не тлели,
Чтобы черви не точили,
А твою душу черти не тащили.

Атаман. Молодцы, ребята! Получите награждение!

Прохаживается еще несколько раз и говорит.

А что,—нам ведь очень недорого это место.
А мы по свету пойдем,
Так и лучше найдем!..

Разбойники (*радостно подхватывают припевом*).

Уж мы лучше найдем,
Да получше найдем!..

Атаман (*кричит*). В поход, друзья!

Все (*радостно кричат*). В поход! В поход! Собирайсь в поход!

ДЕЙСТВИЕ II

Все собираются, усаживаются на пол в виде гребцов лодки. Атаман ходит посредине; гребцы гребут, помахивая руками и раскачиваясь в такт.

ЯВЛЕНИЕ 1

Атаман расхаживает несколько времени; гребцы усиленно гребут.

Атаман. Еду, еду — не свищу,
А наеду — не спущу!
По белу свету рыщу,
Себе добычи ищу.

Смотрит пристально вдаль в кулак, как бы в подзорную трубку, и говорит.

А вот и Волга перед нами!

Начинается суматоха, все пересаживаются по бортам лодки. На средину к Атаману выходит и Эсаул. Гребцы усерднее размахивают руками и раскачиваются из стороны в сторону, как будто лодку сильно бросает волнами.

Атаман. Что же вы, товарищи, приумолкли? Запевай любимую!

Хор разбойников.
Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой
Взбушевалася погода,
Погодушка немалая.
Эх, течет речка волновая...

Атаман (*кричит*). Эсаул!

ЯВЛЕНИЕ 2

Эсаул (*подходит*). Чего изволите, господин Атаман?

Атаман.
Сойди на шлюпку
И погляди в подзорную трубку,
Чтобы нам, добрым молодцам, не сесть бы где на мель
И не ударить бы судно наше о камень.

Эсаул. Слушаю-с, господин Атаман!

Уходит на нос лодки и делает вид, что смотрит в разные стороны в подзорную трубку. Затем докладывает.

ЯВЛЕНИЕ 3

Эсаул (*кричит*). Смотрю, гляжу — и вижу!
Атаман. Что ты там видишь? Ни... не видно.
Разбойники (*поют хором*).

Ничего в волнах не видно,
Только видно легку лодку;
Легка лодочка далеет,
На гребцах шляпы чернеют...

ЯВЛЕНИЕ 4

Атаман (*кричит*). Эсаул!
Эсаул (*подходит*). Что угодно, господин Атаман?
Атаман. Сойди на шлюпку,
Погляди в подзорную трубку:
Чтобы нам, добрым молодцам, не сести где-нибудь на мель
Или не удариться бы где-нибудь дном об камень.

ЯВЛЕНИЕ 5

Эсаул уходит на нос и внимательно смотрит во все стороны.

Смотрю, гляжу и вижу!
Атаман. Что ты видишь?
Эсаул. На море чернедь!
Атаман (*как бы не расслышав, с досадою*).
Какие там черти?
В полях черви,
В горах черти,
В лесу сучки,
В городах полицейские крючки —
Я их не боюсь,
А попадутся, так по-своему расплачусь!
Разбойники (*продолжают песню*).
Сам хозяин во наряде,
Он во бархатном кафтане,
Он во плюсовой рубашке,
В черной шляпе с прозументом...
Атаман (*кричит*). Эсаул!

ЯВЛЕНИЕ 6

Эсаул (*подходит*). Что прикажете, господин Атаман?
Атаман. Пойди на мою атаманскую шлюпку,
Погляди в подзорную трубку,
Чтобы нам, добрым молодцам, не сесть бы где на мель.
Не удариться бы судном о камень.

ЯВЛЕНИЕ 7

Эсаул (*уходит на нос лодки*). Слушаю-с, господин Атаман!
Атаман. Смотри, братец, верней,
Сказывай смелей!
Эсаул. Смотрю, гляжу и вижу!
Атаман. Что ты видишь?
Эсаул. Вижу на море колоду!
Атаман (*сердито, как бы не расслышав*).
Вишь, проявил чертову моду!
Какой еще там воевода?
Я сам при поле — пан,
При Волге — славный Атаман:
Корабли разбиваю,
Тем деньги наживаю...
Смотри верней,
Сказывай живей!
Эсаул (*докладывает*). Смотрю, гляжу и вижу!
Атаман. А что ты видишь?
Эсаул. Вижу — близко к берегу село!
Атаман (*радостно*).
Так давно бы ты нам и сказывал про него,
А то у наших молодцов и так животики подвело.
Приворачивай, ребята!
Разбойники (*радостно поют хором*).
Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку...

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Лодка причалила. Все встают, разминаются и отряхиваются.

Атаман (*кричит*). Эсаул!

Эсаул (*подскакивает к Атаману*). Чего изволите, господин Атаман?

Атаман (*грозно*).

Подходи ко мне смелей,
Говори со мной резвей!
Не подойдешь смело,
Не скажешь резво —
Усы тебе оборву,
В грязь затопчу,
Двадцать пять горячих закачу —
Карать тебя я буду!

Эсаул *(отскакивает).*

Карать ты меня не можешь!

Атаман. Карать я тебя не буду,
Служи верно — не забуду!
Становись впереди
И нас всех за собой веди.

Эсаул. Рад стараться, господин Атаман!

Атаман (*запевает веселую песню*).

Среди этой деревни
Богатой мужик живет;
Богатой мужик живет
И давно нас в гости ждет...

Разбойники (*хором подхватывают*).

Мы пойдемте до него,
Погостимте у него...

ЯВЛЕНИЕ 2

Во время пения этой песни все играющие понемногу подвигаются из кути в передний угол и там останавливаются, продолжая пение.

Уж ты здравствуй, брат хозяин,
Мы к тебе в гости пришли!

Хозяин. Здравствуйте, господа честные!

Разбойники (*поют*).

Ты позволь, позволь, хозяин,
В нову горенку взойти;
В нову горенку взойти,
Слово вымолвити!
Уж как нет ли здесь, хозяин,
У вас лишнего бревна?
Если есть у вас оно,
Давай вырубим его!
Ты, хозяин, нас встречай
Да побольше угощай!..

Хозяин. Милости просим, господа разбойники!

Разбойники всей гурьбой садятся за стол в переднем углу, кроме Атамана.

Атаман. Вы, ребята, здесь гостите,
До меня не уходите.

(Делается грустным и задумчивым; ходит по избе, повеся голову.)

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ

Действующие лица:

1. Трактирщик, лет 40.
2. Жена трактирщика, лет 30.
3. Барин, лет 25.
4. Староста, лет 60.
5. Афонька, малый лет 20.
6. Атаман, лет 40.
7. Есаул, лет 30.
8. Девица.
9. Рыцарь.
10. Доктор.
11. Разбойники.

Действие происходит на постоялом дворе с трактиром.

Трактирщик.

Эй, жена моя, трактирщица,
Чисти ножи и вилки,

Выноси на стол графины и бутылки,—
Я жду к себе гостя тороватого,
Из себя щеголеватого,
Я буду с ним пить, выпивать
И хочу его на несколько... обсчитать.

Трактирщица (*становит на стол*). Все готово.

Барин (*заходит*). Фу, черт возьми мою коляску,
Все четыре колеса!
Ехал шагом — запылился,
Как на тройке прокатился...

Эй, трактирщик, есть ли у тебя такая свободная комната, в которой бы я мог поместиться со своим имуществом, которого при себе не имею.

Трактирщик. Есть, есть, барин, рядом с буфетом, самая что ни на есть петербургская.

Барин. Это хорошо. Эй, трактирщик!

Трактирщик. Что угодно, барин?

Барин. Шáтур-мáтур есть?

Трактирщик. Сколь угодно, барин.

Барин. А алафим?

Трактирщик. Тоже сколь угодно, барин.

Барин. Сколько стоит бутылка шампанского?

Трактирщик. Двадцать пять рублей.

Барин. Как?!

Трактирщик. Пять рублей.

Барин. Эй, трактирщик, налей-ка мне стакан холодной воды.

Трактирщик. Что вы, барин, с дорогих-то вин да на холодную воду!

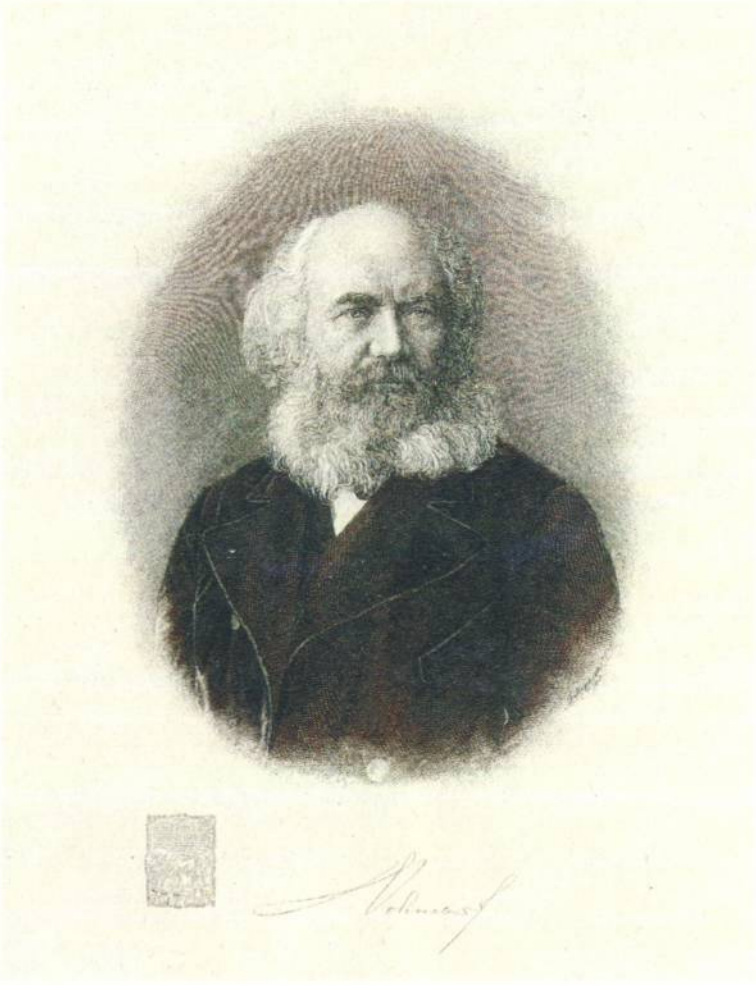
Барин. Молчать! Я в том трактире прокутился, а здесь хочу выпить стакан холодной воды.

Трактирщик. Извините, барин. У всякого чинá бывает всячинá. (*Наливает воду.*)

Барин. Эй, трактирщик, подай-ка мне мыльницу и туалет, с дороги помыться и побриться хорошо.

Трактирщик. Что вы, что вы, барин,— мыльный пистолет... Да не стреляться ли хотите?

Барин. Как, что?



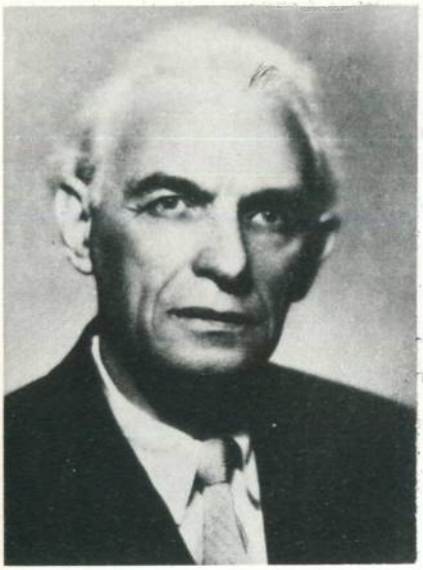
1. Д. А. Ровинский (1824—1895) — собиратель и исследователь русского лубка. Гравюра резцом Ф. А. Меркина. 1876

2. Участники экспедиции в д. Шокшозеро Ленинградской обл. Слева направо: Н. А. Никитина, Е. М. Могилянская (?), Н. Е. Ончуков, И. М. Калинин. Фото 1928 г.

3. И. А. Зайцев (1863–1936) – народный кукольник (номер «Чревовещание»). Москва. Фото 1934 г.

4. П. Г. Богатырев (1893–1970).
Фото 1960-х гг.

5. В. Ю. Крупянская (1897–1985).
Фото 1950-х гг.



6. П. Н. Берков (1896–1969).
Фото 1950-х гг.

7. В. Н. Всеволодский-Гернгросс
(1882–1962).
Фото 1930-х гг.

8. Ряженые – святочное вождение «козы».
Ст-ца Анастасиевская, Краснодарский край.
Фото 1989 г.

9. Ряженые – «вожак с медведем».
Д. Климово, Горьковская обл.
Фото 1962 г.

10. Ряженые — «супруги».
Д. Климово, Горьковская обл.
Фото 1960 г.

11. Т. М. Малышев в роли Марса
из народной драмы «Царь Максимилиан».
Д. Климово. Горьковская обл. Фото 1962 г.

12, 13. Сцены из народной драмы
«Царь Максимилиан» в постановке
студентов филологического факультета МГУ.
Фото 1967 г.

14. «Что затуманилась, зоренька ясная».
Хромолитография. 1897

15. Шайка разбойников атамана Радича,
или Черного Ворона, поет песню.
Литография. 1845

Въ низъ матушки повольги въ низъ
Пошироколу раздолью въ звушекалась.
Погода погодушка верховая волюбая
Немево въ волнахъ невидно только видно
Адну лодку красная лодочка
Краснеитъ нашей парусы белеютъ.
Нагребцахъ шляпы чернеютъ
Кушачки та зеленеютъ.
Сямъ Хозяинъ возворлуе вокарличневомъ
Кафтане въ черномъ бархотномъ картузе.

Дозволено Цензурою. Москва 21 Іюня 1878 г.

Какъ возговаритъ Хозяинъ.
Придарима та рябята въ низъ
Поматушки повольги пошироколу.
Раздолью къ Катерининому подворью.
Какъ Катерина
Нечесила книмъ
Навстречу выходила
Такую речь говорила
Непротекайся Хозяинъ въ чемъ
Сидела въ томъ вышила.

Авт. В. В. Пономарева Нижегор. губ. Княгинин. пер. д. Глуховой

16. «Вниз по матушке по Волге».
Металлография, раскраска.
1878

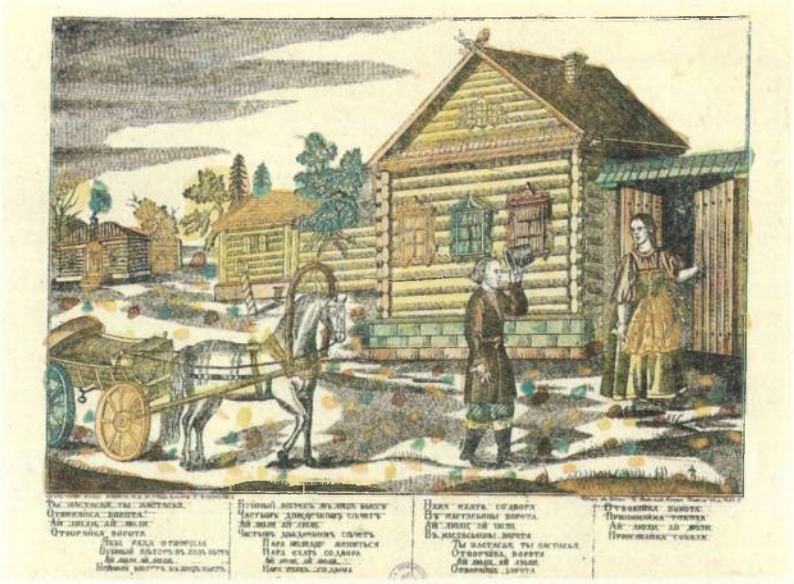
19. Бова и Полкан.
Гравюра на меди, раскраска.
1830-е гг.

20. Апика-воин и Смерть.
Металлография, раскраска.
1889

Дозволено цензурою. Москва 22 января 1883г. **Сильный и Славный Храбрый Воинъ Аника.** Литография Васильева въ Москвѣ.

Почистому полю разъезжаетъ противника себѣ вызываетъ, Придетъ къ нему смерть и рече ему О человѣче я пришла погубить тя, Аника воинъ на нее оглядется и смысленной отвѣчаетъ что ты за баба что за птица я тебя нищобъ и бронной косы твоей не страшусь я семь Храбрый воинъ Аника много повоевавъ королей, и сильныхъ могучихъ богатырей. А ты что да я пришла погубить тебя, вдругъ почувствовалъ Аника что силы его изнемогаютъ и помолился ей О смерти мати моей дай мнѣ сроку на годъ, отвѣчаетъ ему смерть нетъ тебѣ и на полгода и проситъ Аника на три месяца наддетъ смерть ему и на три недели, стала просить Аника на три дня О смерти мати моя дай время раздать и менѣ умения много злата серебра и каменьевъ драгоценныхъ и рече ему смерть, ты и весь много время живши на свѣтѣ почему же не дѣлался съ вѣками не дамъ тебѣ ни на три часа, и стала просить Аника на три часа Богу помолится нетъ тебѣ и на три минуты и подкося его смерть, и спалъ съ коня Аника и умре.

21. «Ты Настасья, ты Настасья».
Металлография, раскраска. 1857



22. «Гусар, на саблю опираясь».
Металлография, раскраска. 1862

Трактирщик. Извините, барин, ослышался.

Барин. Эй, трактирщик, не приехал ли сюда староста?

Трактирщик. Приехал, барин, приехал: семь дней, чуть не неделя.

Барин. Что ж мне раньше не сказал?

Трактирщик. Да я вас дома не застал.

Барин. Позвать его сюда.

Староста (*входит*).

Тпру, тпру!
Кол тебе в шею!
Под гору бежит,
А в гору лежит.
А из грязи
Хоть сам вези.

Ох, здравствуйте, батюшка-барин!

Барин (*поворачивается*). Здравствуй, почтенный старичок, откуда же ты и кто такой?

Староста. Да я ваш сельский староста, батюшка-барин,— вот уж двадцать лет вашей милости служу.

Барин. Э, Севастьян, не стал узнавать своих крестьян. Вот что, Староста, собрал ли ты с моих крестьян оброк?

Староста. Собрал, батюшка-барин, собрал.

Барин. А с кого и сколько?

Староста. А с Фомки грош
Да с Еремки грош,
А с вора Варфоломейка
Одна медная копейка.

Барин. А с него что всех меньше?

Староста. Да он гол, как бес,
По семь суток хлеба не ест,
А детей-то у него —
В мою шляпу не уложишь.

Барин. А ну-ка, подай сюда отчет.

Староста. Да, батюшка-барин,
Я ехал к вам с отчетом,
Дождь-то был секучий,
Мороз-то был трескучий,
Я зашел в первый кабачок,

На фомкин грош выпил,
На еремкин закусил,
А на вора Варфоломейка
Медную копейку
Нюхательного табачку купил,—
Не угодно ли понюхать?

Барин. Прочь, болван! Ты сам знаешь, что я не нюхаю, а курю... А, Староста, стоит ли моя мельница на семидесяти семи поста́вах?

Староста. Да какой ее черт там поставил,—там стоит одна конотопка.

Барин. Как?

Староста. Стоит, батюшка-барин, стоит.

Барин. Сколько она в год дает прибыли?

Староста. Семьдесят пять четвертей с восьминой
Да двадцать пять чертей за спиной.

Барин. Как?

Староста. Семьдесят пять четвертей с восьминой
Да семьдесят пять рублей с полтиной.

Барин. Хорош ли был урожай в моей вотчине?

Староста. Хорош, батюшка-барин, хорош.

Барин. И как же хорош?

Староста. А колос от колосу—
Не слыхать человечьего голосу.

Барин. Как?

Староста. Колос от колосу—
Некуда яблочку пасть.

Барин. Так часто было и снопов?

Староста. А сноп от снопа,
Как черт от попа.

Барин. Как?

Староста. Сноп от снопа—
Некуда пешему пройти.

Барин. Так, значит, густо было и бабок?

Староста. Густо, батюшка-барин, так густо, что бабка от бабки—на худой кобыле в неделю не доехать.

Барин. Как?

Староста. Так, что на тройке негде завернуться.

Барин. А что же вы из этого хлеба делаете?

Староста. Да, конечно, пиво варим, батюшка-барин.

Барин. А хорошо ли ваше пиво?

Староста. Хорошо, батюшка-барин, хорошо.

Барин. А как же хорошо?

Староста. А вот так хорошо:

Как стакан нальешь
Да раз двадцать по спине оплетешь,
Так за шампанское выпьешь.

Барин. А хорошо ли мои крестьяне в вотчине живут?

Староста. Хорошо, батюшка-барин, хорошо.

Барин. А как же хорошо?

Староста. Да в семи дворах один топор, да и тот без топорища.

Барин. Как?

Староста. В семи дворах по семи топоров.

Барин. А что же они этими топорами делают?

Староста. А, конечно, дрова рубят, батюшка-барин.

Барин. А как же они рубят?

Староста. Один человек дрова рубит,
Пять человек в трубу трубят,
А остальные под кустом лежат
И длинные трубочки покуривают.

Барин. Как?

Староста. Семь человек дрова рубят,
Один в трубу трубит,
А остальные подваливают.

Барин. А вот что, Староста, жива ли моя бабушка?

Староста. Да нет, батюшка-барин,
Она в верхнем этаже сидела, пряла
И оттудов пала
И пропала, проклятая.
(*Спохватившись.*) А вот, батюшка-барин, я вам от мира сего рапорт привез.

Достает бумагу, Барин принимает бумагу и читает.

Барин. А вот что, Староста, здесь в рапорте упомянуто, что при моем отъезде на столе остался перочинный ножик,— вы его сломали?

Староста. Сломали, батюшка-барин, сломали.

Барин. А как же вы его сломали?

Староста. Да с твоего любимого виноходца с головы кожу сдирали, тут его и сломали.

Барин. А разве мой любимый иноходец сдох?

Староста. Да, помер, батюшка-барин, от божьей милости.

Барин. А вот что, Староста, как же ты говоришь, что любимый иноходец помер от божьей милости, а бабушка пала и пропала, проклятая?

Староста. Извините, батюшка-барин. Это к слову подошло.

Барин. А вот что, Староста, достань-ка мне стакан водки алой.

Староста. Да у вас на то есть Афонька-малый,—
Вот вам хомут и дуга,—
А я вам больше не слуга. *(Уходит.)*

Барин *(в окно)*. Афонька-малый!

Афонька. Что изволишь, барин пьяный?

Барин. Как?

Афонька. Барин славный.

Барин. Афонька-малый!
Налей-ка мне стакан водки алой.

Афонька. А где ж я ее взял?

Барин. Да, конечно, там, у Марьи Ивановны в поставе.

Афонька. Да какой ее там черт оставил?

Барин. Ну, ищи во втором.

Афонька. Я и так обежал кругом.

Барин. Ну, ищи в третьем.

Афонька. Да там стоит черт с плетью.

Барин. Да куда ж вы ее дели?

Афонька. Конечно, выпили.

Барин. Да где ж вы ее выпили?

Афонька. Конечно, у Марьи Ивановны.

Барин. А хороша ли моя Марья Ивановна?

Афонька. Хороша, барин, хороша.

Барин. А как же хороша?

Афонька. Да как набелится,
Да как нарумянится,

Да черной сажей намарается,
Так ее сам черт не признает.

Барин. Как?

Афонька. Как в огороде мак.

Барин. А хорош ли я?

Афонька. Хорош, барин, хорош.

Барин. А как же хорош?

Афонька. А так, что на всех чертей похож,—
В этом бы сюртуке
Быть бы на чердаке,
А не в комнате.

Барин. Как?

Афонька. Как алый мак.

Барин. Хорошо ли моя шашка висит?

Афонька. Как у старого кобеля хвост торчит.

Барин. Как?

Афонька. Как у заграничного генерала.

Барин. Афонька-малый!

Афонька. Чего угодно, барин пьяный?

Барин. Как?

Афонька. Барин славный.

Барин. Напоил ли ты моего коня?

Афонька. Напоил, батюшка-барин, напоил.

Барин. А зачем у него губа-то суха?

Афонька. Да, барин, прорубь высока.

Барин. Да ты бы ее подсек.

Афонька. Да я, барин, и так все четыре ноги отсек.

Барин. Да ведь ты же коня-то извел!

Афонька. Я, барин, и так на конюшню свел.

Барин. Ты бы привязал к овсу.

Афонька. Я и так, барин, подтянул к кольцу,—и теперь висит.

Барин. Афонька-малый, где ж ты находился?

Афонька. Я на овине сушился.

Барин. А если б ты загорелся?

Афонька. А я бы вышел да согрелся.

Барин. Да где ж ты скитался?

Афонька. Я на лодочке катался.

Барин. Велика ли ваша лодочка?

Афонька. Велика-то не велика, а человек сорок влезет.

Барин. Кто у вас был управитель?

Афонька. Руль.

Барин. Да кто был установитель?

Афонька. Якорь.

Барин. Да кто у вас был заверяло?

Афонька. Парус.

Барин. Да кто у вас был всех выше?

Афонька. Мачта.

Барин. Да я у тебя спрашиваю — кого вы слушали?

Афонька. Самого друга Атамана.

Барин. Так бы ты и говорил. А можно видеть вашего Атамана?

Афонька. Можно-то можно,
Но только осторожно...
Кружись, небо и земля,
Явись, шайка разбойников, сюда!

Оба уходят. Является Атаман, громко говорит.

Атаман. Тише, чертова дружина,
Меньше бы водки пили,
Не столько бы шуму было.
Я пылаю, низвергаю,
С неба звезды я срываю.
Упала звезда с небес
И осветила вольный свет,
Я, сам Атаман,
Явлюсь, как буря, здесь.
Эй, вы, друзья мои военные,
Ваши бронзы бесполезные.
Вы знаете то,
Что в раю мне места не прибавят,
В аду мне места не убавят.
Чем нам лезть там,
Я буду при Волге Атаман,
Буду грабить и убивать
И тем богатство наживать.

Эй, мой верный Есаул,
Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
А то в грязь втопчу,
Пополам порву,
Закачу тебе двадцать пять,
Мало того — сто.
Пропадет твоя служба ни за что!

Есаул. Что, что друг Атаман,
Так грозно призываете,
Али каких работ повелеваете?

Атаман. Устроить мне косную лодку, чтобы от берега до берега перелетала вмиг, как птица.

Есаул. Эй, любезная наша шайка, по приказанию Атамана устроить косную лодку, чтобы от берега до берега перелетала вмиг, как птица.

Шайка *(все вместе)*. Готова, друг Есаул.

Атаман. Эй, мой верный Есаул, готова ли косная лодка?

Есаул. Готова, друг Атаман.

Атаман. Эй, гребцы, садись по бокам,
Весла на борт,— раз!
Перчатки на руки,— два!
А ты, Есаул, запевай мою любимую песню.

Есаул. Об этом, друг Атаман, побеспокойтесь сами.

Атаман *(запевает)*.

Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой
Поднималась мать погода,
Погодушка немалая.
Немалая, валовая.
Ничего в валах не видно,
Только видно, только слышно,
Бежит лодочка косная,
Что косная лодка,
Разгребная.
В этой лодочке косной
Атаман по ней гуляет,
Разбойничков наряжает:

«Гряньте, гряньте-ка, ребята,
Погребайте, молодые...»

Атаман. Эй, мой верный Есаул!
Скоро едем, ничего не видим.
Не разбить бы нам косную лодку
И не осесть бы нам, добрым молодцам,
На дно глубокое.
Ставай на шлюпку
И смотри в мою подзорную трубку
Или в свой обширный кулак.

Есаул *(встает и смотрит)*. Вижу, друг Атаман.

Атаман. Чего видишь?

Есаул. Корабль.

Атаман. Какой, военный или купеческий?

Есаул. Конечно, купеческий.

Атаман. Нельзя ли нам на него напасть?

Есаул. Да оно можно, но только осторожно.

Атаман. Почему это так?

Есаул. Потому что на нем вижу много мелких пуль и крупных ядер.

Атаман. Фу, черт возьми! Ты сам знаешь, что я мелкие пули духом отдуваю, а крупные ядра в руки принимаю. Смотри, брат, верней!

Есаул. Вижу, друг Атаман.

Атаман. Чего видишь?

Есаул. Чернеть.

Атаман. Ах, ну и черт же тебя и всех побери!
Ты сам знаешь, что в воде черти, в земле черви,
В лесах сучки, а в городах полицейские крючки,
Все нас, добрых молодцов, хотят поймать, сковать
И в ссылку в Сибирь сослать.
Но мы этого не боимся,
В столичные города заберемся,
Попьем и погуляем,
И карманы понабиваем,
Смотри, брат, верней!

Есаул. Вижу, друг Атаман.
Атаман. Чего видишь?
Есаул. Впереди лежит колода.
Атаман. Я сам теперь воевода,
Был в Италии, был и далее,
Был и там, а теперь при Волге Атаман.
Буду грабить, убивать
И тем богатство добывать.
Не страшна нам Волга волнами,
А страшна берегами.
Смотри, друг, верней!
Есаул. Вижу, друг Атаман.
Атаман. Чего видишь?
Есаул. Вижу остров: на берегу богатое село.
Атаман. Эх, недаром у нас бока-то подвело,—
Приворачивай в него.

Все поют на мотив «Вниз по матушке по Волге».

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережку,
Ко желту мелку песочку,
Ко Еленину подворью.
Еленушка выходила,
Графин водки выносила,
Два стакана наливала,
Атаману подавала.
Елена *(выходит, наливает, напевая).*
Не прогневайся, хозяин,
В чем ходила, в том и вышла:
В белой тоненькой рубашке,
В кумачовой телогрейке.
Атаман. Эй, друзья, нет ли по пути какой добычи?
Есаул. Эй, друг Атаман,
По чистому полю едет карета,
В этой карете сидит девица,
Распевает, словно райская птица.
Атаман. Эй, друзья, в погоню!

Все разбегаются.
Через некоторое время Есаул приводит Девицу, которая встает перед Атаманом на колени.

Атаман. Встань, встань, красная девица, скажись, чья ты, откуда и кто такая.

Девица. Мы с папашей ехали из Астрахани, на нас напали злые разбойники, моего папашеньку убили, а меня в плен взяли.

Атаман. Это хорошо... Не пойдешь ли ты за меня замуж, красная девица?

У меня есть для тебя
Кофточка золотом шитая,
Шуба на лисьем меху.
Будешь ходить ты бархатом одетая
И спать на лебяжьем пуху.

Девица. Ах вы, дерзкие разбойники! Вы еще и тем недовольны, что моего папашеньку убили, а меня в плен взяли. Прочь! Я хочу на волю.

Атаман. Цыц, цыц, дерзкая девица. Я заставлю тебя замолчать. *(К Есаулу.)* Эй, мой верный Есаул, не хочешь ли жениться?

Есаул. Что вы, что вы, друг Атаман, рад бы я женился и на семидесятилетней старушке, да и той для меня нет.

Атаман. Зачем тебе жениться на семидесятилетней старушке, коли у нас есть девица семнадцати лет.

Есаул. Да ведь она за меня не пойдет.

Атаман. Взять ее в наше подземелье!

В это время появляется Рыцарь, разыскивающий сестру.

Рыцарь. Ах вы, дерзкие разбойники, куда вы девали мою сестру Раису?

Атаман *(указывает в сторону подземелья)*. Она там, она там, где и власть ваша.

Рыцарь *(выступая вперед)*. Кто похитил мою сестру Раису, выходи со мной биться на шпагах, на дуэль!

Атаман. Прежде чем сражаться, нужно вывести ту девицу, с которой он мог бы проститься.

Приводят Девицу. Рыцарь берет ее за руку и прощается.

Рыцарь *(поет).*

Прощай, страна моя родная,
Прощайте, милые друзья,
Благослови меня, родная,
Быть может, на смерть иду я.
Бывает, меткая винтовка
Из-за куста сразит меня.

После этого Есаул и Рыцарь выходят на середину, отступают друг от друга и по знаку, данному Атаманом, сбегаются. Рыцарь сносит Есаулу голову.

Атаман. Ах, как ты, дерзкий, посмел убить моего верного человека!

Рыцарь. Я за то его убил, что он насильно взял мою сестру Раису замуж.

Атаман. Выходи и со мной на дуэль, будем биться, драться, в шашки острые играть.

Рыцарь. Жги огнем, рази мечом — я не из трусливых!

Рыцарь и Атаман расходятся и быстро сбегаются. Атаман ранит Рыцаря.

Атаман. Эй, любезнейшая наша шайка, нет ли у нас такого человека, который мог бы эти тела лечить?

Один из разбойников. Есть санпетербурской.

Атаман. Позвать его сюда!

Является Доктор.

Атаман *(обращаясь к Доктору).* Кто вы такие и можете ли эти тела лечить?

Доктор. Я не русский, не французский,
Сам я доктор петербургский.
Лечу на славу,
Хоть Фому, хоть Савву,
Чирьи вырезаю,
Вереда вставляю,
На тот свет отправляю.
Я хорошо лечить умею
И уморить тотчас поспею.
Этим телам для припарки
Сенной трухи поднести

Да раз десять кнутом оплести,—
Вот и выздоровеют.

Делает вид, что перевязывает раны.

Атаман. Любезнейшая наша шайка, нужно отдать последнюю похоронную честь нашему дорогому Есаулу.

Разбойники поднимают Есаула на руки, уносят его и при этом поют, а Атаман стоит задумавшись.

Песня разбойников

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.

Припев.

Все тучки, тучки принависли,
И с моря пал туман,
Скажи, о чем задумал,
Скажи, наш Атаман,

Носилки не простые —
Из ружей сложены
И поперек стальные
Мечи положены.

Припев.

На тех мечах могучий
Разбойник молодой.
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.

Припев.

Из ран его тяжелых
Ручьями кровь течет.

До места доходили,
Сказали: «Братцы, стой!»

Припев.

Все дружно принимались
Могилу братцу рыть.
Повырыли могилу
На крутом на бережку,
На крутом бережочке,
В желтом мелком песку.

Припев.

«Лежи, наш товарищ,
Лежи, наш дорогой.
Теперь нам не время
Беседовать с тобой».
Садилися на коней,—
Опять в кровавый бой.

Припев.

Атаман. Эй, любезнейшие друзья мои, надо отдать честь храброму Рыцарю.

Разбойники *(берут на руки Рыцаря и поют).*

Как во поле, поличке
Елочка стоит.
Елочка стоит, стоит
Да кудреватая,
Как под этой елочкой
Гусарик лежит.
Гусарик лежит, лежит,
Да конь над ним стоит.
Конь копытом землю бьет,
Воду достает.
Тебе, тебе, конюшко,

Воды не достать,
А мне, добру молодцу,
От земли не встать.
— Восстань, восстань, молодец,
Армия идет.
Армия идет,
Да все не русская,
Армия идет,
Да все турецкая.
Как во этой армии
Офицеров нет,
Офицеров нет,
Нет полковничков.
— Пойди, пойди, конюшко,
В землю русскую,
Скажи, скажи, конюшко,
Моей любезной,
Ты скажи моей милой,
Что женат я на другой:
Поженила молодца
Пуля меткая,
Обвенчала доброго
Сабля бреткая.

ЕРМАК

В 3-х действиях, в 10-ти картинах

Действующие лица:

1. Есаул, он же Кольцо.
2. Узник, он же Ермак.
3. Девушка, 17-и лет.
4. Барин.
5. Афонька-малый, лет 15—17.
6. Староста.
7. Преклонский.
8. Доктор.
9. Старик, лет 75—80.
10. Посол бухарский.
11. Магметкул.
12. Царь Иван Грозный.
13. Товарищи Ермака.

ДЕЙСТВИЕ I

Занавес открывается. Комната помещика того времени, роскошно убранная. В комнате Помещик. Стук в дверь. Слышны разные голоса. Помещик в испуге. Не знает, что делать. Суетится по комнате. Раздается песня одного или двух голосов.

Картина 1

Песня

Ты позволь, позволь, голубчик,
В нову горницу взойти.
В нову горницу взойти
И хозяина найти.
Нам хозяина найти—
Слово вымолвити.
Если есть в доме вино,
Будем пробовать его,
Будем пробовать его—
Не прокисло ли оно.

Входит в комнату Есаул.

Есаул. Здесь приют такой прекрасный
Для скитающих людей,
Я хочу же поместиться

С этой публикой своей.
(Показывая в окно на шайку.)
Пить, гулять и веселиться
Грабить добрыих людей.
(Барину.)
Здравствуй-ка ты, брат-голубчик,
Астраханский ли ты купчик?
Узнаешь ли ты меня?
Я того, братец, слуга,
Кто живет в горах, лесах дремучих,
Пришел навестить тебя.
Есть деньжонки у тебя?
Если есть, так отдавай,
А то завтра с шайкой ожидай.
Мои ребята проворны, жару поддадут!

За кулисами слышна песня.

Подымись-ка ты, туча грозная,
Из-за темных туч, солнце, выгляни.
Ты возной, возной, частый дождичек,
Расступись ты, мать-сыра земля...

Есаул *(перебивая песню).*

Жаром пылаю,
Есть во мне геройская кровь!
Оставляю долы, темные леса.
Не быть мне здесь в проклятом месте.
Лучше я буду там
При всей шайке атаман.
Вмиг — огонь и вода,
Явись, шайка разбойников, сюда!

Входят Узник, товарищи Ермака, т. е. такие же, как и Узник, будущий Ермак.

Барин хлопочет насчет водки и закуски, принося, ставит на стол и наливает рюмки или бокалы. Входящие товарищи поют песню.

Наша шайка здесь живет
Вольна, беспаспортна.
Кто приедет к нам сюда,
Мы отправим к черту.

Наш хозяин — острый нож,
Сабля-лиходейка.
Пропадем мы ни за грош,
Жизнь наша — копейка.

Есаул. Ну, друзья! Атамана у нас нет.
Атаман у нас убит,
И прах его в земле зарыт.
Нам слезами его не воскресить
И горем жизни не пособить.
Нальем же чару пьяного вина
И выпьем ее до дна.
Забудем прах тлеющих костей.
Кто был у нас из верных друзей?
Узник!

Узник падает на колени перед Есаулом.

Узник. Сжалься надо мной, над бедной сиротой.
Мертвец мертвеца не воскрешает,
А Узник тебе верно отвечает.

Есаул. Чей ты, молодец, откуда?

Узник. Сначала напой, накорми, а потом расспроси.

Есаул. А водку пьешь, молодец?

Узник. Пью, очень люблю!

Есаул. Вот тебе стакан водки,
На закуску огурец
И расскажи все наконец!

Узник. Эх, я выпью, молодец,
И расскажу все наконец. *(Пьет.)*
Вот, когда я был в семнадцать лет,
Отправился в темный лес,
Начал рубить я маленьких ребят
И потом добрался до красных девиц,
И тут, не разбирая всяких лиц,
Косил, рубил напропалую
И вот попал в тюрьму глухую.

Ребята поют песню.

В той тюрьме несчастный
Разбойничек сидел,

Ждал он себе смерти,
Двух грозных палачей!
Вдруг двери отворились,
Палач к нему взошел,
Взял его за ворот
И вывел из тюрьмы.
Повел на лобно место,
Где гибель ждет его,
Разбойник испугался,
Со страху задрожал,
А сабелька блеснула
В руках у палача.
— Секите вы, секите,
Не плачьте обо мне!

Есаул. Ну, друзья, атамана у нас нет,
Кого же мы выберем в атаманы?

Узник. Извольте, братцы,
Буду вашим атаманом,
Эх, шел пешком,
Словно на почтовой скакал.
И вдруг с небес звезда упала
И весь белый свет осияла,
Когда атаман явился здесь.
Эй, друзья!
Не признаете ли вы меня за атамана?

Все *(в голос)*.
Узник, бродяга!

Узник. Эй, падите-ка вы, кандалы,
С подкандальниками!
(Сбрасывает с себя кандалы.)

Все *(в голос)*. Будь атаман!

Узник. Только на тех условиях. Когда я плавал на барках и варил артельный котел, [то был] под названием Ермак. Назовите меня тем же именем.

Все. Будь Ермак!

Ермак. Эй, Есаул! Выходи ко мне скорее,
Говори со мной смелее.
Кто не скоро идет,

Не смело говорит,
Голову срублю,
В грязь втопчу.

Есаул. Что изволите, господин атаман?

Ермак. Состройте мне косную лодку,
Чтоб которая из берега в берег вмиг прошла!
Были бы гребцы по местам,
А веслы по гребцам.
И мы с тобой *(обнимает Есаула)*
Сядем по концам
И поедем, как два молодца, к купцам,
Купцам Строгановым,
Которые нас ждут, дожидаются,
По всему, видать, лесу обижаются.
А коль поедем,
Так затейте мне ту любимую песню,
Которую пел мой меньшой брат Афонша в Москве,—
Вниз по матушке по Волге.

Есаул. Будет исполнено!
Друзья, бери топоры и пилы и выходи в лес.
Кто строгать, кто тесать,
Кто пилить, а кто балясы точить.

Все поднимаются и уходят. Занавес закрывается.

Картина 2

На сцене лодка. Гребцы держат веслы наготове. До открытия занавеса начинается песня. Как только началась песня, занавес начинает открываться. На носу лодки сидит Есаул, а на корме Ермак.

Песня

Вниз по матушке по Волге, по Волге,
По широкому, братцы, раздолью, раздолью.
Разыгралася пого..., мать погода,
Бурь погода дует ни мала, низовая.
Ничего в волнах не видно, не видно.
Только видно красну ло..., красну лодку.

Красна лодочка чернеет, чернеет.
На гребцах шапки чернеют, чернеют.
Сам хозяин во наря..., во наряде,
В белом бархатном халате, халате.

Ермак. Эй, Есаул! Что же мы с тобой едем
И вперед ничего не видим?
Стань-ка ты на нос косной шлюпки
Да посмотри в подзорную трубку.
Нет ли пеньев, кореньев
Или же мелких мест,
Как бы нам с тобой, добрым молодцем,
На дно не сесть.
Если же мы с тобой сядем на дно,
То всей шайке будет холодно.

Есаул. Вижу!

Ермак. Что же ты видишь?

Есаул. Черни.

Ермак. Какие, черт, черни!
Ты же сам знаешь, что в норах черви,
А в горах — черти,
А в лесах — сучки,
В городах и селах — полицейские крючки,
Которые нас хотят давно связать
Да по тюрьмам сослать.
Смотри вернее!

Есаул. Вижу!

Ермак. Что же ты видишь?

Есаул. Колоду.

Ермак. Какой черт, турецкую воеводу?
Ты же сам знаешь и понимаешь,
На меня выходили два царских регулярных полка,
Я и то не боюсь.
При всей шайке атаманом остаюсь.
Смотри вернее!

Есаул. Вижу, господин атаман!

Ермак. Что же ты видишь?

Есаул. При правом береге прекрасное село.

Ермак. Эх, как ты этим меня обрадовал!

У моих ребят давно животы подвело!
Ну-ка, ребята, приворачивай!

Песня поется всеми, кто в лодке.

Все *(поют).*

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку,
Ко крутому бережочку
Да ко желтому ко песочку.

Вдалеке слышно громкий голос Девушки, которая поет песню. Песня ребят обрывается.

Девушка.

Я вечор в лужках гуляла,
Грусть хотела разогнать,
Я цветочки там искала,
Чтобы милому послать.
Я нашла цветочек алый
И его вмиг сорвала.

Ермак. Эй, Есаул!
Я слышу в заповедных лугах
Женские голоса и песни.
Иди и веди.

Есаул. Иду и веду. *(Спрыгнув с лодки.)*

Ермак. Должно быть, красивая и богатая девушка. Если же красавица — женюсь. Свадьбу сыграем на всю Волгу. Верно, ребята?

Все. Верно!

Выходит Есаул с Девушкой, ребята ее окружили и слушают, что будет говорить атаман.

Ермак. Ах, душечка — Машечка,
Онучка — тряпочка!
Чья есть и откудова?

Девушка.

Я есть дочь прачки,
Которая на господских детей белье стирает
И тем самым свою голову питает.

Ермак. Да вы в бедном состоянии?
Вот вам злато, вот вам серебро,

Вот вам с моей руки перстень,
Полюбите же вы меня?

Девушка.
Не хочу атамана любить,
Не хочу его дерзких слов слушать.

Ермак. Эй, Есаул! Где же ты взял такую мерзкую девчонку?
Веди ты ее на то место
И сруби с нее голову!

Есаул. Не хочу с нее голову рубить,
Лучше я сам помру.

Ермак. Эх, на кого у меня была надежда,
И тот изменил меня.
Есть еще у меня надежда
На двух добрых молодцов.
Но на атакующую руку
И твой дерзкий поступок,
Я с тебя голову срублю,
А из твоих кожаных фонтанов кровь пущу.

Есаул. За что, за что, господин атаман?
Это есть моя родная сестра.

Ермак. Давно бы ты мне и сказал,
Что это есть твоя родная сестра.
Дайте ей свободное место.
(Запевает песню.)
Солнце на закате,
Время на утрате,
Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились,
Во приятной тишине
Под березкой здесь одне.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ II

Картина 1

Комната барина. В комнате Барин, а за дверью выглядывает слуга, Афонька-малый.

Барин. Завтрашний день у меня праздник.
А парадного сюртука нет.
Прежде — слуг, прислуг,
Как топну ногой,
Так семеро являются передо мной.
А ныне нет никого.
Был Афонька-малый, и тот сбежал.

Афонька. Я, барин, здесь.

Барин. Где же ты пропадал?

Афонька. Вашу барыню за ручку держал.

Барин. А ты разве мою барыню знаешь?

Афонька. Знаю, барин.

Барин. А как ее звать?

Афонька. Акулина-рваная.

Барин. Как?

Афонька. Акулина Ивановна, барин.

Барин. То-то, говори, да не ошибайся.
Афонька-малый!

Афонька. Что, барин голый?

Барин. А ты у меня на скотном дворе бывал?

Афонька. Бывал, барин.

Барин. Все ли там у меня исправно?

Афонька. Все, барин, исправно.

Барин. Ну как же исправно?
У меня там было овец двести.

Афонька. Они все стоят в сыром месте.

Барин. Но, как же в сыром месте?

Афонька. Одна была слепая, другая кривая.
Слепая кривую побила
И сама на то место полегла.

Барин. Так, значит, всю скотину перевели?

Афонька. Остатки собакам на псарню отвезли.

Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. У меня там было коров со сто́!
Афонька. Они все стоят просто́!
Барин. Но, как же просто́?
Одна была пестра.
Афонька. Мы ее доили с моста,
Надаивали ведер по сту.
Зад отрубили, к забору привалили
Да еще лет триста доили.
Барин. Значит, всю скотину перевели?
Афонька. Остатки собакам на псарню отвезли.
Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. А ты в моих хоромах бывал?
Афонька. Твои хоромы, барин, сгорели.
Барин. А ты на пожаре был?
Афонька. Был, барин.
Барин. Пожар заливал?
Афонька. В окошко солому совал.
Барин. Как?
Афонька. Водой заливал, барин!
Барин. А что, после пожара имения осталось?
Афонька. Любимое ваше кушанье, барин.
Барин. Должно быть, угри?
Афонька. Так точно, угли!
Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. А у меня там был конь вороной.
Афонька. Его бог увел.
Барин. Ну как же увел? Вы, наверное, его не поили?
Афонька. Поил, барин!
Барин. Вы, наверное, его не кормили?
Афонька. Кормил, барин!
Барин. А что я постоянно замечал, что у него нижняя губа суха?
Афонька. Прорубь была высока, барин.
Барин. А вы бы ее подрубили.

Афонька. А мы и так все четыре ноги коню отрубили.
Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. А у меня в кабинете был перочинный нож.
Он цел или нет?
Афонька. Когда ваша маменька околела,
А любимый ваш конь помер,
Мы шкуру снимали и ножичек поломали.
Барин. Да мамонька околела,
А любимый конь помер.
Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. Подай мне с горя водки алой!
Афонька. А где взять?
Барин. В подставе.
Афонька. Какой черт подставил?
Барин. Ну, поищи в другом месте.
Афонька. Я обошел кругом.
Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. Красен ли я?
Афонька. Красен, как гусиный нос на морозе.
Барин. Как?
Афонька. Как алый цвет в огороде.
Барин. Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. А толст ли я?
Афонька. Как супороса свинья.
Барин. Как?
Афонька. Как все господа.
Барин. То-то, говори, да не ошибайся.
Афонька-малый!
Афонька. Что, барин голый?
Барин. А что у нас с тобой нет?
Афонька. Ничего, барин, нет.
На тебе пальто и то чужо.

(Убегает.)

Картина 2

Барин в своей комнате.

Барин. Фу, что за провал,
Куда ж у меня Прошка-староста пропал?

Староста *(выходя)*. Я, барин, здесь.

Барин. Ну, каково же ты нынче подати собираешь?

Староста. Хорошо, барин.

Барин. А каково же хорошо?

Староста. С Фомки грош, с Еремки грош,
А с Варфоломейка копейка.

Барин. А с него чего мало?

Староста. Жена пала, потом стала.

Барин. Дери с сукиных сынов!
Староста, а каковы же нынче были покосы?

Староста. Хороши, барин.

Барин. Но как же хороши?

Староста. Копна от копны — день езды.

Барин. Как?

Староста. Копна возле копны, барин.

Барин. Староста, а каковы же у нас были нынче урожаи?

Староста. Хороши, барин.

Барин. Ну, как же хороши?

Староста. Колос от колосу —
Не слыхать человечьего голосу.

Барин. Как?

Староста. Колос возле колосу —
Не протащить конского волосу.

Барин. Староста, а куда же вы такую массу хлеба подевали?

Староста. Наш староста человек неглуп. Он мал.
На печном столбе кабан хлеба склал,
Чтобы снизу не гнило, а сверху не мочило.
Кошка бежала, хвостом зацепила
И весь кабан в лоханку уронила.

Барин. Нешто велик был кабан?

Староста. Велик, барин.

Барин. А куда же вы все это подевали?

Староста. Сухое перемолотили,
А сырое в солод превратили.
В ложке растолкли, в ковше развели
Да сорок ведер пива и наварили.
Барин. Нешто пиво было хорошее?
Староста. Хорошее, барин.
Барин. Но как же хорошее?
Староста. А если вашей милости стаканчик поднести
Да семидесятеричным поленом по шее оплести,
Так отсюда и не выйдете.
Барин. Это и без пива хорошо.

Конец 2-го действия

ДЕЙСТВИЕ III

Картина 1

Шатер. В шатре Ермак и несколько товарищей Ермака. Чистит шашку.

Ермак. Ну и начищу сейчас я саблю свою.

Входит Преклонский.

Эх, Преклонский, Преклонский!
Опять же ты, пьяница, здесь шатаешься?
Преклонский. Поневоле тянешься, когда служба тяжела.
Ермак. Не думаешь ли ты при старости лет жениться?
Преклонский.
При старости лет
Удивил бы я весь белый свет.
На какой-нибудь старушонке женился бы.
Ермак. Изволь, я тебе дам лет семнадцати.
Эй, Есаул! Приведи девушку!
Свадьбу играть будем.

Есаул входит вместе с Девушкой. Преклонский, увидев Девушку, с лаской обращается к ней.

Преклонский.
Это дочь моя, пришла укорять меня.

Не приходи и не укоряй меня.
Ну, друзья, прощаюсь с вами
И с вольным светом.
Не жить мне больше с вами,
Со всеми моими друзьями.
Дочь, прощай!
Прощайте все, мои родные,
Прощай, мой дом родной,
Я ухожу в тот свет пустынный,
Где жизнь засыпана землей.
При погребении моем
В колокола не звоните,
А только рюмками да бокалами звените.
Похороните меня в том погребке,
В котором я часто выпивал
И вас, друзей, вспоминал.
Положите меня к стене ногами,
А головой под самый кран.
И дайте мне в руки преогромнейший бокал,
Чтобы я мог наливать и выпивать
И вас, друзей, вспоминать.
Ну, друзья, я от стыда прощаюсь с вами
И с вашим мудрым атаманом Ермаком.
Прощайте, друзья, я умираю,
Мне сердце давит грусть, тоска,
Как эта вот толстущая доска.

(Падает, но не умирает.)

Ермак. Эй, старик!

Выходит Старик.

Убери же ты это тело,
Чтоб оно сверх земли не тлело,
Чтобы его черви не источили,
Даже черти не утащили.

Старик. Убрать уберу, а сам не могу.

Ермак. Что же тебе, доктора?

Старик. Да, доктора.

Ермак. Эй, доктор, доктор! Пожалуйста, сюда.
Посмотрите, что с пьяницей Преклонским.

Входит Доктор.

Доктор. Я есть доктор-лекарь,
Казанский военный аптекарь.
Живых лечу, а из мертвых кровь мечу.
Целые места вырезаю
Да к больным приставляю.
Ко мне приводят на ногах,
А я отправляю на дровнях.
Вечером принимаю,
А утром по записке на тот свет отправляю.
Ну, Преклонский, говори, что болит?

Преклонский. Болит — не болит, не скажу.

Доктор. Болит у тебя голова —
Обрить ее догола,
Намазать гущей,
Чтобы болела пуще.
Ну, Преклонский, говори, что болит?

Преклонский. Болит — не болит, не скажу.

Доктор. Голову твою намазать французским варом,
Чтобы не разорвало жаром.
Болит у тебя спина,
Наверно, ты был хороший пьяница.
Принимал примочки из сороковой бочки.
Ну, Преклонский, говори, что болит?

Преклонский. Болит — не болит, не скажу.

Доктор. Болят у тебя ноги.
Отрубить их на пороге,
Костьми приставить
И плясать заставить.
Ну, Преклонский, говори, что болит?

Преклонский. Болит — не болит, не скажу.

Доктор. Подать тебе стаканчик водки,
И ты повыздоровеешь *(смотрит пульс),*
Пульс не бьется,
Прах земле предается.
(Начинает песню.)
Громко певчие пропели,

Тут Мавлина померла.
В гробе тело отвечало:
— Подойди, рыцарь, сюда!
Бедный рыцарь ко Мавлине,
Ко Мавлине подошел.
Посмотрел — закрыты очи,
Зашатался и ушел.

Умершее тело берут и уносят. Доктор тоже уходит. Остался в центре Ермак, Девушка, которая в руках держит вязку носка.

Ермак. Вот мы мною погрешили
И в аулах начудили,
А сейчас бы всем бы нам, удалым молодцам,
Прибыть к Строгановым купцам
И начать всю жизнь бы снова.
Лишь бы царь Иван простил,
На Сибирь бы отпустил.

Входит Посол бухарский.

Посол бухарский.
Я есть посол бухарский,
Бью челом Ермаку, князю сибирскому,
Обижают нас сибирские татары,
Храмы наши разоряют,
Детей убивают,
Жен и девиц бесчестят,
А взрослых в плен уводят.
Нельзя ли нашему горю помочь?

Ермак. Поможем, поможем! Только чтоб было припасено:
Пули, ядра и пушки,
Да водочки кадушки.

Посол. Все будет готово!

Ермак. Ну, друзья! Готовьтесь к битве. Хоть царь-батюшка нам и велел сидеть в Камском усолье, но я беру все на себя и иду самовольно в Сибирь.

Пусть царь Иван Васильевич гневается. Нам всем, молодцам, все равно погибать, а может быть, и славу наживать. Айда, ребята.

Девушка начинает песню.

Как по синему морю Каспийскому,
Там гулял казак, по прозванию Ермак,
И он грабил суда, суда вольные, суда барские.
И за то Ермаку быть повешену,
А вам, казакам, переловленным.
Да по крепким тюрьмам пересаженным.

Все. Не бывать этому!

Ермак. Хорошо ты, девушка, поешь,
Только сердце мое разрываешь,
Эх, появился в Сибири казак,
Славный казак, по прозванию Ермак,
Он сражался, не робел,
Всей Сибирью овладел.
Победил Кучум-хана и сражался
С его сильным и храбрым Магметкулом.
Ну, друзья, идем!

Картина 2

Полянка, на полянке Ермак со своими товарищами на привале.

Ермак. Эй, ребята! Не зевай!
Все почаще запевай!
Как завидишь Магметкула,
Не соскакивай со стула,
В дрожь боязнью не давайся,
С своей шашкой забавляйся.

Появляется Магметкул. Все вскакивают.

Магметкул.
Эх, казак, казак, по прозванию Ермак!
Я есть сильный и храбрый Магметкул,
Завидя меня, все рати бегут,
На коня сяду, конь спотыкается,
На корабль стану, корабль колышется,
К морю приду, море кипит,
К граду подойду, весь град разнесу,
А тебе, Ермак, голову снесу.

Ермак. Ах ты, Терское паденье,
Зачем ты делаешь казацкой чести оскорбленье?
Корись, злодей, корись руки моей.
Скитайся, злодей, в глубине морей.

Магметкул.
Не хочу я в глубине морей шататься,
А хочу с Ермаком подраться.
Стой, яма! Стой прямо!

Ермак. Прежде времени не хвалися,
Сам ты в эту яму не ввались!

Начинается борьба, единоборство, и Ермак отрубает голову Магметкулу.

Ермак. Ну, братцы, победили мы Кучум-хана,
Убили его сильного и храброго Магметкула,
Кого же мне теперь посылать к царю-батюшке,
В Москву-матушку к самому царю, царю Грозному?
Там сидит на троне сам царь-батюшка,
Сам царь-батюшка Иван Васильевич.
Мужиков послать — трусы они.
Казаков послать — ненадежны они,
Поезжай-ка ты, любезнейший Кольцо,
К царю-батюшке в Москву-матушку.
Не простит ли царь нам вины бывалые.

Есаул. Слушаюсь, господин атаман!

(Уходит.)

Занавес

Картина 3

Есаул на приеме у царя И. В. Грозного.

Есаул. Уж ты царь, наш царь, ты наш батюшка,
Ты прости нам вины бывалые.

Царь. Все вины я вам прощаю,
Ермака собольей шубой награждаю
И дарю ему золотую броню,
И назначаю его Сибирским князем.

Занавес

Картина 4

Шатер, в шатре Ермак с товарищем.

Ермак. Вот прибудет мой Кольцо,
И я выйду на крыльцо.

Входит Кольцо.

Эх, дружок, мой дружок,
Когда ты прибыл из Москвы?
Есаул. Сей же час, господин атаман!
Ермак. Что он, царь наш батюшка,
Наверно, петельку шелковую
Приготовил с перекладиной?
Есаул. Никак нет, господин атаман,
Все вины он нам прощает,
Тебя собольей шубой награждает,
Дарит тебе золотую броню
И называет тебя Сибирским князем.
Ермак. Эх, по Сибири мы гуляли,
Все аулы удивляли.
Вот так молодцы,
Вот так молодцы!
А мы в Россию не пойдем,
Мы в Сибири проживем,
Эх, я Сибирский князь,
Я Сибирский князь.
Эй, есаул! Сходи-ка в здешнее селенье
К богатому помещику
И скажи, что не мил друг в гости пришел,
Чтобы он мог нас накормить,
Напоить и деньгами одарить.

Есаул уходит.

Занавес

Картина 5

В доме помещика Есаул.

Есаул. Здравствуй, богатый помещик,
Я прислан от того, кто не боится никого.
Не к вашей милости в карман залезает,
А к вам, как бог послал,
Чтобы вы могли напоить, накормить
И деньгами одарить.
Я с вами разговаривать не буду.
Наши ребята проворные, жару поддадут.

Барин. Пожалуйста, пожалуйста, приходите, все будет сделано.

Занавес

Картина 6

Шатер, в нем Ермак и товарищи.

Ермак. Что же, есаул, был у помещика?

Есаул. Был, господин атаман!

Ермак. Рад ли он нам?

Есаул. Рад, как чертям.

Ермак. Как?

Есаул. Как честным господам, господин атаман.

Ермак. Идем и пьем, а завтра в путь-дорогу.

Картина 7

Поляна. На поляне Ермак обходит сидящих своих ребят, потом садится. Вдруг выстрел. Ребята, застигнутые врасплох, не знают, что делать. Ермак бросается в Иртыш. Спустя некоторое время ребята собираются и вспоминают о Ермаке. И тут же у них складывается песня.

Ревела буря, дождь шумел.....

. . . . . .

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН (I)

Действующие лица:

Царь Максимилиан, высокого роста, с бородой, лицом грозный, речь громкая, резкая.

Адольф, его сын, молодой, лет 18, тонкий, голос тихий. После тюремного заключения очень слабый и изможденный.

Аника-воин, необыкновенного роста, толстый, лицом грозный, с длинными усами и бородой, голос толстый.

Брамбеус, рыцарь, сам седой, 130 лет, большая седая борода, говорит редко и густо.

Исполинский рыцарь (*он же* Чужестранный рыцарь), молодой, высокого роста, говорит резко.

Скороход-маршал, молодой, с усами, роста среднего.

Кузнец, старик, борода седая, говорит по-мужицки.

Старик-гробокопатель, волосы и борода длинные, кашляет; разговаривает по-мужицки.

Старуха, его жена, без речей.

Смерть, говорит толсто, не шибко.

Два пажа, молодые, говорят резко.

Царедворцы, свита, воины.

Костюмы действующих лиц

Царь Максимилиан: форма древних царей, в военной шапке, при камзоле, при орденах и при шашке; штаны генеральские простые, сапоги высокие со шпорами. В пятом явлении надевают ему корону и дают в руку скипетр и державу и все царские принадлежности.

Адольф, его сын: в военной форме, на голове корона, при орденах, та же одежда, что и у царя, только похуже и кавалерии меньше. В десятом явлении Адольф является безо всяких заслуг и царских принадлежностей, в опальном виде.

Исполинский рыцарь: в латах, в одной руке пика, в другой шашка, в полном вооруженье, при медалях; шапка военная с пером, на лице черная маска, сапоги со шпорами.

Аника-воин: в латах, пика и сабля при нем; на руке медный щит, на голове блестящий шлем; пика позлаченная; при орденах и медалях.

Брамбеус, рыцарь: в древних доспехах, большая шапка, латы, сабля и копье, безо всякой кавалерии и заслуг, сапоги простые.

Скороход-маршал: форма одежды военная, военный сюртук, при шашке, шапка придворная, с пером, высокая, кверху уже; сапоги простые, со шпорами; две медали; при погонах.

Кузнец: одет по-мужицки, в рубахе, в лаптях, без шапки, при фартуке, весь в уголье.

Старик-гробокопатель: в кафтане, волосы и борода длинные,

кашляет, с толстой палкой в руках, в лаптях и в онучах, шапка мужицкая и все по-мужицки.

Старуха: в пестрядинном сарафане и во всем старушечьем уборе, как по-крестьянски ходят, на голове кичка.

Смерть: одежды белые, как бы в саване, в руках коса на длинном косье, на ногах ничего нет.

Пажи два: при шашках, без заслуги, костюмы красивые, красные куртки, синие штаны, высокие шапки, наполеоновские, с пером; пояса разноцветные.

Царедворцы *(два, которые подносят царские принадлежности)*: форма одежды военная, сюртуки с крестами и звездами, штаны с красными лампасами, шапки треугольные, с пером и бантом; при шашках через плечо. Остальные царедворцы в военной одежде, но без кавалерии, одеты проще.

Свита: форма одежды военная, с копьями и при шашках, с медалями.

Воины: форма одежды солдатская, при шашках, без заслуг.

Обстановка и принадлежности

Обыкновенная комната, где какая есть, даже простая крестьянская изба. Посреди ее становят разукрашенный в виде кресел трон царя Максимилиана. Для него же корона, скипетр и держава на золотом блюде, оклеенные золотой и серебряной бумагой. Железные кандалы для Адольфа. Молот для кузнеца. Табакерка для гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 1

На сцену скорыми шагами выходит Скороход и, запыхавшись от быстрой ходьбы, говорит.

Скороход.

Здравствуйте, господа-сенаторы,
Не сам я к вам прибыл сюда,
А прислан из царской конторы.
Уберите все с этого места вон,
А здесь постановится царский трон.
Прощайте, господа,
Сейчас сам царь будет сюда. *(Уходит.)*

На сцену выходят сенаторы, царская стража и воины.

ЯВЛЕНИЕ 2

Выходит царь Максимилиан и обращается к публике.

Царь Максимилиан.

Здравствуйте, господа сенаторы,
Я пришел из царской конторы,
За кого вы меня считаете:

За императора русского
Или короля французского?
Я не император русский,
Не король французский,
Я есть грозный царь ваш Максимилиан,
Силен и по всем землям славен
И многою милостью своей явен.

(Взглядывает на приготовленный для него трон и обращается ко всем окружающим, указывая на него рукою.)

Воззрите на сие предивное сооружение,
Воззрите на сие великолепное украшение,
Для кого сия Грановита палата воздвигнута
И для кого сей царственный трон
На превышнем месте сооружен?
Не иначе, что для меня, царя вашего.
Сяду я на оное место
И буду судить своего непокорного сына Адольфа.

(Садится на троне, грозно оглядывает всех вокруг и кричит что есть мочи.)

Верные мои нелицемерные пажи, предстаньте скоро пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 3

Царь Максимилиан и два пажа. Пажи входят, маршируя в ногу, и останавливаются, немного не доходя до трона, разом вытаскивают сабли из ножен, делают «на караул» и расходятся по обеим сторонам трона. Затем один встает перед троном на одно колено и говорит.

Паж. О, могучий государь, милостивый царь,
Почто нас, пажов, к себе ты призываешь
И что нам делать повелеваешь?

(Встает и отходит на свое место.)

Царь Максимилиан. Подите в мои царские белокаменные чертоги и приведите ко мне любезного моего сына Адольфа, нужно мне с ним промежду собой тайный разговор вести.

Пажи *(оба в один голос)*. Идем и приведем! *(Делают саблями на караул, сходятся и маршируют в публику.)*

Царь Максимилиан. Скороход-маршал, явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Скороход-маршал.

Скороход *(входит очень быстро, подходит близко к трону, становится на одно колено и, как бы запыхавшись от быстрого бега, говорит).*

О, могущественнейший государь,
Милосерднейший царь Максимилиан,
Почто ты своего скорого и легкого
Скорохода-маршала призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан. Поди, поведай моей свите, что я хочу снять с себя все недостойности и надеть на себя все пристойности и царские принадлежности, какие моему высокому царскому сану подобают.

Скороход. Пойду и распоряжусь всеми делами. *(Уходит, пятясь задом и низко кланяясь царю.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, царедворцы и свита. Растворяются двери избы, два царедворца на золотых подносах несут корону царскую, скипетр, державу, золотую саблю и пр. За ними идет свита, несколько воинов с обнаженными саблями на плечо.

Все *(поют).*

Мы к царю, царю идем,
Злат венец ему несем,
Наш монарх сидит на троне
В позолоченной короне,
Славой, честью вознесен,
Высоко произведен.
Вся почетная стража
Держит сабли обнажа.
Ура, ура, ура!
Нашему царю!

Воины заходят и поровну становятся вокруг царского трона, держа все время сабли на плечо. Царедворцы подходят к самому трону, становятся на колени перед Максимилианом и протягивают ему подносы с царскими регалиями.

Один из царедворцев. Прими, всемилостивейший монарх, из наших недостойных рук ваши царские принадлежности.

Царь Максимилиан.

Други мои, други,
Верные мои слуги,
Снимите с меня мои недостойности
И наденьте на меня все мои принадлежности.

Царедворцы снимают с него военную фуражку, медали и простую саблю, надевают корону, ордена, дают в руки скипетр и державу, кладут прежние уборы на подносы и уходят, низко кланяясь. Свита все время стоит около трона.

Царь Максимилиан *(помахивая скипетром, грозно)*. Что же это мои верные пажи медлят приводом любезного сына моего Адольфа? Или они не слушаются моего царского приказа?

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Адольф и два пажа. Растворяются двери, входит Адольф, по бокам его два пажа с обнаженными саблями. Адольф подходит к трону и становится на колени; пажи встают сзади него.

Один из пажей. Исполнили ваше царское приказание и привели вселюбезного сына Адольфа.

Царь Максимилиан. Теперь удалитесь с глаз моих.

Пажи уходят.

Адольф *(все время на коленях)*.

О, всемилостивейший государь
И преславный Максимилиан-царь,
Вселюбезнейший мой родитель, батюшка,
Бью тебе челом о матушку — сыру землю.
Зачем любезного твоего сына Адольфа призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Любезный Адольф, сын мой,
Не радостен мне ныне приход твой:
Ныне я от супруги известился,
Что ты от наших кумирических богов отступился
И им изменяешь,

А каких-то новых втайне почитаешь.
Страшись моего родительского гнева
И поклонись нашим кумирическим богам.

Адольф *(не вставая с колен).*

Я ваши кумирические боги
Подвергаю под свои ноги,
А верую в господа Иисуса Христа,
Изображаю против ваших богов знамение креста
И содержу его святой закон.

Царь Максимилиан *(сильно разгневанный встает с трона и, протягивая вперед руку со скипетром, грозно обращается к Адольфу).*

О, непокорный, изверг материнского чрева,
Страшись ты родительского гнева.
Я думал, что ты, непокорный изверг, будешь
сидеть на царском престоле,
А ты хочешь уйти отсоле.
(Кричит громко, обращаясь к дверям.)
Верные мои пажи, предстаньте перед троном
своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и два пажа. Выходят два пажа, так же как и ранее, и исполняют все те же действия, как и ранее. Вообще пажи всегда действуют однообразно.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Всех пресветлый государь,
Почто нас, пажов своих, так скоро вызываешь
И что нам делать назначаешь?

Царь Максимилиан *(поднимается с трона и, указывая пальцем на сына, говорит грозным голосом).*

Отведите сего непокорного сына моего в темницу,
И чтобы не пропущать туда ни зверя, ни птицу,
И за его дерзкое непослушание
Посадите его на воздержание.

Пажи *(оба в один голос).* Все исполним, как приказано. *(Поднимают Адольфа с колен и ведут под конвоем с обнаженным оружием.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Царь Максимилиан и Исполинский рыцарь.

Открывается дверь, в ней показывается Богатырь исполинского роста, обнажает саблю, медленно идет к трону царя Максимилиана; подойдя, ударяет тупым концом копья в пол, становится в грозную позу и говорит.

Исполинский рыцарь.

Здравствуй, царь Максимилиан,
Покоритель чужых стран,
Прошел я иноземные царства
И все римские государства,
Все говорят, что несправедлив твой суд.
Ты должен себя оправдать,
Дозволь мне, Римскому послу,
Перед тобой речь держать.

Царь Максимилиан.

Говори, дерзкий посол.

Исполинский рыцарь.

Знай же ты, варвар и душегубец,
Ты невинную душу губишь,
Своему любезному сыну Адольфу голову рубишь.
(Размахивая кругом копьем.)
Посмотри, как все его жалеют,
Все по нем слезы проливают
И истинным героем почитают.
Одумайся, пока есть время!

Царь Максимилиан *(встает на троне и, топая ногами, кричит).*

Прочь с глаз моих, дерзкий посол!

Исполинский рыцарь. Прощай пока, варвар и душегубец, но я вскоре вернусь отмстить за неповинную кровь. *(Уходит.)*

Царь Максимилиан. Верные мои пажи, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 9

Царь Максимилиан и два пажа.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Пресветлый государь,

Почто нас, пажов своих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Подите в мою прежнюю столицу,
В темную заключенную темницу
И приведите ко мне непокорного моего сына Адольфа.

Пажи *(в один голос)*. Идем и приведем твоего непокорного сына Адольфа.

ЯВЛЕНИЕ 10

Царь Максимилиан, Адольф и два пажа. Пажи приводят Адольфа так же, как и в первый раз. Адольф приближается к трону и становится на колени. Пажи остаются стоять сзади его с обнаженными саблями.

Адольф.

О, всемилостивый государь,
Пресветлый Максимилиан-царь,
Вселюбезнейший мой родитель, батюшка,
Бью тебе челом о сыру землю.
Зачем непокорного своего сына Адольфа призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Ну что, непокорный сын мой,
Каков будет ныне ответ твой,
Одумался или нет,
Не надоела ли тебе темная темница и голодная смерть?
Будешь ли веровать нашим богам,
Будешь ли подвергать их своим ногам?

Адольф.

Нет, я по-старому ваши кумирические боги
Подвергаю под свои ноги,
Верую во единого бога
И содержу его святой закон.

Царь Максимилиан *(в сильном гневе поднимается с трона и, потрясая скипетром, грозно говорит)*.

О, непокорный, изверг материнского чрева,

Страшись моего родительского гнева!
Я думал тебя сделать наследником своего царства,
А ты производишь надо мной коварства.
Предам я тебя иным мукам
И заставлю преклониться нашим богам.
(Садится и кричит скороходу.)
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Скороход-маршал. Скороход приходит так же, как и в первый раз. Вообще его выходы похожи всегда один на другой.

Скороход.
О, могучий государь,
Милостивый царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала
призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.
Поди в мои белокаменны царские палаты
И приведи ко мне самолучшего кузнеца ты.

Скороход.
Иду и приведу самолучшего кузнеца.

Адольф все время стоит на коленях, грустно склонив голову и не поднимая глаз.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Кузнец.

Скороход.
Сходил и привел самолучшего кузнеца.

Кузнец.
Здорово, батюшка,
Зачем ты меня призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан *(указывая на Адольфа)*. Закуй в крепкие кандалы сего изверга.

Кузнец *(как бы не доверяя своим ушам, повторяет про себя)*. Закуй его изверга. *(Смотрит на царя.)*

Царь Максимилиан *(начиная сердиться).* Я тебе русским языком говорю: закуй сего изверга.

Кузнец. Заковать-то я закую, да кто же мне за работу-то заплатит?

Царь Максимилиан. Я дам тебе монету.

Кузнец. Да у меня, батюшка, и кармана-то нету.

Царь Максимилиан. Ничего, старуха сошьет.

Кузнец. Ну, ин, видно, делать нечего, примусь благословясь. *(Берет свой молот, накладывает на ноги Адольфа цепь и заковывает.)* Заковал, батюшка, теперь крепко будет.

Царь Максимилиан. На вот тебе монету и поди домой к своей старухе.

Кузнец. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Царь Максимилиан. Верные мои пажи, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же и два пажа.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Пресветлейший государь,
Почто ты нас, пажов твоих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Сего дерзкого и непокорного изверга возьмите
И в темную его темницу посадите,
И морите его голодною смертию,
Доколе не одумается и не поверит нашим
кумирическим богам.

Пажи.

Пойдем и отведем Адольфа в темницу.

Берут Адольфа за руки. Адольф поднимается с колен и медленно, опустя голову на грудь, двигается к двери. Поет заунывным голосом песню.

Адольф.

Я в темницу удаляюсь
От прекрасных здешних мест,

Сколько горестей смертельных
Я в разлуке должен снесть.
Оставляю град любезный
И тебя, родитель мой.

При этих словах Адольф оборачивается и обращается к Максимилиану и, жалобно смотря на него, кланяется. Затем, поворотившись, продолжает идти до дверей с пением.

Знать, судьба моя такая,
Что в разлуке жить с тобой.
(Скрывается за дверями.)

Царь Максимилиан остается сидеть в грустной задумчивости, пошибшись локтем о ручку трона.

ЯВЛЕНИЕ 14

Царь Максимилиан и Исполинский рыцарь.

Исполинский рыцарь *(входит, громко стуча оружием, и, безо всякого почтения подойдя к самому трону, кричит во всю мочь).*

Воинским жаром пылаю,
Под ваше царство подступаю,
Град Антон огнем сожгу,
А тебя самого в полон возьму.
Выставляй против меня супротивника
На мечах булатных тешиться,
На острых копиях сходиться.
Я стою под стенами твоего града.
Защищайся, а не то будет тебе смерть награда
За твой несправедливый суд.

Царь Максимилиан *(разгневанный, кричит громким голосом, потрясая скипетром).* Прочь, дерзкий рыцарь! Жди себе вскоре супротивника под стенами моего града Антона.

Исполинский рыцарь. Прощай, варвар и душегубец; жди себе скорой отместки. *(Уходит безо всякого почтения к царю.)*

Царь Максимилиан *(кричит).*

Скороход мой, маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 15

Царь Максимилиан и Скороход-маршал.

Скороход.

О, могучий государь,
Ты наш царь Максимилиан,
Зачем так грозно легкого Скорохода-маршала
призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Призови ко мне древнего и храброго Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

Скороход.

Пойду и призову древнего богатыря Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

ЯВЛЕНИЕ 16

Царь Максимилиан и Аника-воин.

Аника-воин *(громадного роста, в латах, в шлеме и в прочем вооружении подходит к трону, потрясает оружием и говорит).*

Здравствуй, царь Максимилиан,
Зачем ты меня, Анику-воина, призываешь
Или что делать мне повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Древний и непобедимый воин Аника,
Подступил к нашему граду некий невежа,
Хочет он град Антон огнем сжечь,
Всех моих рыцарей перебить,
А меня самого в полон взять.

Аника-воин. Этого до сей поры не бывало и быть никогда не может.

Царь Максимилиан.

Храбрый и непобедимый Аника-воин,
Поди за белокаменные стены,
Защити от невежи сей город,

И честь и хвала тебе будет воздана по всему
царству, как герою.

Аника-воин. Сейчас пойду и предам смерти дерзкого невежу. *(Уходит, потрясая оружием.)*

Царь Максимилиан. Верные мои пажи, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 17

Царь Максимилиан и два пажа.

Один из пажей.

О, преславный Максимилиан-царь
И могучий государь,
Почто нас к себе скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Подите в темную темницу,
Оследствуйте моего непокорного сына Адольфа;
Если он жив, то ко мне приведите,
Если он мертв, то там похраните.

Оба пажа. Идем и все оследствуем. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 18

Царь Максимилиан, Адольф и два пажа.

Пажи. Жив твой непокорный сын Адольф и приведен сюда.

Адольф *(измученный, в цепях, еле движется, говорит тихим голосом, жалостно; не дойдя до трона, падает на колени).*

О, всемилостивейший и вселюбезнейший государь-
батюшка,
Почто истерзанного своего сына Адольфа
призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Ну что, непокорный и дерзкий сын Адольф,
Одумался или нет?
Не испугала ли тебя предстоящая мучительная
смерть?
Откажись, пока не поздно, дерзкий нечестивец,
И я возвращу тебе царскую порфиру и венец.

Брось свою христианскую православную веру,
Поклонись нашим кумирическим богам!

Адольф молчит, склонив на грудь голову.

Царь Максимилиан.
Ну, что же молчишь? Отвечай, кому веруешь?
Адольф.
Дражайший государь мой батюшка,
Я верую все по-старому, в господа Иисуса Христа,
Который создал небо и землю
И ваших кумирических богов.
Царь Максимилиан.
Ах ты, изверг непокорный,
Распалил ты мое сердце гневом,
Более я тебя щадить не стану,
А сейчас же повелю злой смерти предать.
(Кричит.)
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же и Скороход-маршал.

Скороход-маршал.
О, великий государь,
Могучий наш царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?
Царь Максимилиан.
Скорый и верный мой Скороход-маршал,
Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Есть там древний Брамбеус-рыцарь,
Призови его сюда как можно поскорей.
Скороход.
Сейчас иду в твои царские белокаменны палаты
И приведу к тебе скоро Брамбеуса-рыцаря.

ЯВЛЕНИЕ 20

Царь Максимилиан, Адольф и Брамбеус.

Брамбеус *(подходит близко к трону, становится перед царем Максимилианом, ударяет копьем об пол, делает саблей на караул и говорит толстым голосом).* Дай бог тебе, царь Максимилиан, столько лет здравствовать, сколько и я, древний рыцарь, на свете живу.

Зачем меня, сильного и древнего рыцаря Брамбеуса, призываешь

Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан *(указывая скипетром на Адольфа, который все время стоит на коленях, опустя голову на грудь).*

Возьми сего непокорного сына Адольфа

И предай его злой смерти на моих глазах.

Брамбеус *(в ужасе пятится назад и смотрит то на царя, то на Адольфа).*

О, великий государь,

Грозный царь Максимилиан,

Сто пятьдесят лет я на свете жил

И ни одного человека жизни не решил

И под старость свою решать не стану.

Когда мой меч

Снесет непокорную царскую голову с плеч,

Когда юношеская горячая кровь брызнет на мою седую голову,

То и я сам должен смертию помереть!

Царь Максимилиан *(грозно).* Непокорный старик, слушайся приказаний своего монарха.

Брамбеус. Делать нечего, не могу ослушником быть своему монарху. *(Обращается к Адольфу.)*

Адольф, прощайся с белым светом,

Ты должен помереть на месте этом.

Адольф *(встает с колен, кланяется на все четыре стороны и причитает).*

Прощай, родимая земля,

Прощайте, родные поля,

Прощайте, солнце и луна,

Прощай, весь свет и весь народ.

(Кланяется царю Максимилиану.)

Прощай и ты, отец жестокий!

Царь Максимилиан. Брамбеус, продолжай приказание своего монарха, не медли долее, а не то и сам будешь казнен.

Брамбеус.

Я продолжать продолжаю,
Но и сам себя не пощажаю.

(Ударяет коленопреклоненного Адольфа по шее, тот падает ничком.)

Его рублю,
Но и сам себя рублю!

(Пронзает себе грудь и падает мертвым.)

Царь Максимилиан.

Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Скороход-маршал.

Скороход.

О, могучий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Зачем так скоро грозного Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Поди скорей в ближнюю деревню
И призови сюда Старика-гробокопателя.

Скороход.

Сейчас пойду и приведу сюда Старика-гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 22

Царь Максимилиан и Старик-гробокопатель.

Старик *(с толстой палкой в мужицкой одёже выходит на сцену, кашляет, трясет головой и рассуждает сам с собой).*

И зачем это меня к себе царь призывает...
Видно, меня далеко знают,
Коли такие большие дела доверяют.

(Зевает, крестит рот, чешет затылок и глядит кверху на воображаемое солнышко.)

Охо-хо-хо-хо-хонюшки!
Еще солнышко высоко,
А до царя нуж недалеко,
Присяду-ка я да отдохну,
Маненечко табачку нюхну,
А потом и до царя махну.

(Садится, не торопясь вытаскивает тавлинку, запускает по понюшке в обе ноздри, чихает, сморкается, затем встает со словами.)

Ну, тепере нужно, видно, уж идти; царь-то ведь тоже не шутка, не моя Малашка. *(Подходит к трону, видит лежащих Адольфа и Брамбеуса, останавливается и, глядя на них, в недоумении чешет затылок.)*

Вот те и есёна-зелёна,
Тетка Матрена:
Царь-то, видно, меня постоять за этих богатырей звал,
А я с Малашкой прокаталажился, да и опоздал.

(Снимает перед царем Максимилианом шапку, говорит ему.)

Здорово, ваше-высоко-не-перескочишь!
Почто ты меня, знаменитого старика, призываешь
Или кого защищать повелеваешь?

Царь Максимилиан *(указывая на лежащих Адольфа и Брамбеуса).*

Убери ты два сии тела,
Чтобы сверх земли не тлели,
Чтобы червь их не точил,
Чтобы дождь их не мочил.

Старик *(идет к трупам и бормочет себе под нос).* Чтобы черт их не точил, а куда же им и деваться-то теперь, как не к черту. *(Берет то одного, то другого, то за ноги, то за голову, но поднять не может. Оборачивается за сцену и кричит жену.)* Малашка, а Малашка! *(Молчание. Старик кричит снова.)* Маланья, иди, дура, скорей сюда, дело есть. *(Снова молчание.)*

Старик *(к публике).* Вишь ты, чертова фигура, николи не выйдет, пока по-настоящему не звеличаешь. *(К жене.)* Маланья Роговна, пожалуйте сюда, до вас дельце есть.

Из кути выходит старая сморщенная старушонка.

Старик.

Смотри-ка, что бог на нашу долю послал:
Выбирай любого,
Оставляй худого,
Вытащим да оберем,
А потом нуж и уберем.
(Тащат Адольфа и Брамбеуса за ноги в куть.)

Входит Аника-воин.

ЯВЛЕНИЕ 23

Царь Максимилиан и Аника-воин.

Аника-воин *(гордо подходит с самому трону царя Максимилиана, стучит о пол копьем и говорит, ударяя себя в грудь).*

То ли я не воин,
То ли я не рыцарь?
Стану на землю,
Земля потрясется;
Взгляну на море,
Сине море всколыхнется,
Горы и холмы,
И те раздадутся.
Азия, Африка, Америка, Европа —
И те вострепещут!
Победил я всех басурман
И спас от злой смерти тебя, царь Максимилиан.

Царь Максимилиан.

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой. *(Кричит.)*
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 24

Те же и Скороход-маршал.

Скороход.

О, великий государь,
Грозный царь Максимилиан,

Почто Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан. Поди и призови в мои царские чертоги всех храбрых и могучих моих рыцарей отдать воинские почести Анике-воину за его освобождение нашего града Антона.

Скороход.
Иду и призову. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 25

Царь Максимилиан, Аника-воин и толпа рыцарей.
Входят рыцари попарно и становятся в ширинку по обе стороны царского трона, обнажа сабли.

Царь Максимилиан. Храбрые мои воины, воздайте честь непобедимому Анике-воину за освобождение града Антона.

Хор воинов.
Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой;
Твоей могучею десницей
Дерзкий враг подвержен в прах...

Слышен сильный стук в дверь и женский вой.

Царь Максимилиан.
Храбрые мои воины, прекратите ваше пение.

Все умолкают и смотрят в недоумении на дверь.

Царь Максимилиан.
Что там за баба,
Что там за пьяна?

ЯВЛЕНИЕ 26

Те же и Смерть.
Дверь открывается, на пороге появляется Смерть с косою, становится у самого порога и говорит.

Смерть.
Я ведь не баба,
Я ведь не пьяна,
Я есть смерть твоя упряма.

(Начинает двигаться от дверей к царскому трону.)

Царь Максимилиан *(в ужасе встает на троне и просит воинов).* Воины, мои воины, защищали вы меня неоднократно от всяких врагов, защитите ныне от лютой смерти.

Воины встают перед троном царя и обнаженными саблями заграждают дорогу Смерти. Смерть приближается, делает движение косой, и сабли воинов со звоном падают. Воины пугаются и раздвигаются перед Смертью.

Смерть *(подойдя к трону, обращается к царю Максимилиану).* Следуй за мной!

Царь Максимилиан.

Мати моя, любезная Смерть,
Дай мне сроку житья хоть на три года,
Чтобы мне нажиться
И своим царством распорядиться.

Смерть.

Нет тебе житья и на один год.

Царь Максимилиан.

Мати моя, любезная Смерть,
Дай мне житья хоть на три месяца.

Смерть.

Не будет тебе и на месяц житья.

Царь Максимилиан.

Мати моя, любезная смерть,
Дай ты мне сроку хоть на три дня.

Смерть.

Не будет тебе сроку и на три часа,
А вот тебе моя вострая коса.
(Ударяет его косой по шее. Царь падает.)

ЯВЛЕНИЕ 27

Скороход-маршал выходит на середину и обращается к зрителям.

Скороход.

Вот, почтеннейшая фублика,
Занавеска закрывается,
И приставленье всё кончается,
А ахтерам с вас на чай полагается.

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН (II)

Действующие лица:

Царь Максимилиан.
Адольф, его сын.
Богиня.
Царь Мамай.
Араб.
Аника-воин.
Марец.
Бранбеул.
Змиулан.
Гусар.
Казак.
Доктор.
Священник.
Дьякон.
Смерть.
Племянник царя Мамая.
Маркушка-гробокопатель.
Афонька-кузнец.
Палач.
Посол.
Скороход-фельдмаршал.
Пажи, два.
Воины царя Максимилиана[1].
Воины царя Мамая[1].

ЯВЛЕНИЕ 1

Участники представления образуют посреди избы свободный полукруг, на средину которого выходит Посол и, взявши под козырек, обращается к публике.

Посол

Здравствуйте, все почтенные господа,
Вот и я пришел сюда!
Извините меня в том,
Что я в платье худом,—
У меня дома есть парадный мундир,
На котором пятнадцать дыр
И пятьдесят две заплатки;
С меня взятки гладки.
Прощайте, господа,
Скоро царь Максимилиан придет сюда! *(Уходит.)*

[1] Обыкновенно по два, но бывает и больше.

ЯВЛЕНИЕ 2

Царь Максимилиан выскакивает на сцену и некоторое время ходит взад и вперед быстрыми шагами, размахивая обнаженной шашкой; затем останавливается перед троном, продолжая речь и размахивая шашкой.

Царь Максимилиан

Тьфу! Здесь буря вьет,
Здесь метелица метет!
Расшибу стенку, полечу стрелой!
Здорово, друзья!
Не есть звезда с небес упала
И осветила земной круг —
Это я, добрый молодец, явился сюда.
Здравствуйте, господа!
Во пышной столице-матере родился,
На своей супруге, королеве Трояне женился,
От которой сын Адольф родился.
И того, я вижу, развращен...
(Подходит к трону.)
И для кого сей трон сооружен?
Сяду я на сей трон
И буду судить непокорного сына Адольфа.
(Садится на трон.)
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 3

Скороход быстро подбегает к трону и все время держит руку под козырек, уходя, поворачивает налево кругом; вообще старается держаться по-военному.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился,
Или я, Скороход-фельдмаршал, в чем пред вами провинился?

Вот я весь стою перед вами,
Приказывайте мне сами!

Царь Максимилиан

Иди и приведи мне любимых пажей с золотою короною,
И скипетр, и державу —
Всероссийскую честь и славу.

Скороход

Иду и приведу!

(Повертывается по-военному налево кругом и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Появляется торжественная процессия: впереди два пажа на подносах несут золочёную корону, скипетр и державу, за ними, по два в ряд, несколько воинов с обнаженными шашками; пажи, подавая царю Максимилиану корону, становятся на колени.

Пажи

Мы к царю идем,
Злат венец несем,
На главу его наденем,
Сами песню запоем.

(Поют песню.)

Поле, наше поле,
Поле чистое, турецкое,
Мы когда тебя, поле, пройдем?..

Царь Максимилиан *(надевает корону и берет в руки скипетр и державу)*

На главе моей златая корона,
Всему царству оборона;
В правой руке скипетр,
А в левой держава,
Да мне по всей России честь и слава.
И как же мне, сильному и храброму царю
Максимилиану, не гордиться,
Когда всяк передо мной на колени валится?
Был я на море-океане,
Был я на острове Буяне,
Судил я царей и царевичей,

Королей и королевичей
И всяких вельмож,
Да и сам царь чуть-чуть не попал на кош!
И где, почему бывает,
Чтобы царя убитого видеть?
Я сам все знаки и отличия имею
И всем царством владею.
Вот мой меч булат,
И сам черт ему не рад:
И он моего меча боится
И сквозь землю провалится,
Через что весь мир разгордится
И вся Европа возрадуется;
Да и мне, сильному и грозному царю Максимилиану,
Честь и хвала!

Все присутствующие *(поют хором и очень громко)*
Слава, слава, слава!
Царю Максимилиану слава!
Честь и хвала!
(Поют это трижды.)

Царь Максимилиан
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход
Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или дела-указы повелеваешь?
Или мой вострый меч притупился?
Или я, Скороход-фельдмаршал, в чем пред вами провинился?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне непокорного моего сына Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу непокорного твоего сына Адольфа.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скороход уходит и сейчас же возвращается назад: в одной руке обнаженная шашка, другою ведет за руку Адольфа, который идет с видимою неохотою.

Адольф

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты сына Адольфа призываешь?
Или какие дела повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я, твой сын Адольф, перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Ты — сын мой?

Адольф

Так что же? Сын твой!

Царь Максимилиан

Я — родитель твой?

Адольф

Так что же? Ты — родитель мой!

Царь Максимилиан

Послушай, сын Адольф,
Где ты по сие время пропадал?

Адольф

Я вниз по матушке по Волге катался
И с вольной шайкой, с разбойниками, знался.

Царь Максимилиан

Велика ли была ваша лодка?

Адольф

Нос в Костроме,
Корма в Астрахане.

Царь Максимилиан

Велика ли была ваша шайка?

Адольф

Семьсот пятьдесят два,
А третий — твой сын Адольф — я!

Царь Максимилиан

Тьфу ты, изверг!
Терзаешь царское сердце!
Пропадет твоя золотая корона
И наследственный престол, и держава,
И вся царская честь и слава!
Встань к стороне и жди своей участи!
(Кричит через всю публику.)
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или мой меч притупился,
Или я, Скороход-фельдмаршал, в чем перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Поди и отведи непокорного сына моего Адольфа в темницу.

Скороход поворачивается по-военному, налево кругом, подходит к Адольфу, связывает ему руки и, держа шашку наголо, ведет его со сцены.

Адольф *(уходит медленно с пением унылой песни)*

В темнице несносной
Царевич сидел
И ждал себе смерти
От злых палачей...

ЯВЛЕНИЕ 8

На сцену вылетает царь Мамай с несколькими воинами; воины становятся полукругом, а царь Мамай, пробежавшись несколько раз взад и вперед, останавливается посреди сцены и, размахивая обнаженной шашкой, начинает свою речь.

Царь Мамай

Стоп, друзья!
Вот и я,
Грозный король Мамай,
Со своими вооруженными воинами!
Здравствуйте, мои воины,
Воины оруженные!

Воины *(поют песню)*

Все татаре взбунтовались —
Развоинственный народ:
«Выходите, басурманы,
Вызываем вас на бой!..»

(Маршируют несколько раз по сцене и уходят во главе с царем Мамаем.)

ЯВЛЕНИЕ 9

На сцене появляется закованный в латы Черный рыцарь: медленно двигаясь, приближается он к трону и, потрясая копьем, обращается к царю Максимилиану.

Араб

Под ваш град Антон подхожу,
Всему царству и достоинству честь и славу воздаю,
Грозному царю Мамаю
Сам себя объявляю:
Вот я есть рыцарь Араб,
Пришел я из азиатских степей,
Из фармазонских областей,
И попал я в неприятельский край,
В неприятельские руки.
В неприятельском краю
Свою буйную голову сложу ни за что.
Иду, спешу под град Антон —
Антон-град огнем сожгу,

Грозный царь Максимилиан,
Дай мне такого рыцаря,
С которым бы я мог биться,
И рубиться,
И на острые мечи сходиться.
Ежели не дашь такого рыцаря,
То град Антон огнем сожгу,
Тебя, царя Максимилиана, живьем в плен возьму,
Анике-воину срублю голову
На правую сторону.
Как будет не стыдно,
Как не обидно:
Однажды иду по чистому полю,
По широкому раздолью —
Вижу, идут добрый молодец
И красная девица:
Целуются,
Милуются,
А меня, царского сына,
Да в шею толкают.
Тьфу! Какие здесь распроклятые места!
На горах — ручьи,
А в лесах — соловьиный свист...
Кто в сем царстве уряжон
И кто содержит сей державы трон?

Царь Максимилиан

Сильный и храбрый царь Максимилиан!

Араб

Тьфу! Распроклятый Максимилиан!
В четырех странах света бывал
И тебя, распроклятого Максимилиана, поминал.
Где бы ты ни попался,
Я там бы с тобой сражался.
Сходи, царь, с трона,
Сходи немедленно с трона!
А не то я тебя сшибу,
В твое царство войду
И тебя злою смертью казнить буду!

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал!
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь,
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи сюда Анику-воина.

Скороход

Иду и приведу!
(Повертывается и марширует.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Является старый, седой Воин; медленно, с достоинством приближается к трону и кланяется в пояс царю Максимилиану.

Аника-воин

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты воина Анику призываешь?
Или законы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Царь Максимилиан

Поди в страны дальние,
В пределы Иерусалимские,
И покори весь безобразный класс,
Который не верует моим кумирам-богам...
И на нашей границе,

В наших заповедных лугах
Стоит какой-то воин,
Именем и родом Араб,
Которому сам черт не рад;
И хочет побить и покорить все наши владения.
И меня, сильного и храброго царя Максимилиана,
в плен живьем взять,
А тебе, Анике-воину,
Снести голову
На правую на сторону.
Иди и защити!

Аника-воин

Иду и защищу!
На нашей границе
И в наших заповедных лугах
Стоит воин,
Именем и родом Араб,
Которому сам черт не брат:
Хочет победить и покорить все наши войска
И царя Максимилиана живьем в плен взять,
А мне, Анике-воину,
Хочет срубить голову
На правую на сторону...
(Подбегает к Арабу и кричит на него.)
А ты что, распроклятая ворона,
По всей области летала,
А моей храбрости не видала?
Чего в моем царстве хлопочешь,
Или от моего меча смерти хочешь?

Араб

Я не хлопочу,
А с тобой сразиться хочу!

Начинается жестокая битва.

Аника-воин

Сражайся!

Араб

Защищайся!

Аника-воин

С жизнью прощайся!

Араб

Молись богу, конец приходит!

Аника-воин

Тьфу ты, изверг!
Мой булатный меч,
И твоя голова с плеч!

Араб

Свою береги!

Перестают биться, уставшие, и некоторое время отдыхают.

Араб *(поет песню)*

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься,—
Черный ворон — я не твой!
Черный ворон, что летаешь
Над моею головой?
Али ты добычу чаешь? —
Черный ворон — я не твой!..

Аника-воин *(прерывая его пение)*

Что ты, распроклятый черный Араб,
Спишь или бредишь?

Араб

Я не сплю,
А крепкую думу думаю:
Выходи, дерзкий Аника-воин,
Сразимся с тобой снова!

Начинают снова биться.

Аника-воин

Сражайся!

Араб

Защищайся!

Аника-воин

Сражаюсь!

Араб

Защищаюсь!

(Убивает Анику-воина.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Иди и приведи старика Маркушку-гробокопателя!

Скороход

Иду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 13

Скороход тащит за руку дряхлого, оборванного старика, который всеми силами упирается. Скороход награждает его несколькими ударами коленом пониже поясницы и, держа за шиворот, ставит перед царем Максимилианом.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты старика Маркушку призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился?
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Маркушка, у меня есть до тебя дело!

Маркушка

Како тако дело?

Царь Максимилиан

Лежит здесь мертвое тело,
Убери его, чтобы сверх земли не тлело.
Чтобы солнцем не палило,
Чтобы дождем не мочило,
Чтобы черви не точили,
А черти в воду не тащили.

Маркушка

А что ты мне дашь за это?

Царь Максимилиан

Дам тебе монету.

Маркушка

А у меня и кармана-то нету.

Царь Максимилиан

Дома старуха пришьет.
Убирай скорей,—
Уберешь скоро — так дам пятак.
А не то пройдет и так.

Маркушка

Пойду и уберу!

(Идет к трупу, останавливается над ним и говорит.)

Еще надо смерить,
Велик ли гроб делать.

(Берет палку и начинает слегка ударять Анику-воина по разным местам.)

Раз, два, три —
А ты нос утри!
Три, четыре, пять —
Пора спать!

(Щелкает Анику-воина палкой по лбу, тот вскакивает и убегает; за ним, охая и прихрамывая, ковыляет и Маркушка.)

Все *(кричат)*

Воскрес! Воскрес!

Царь Максимилиан

Где бес? Какой там бес?

(Обращается к воинам.)

Воины, мои воины,

Воины вооруженные,
Подите и разыщите мне беса!

Воины

Пойдем и разыщем,
По всем углам на.....!

Идут в толпу и начинают разыскивать беса: залезают в карманы, стаскивают у баб платки, пользуясь случаем, заглядывают под подолы. Начинается визг, ругань, поднимается суматоха, а иногда, если искальщики окажутся слишком дерзкими на руку,— и свалка. Достаточно нашумевши, воины возвращаются к трону и докладывают царю Максимилиану.

Воины

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Все потайные места обошли,
Нигде черта не нашли.

Царь Максимилиан

Дать им по десять горячих!

ЯВЛЕНИЕ 14

Медленными шагами, как бы гуляя, выходит Богиня. После ее первой речи, как бешеный, размахивая обнаженной шашкой, выскакивает Марец.

Богиня

Здравствуйте, все почтенные господа,
Вот и я пришла сюда!
По чистым полям гуляла
И много земель покоряла,
Только одна земля не покорена—
И то Марцово поле.
Завьюсь, завьюсь на сине море,
С синя моря на Марцово поле;
Все Марцово поле огнем сожгу,
Самого Мареца в плен возьму!

Марец

Тьфу ты! Что я слышу?
Что я вижу?
Какая-то девчонка в моем царстве гуляет
И меня, рыцаря Мареца, порицает.

Ты знаешь, кто я есть?
Храбрый рыцарь Марец!
Встану на камень —
Камень распадется;
Взгляну на море —
Море всколыхнется!
От моего взора
Останавливаются облака,
От моей дерзкой руки
Протекла кровавая река!
И ко мне, рыцарю Марецу,
Стекались все цари и короли на границу
И отдавали мне честь и славу.

Богиня *(падает перед ним на колени, протягивая вперед руки)*
Сжалься надо мной, храбрый рыцарь Марец!

Марец вытаскивает шашку и стоит, держа шашку над головою Богини.

ЯВЛЕНИЕ 15

На сцену выходит Бранбеул, опустив голову книзу, как бы задумавшись, и рассуждает сам с собой.

Бранбеул

Однажды иду я
По чистому полю,
По широкому раздолью
И в здешнем саду бывал,
И свою сестру Богиню потерял.
(Ударяет себя в грудь кулаком.)
Бьется во мне сердце,
Кипит во мне кровь...
(Быстро подняв голову и остановившись перед Богиней.)
О, боже, кого же я вижу?
Моя сестра на коленях стоит!
Скажи, сестра, перед кем стоишь —
Защищу тебя своим мечом!

Богиня

Перед рыцарем Марцем.

Бранбеул

Ах ты, распроклятый Марец!

Напал на невинную девицу,
Как лев на лисицу,
Да и терзаешь!
Али ты меня не знаешь?

Марец

А ты кто?
Брат,
Или сват,
Или покровитель,
Или защититель?

Бранбеул

Я не брат
И не сват,
И не покровитель —
Невинных защититель,
Защищаю свою сестру!

Марец

Выходи на смертный бой!

Бранбеул

Сражаюсь!

Марец

И я сражаюсь!

Бранбеул

Защищайся!

Марец

Защищаюсь!

Сражаются друг с другом. Через некоторое время Бранбеул падает на колени.

Марец

Смерти или живота?

Бранбеул *(стоя на коленях)*

Дай живота
Хоть на три часа!

Марец

Встань, труп, из-под моих ног богатырских!

Бранбеул вскакивает и быстро убегает со сцены. Зрители смеются.

ЯВЛЕНИЕ 16

Те же и Аника-воин.

Поклонившись царю Максимилиану, он быстро поворачивается к рыцарю Марцу и, вытащивши шашку, начинает ею размахивать и топать ногами, наступая на Марца.

Аника-воин

Тьфу, тьфу!
Руки, ноги дрожат,
Все про Марца говорят,
Будто бы он встанет на камень —
Камень мнется;
Взглянет на море —
Море всколыбнется;
Будто бы от его могучего взора
Останавливаются облака;
Будто бы от его могучей руки
Протекают крови реки;
Будто бы к нему, рыцарю Марцу,
Съезжались на границу цари и короли
И ему честь отдавали,
И хвалу воздавали!
Правда ли это?

Марец

Правда!

Аника-воин

Не есть то правда,
А есть правда в наших мечах.
Сражаюсь!

Марец

И я сражаюсь!

Аника-воин

Защищайся!

Марец

Защищаюсь!

Аника-воин

Защищайся смелей, пощады не дам,
Злой смерти предам!

После непродолжительной схватки Аника-воин убивает Марца и уходит с поля сражения.

Царь Максимилиан

Воины, мои воины,
Воины оруженные,
Уберите сие тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Он храбро сражался
И достоин лучшей участи!

Два воина уносят тело Марца.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 17

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Иди и приведи ко мне непокорного сына Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 18

Скороход приводит закованного в цепи Адольфа и ставит его перед троном царя Максимилиана, а сам все время стоит сзади, держа шашку на плече.

Скороход

Вот непокорный сын твой Адольф.

Царь Максимилиан

Послушай, Адольф; сын мой,

Второй раз тебе говорю:
Поверуй моим богам.

Адольф

Я верую в господа бога,
А ваших кумирических богов
Мечу, как хочу,
В грязь топчу!

Царь Максимилиан

Тьфу ты, изверг!
Терзаешь царское сердце.
Скороход-фельдмаршал,
Поди и отведи непокорного сына Адольфа в темницу,
В ту темницу,
Где сидят купцы и бояры,
Которые продали Москву
За три бочки песку,
И посади его на хлеб и на воду!

Скороход

Иду и отведу.

(Берет Адольфа за руку и уводит.)

Адольф *(поет песню)*

В темнице несносной
Царевич сидел
И ждал он себе смерти
От злых палачей...

ЯВЛЕНИЕ 19

На сцене появляется молодой рыцарь Змиулан; сначала прохаживается по сцене, внимательно ее осматривая, затем начинает горячиться и размахивать шашкой.

Змиулан

Экое здесь место,
Экое прекрасное!
На этом бы я месте
Выстроил великолепный княжеский чертог
С высокой башней,
И стал бы я жить да веселиться,

Да с хорошенькими девушками водиться...
Иду, спешу на град Антон:
Я град Антон огнем сожгу,
А Максимилиана распроклятого живьем в плен возьму.

А Анике-воину
Срублю голову
На правую сторону!

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 20

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи сюда непобедимого Анику-воина.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Аника-воин.

Аника-воин

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Анику-воина призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Царь Максимилиан

Воин, ты мой воин,
Воин возлюбленный,
Поди ты в страны дальние,
В пределы Иерусалимские,
Побей и покори все безобразное племя,
Которое не верует нашим кумирам-богам...
И на нашей границе,
На наших заповедных лугах
Стоит какой-то воин,
Именем Змиулан,
И хочет побить все наши войска,
А меня, царя Максимилиана, в плен живьем взять.
А тебе, Анике-воину,
Срубить голову
На правую сторону.

Аника-воин

Фу ты, боже мой,
Что я слышу пред собой?
Будто бы на нашей границе
И на наших заповедных лугах
Стоит воин, именем Змиулан,
И хочет разбить и покорить все наши войска,
Самого царя Максимилиана живьем в плен взять,
А мне, Анике-воину,
Снести голову
На правую сторону!

(Обращается к Змиулану, грозно на него наступая и размахивая над его головой шашкой.)

А ты что, ворона,
По всему царству летаешь?
Али моей храбрости не знаешь?
Ты знаешь, кто я есть?
Аника Ихонец —
С того свету выходец!
Был я в Италии,
Был я и далее;
Был я в Париже,

Был я и ближе,
Был в Крыму,
Был и в аду.
Был я в аде —
И там мне черти были не рады,
А теперь, придя на Русь,
Самого черта не боюсь!
А ты что, распроклятый Змиулан, хлопочешь?
Или от моего меча смерти хочешь?
Сражаюсь!

Змиулан

Защищаюсь!

После недолгой схватки Аника-воин бросает меч и идет к трону царя Максимилиана. Царь Максимилиан топает на него и кричит.

Царь Максимилиан

Как ты, дерзкий изменник,
Осмелился бежать с поля сражения?
Я тебя в Сибирь сошлю
И беспощадно расстрелять велю!

Аника-воин

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Позволь мне одно слово сказать.

Царь Максимилиан

Говори, да не заговаривайся,
Почаще назад оглядывайся!

Аника-воин

Я был не изменник ваш,
Мой меч булатный распаялся в прах.
Дай мне новое оружие скорей,
Пойду бить всех богатырей!

Царь Максимилиан

Вот тебе новый пристал ет.

Аника-воин

Приму оружие, исполню закон,
Пойду сражаться со врагом.

Змиулан

Вот мой вострый меч блестит,
И вся твоя жизнь в моих руках лежит.

Аника-воин

Хвастайся, рыцарь, когда в моих руках
Мой меч рассыпался в прах,
А теперя у меня приталет.

(Стреляет в Змиулана и убивает его наповал.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь,
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи старика Маркушку-гробокопателя.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 23

Скороход тащит за руку дряхлого оборванного старика Маркушку-гробокопателя, который всеми силами упирается. Скороход награждает его несколькими ударами коленом пониже поясницы и, держа за шиворот, ставит перед царем Максимилианом.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всего света победитель,
Почто ты Маркушку-гробокопателя призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Или мой меч притупился?
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Опять до тебя, старый черт, есть дело.
Убери сие мертвое тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы из носу в рот от жары не текло!

Маркушка *(с неудовольствием)*

Опять каталажиться придется...
Не дадут и с старухой полежать.
(Подходит к мертвому телу и толкает его носком лаптя в бок.)
Эй ты, есёна-зелёна, вставай! Солнышко-то уж вон куда выкатилось. *(Показывает на небо палкой, стараясь при этом кого-нибудь задеть.)*
Не стает, видно, всамделе помер. *(Обращается к царю Максимилиану.)* Да я его боюсь!

Царь Максимилиан

А вот я тебе велю вкатить сто или двести
В то самое место,
Откуда у тя ноги растут,
Так весь страх и пройдет.

Маркушка

Ну, ин, благословясь, попру,
А за деньгами приду поутру.
(Впрягается в мертвое тело и волоком тащит его со сцены.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 24

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,

Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Желаю развеселиться —
Поди и приведи сюда Гусара!

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 25

Гремя шпорами, вылетает Гусар в фантастическом мундире, покрытом красными нашивками; грудь сплошь увешана крестами и медалями; он подходит к трону и делает под козырек.

Царь Максимилиан

Послушай, воин Гусар,
Где ты по сие время пропадал?

Гусар

Я, ваше императорское величество, на границе вашей стоял.
Ваше царство оберегал.

Царь Максимилиан

Ну-ка, расскажи, что ты сберег?

Гусар

Вот я есть гусар присяжный,
С туркам вел я бой отважный;
Пули, ядра вкруг меня летали,
Как пчелы жужжали,
И меня, присяжного гусара, не задевали.
Вот моя сабля-лиходейка
Всем врагам была злодейка...
Зрите, зрите, господа,
Как гусар храбр завсегда:
Моя грудь украшена крестами и медалями
От иностранных государей,
И от царя Максимилиана есть
Егорьевский крест...
Время мирное настало,
И гусару вольно стало.

Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Время будет отдохнуть
Мне с подружкой милой...

ЯВЛЕНИЕ 26

С пением песни выходит Богиня и медленно прохаживается взад и вперед по сцене.

Богиня *(поет)*

Любила я, любила я
Гусара одного;
Теперя я, теперя я
Осталась без него...

(Увидя Гусара, перестает петь и вскрикивает.)

О, боже, мечтанья прелестные!

Гусар

Позвольте мне час с вами любовью наслаждаться,
прелестная Богиня!

Богиня

Можете, душечка, можете.

Гусар *(обнимает Богиню и запевает)*

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял...

ЯВЛЕНИЕ 27

Выскакивает Казак и, увидя Богиню в объятиях Гусара, сразу останавливается перед ними.

Казак

Что я вижу! Два друга сошлися.
Ну, теперь уж доспрошусь я,
Зачем она другому сердце отдала?

Гусар

Молчи, лжец!

Казак

Если я лжец, то ты глуп!

Гусар

А если я глуп,
Так ты сам дурак во всю рожу!

Пойдем в чистое поле сражаться,
На острых мечах тешиться!

Казак

Сражайся!

Гусар

Защищайся!

Казак

Сражаюсь!

Гусар

Защищаюсь!

Казак выбивает из рук Гусара саблю.

Гусар *(падая на колени)*

Пощади!

Казак

Умри, несчастный!

(Убивает Гусара.)

Гусар падает, распластавши руки.

Казак *(потрясая саблей)*

Сие ржавое орудие пронзило грудь злодея.

(Уходит.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 28

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи сюда доктора!

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 29

На середину сцены медленно выходит Доктор, в коротком пиджачке, брюки навыпуск, на голове котелок; длинный нос и длинные изо льна волосы; в одной руке тросточка, в другой пузырек с лекарством.

Царь Максимилиан

Доктор здесь?

Доктор

Здесь! Что прикажете, ваше императорское величество?

Царь Максимилиан

Во что бы то ни стало
Воскресить Гусара надо!

Доктор

Дам примочки
Из сороковой бочки.
Тверских, Спасских сот пять на тот свет пущу,
А Гусара воскрешу.

(Брызжет на Гусара из пузырька. Гусар вскакивает. Оба, обнявшись, уходят.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 30

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне непокорного моего сына Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу к тебе непокорного твоего сына Адольфа.

ЯВЛЕНИЕ 31

Те же и Адольф.

Царь Максимилиан

Послушай, Адольф, сын мой,
Третий раз тебе говорю:
Поверуй нашим богам!

Адольф

Я верую в единого господа бога,
А ваших кумирических богов
Мечу, как хочу,
И в грязь их топчу!

Царь Максимилиан

Тьфу ты, изверг!
Терзаешь царское родительское сердце!..
Скороход-фельдмаршал,
Приведи сюда Афоньку-кузнеца!

Скороход

Иду и приведу сюда Афоньку-кузнеца.

ЯВЛЕНИЕ 32

На сцене появляется Кузнец при фартуке, с клещами в одной руке, с молотком в другой.

Царь Максимилиан

Афонька, ты?

Афонька-кузнец

Я, ваше царское величество!

Царь Максимилиан

Закуй моего непокорного сына Адольфа в цепи, во сто фунтов весом, и возложи от плеч до самых шпор.

Кузнец

(берет руки Адольфа и заковывает их; потом, одну за другой, ставит на табуретку ноги и тоже заковывает. Все время поет песню)

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;

Он идет, идет, идет,
Песню с присвистом поет.

Хор *(поет припев)*

Стук, стук, стук!
В десять в рук!
Приударим, братцы, вдруг!
Полюби меня, Параша,
Разлихого молодца,
Разлихого, удалого
Что Афоньку-кузнеца.

Хор *(поет припев)*

Если ты меня полюбишь,
Будем счастливо мы жить,
Если ты меня разлюбишь,
Будешь по миру ходить.

Хор *(поет припев)*

Адольф

Мать святая, дева чистая!
Кто здесь пришел,
Тяжки цепи возложил
От плечей до самых шпор —
Ровно я разбойник или вор!

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал, поди и отведи непокорного сына моего Адольфа в темницу.

Скороход

Пойду и отведу.

ЯВЛЕНИЕ 33

На середину сцены выходит царь Мамай, одетый в длинную мантию, в короне, с крестами и медалями на груди. Два воина за ним несут его трон, который и ставят против трона царя Максимилиана. Мамай, покружившись немного по сцене, садится на трон.

Царь Мамай

Где ты, мой милый племянник,
Где ты, мой верный посланник?

Племянник *(выходя из-за трона)*

Что угодно, любезный дядюшка?

Мамай

Поди, отнеси царю Максимилиану грозную записку и попроси у него драгоценных подарков.

Племянник относит царю Максимилиану записку, тот ее читает, бросает на пол и топчет ногами, а затем передает Племяннику другую записку. Племянник берет и, в свою очередь, передает ее Мамаю.

Мамай *(прочитавши записку)*

Тьфу! Что я вижу?
Что я слышу?
Вместо драгоценных подарков —
Пули, ядра навстречу,
Вдогонку каменья,
Стрелы под бока;
Его булатный меч,—
А моя голова с плеч.
Нет, нет, того не будет никогда!
Сходи, царь, с трона,
Снимай корону,
Иначе сам сшибу,
В царство войду,
Богатыря полоню
И тебя, распроклятого царя Максимилиана, в плен возьму
И злой смертью терзать буду!

Царь Максимилиан

(снимает корону, кладет ее на трон и, взявши у пажей саблю, идет сражаться с Мамаем)

А ты что, распроклятый Мамай, в моем царстве хлопочешь?
Или от моего меча смерти хочешь?

Мамай

Я не хлопочу,
А с тобой сразиться хочу!

Царь Максимилиан

Сражайся!

Мамай

Защищайся!

Царь Максимилиан

Сражаюсь!

Мамай

Защищаюсь!

Царь Максимилиан *(поет песню)*

Со Златой Ордой король прощался,
Под град Онтон он приезжал,
С самим царем он там сражался
И пал от острого меча.

(Вдруг бросается на Мамая и убивает его, за компанию и Племянника; затем садится снова на трон, надевает корону и кричит.)

Скороход-фельдмаршал.
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана.

ЯВЛЕНИЕ 34

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Представь сюда немедленно Маркушку-
гробокопателя.

Скороход

Пойду и немедленно представлю!

(Поворачивается и кричит через головы зрителей.)

Эй ты, леший-красноплеший,
Могильный кавалер,
Будет тебе со старухой проклаждаться,
Пора на Русь выбираться!..

(Скороходу никто не отзывается, подождав немного, он продолжает.)

Маркушка, иди, что ли, старый черт,
Сам царь зовет!

Маркушка *(из-за сцены)*
Погоди маленько, оборы запутались!
Скороход
Врешь, старый хрен, со старухой прощупались!

ЯВЛЕНИЕ 35

Те же и Маркушка.

Скороход
Вот, ваше императорское величество, насилу выволок!
Маркушка
Ваше помирательское высоко-не-перескочишь,
Долго ли ты меня еще тревожить-то будешь?
Вы тут свои дела справляете,
А меня только даром маете —
Больше ни за что не пойду!
Царь Максимилиан
А не пойдешь добром,
Так приволокут таском!
Вот видишь, лежат здесь два мертвые тела,
Убери их, чтобы сверх земли не тлели...

Далее вся сцена ведется почти так же, как и явление 13-е, с тем только различием, что мертвецы в конце явления не оживают и Маркушка их утаскивает за ноги.

Царь Максимилиан
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 36

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход
Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,

Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Пойди и приведи ко мне непокорного моего сына Адольфа.

Скороход

Пойду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 37

Те же и Адольф.

Адольф

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты сына Адольфа призываешь?
Или какие дела повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я в чем перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Послушай, Адольф,
Последний раз говорю тебе:
Поверуй моим кумирическим богам!

Адольф

Я верую в господа бога,
А ваши боги в грязь мечу
И ногами их топчу!

Царь Максимилиан

Тьфу ты, проклятый!
Пропадет твоя корона
И наследственный престол.
Палач-воин,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 38

На сцену выходит Палач в красной рубашке, с длинным мечом на плече, на голове род военной каски.

Палач

Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.

О, великий повелитель,
Всего света покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Палача-воина призываешь?
Или дела-указы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Царь Максимилиан

Воин, мой воин,
Воин возлюбленный,
Поди в страну дальнюю,
В пределы Иерусалимские,
Побей и покори весь безобразный класс,
Побей и покори весь неверный класс,
Который не верует нашим богам,
И своим мечом сруби голову
Непокорному сыну моему Адольфу.

Палач

Слушаю, ваше величество!
(Обращаясь к Адольфу, говорит.)
Адольф, проси прощенья у царя.

Адольф

Прости меня, родитель,
Души моей губитель!

Царь Максимилиан

Не прощу!
Палач, сруби скорей голову
Моему непокорному сыну Адольфу на правую сторону!

Палач

Слушаю!
(Адольфу.)
Проси у царя прощенья!

Адольф

Просил, да не прощает!
(Обращается к царю Максимилиану.)
Родитель, дозволь хоть с вольным светом проститься.

Царь Максимилиан

Прощайся, да только поскорей.

Адольф

Ты прости, отец родной;
Ты прости меня, родитель,
Души моей погубитель!
Ты прости, моя корона,
И наследственный престол!
Ты прощай, моя княгиня,
Знать, не видаться нам с тобой!
Отомсти мому отцу,
Как злодею-подлецу!
Я в сыру землю пойду
И любовь с собой возьму!
Прощай, восток, прощай, и запад,
Прощай, север, прощай, юг!

ЯВЛЕНИЕ 39

На сцене появляется Посол, одетый в военный мундир; сверх мундира — накидка или плащ; выйдя на середину, Посол кланяется на все четыре стороны, а затем уже обращается с речью к царю Максимилиану. За Послом следуют два воина.

Посол

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Позволь мне несколько слов произнести!

Царь Максимилиан

Говори, Посол, говори!

Посол

Я слышал, вы царского сына
Хотите рубить голову
На правую сторону,—
Он у нас был непобедим
И никем не устрашим:
Много рыцарей и богатырей победил,
Города и села в пепел превратил.
А я своего друга, Адольфа, выручу из беды,
И пустимся во чисто поле гулять,
Рыцарей и богатырей побивать.

Адольф

Эх, друзья! Нам, богатырям, только то и нужно, чтобы свою жизнь положить лучше и храбрее. Разбить царя Максимилиана войско и его самого взять в плен, растерзать и злой смерти предать.

Посол

Разобьем стену и вырвем его из темницы!
Ура, товарищи, за мной!

Посол и его свита бросаются к Адольфу, окружают его и ведут с собою, но неожиданно встречают Анику-воина.

ЯВЛЕНИЕ 40

Те же и Аника-воин.

Аника-воин.

Тьфу, тьфу!
Что я вижу?
Что я слышу?
Хотят наше войско разбить,
Царя Максимилиана в плен взять
И злой смерти предать!

А ты что, распроклятый дерзкий Посол, распоряжаешься и смущаешь войско и рыцарей? Не видать тебе Адольфа, как своих ушей!

Посол

Залетела ворона
В чужие хоромы
И раскаркалась!
Сражайся!

Аника-воин

Защищайся!

Посол

Сражаюсь!

Аника-воин

Защищаюсь!

(Выбивает саблю из рук Посла и убивает его. Палач подбегает к Адольфу, размахивая обнаженною саблею.)

Палач

Держись, воробей,
Летит сокол
С высоких гор:
Сабля молнией блистает,
Смерть Адольфа призывает.
О, любезный друг Адольф,
Любил ты меня и я тебя.
Ну, это ржавое железо пронзит твою грудь,
Пронзит и мое ретивое сердце.
Эх, друзья!
Так нельзя!
Видом не видал,
Слыхом не слыхал,
Что царь своих детей карать стал.
Должно быть, последнее время настало,
Чтобы цари своих детей казнить стали!
Прощай, Адольф! Кого люблю,
Того и рублю!
(Убивает Адольфа и обращается к публике.)
Эх, друзья,
Так нельзя!
Кого я зарубил
Или, лучше сказать, загубил —
Можно назвать братом родным.
Сам я больше жить не хочу:
Срублю себе голову
На правую сторону.
(Обращается к царю Максимилиану.)
Смотри, злой мучитель, из-за тебя умираю!
(Закалывается.)

Царь Максимилиан

Что такое? Самоубийство?
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 41

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи доктора.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 42

Те же и Доктор.

Царь Максимилиан

Доктор, воскреси этого юношу.

Доктор

(осматривает мертвого на разные манеры, возбуждая смех в публике своими телодвижениями, и докладывает царю)

Юноша умер.
Не помогут и примочки
От сороковой бочки,
Ни порошки, ни мази,
Ни целебные грязи.
Смерть — самый первый сорт,
И душу унес давно черт.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 43

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи Маркушку-гробокопателя!

Скороход

Иду и приведу!

Скороход

Маркушка!.. Маркушка!.. Маркушка-а-а!..

Маркушка *(из-за сцены)*

Ау!

Скороход

Старый черт, где ты?

Маркушка *(из-за сцены)*

В клеву!

Скороход

Что ты там, старый черт, делаешь?

Маркушка *(из-за сцены)*

С...у

Скороход

Поди скорей сюда, старый дурак!

Маркушка *(из-за сцены)*

А почто?

Скороход

Да иди скорей,...царь зовет!

Маркушка *(из-за сцены)*

Сейчас, только подотрусь,
Оболокусь
Да к вам и поволокусь.

ЯВЛЕНИЕ 44

Те же и Маркушка.

Скороход

Поди скорей! Царь ждет!

Маркушка

Не велика птица – твой царь-то, и подождет.
Маркушка везде надобен...
И баню топи,
И бороду дери,
И старуху ...,
И к царю иди.
Ну, вот и я,
Совсем Максим,
И котомка с ним!
Погоди-ка, я пойду,
У старушки попрошу,
Не подумайте чего –
Нет ли гривенок шести,
Чтобы душу отвести...

Скороход

(схватывает старика Маркушку за шиворот и трясет его)

Да пойдешь ли ты, старый черт.....
к царю-то, или тащить тебя надо?

Маркушка

Сейчас, сейчас, батюшка, бегом бегу и падаю!

(Подходит к трону.)

О, великий повелитель,
Всего света покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Ну, зачем ты Маркушку призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился,
Или я в чем перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

А ты, сукин сын, чего артачишься? Здесь есть до тебя дело!

Маркушка

Како еще дело?

Царь Максимилиан

А вот, лежит здесь мертвое тело,
Убери его, чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы черви не точили,
Чтобы черти не стащили,
Чтобы галки на закакали,
А наши бабы не заплакали.

Маркушка

А что ты мне дашь за это?

Царь Максимилиан

Дам монету.

Маркушка

А у меня и кармана-то нету!

Царь Максимилиан

Ну, дам тебе пятак,
А не то уберешь и так.
Скороход-фельдмаршал, дать старику раза по шее.

Скороход с большой готовностью исполняет приказание.

Маркушка

Ладно, ладно, только не сердись, сейчас уберу.

(Берет палку и приговаривает.)

Еще надо вперед смерить,
Велик ли гроб-от делать.

(Меряет палкой тело, причем тычет мертвому в разные места и приговаривает.)

Раз, два —
По дрова;
Раз, два, три —
Нос утри;
Три, четыре —
Прискочили;
Раз, два, три, четыре, пять —
Пора спать!

(Щелкает мертвого по лбу палкой, тот вскакивает и убегает, причем дает Маркушке по уху здоровую оплеуху.)

Маркушка

Ох, ох!.. Батюшка-царь,
Я захворал.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 45

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи доктора.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 46

Те же и Доктор.

Царь Максимилиан

Доктор!

Доктор

Здесь я!
Я есть доктор и лекарь,
Из-под Каменного мосту аптекарь.
Умею лечить,
Умею тащить,
Умею летать,
Умею и с белым светом разлучать!
Живые места вырезаю
И на место их мертвые вставляю,

Кровь мечу,
Баб лечу,
Глаза выкалываю,
Титьки подкалываю,
Всякое дело умею.
Какое заставишь?

Царь Максимилиан

Вылечи мне вот этого старика.

Доктор

Сей минут, ваше величество!
Этого старика
Надо взять за бока,
Раза два тряхнуть
Да в ж... осиновый кол пихнуть —
Будет здрав.

(Обращается к старику.)

Старик, что болит?

Маркушка

Голова!

Доктор

Голова? —
Обрить ее догола,
Череп поднять,
Да пуда три г.... ввалить —
Будет здорова
Твоя голова.
Старик, что болит?

Маркушка

Весь пухол!

Доктор

Весь пухол? —
Приправить обухом,
Кипятком ошпарить
Да раза три березовым поленом ударить —
Будешь здоров!
Старик, что болит?

Маркушка

Глаза!

Доктор

Глаза? —
Дать чередного раза,
Расколоть бровь,
Выпустить кровь,
М.... впустить
И гулять пустить —
Будут здоровы твои глаза!
Старик, что болит?

Маркушка

Пузо!

Доктор

Пузо? —
Надо тебе съесть тридцать три арбуза,
Кусок собачьего мяса,
Два кошачьих колбаса,
Петуха и курицу,
Да пропустить через всю зеленую улицу
Конницу и пехоту —
Будешь есть в охоту!
Старик, что болит?

Маркушка

Спина!

Доктор

Спина? —
Надо поставить три штофа вина
Да в глотку влить —
И будешь долго жить!
Старик, что болит?

Маркушка

Ноги!

Доктор

Ноги? —
Отрубить их на пороге,
Костыли приставить,
Да тебя, старого черта, плясать заставить!
Старик, что болит?

Маркушка

Весь здоров.

(Пляшет и поет.)

Ходи, изба! Ходи, печь!
Хозяюшке негде лечь!
Ходи, пол и потолок!
Черт коряку приволок!

Доктор

Вылечил старика, ваше императорское величество.

Царь Максимилиан

Старик, ты здоров?

Маркушка

Здоров, царь.

(Снова пляшет вприсядку с песнями.)

Доктор

Царь, а что ты мне дашь за это?

Царь Максимилиан

Генерала!

Доктор

Сам ты — Помиралов!

Царь Максимилиан

Ну, полковник.

Доктор

Сам-от ты — покойник!

Царь Максимилиан

Ну, подпрапорщик.

Доктор

Сам ты — тряпошник!

Царь Максимилиан

Ну, так поручик.

Доктор

Я сам тебя немного получше!

Царь Максимилиан

(рассердившись, говорит страже)

Прогоните в шею этого дурака!

Доктора выталкивают вон, он кричит

Доктор

Караул! Караул!

ЯВЛЕНИЕ 47

Те же и Богиня.

Богиня

А вот и я есть, кумирическая Богиня,
По чисту полю гуляла,
Много земель покоряла.
Одна не покорена
Максимилианова земля,
Да если бы и его я увидала,
И тогда бы в плен взяла.

Царь Максимилиан

Что я вижу?
Что я слышу?

(Соскакивает с трона и начинает бегать по сцене.)

Какая-то девчонка в моем царстве гуляет
И меня, царя Максимилиана, в плен взять обещает!

(Заносит над головой Богини саблю.)

Богиня

Я сама, млада, не думала,
Чужого разуму послушала.

Царь Максимилиан

А ты бы чужого уму-разуму не слушала!

Богиня

Чем мне тебя, доброго молодца, разутешить?

Царь Максимилиан

Разве тем ты меня разутешишь,
Что взойдешь в мои хоромы царские,
Сядешь на мой золотой трон рядом со мной.

Богиня

Соглашаюсь, такова воля богов.

(Подает царю Максимилиану руку, тот ведет ее веселую на трон и поет песню.)

Царь Максимилиан

Поп давно нас в церкви ждет
С дьяконом, с дьячками.
Хором певчая поет,
Храм горит огнями...

ЯВЛЕНИЕ 48

Те же и Аника-воин.

Аника-воин

Эх, друзья,
Так жить нельзя!
Растрогали мое богатырское сердце
Из-за какой-то девчонки.
То ли я был не воин.
То ли я был не богатырь?!
Было нас два брата родных,
А третий-то товарищ — булатный меч,
А совесть оторвало совсем напрочь.
Я ходил, по чисту полю гулял,
С неба звезды хватал;
Был я в Италии,
Был я и далее;
Был я в Париже,
Был и поближе;
Был я и в Крыму,
Сидел и здесь на печке, в дыму,—
Нигде не нашел я ни здорника,
Ни покорника,
Ни встречного,
Ни поперечного,
С кем бы я мог сразиться,
На острых мечах сходиться!

(Прохаживается по сцене, размахивая мечом.)

ЯВЛЕНИЕ 49

На сцене появляется Смерть — высокая тонкая фигура, сплошь закрытая белым, с косой на плече; медленно двигаясь, приближается она к Анике воину; тот в ужасе пятится.

Аника-воин

Что ты за баба?
Что ты за пьяна?

Смерть

Я ведь не баба,
Я ведь не пьяна —

Я есть Смерть, твоя матка!

Аника-воин

Вот мне не было ни встречного,
Ни поперечного,
А теперь попала проклятая Смерть!
Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
На три года!

Смерть

Нет тебе льготы
На три года!

Аника-воин

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
Хоть на три месяца.

Смерть

Нет тебе льготы
На три месяца.

Аника-воин

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
На три дня.

Смерть

Нет тебе льготы
На три дня.

Аника-воин

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
Хоть на три часа.

Смерть

Нет тебе льготы
И на три часа —
Вот моя острая коса!

(Подкашивает косой Анику-воина. Тот падает мертвым. Смерть уходит как же медленно, как и пришла.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 50

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне Маркушку-гробокопателя.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 51

Те же и Маркушка.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всего света победитель,
Почто ты Маркушку-гробокопателя призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился?
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Опять до тебя, старый черт, есть дело:
Убери сие мертвое тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы из носу в рот от жары не текло!

Маркушка *(с неудовольствием)*

Опять каталажиться придется...
Не дадут и с старухой полежать.
(Подходит к мертвому телу и толкает его носком лаптя в бок.)
Эй ты, есёна-зелёна, вставай! Солнышко-то уж вон куда выкатилось.
(Показывает на небо палкой, стараясь при этом кого-нибудь задеть.)
Не встает, видно, всамделе помер.

(Обращается к царю Максимилиану.)
Да я его боюсь!

Царь Максимилиан

А вот я тебе велю вкатить сто или двести
В то самое место,
Откуда у тя ноги растут,
Так весь страх и пройдет.

Маркушка

Ну, ин, благословясь, попру,
За деньгам приду поутру.

(Впрягается в мертвое тело и волоком тащит его со сцены.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 52

Те и же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь.
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Приведи мне просвещенного владыку, чтобы обвенчал нас с Богиней. Жениться хочу.

Скороход

Иду и приведу.

Царь Максимилиан

Да смотри же скорей веди — не терпится!

ЯВЛЕНИЕ 53

На сцене появляются Священник и Дьякон. Священник в рогоже, накинутой на плечи вместо ризы; в руках лапоть на веревке вместо кадила. Дьякон в длинном белом балахоне.

Священник

Дьякон, дьякон!

Дьякон

Что, батюшка?

Священник

Поди и принеси мне венчанную книгу.

Дьякон

А где она, батюшка?

Священник

В старом алтаре, на полке,
За тиликоном, в опорке.

Дьякон

А помнишь ли — в кабаке-то пропили!

Священник

Так принеси хоть заупокойную!

Дьякон

А на заупокойную-то опохмелялись.

Священник

Ну, молчи, отваляем и так. Читай еваньель.

Дьякон

Во время оно,
Когда не было ни земли, ни неба,
Шел я городом Москвою,
Увидах я храмину большую,
И сидяша в нем мужи верные,
Держаша чары вина мерные —
Кто за пять, кто за десять,
А я, грешный, выпил за дванадесять
И пьяный напился,
И на бок повалился.
Увидали меня два разбойника,
Подхватили меня под руки
И поставили на судище.
Стали меня судити,

Зачем такой пьяный,
И сказали: иди в мир чудеса творити!
Слава тебе, пиву бешеному,
Слава тебе, меду сыченому,
Слава тебе, горелка страдательная!
Пострадала еси от гонителя мучителя винокура,
Прошла еси огни и воды
И наскрось все медные трубы,
И вышла, аки Христос, чистая,
Бисером изукрашенная,
Каменьями драгоценными,
Жемчугами бесценными.
И мы к тебе ныне с веселием прибегаем,
Стаканчики полные наливаем
И досуха их выпиваем,
Славословим, глаголим, пророчим,
Все о горелке хлопочем.

Священник

Теперь валяй «прикинул»!

Дьякон *(поет)*

О-о-о-проки-и-и-нул!

Священник

Что ты, дурья голова, делаешь? Пой: «Положил еси...»

Дьякон *(поет)*

Положил еси на стойку пятак
От чистого сердца,
Живота просиша у тебя,
И дал еси мне полуштоф.

Священник во время этого пения берет за руки царя Максимилиана и Богиню и начинает водить их кругом трона.

Дьякон

Венчаются кулики,
Яко масляники!

Священник

А теперь стихиры запузыривай!

Дьякон

Как у Троицы было у Сергия,
У отца было у игумена,
У игумена было у строителя,
Свово монастыря не рачителя,
Своей обители разорителя,
Всея братии разгонителя —
Соберемся мы все, братия,
Пойдем мы вон из монастыря:
Пусть наш батюшка догадается,
Своим пеньем и ученьем сам занимается:
Пусть он ставит нам чаны дубовые,
Зеленым вином наполненные,
И отпустит бокалы медные,
Бокалы медные, ковши железные,
И пуще прежнего сам попьет,
А потом и нам поднесет.
Как не у обедни было, не у заутрени,
Не в большой-то колокол зазвонили,
На правом клиросе запели:
«Со похмелья-то голова болит!»
А на левом-то похватили:
«Зажигайте свечи,
Полезай на печи,
С печи на полати,
Ноги загибати...»
Тьфу ты! Не то совсем!

Все

(хором подхватывают и лихо и поют песню)

Солнце на закате,
Время на утрате...
Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились,
Во приятной тишине
Под березками одне...

Общая пляска, которою и заканчивается все представление.

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН (III)

Был царь Максимьян. У него был сын Адольфа. И он вздумал его женить, и приискал он ему невесту в тридевятом царстве, за тридевять земель, за тридевять морей. И вот позвал он его.

Адольфа

Что вы, папашенька, призываете,
Что мне делать повелеваете?

Царь Максимьян

А вот, за тридевять земель,
За тридевять морей.
В тридевятом царстве
Я там приискал тебе невесту.
Походка павлина,
Брови лебедины,
А нос как у журава.
Люба ли невеста?

Адольфа

Зреть не могу!

И он опять Скорохода-фельдмаршала и зовет.

Царь Максимьян

Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Он и бежит, Скороход-то.

Скороход-фельдмаршал

О великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала вызываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

Поди и отведи
Непокорного и непослушного сына Адольфу
В белокаменные палаты.
Может быть, он одумается.

Скороход-фельдмаршал

Пойду и отведу
Непокорного и непослушного сына Адольфу.

Царь Максимьян. *(Опять он и кричит.)*
Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Скороход-от и бежит.

Скороход-фельдмаршал
Что, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала вызываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян
Поди и приведи
Непокорного и непослушного сына Адольфу
Из белокаменных палат.

Скороход-фельдмаршал
Пойду и приведу
Непокорного и непослушного сына Адольфу
Из белокаменных палат.

Сын опять подходит.

Адольфа
Что, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что сына Адольфу вызываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян.
(Опять ему все рассказывает.)
За тридевять земель,
За тридевять морей,
В тридевятом царстве
Я нашел тебе невесту.
Походка павлина,
Брови соболины,
Нос как у журава.
Люба ли невеста?

Адольфа
Зреть не могу!

Царь Максимьян.

(Опять Скорохода он и вызывает.)

Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Скороход-фельдмаршал

Великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала вызываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

А поди и отведи
В белокаменны палаты сына Адольфу.
Может быть, он одумается через несколько часов там.

Он через сколько часов опять и зовет Скорохода-фельдмаршала.

Скороход-фельдмаршал

На что вы, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Скорохода-фельдмаршала вызываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

А сходи и приведи
Непокорного, непослушного сына Адольфу.

Скороход-фельдмаршал

Пойду и приведу
Непокорного, непослушного сына Адольфу.

А он придет к нему, на колени падет.

Адольфа

На что вы, папенька, сына призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

Я нашел для тебя невесту,
Походка павлина,
Брови соболины,
Нос как у журава.
Люба ли невеста?

Адольфа
Зреть не могу!
Царь Максимьян
Становись на леву руку!

Вот сын стал на леву руку. Он и кличет опять.

Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Он опять и бежит.

Скороход-фельдмаршал
О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала вызываете
И что делать повелеваете?
Царь Максимьян
А поди и приведи палача Брамбеуса.
Скороход-фельдмаршал
Пойду и приведу палача Брамбеуса.

Вот и приходит к нему палач Брамбеус.

Палач Брамбеус
О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что вы палача Брамбеуса призываете
И что делать повелеваете?
Царь Максимьян
А вот, секи сыну голову.

А он кипул саблю.

Палач Брамбеус
Секи же сам.
Царь Максимьян
Ну, я говорю, секи два раза.

Он захватил два раза, а в третий раз голову и срубил.

Палач Брамбеус

Ну, два раза сек.
Ах, Адольфа, ты, Адольфа,
Как любил тебя сердечно,
Так казню себя навечно.

И себе голову срубил и пал.

Царь Максимьян *(опять и кричит).*

Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Скороход-фельдмаршал

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

Поди и приведи старика со старухой,
Пусть выроют могилу.

Вот придут Старик со Старухой с батожками.
Опять и кличут.

Старик со Старухой

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что вы старика со старухой призываете
И что делать повелеваете?

А Старик со Старухой смотрят на мертвые тела. Старуха говорит.

Старуха

Это пни да колоды лежат.

А Старик от ей отвечает.

Старик

Это не пни да не колоды,
А лежат все царски воеводы.

Старик со Старухой

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,

Грозный царь Максимьян,
На что старика со старухой призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

А копайте могилу и заройте мертвые тела.

Ну, вот, Старик и Старуха позарывали мертвые тела и вот опять и ушли, и приходят.

Старик со Старухой

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
Мы мертвые тельца обирали
И все платьица прервали.

Царь Максимьян

Скороход-фельдмаршал!
Явись перед троном грозного царя Максимьяна!

Опять Скороход и пришел.

Скороход-фельдмаршал

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

А поди и приведи швецов.
Вот надо сошить платье старику и старухе.

Скороход-фельдмаршал

Пойду и приведу портных.

Вот приходят опять портные.

Портные

Царь Максимьян,
На что вы портных призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

А сошейте старику и старухе по одежды.
Тебе чего, старичок, надо?

Старик

А мне нать пинжачок.

Старуха

Нет, нать балахончик.

Старик

Нет, мне нать пинжачок.

Портные все мерят, мерят. И вот до того домерили, уж ни на что уйдет у них.

Царь Максимьян

А тебе, старушенька, что надо?

Старуха

А мне нать казачок.

Старик

А тебе нать курта.

Старуха

Нет, мне нать казачок.

Опять Портной мерит, мерит, ножницами щелкает, ни на что и уйдет. И опять они уходят. Опять и приходят.

Старик со Старухой

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
Мы мертвые тела обирали и заболели.

Царь Максимьян

(он опять и кличет).

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед троном грозного царя Максимьяна.

Скороход-от он и придет.

Скороход-фельдмаршал

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимьян,
На что Скорохода-фельдмаршала призываете
И что делать повелеваете?

Царь Максимьян

Поди и приведи доктора.

Скороход-фельдмаршал

Пойду и приведу доктора.

Вот приходит Доктор.

Доктор

На что вы, царь Максимьян, доктора призываете
И что делать повелеваете?
Вот я доктор, вот я лекарь,
Вот я славнющий аптекарь.
Живых лечу,
А мертвых из угла в угол мечу.
И сам козлятью скачу.

Царь Максимьян

Ну вот, вылечите старика со старухой!

Доктор

Старинушка, у тебя что болит?

Старик

А у меня болят ноги.

Доктор

А твои бы ноги
Отсечь на пороге
И козлячьи вставить,
Тебя плясать заставить.
Пляши!

Старик пляшет.

У тебя, старушенька, что болит?

Старуха

А у меня рана.

Доктор

В твою бы рану
Вставить два деревенских барана,
Да охапку сена вставить,
И тебя плясать заставить.
Пляши!

И Старуха пляшет.

Старуха

У нашего Максимьяна солдаты сено едят.

Старик

Нет, не солдаты сено едят,
А собаки сено едят.

Старуха

А у нашего-то Максимьяна
Да и свиней на яйца садят.

Старик

Ха-ха-ха! Свиней на яйца садят!

КАК ФРАНЦУЗ МОСКВУ БРАЛ

Действующие лица:

Наполеон
Адъютант
Потемкин
Жена Потемкина
Генерал
Старик-гробокопатель
Старуха
Доктор
Коленкур
Раненые

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Царь Наполеон. Адъютант!

Это он кличет дежурного адъютанта. Он подходит.

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Наполеон. Как, братцы, наши ретируют?

Адъютант. Отступили на целый марш, ваше величество.

Царь Наполеон. Как, братцы, мы их победили, новыми лаврами себя наградили, вечернок 25 тысяч корпусов взяли.

Адъютант. Сколько их драло, столько наших побито.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Как, братец, дела русских?

Адьютант. Их оченно большое войско. А еще боле под командой генерала Раевского.

Царь Наполеон. Да вот. А где еще мой молодой генерал, который бил своих детей и на жертву мне их отдал и сказал: «Кто верует богу и великому государю, тот последует за ура», где он? Да и солдаты в это время вынули штыки и крикнули ура! Я знаю, братец, как вы пуляете большими шрапами, а штыки, это ужасть! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что в России новенького?

Адъютант. В России милостивый манифест.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать ко мне дежурного генерала.

Генерал подходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Генерал. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что есть новенького?

Генерал. Да еще особа графа Орлова — дочь Ичменского забрала свои уборы — жемчуга и бриллиянты, собрала несколько тысяч денег, отправила к царю для продовольствия русской армии.

Царь Наполеон. Как! И женщины русские идут против меня?

Генерал. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Ах, они черные державы. Ну вот, где захватите, брить их ко мне в солдаты.

Генерал. Мы, ваше величество, забрили одного в солдаты, и он взял да сам себе отрубил правую руку.

Царь Наполеон. Ах, они варварский народ! Необразованный! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать фуражира.

Адъютант. Ваше величество, фуражирную армию раз-

били и капитана убили наповал. А вот Потемкина мы в плен взяли.

Царь Наполеон. Как Потемкина в плен взяли?

Адъютант. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Потемкин должен через три часа расстрелян быть. Адъютант! Привесть ко мне Потемкина.

Потемкин приходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Потемкин. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Потемкин, ты теперича мой!

Потемкин. Никак нет, ваше величество. Еще война не кончилась.

Царь Наполеон. Потемкин, послушай, ты как служил своему государю Александру Николаевичу, послужи так и мне. Я тебе прибавлю чин. Дам награды. Ты будешь мой первый любимец.

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так я и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Потемкин, я тебя прикажу повесить или расстрелять.

Потемкин. Не мудрено, ваше величество, стами тысяч одного повесить или расстрелять.

Царь Наполеон. Адъютант! Отвесть Потемкина в темную темницу — не утолит ли он свое лютое сердце и не победит ли он своей гордости.

Потемкин. Что за горе-скука и печаль ни об чем не унывай? Ну, только жаль мне жену и детей. Быть посему, и за правду умираю. Хоть Москва в руках французов, но это, право, не беда, наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть пустил туда.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Привесть Потемкина.

Адъютант приводит тут Потемкина.

Царь Наполеон. Я вижу, ты повеселел. Так не хочешь ли ты мне послужить?

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Адъютант! Прочитать Потемкину приговор.

Адъютант *(читает)*. Его императорское величество со изволения царя Наполеона приказал пленного Потемкина ранить, потом убрать.

Тут сейчас в него выстрел дадут, он упадет, а его жена начнет вопить по нем.

ЯВЛЕНИЕ 4

Жена Потемкина. Милый ты мой защитник российский, на кого ты меня покидаешь, на кого малых детушек оставляешь? Теперь сгорел у нас в Москве домочек, и не стало у нас ни дома, ни тебя и ничегохонько. Как я буду жить-поживать? Как я без тебя буду век коротать?

Потемкин. Марья, не плачь, Александр услышит, не даст тебе по белому свету скитаться и шататься.

После этих слов Потемкина убивают.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать за стариком-гробокопателем. Надо прибрать Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело.

ЯВЛЕНИЕ 5

Старик *(приходит)*. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Когда ты, братец, называешься гробокопателем, то прибери вот Потемкина тело, чтобы по всей земле не тлело и не коптело, чтобы его вороны и сороки не клевали, которых мы сами будем есть.

Старик *(потом он говорит)*. Старуха, а старуха!

Старуха. А!

Старик. Ты ведь у меня делуха?

Старуха. Да. А что?

Старик. Истопи печку, свари ворону да зажарь рака с кар-

товий. Мы будем с тобой кушанья варить да его величество Наполеона кормить.

Старуха. Я нынче печку не топлю, и я французов не терплю.

Старик. Старуха, понесем хоронить Потемкина тело, чтобы оно по всей земле не тлело, отдадим ему последнюю честь, чтобы войну с французами с честью и похвалою снесть, чтобы нам Москву вернуть и Наполеона из России турнуть!

Потом она придет, понесут его. Потом он подходит к Наполеону и говорит.

Старик. Ваше величество, я нездоров.

Царь Наполеон. Садись, братец, здесь. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать главного доктора, излечить сего древнего старика.

Приходит Доктор и говорит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Доктор. Здравствуйте, все почтеннейшие господа, вот я прибыл из Англии сюда. Узнали ли вы меня? Кто я есть таков: турок, немец или поляк?

Тут все говорят.

Все. Поляк.

Доктор. Я не есть поляк, я есть лекарь, искусственных дел аптекарь. *(Тут он обращается к старику.)* Старик, что у тебя болит?

Старик. Голова.

Доктор. Обрить тебе догола, череп снять, наложить, зашить, он будет опять по-старому жить. Старик, что у тебя еще болит?

Старик. Зубы, зубы...

Доктор. Разбить тебе губы и зубы, забить еловую шишку, выпустить крови лишку, а нос твой выкинуть на мороз. На тебе вот страх мамары, положить тебя под пары, на тебе туртутских, купорос морских, чтобы тебе пронесло и на тот свет унесло. На вот тебе пулю из доверия, вытолкнуть тебя по шеи за двери. Вставай да за леченье денежки давай.

Старик. Ох, батюшки, были тут монеты *(шарит рукою в кармане он тут)*, да не те штаны надеты. Когда раздобуду, и я тебя не забуду.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать сюда Коленкура *(начальника вроде генерала)*.

ЯВЛЕНИЕ 7

Коленкур. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Ты, верно, братец, спал?

Коленкур. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. А я с своими большими планами не могу ни час заснуть.

Коленкур. Бессмертные не спят. И вы к тому подобны, ваше величество.

Царь Наполеон. Как ты, братец, думаешь об раненых? Я их хочу отправить.

Коленкур. Куда, ваше величество?

Царь Наполеон. Во Францию да во Францию. Дать им большую пенсию — у меня столько казны не достанет, или заводить военный госпиталь?

Коленкур. А вот что, ваше величество. Надо ли военный госпиталь заводить? А не лучше дать им по пилюле и отправить их вместо Франции на тот свет, а эта тайна будет сохраняться между нами с тобой двоих. По гроб жизни, ваше величество, никто знать не будет. А чем мучиться, лучше, братцы, умереть.

Наполеон. И то дело. Принеси-ко да угости-ко.

Тут приводят раненных. И с завязанными головами, руками, ногами. А Коленкур даст им по пилюле. Они тут падают на пол и умирают. Тут опять Наполеон зовет гробокопателя.

Наполеон. Прибрать солдатские тела, чтобы они по всей земле не тлели.

Старик. Ну уж мне и работы много. Всех раненых солдат надо перетаскать. Одному тяжело. Надо опять позвать старуху. Старуха, а старуха!

Старуха. Ау.

Старик. Где ты?

Старуха. В хлеву, коровушку дою.

Старик. Не вздумай серого волка молоком кормить. Ему и рака хорошо. Вот он что наделал-то. Поди-ко сюда, посмотри-ко.

Старуха. Я сейчас возьму вилы и дам ему в бок три дыры.

Тут Старуха вбегает с вилами и бежит за Наполеоном, который от нее убегает.

ПАРАША

Действующие лица:

Степан, Василий } извозчики
Семен Иванович, староста, с бляхой.
Параша, его дочь.
Иван Петрович, смотритель почтовой станции, из жидов, в долгом халате.
Проезжающий купец, одет в сибирке.

Входят Степан и Василий, извозчики, и поют песню:

Экой Ванька, разудалая голова,
Сколь удалая головушка твоя,
Сколь далече уезжаешь от меня,
На кого же спокидаешь, друг, меня.

Входит Параша.

Параша. Здравствуйте!

Степан уходит, остается один Василий Петрович, подходит к Параше, обнимает ее и говорит.

Василий. Прасковья Семеновна! Любите ли вы меня? Если вы меня не любите, пойду распрощусь с белым светом. Верно, судьба моя такая! *(Уходит.)*

Параша. Василий, не ходи, Василий, воротись!

Василий Петрович. Прасковья Семеновна, любите ли

вы меня? Если вы любите меня, подойдите и подайте мне правую руку.

Параша подходит и подает руку, а в это время выходит староста Семен, выпивши, и поет.

Староста. Вдоль по улице метелица метет,
По метелице мой миленький идет.
Ах, вы тут!

Параша и Василий расскакиваются в стороны.

А что староста! Я староста Семен Иванович. Семена Ивановича старосту знают все. Я хотя и лыком шит, по все-таки чиновный человек, по крайней мере, староста. Пойду схожу к Ивану Петровичу, он меня попотчует. *(Колотится у дома Ивана Петровича.)* Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома, дома, Семен Иванович, дома!

Староста. Иван Петрович! Я к тебе в гости. Ты меня попотчуешь?

Иван Петрович. Иди, иди, Семен Иванович, попотчую, попотчую.

Староста. Иван Петрович! Знаешь мою дочку Параньку?

Иван Петрович. Знаю, знаю, Семен Иванович, хорошая девка.

Староста. Да, славная девка, Иван Петрович! Я за тебя ее замуж отдам.

Иван Петрович. Что вы, Семен Иванович, я слышал, что она за извозчика Василия выходит.

Староста. Что вы! Моя Паранька да за Василия? Да я его в солдаты отдам.

Уходит от смотрителя. Выходит на сцену один Василий Петрович, ходит, пригорюнившись; входит Степан.

Степан. Что ж ты, Василий Петрович, пригорюнился? Точно мышь на крупу села.

Василий Петрович. Эх, Степан, как мне не горевать! Одна лошадь издержалася — куда я на одной буду извозчичать? Как я буду другую лошадь покупать?

Степан. Да ты бы сходил к дяде Семену Ивановичу денег

попросил. К тому же я слышал, что ты на Параньке жениться хочешь?

Василий Петрович. Эх, Степан, не смейся, далеко она мне не ровня.

Степан. Ну, дак сходи к Ивану Петровичу. Он хотя и жид, но хороший человек. Наверное, вам на лошадь деньги даст.

Василий Петрович. А и правду, Степан, сходить к Ивану Петровичу. *(Приходит и колотится у квартиры Ивана Петровича.)* Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома. А что вам нужно?

Василий Петрович. Иван Петрович, я к вашей милости. У меня вот лошадь издержалася, другую нужно купить. Не даете ли вы мне денег?

Иван Петрович. Хорошо, Василий! Только вы мне лошадь в залог приведите да еще сапоги в залог снимите. Я и дам денег.

Василий Петрович заплакал и пошел прочь. Встречает Степана.

Степан. Ну что, Василий, смотритель дал денег?

Василий Петрович. Эх, Степан! Да он лошадь в залог требует, да и сапоги с ног велит снять.

Степан. Ах, он мерзкая харя! На, Василий, сто рублей, разживайся с богом!

В это время вбегает староста Семен.

Староста. Эй, ребята! Степан, Василий! Который поедет купца везти?

Степан. Василий! Поезжай, кстати, там и лошадь возьмешь.

Василий уходит, и за стеной брякает колокольчик. Приезжает обратно и встречает Степана.

Степан. Что, Василий, взял лошадь?

Василий Петрович. Нет, не взял, не подошла.

В это время староста кричит.

Староста. Эй, ребята, Степан, Василий! Который купца-то вез?

Василий Петрович. Дядя Семен, я вез.

Староста. Купец деньги потерял, пять тысяч рублей. Ты не взял ли?

Василий Петрович. Нет, дядя, не взял.

Староста. Но все-таки нужно тебя обыскать.

Входит купец. Василия обыскивают — находят сто рублей.

Степан. Эти деньги у него мои: я ему на лошадь дал.

Купец. Нет, это не мои. У меня пять тысяч было, а тут только сто рублей.

Староста Василия арестует.

Степан. Василий в чем ездил-то, не остались ли деньги в экипаже?

Василий Петрович. Иди, Степан, посмотри там в телеге.

Степан уходит смотреть и возвращается с деньгами.

Степан. Дядя Семен, деньги-то здесь, нашлись.

Купец. Вот это мои деньги.

Староста. А, дак ты Василия напрасно оклепал?

Купец дает Василию пятьсот рублей.

Староста *(кричит)*. Василий у меня молодец, Василий хороший, я за Василия дочку Параньку отдам.

Вмешивается Смотритель.

Смотритель. Что вы, Семен Иванович, хотели Параньку за меня отдать, а Василия в солдаты сдать.

Староста. Ах, ты мерзкая харя! Да вот тебе свиное ухо, а не Паранька.

Показывает угол полы. Смотритель убегает, и все расходятся.

ПЬЕСЫ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

ТЕАТР ПЕТРУШКИ

ПЕТР ИВАНОВИЧ УКСУСОВ

Действующие лица:

(Петр Иванович Уксусов) Петрушка.
Барин.
Барыня (Катерина Ивановна).
Филимошка.
Немец.
Солдат.
Матрена Ивановна.
Цыган Мор.
Лошадь.
Барап.
Доктор.
Арап.
Черт.
Городовые.

Действующим лицом в некоторых пьесах бывает Шарманщик, вступающий с Петрушкой в разговор.

№ 1. Петрушка, Барин и Барыня

Петрушка *(за сценой).* Приду, приду, сейчас приду... *(Выходит.)* И вот я пришел. Доброго здравия, господа почтенные, здравствуйте. Я прибыл первый, первый раз сюда господ

повеселить, посмешить, позабавить и с праздником поздравить. Прогулялся, промотался. Было у меня 6 гривен и руп остался в кармане.

Барин. Желаешь поступить ко мне во служение?

Петрушка. Желаю поступить во служение.

Барин. Сколько на месяц жалованья возьмешь?

Петрушка. Что, барин, пожалуете.

Барин. Первый месяц пуд мякины, второй пуд веревки, третий двести палок.

Петрушка. Это будет маловато, барин.

Барин. Будешь стараться, так прибавлю. Бегом! Налево кругом! Марш!

Катерина Ивановна выходит и танцует, при этом играет музыка, если она есть. Петрушка выходит.

Барин. Ты зачем пришел?

Петрушка. Барин, гости приехали.

Барин. Давно?

Петрушка. Через полчаса времени.

Барин. Самовар наставил?

Петрушка. Я самовар наставил, да он убежал.

Барин. Куда самовар убежал?

Петрушка. На вокзал.

Барин. Что ж ты врешь? Разве самовар с ногами, живой?

Петрушка. Виноват, барин. Самовар остался, а кипяток убежал.

Барин. Так и говори. Возьми барыню под ручку и ступай скорей домой.

Петрушка. Барыня, потише: здесь лестница крутая, проход узкий. Потише, пупочка, губочка, бу, бу, бу, мамочка.

№ 2. Петрушка и Филимошка

Филимошка выходит с песней: «Я в Копорье бывал, много, много горечка видал. Гулю, гулю чижичек, как мы были у дружек».

Петрушка. Ох, какая веселая песенка, откуда ты явился? Что ты продаешь?

Филимошка. Я не продаю, а песню пою. Здорово, Петрушка.

Петрушка. Здравия желаю.

Филимошка. Разве меня не узнаешь?

Петрушка. Я тебя первый раз вижу.

Филимошка. Не помнишь наши прежние времена?

Петрушка. Какие времена?

Филимошка. Не помнишь, как мы с тобой погуливали?

Петрушка. Да где?

Филимошка. В Москве.

Петрушка. Что мы там делали?

Филимошка. Гуляли в Марьиной роще.

Петрушка. Вот куда мы забрались! В Москву! В Марьиной роще. Что мы там пили?

Филимошка. Коньяк, шампанское, портвейн, кофе и чай.

Петрушка *(бьет его по голове)*. Головой не качай!

Филимошка. Я на это не сердит. Чем ты меня угощаешь?

Петрушка. Я тебя угощу. Как тебя звать?

Филимошка. Меня звать Филимошка.

Петрушка. Ах, какое хорошее имя — Барабошка.

Филимошка. Не Барабошка — Филимошка.

Петрушка. Как тебя имя отечески?

Филимошка. Снемоха.

Петрушка. Твое дело тут плохо.

Филимошка. Чем ты меня тут угощаешь?

Петрушка. Подожди, я тебе сейчас принесу коньяку. *(Уходит.)*

Филимошка *(поет)*. «Дует, дует ветерок...» Наливай давай.

Петрушка *(выходит и бьет его палкой)*. Выпивай.

Филимошка. Это я не пью.

Петрушка. Вот тебе коньяку *(бьет его)*.

Филимошка. Я не хочу.

Петрушка. Вот тебе закуска: котлет да рябчики *(бьет)*.

Филимошка падает.

№ 3. Петрушка и Немец

Немец. Фонтерлинтенлинтен.

Петрушка. Ты зачем пришел сюда?

Немец *(качает головой в знак непонимания).*

Петрушка. Здравствуй, здравствуй *(качает тоже головой).* Что, ты тут целый день кланяться будешь? Говори что-нибудь по-русски.

Немец. Я немец.

Петрушка. Перец?

Немец. Мой говорит по-немецку!

Петрушка. По-шведску?

Немец. По-немецку!

Петрушка. По-турецку!

Немец. Не по-турецку, по-немецку!

Петрушка. Как?

Немец. Шпрехен зи дейтч.

Петрушка. Иван Андреич.

Немец. Шпрехен зи дейтч?

Петрушка. Шпрехен зи дейтч.

Немец. О ja!

Петрушка. Я.

Немец. Ja.

Петрушка. Нас тут двое, больше нет.

Немец. Гут морген.

Петрушка. За что по морде?

Немец. Вас?

Петрушка. За что меня, не понимаю. Дам тебе по-питерски раз.

Немец. Вас ист дас?

Петрушка. Вот тебе раз *(дерутся и уходит).*

Немец. Куда он ушел? Я ему палкой дам три раза по голове. *(Уходит.)*

Петрушка. Что он тут бормотал? Я спою песенку сейчас. Кому попало, мне здорово попало. *(Спрашивает у народа.)* Что, мой затылок здесь?

Выходит Немец с палкой. Петрушка хватается за палку.

Петрушка. Пусти палку!

Немец. Не дам.

Петрушка выхватывает палку.

Немец. Вас?

Петрушка. Вот тебе раз. *(Бьет его.)*

Немец. Донэр вэттер.

Петрушка. Вот тебе «дерет ветер» *(добивает его)*. Вставай, вставай! Что ж ты спишь? Полно притворяться! *(Носит, приговаривая.)* Огурцы зеленые и поросята.

№ 4. Петрушка и Матрена Ивановна

Матрена *(за сценой)*. Матрена придет и гостинца принесет. Матрена придет и сороковку принесет.

Петрушка. Матрена Ивановна, скорей выходи, а то я все стекла разобью.

Матрена. Кто там?

Петрушка. Петр Иванович Уксусов.

Матрена. Подожди, сейчас кофе напьюсь.

Петрушка. Матрена говорила «с картофелем напьется».

Матрена. Здрасте, господа! *(Выходит.)*

Петрушка. Здравствуйте, красотка моя. Как вы проживаете?

Матрена. Я слыхала, что ты здесь гуляешь, мотаешь, музыка нанимаешь, а мне с деревни письма не присылаешь. Фу.

Петрушка. Матрена засердилася на меня, прости, больше никогда не буду.

Матрена *(подходит)*. Вставай ты, мне жалко.

Петрушка. За это я тебе завтра поеду в Петербург и куплю салопы, башмаки, чулки и туфли.

Матрена. Это я люблю.

Петрушка. Давай поцелуемся за этого. Сахарные губки я закусаю. Матреночка, ступай домой, наставь самовар, а я приду кофе пить.

Матрена. Я без тебя не пойду.

Петрушка. Пойдем, я тебе провожу. Матреночка, потише: здесь лестница крутая, проход узкий. Потише, губочка, пупочка. Бу, бу, бу, мамочка.

№ 5. Петрушка и Солдат

Солдат. Что ты здесь шумишь?

Петрушка. Не я, барин.

Солдат. Кто же?

Петрушка. Музыкант.

Солдат. Полно тебе спориться. Велено тебя в солдаты взять.

Петрушка. Я в жобаки не гожусь.

Солдат. Какой «в жобаки» — в солдаты.

Петрушка. У меня гороб есть.

Солдат. А где твой гороб? На спине?

Петрушка. На спине. *(Солдат его осматривает.)* Ты не здесь смотришь. *(Бьет его.)*

Солдат. Ты зачем дерешься? Я принесу ружье и сдам в солдаты.

Петрушка *(плачет)*. Пропала моя головочка не за копеечку. Матрена Ивановна, прощай! Колпак с кисточкой пропал.

Солдат. Полно плакать, вот тебе ружье.

Петрушка. Это, барин, палка, не ружье.

Солдат. Сперва обучают с палками, а потом с ружьем. Бери!

Петрушка. Давай.

Солдат. На плечо!

Петрушка. Горячо.

Солдат. Ты молчи.

Петрушка. Молчи ты тоже.

Солдат. Ровно!

Петрушка. Марья Петровна!

Солдат. Какой ты бестолковый.

Петрушка. Давай целковый, пойду пропью.

Солдат. Налево круг!

Петрушка *(бьет его палкой.)* Направо вдруг.

Солдат. Ты что делал?

Петрушка. Виноват, барин, я ушел и упал. Простите меня, это первый раз.

Солдат. Я тебе первый раз прощаю, а больше этого не сделай. Слушай моей команды.

Петрушка. Слушаю с пустого кармана.

Солдат. Какой «кармана» — команды: лево-право, лево-право. Марш!

Петрушка бьет. Солдат падает.

№ 6. Петрушка и Цыган.

Цыган *(поет)*. Я цыган, дрыган, кошку трогал на порогу. Илорала, илорала.

Петрушка. О, какой красивый и веселый. Ты зачем пришел?

Цыган. Я пришел лошади продавать.

Петрушка. Ты пришел лошадей воровать? Попробуй-ка!

Цыган. Я не пришел воровать, а продавать.

Петрушка. Какая у тебя есть лошадка?

Цыган. У меня есть: первая пега, вторая помесь чала, которая головой качала, а третья — грива густая, а голова пустая.

Петрушка. Ого! Чисто форсистые лошади. Сколько? Сколько ты просишь за лошадь?

Цыган. Сто пятьдесят рублей.

Петрушка. Неужели сто восемьдесят гвоздей?

Цыган. Не гвоздей, рублей.

Петрушка. Дрожжей?

Цыган. Не дрожжей, а рублей.

Петрушка. Голубей?

Цыган. Не голубей, а рублей.

Петрушка. Шестьдесят гр[ивен] с пятаками и [полтора]пятака.

Цыган. Это мало.

Петрушка. Цыган, иди сюда, что ты засиделся? Вот тебе сто рублей.

Цыган. Мало.

Петрушка. Чтоб тебя разорвало!

Цыган. Какой ты «разорвало». Это маловато.

Петрушка. Вот сто восемьдесят.

Цыган. Давай, барин, задатку.

Петрушка. Давай сперва лошадку.

Цыган. По наше цыгански вперед задатку, а потом лошадку.

Петрушка. Что тебе дать — серебра, золота или бумажку? *(Уходя.)* Я тебе отсчитаю деревяшку.

Цыган. Дует, дует ветерок... Погуливай, гуливай. Никому не скажем.

Выходит Петрушка.

Петрушка. Считай деньги.
Цыган. Где деньги?
Петрушка. Вот здесь, считай.
Цыган. Раз, два, три... А где деньги?

Петрушка бьет его палкой.

Цыган. Мне таких денег не надо. Бери лошадку, мне не надо задатка.

Петрушка. Ты просишь сто восемьдесят. Вот тебе триста шестьдесят! *(Бьет его.)* Вот восемьсот! *(Бьет.)*

Цыган уходит и присылает лошадь.

№ 7. Петрушка и Лошадь

Петрушка. Я деньги отдал Цыгану, задатку. Теперь придет лошадка.

Садится на лошадь и разъезжает. Лошадь сбрасывает его и лягает.

№ 8. Петрушка и Доктор

Петрушка. Мене лошадь свалила. Я умираю, доктора, да франц[узского] доктора. Я умираю. Через три года помру.

Доктор *(выходит).* Я франц[узский] доктор. Я доктор — лекарь, примошт-аптекарь. Народы величаю, на тот свет их отправляю. Приводят живых, на тот свет отправляю мертвых. Что болит?

Петрушка. Голова болит.

Доктор *(осматривая голову).* Это средство маленькое. Дам тебе лекарство: остричь догола, череп снять, кипятком ошпарить, на плиту поджарить.., с полена дров ударить, будет голова здоров.

Петрушка. Это вроде жаркое будет.

Доктор. А где еще болит? *(Осматривает его.)*

Петрушка. Пониже, повыше, правей, чуть-чуть левей.

Доктор. Что ты тут мне ерундишь? Встань да покажи.

Петрушка. Не могу. *(Стонет.)*

Доктор. Поднимись.

Петрушка. Тише, тише, доктор, терпеть не могу, я умираю, умираю! *(Стонет.)*

Доктор. Покажи, а где болит?

Петрушка. А где [у] вас болит?

Доктор. Я ведь доктор.

Петрушка. Я сам доктор!

Доктор. Зачем звал?

Петрушка. Зачем пришел?

Доктор. Заплатите за мой визит.

Петрушка. Сколько?

Доктор. Три рубля.

Петрушка. А у меня трех копеек нет.

Доктор. Я пойду жаловаться в полицу.

Петрушка. В больницу?!

Доктор. Не в больницу, а в полицу.

Петрушка *(бьет его палкой)*. Ступай жаловаться, ступай.

№ 9. Петрушка, Арап и Городовые

Арап. Чимбирибидрим.

Петрушка. Ты кто? Такой черный, откудова явился?

Арап. Я арап.

Петрушка. Что ж ты знаешь, когда арап.

Арап. Я умею арапскую пантомиму представлять.

Петрушка. Покажи ее.

Арап бьет Петрушку по щекам.

Петрушка. Э, брат, такой пантомиму я лучше представляю. Давай принесу. Я могу песенки спевать да играть.

Арап. Ну, покажи.

Петрушка. Я пойду русску скрипку возьму.

Арап. Покажи, что знаешь.

Петрушка *(бьет его палкой)*. Я могу по-русски играть.

Арап. Нет, давай я лучше сыграю. *(Старается его ударить.)*

Петрушка. Не попал, не попал. Давай-ка я еще попробую. *(Убивает Арапа и уходит.)*

Городовой. А где скандалист, который прибил человека? Где он?

Петрушка *(выходит и бьет палкой Городового.)* Это я!

Городовой. Ты что человека прибил?

Петрушка. Не твое дело. *(Бьет его.)*

Городовой. Ты что дерешься? Вот тебе по зубам.

Петрушка. Ты мне по зубам, а я тебе по затылку. *(Убивает Городового.)*

Второй Городовой выходит.

Петрушка *(таскает Арапа и Городового).* Картофель, огурцы зеленые и поросята!

Второй Городовой. Что ты несешь?

Петрушка. Мешок.

Второй Городовой. Что в мешке?

Петрушка. Картофель.

Второй Городовой. Покажи.

Петрушка. Не покажу.

Второй Городовой. Не знаешь, кто я?

Петрушка. Кто вы?

Второй Городовой. Я городовой.

Петрушка. Да что ты мне сделаешь?

Второй Городовой. Пойду жаловаться в полицу.

Петрушка. В больницу?

Второй Городовой. Не в больницу, а в полицу.

Петрушка. Ты пойдешь жаловаться? *(Бьет и прогоняет его.)*

№ 10. Петрушка, Музыкант и баран

Петрушка. Это что такое?

Музыкант. Это московский баран.

Петрушка. Что? Это московский болван?

Музыкант. Это не болван, а баран.

Петрушка. Что он делает?

Музыкант. Он ученый.

Петрушка. Копченый?

Музыкант. Он живой.

Петрушка. С бородой? Покататься можно на им?

Музыкант. Только осторожно.

Петрушка. Это что висит?

Музыкант. Это хвост.

Петрушка. Прохвост?!

Музыкант. Это не прохвост, а хвост.

Петрушка. Что такое у него болтается?

Музыкант. Лапка.

Петрушка. Бабка?

Музыкант. Не бабка, а лапка.

Петрушка. Теперь поеду на им. *(Баран его схватывает и уносит.)* Тише, тише, не рви рубашку: заплатишь сто пятьдесят рублей и семь гривен.

Уходят. Петрушка стонет.

Вместо барана иногда черт.

ПЕТРУШКА

Петрушка. Тра-ра-ра, тра-ра-ра, тра-ра-ра! Музыкант, а музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. А знаешь что?

Музыкант. Что такое?

Петрушка. А вот что: сколько ни волочиться, задумал, брат, жениться.

Музыкант. Хорошее это дело. Было бы на ком.

Петрушка. На Прасковье Степановной, на купечецкой дочери.

Музыкант. Ваня, а Ваня, а приданого много берешь?

Петрушка. Ого-го! Чертова пропасть.

Музыкант. А сколько?

Петрушка. Полбутылки водки, две селедки да еще бублик на закуску.

Музыкант. Приданое хорошее. Хороша ли невеста?

Петрушка. А вот сейчас покажу. Прасковья Степановна! Душечка, голубочка, пожалуйте! *(Вот пара так пара.)* Музыкант! Посмотри, какие губки, какие глазки, ох ты, мое сердечко. Давай станцуем с тобой! Гоп-гоп! тра-ра, гоп-гоп, тра-ра. От

так, от как! Ай да Прасковьюшка! Довольно! Довольно! Черт тебя бери, голова закружилася, уморилася моя голубочка. Как твое сердечко колотится, как твои губки трясутся! Пойдем, провожу, провожу. *(Идет и поет.)*. Марш, тра-ра! Вот и женился. Музыкант, а музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Слава богу, я женился.

Музыкант. Это хорошо, надо молодой жене лошадку купить.

Петрушка. У кого?

Музыкант. У цыгана.

Петрушка. А как его зовут?

Музыкант. Гаврило.

Петрушка. Поди, позови его.

Музыкант *(отказывается)*. Не великий барин, сам позовешь.

Петрушка. А где он живет?

Музыкант. На угле, в правом кабаке.

Петрушка. Гаврило, Гаврило! Гаврило-собачье рыло, ступай сюда!

Цыган *(идет и поет)*. Загуляла моя буйная головушка... Эй, здоров будь, мусью под шинелью. У-у-у-тю-тю.

Петрушка. Сумасшедший, что ты сказывал? Откуда ты?

Цыган. Да с Батурина.

Петрушка. Зачем ты пришел?

Цыган. Я слыхав, что твоя молодая жинка ленива пешком ходить, так ей треба лошадку купыть. А у меня есть персидский жеребец. Я уступлю, та продам. Что хвост, что грива — глядеть мило, а в грязи — хоть ложись, сам вези.

Петрушка. А дорого за него просишь?

Цыган. Да двести пятьдесят рублив.

Петрушка. Ой, ой, ей, что ты, сказывся, цыганское твое рыло!

Цыган. А сколько буде пан даваты?

Петрушка. Вот тебе сто рублей.

Цыган. А вот же, пане, мало.

Петрушка. Мало? Ну, на сто пятьдесят руб[лей].

Цыган. Да давай, пан, задатку.

Петрушка. Да приведи лошадку.

Цыган. А без задатку не приведу лошадку. Прощай.

Петрушка бьет Цыгана [...] и говорит.

Петрушка. Подожди, сейчас принесу задатку.

Цыган *(кричит)*. Эге, вот це так: купыв, не купыв, а драться не надо. Давай задатку!

Петрушка уходит и несет взамен задатку хорошую палку и начинает давать задатку.

Петрушка. Вот тебе рубль, вот тебе два!

Цыган. Ай-яй-яй!

Петрушка. Вот тебе три!

Цыган. Ай-ай! Где двери? Ай-ай-яй!

Петрушка. Получил задатку — веди лошадку.

Цыган. Иди, подсобы: не дается, передними ногами дерется.

Петрушка. А вот сейчас иду, иду! *(Петрушка останавливает лошадь.)* Тпру, тпру, тпру! Поворотись, лошадка, вот так. Музыкант! Какой конь поворотливый!

Музыкант. А что стоит?

Петрушка. Две тысячи. *(Коню.)* Стой! Надуть — четыре тысячи дадут. Ну, музыкант, прощай!

Музыкант. Куда ты?

Петрушка. Поеду в Варшаву.

Музыкант. Зачем?

Петрушка. За картошкой.

Музыкант. Привези и мне.

Петрушка. Тпру-тпру-тпру, стой, персидска, не брыкайся! Вот тебе игрушка, вот купыл черта за свои деньги. *(Падает с лошади.)* Ой, головушка, ой, пропала моя Прасковья Степановна! Ой, ой, музыкант! Позови доктора!

Музыкант. Сейчас. Одевается, идет.

Доктор. Я голландский штаб-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь и зуболечебный доктор. Настоящие костяные зубы вынимаю, деревянные вставляю, на тот свет живьем людей отправляю. Принимаю на ногах, отправляю на костылях. Которое место вас лошадка ушибла? Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. Стало быть, тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Кто же тебя разберет, то ниже, то повыше! Встань да покажи.

Петрушка. Встать да показать?

Доктор. Да, покажи.

Петрушка. А вот сейчас покажу да еще растолкую. *(Петрушка уходит и несет палку и бьет Доктора, показывая ему.)* То повыше, то пониже.

Доктор. Ай-ай-ай!

Петрушка. Музыкант, а музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Вот я ему показал да еще растолковал.

Петрушка *(бьет Доктора палкой в бока, приговаривая).* То повыше, то пониже. *(И наконец убивает его до смерти. Затем обращается к музыканту.)* Музыкант, а музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Ты помалкивай, на водку попадет.

Музыкант. А где деньги возьмешь?

Петрушка. Пойду у попа украду.

Музыкант. Я буду молчать, да надо его прибрать.

Петрушка. Я сейчас пойду и гробокопателя пришлю.

Музыкант играет полонез. Является Гробокопатель.

Гробокопатель. Ах, это, кажется, наш доктор-лекарь, каменный аптекарь. Сейчас пойду и старшего врача позову.

Приходит Старший врач и осматривает убитого Доктора.

Старший врач. Он убит, надо гроб купить.

Старший врач и Гробокопатель уходят и затем появляются с гробом, с которого они своею головой, вернее, лбом счищают пыль, после чего берут убитого Доктора и тащут его каждый к себе, в разные стороны, затем кладут его в гроб, причем утаптывают его в гробу каждый своею головою. Когда таким образом укладывают тело, Старший врач начинает плакать, наклонившись над гробом. В это время Гробокопатель накрывает их обоих крышкой и, садясь верхом на гроб, говорит: «Здесь не место, что такое тесно?» Старший врач, однако, выры-

вается из-под крышки, причем Гробокопатель опрокидывается в сторону. Рассерженный Старший врач приходит в азарт, и у него начинается драка с Гробокопателем. После этого они мирятся, закрывают в гробу убитого Доктора и уносят его при звуках полонеза.

Петрушка. Вот и похоронили доктора. *(Обращается к Музыканту.)* Музыкант, дай табачку понюхать! *(Тот дает.)* Ах, хорошо! Ох, какой крепкий! *(Чихает.)* Апчхи-апчхи! Фу, какой крепкий! Апчхи-апчхи!

Идет Солдат.

Солдат. Ты что здесь буянишь и не боишься никого?

Петрушка. Апчхи!

Солдат. Смирно!

Петрушка. Апчхи!

Солдат. Молчать! На ружье и слушай команду!

Петрушка. Апчхи!

Солдат. Молчать, я говорю!

Петрушка. Тю-тю, сумасшедший причепывся.

Солдат. Смирно, я тебе говорю!

Петрушка. Что ты будешь говорить?

Солдат. Молчать! Слушай команду!

Петрушка. А-бо-бо-бо.

Солдат. Смирно! Слушай команду!

Петрушка. Слушаю.

Солдат. Молчать! Как я скажу «раз», так и ты говори «раз». Раз!

Петрушка. Два!

Солдат. Болван, не так!

Петрушка. А как же?

Солдат. А вот как: раз-раз, два-два. Понял?

Петрушка. Ага, значит, вот так-то.

Солдат. Ну да, так. Раз!

Петрушка. Раз-раз, два-два.

Солдат. Да не так! Болван!

Петрушка. А как же?

Солдат. Надо медленно.

Петрушка. Ага, вот так-то.

Солдат. Ну да, так. Раз!

Петрушка. Ра-а-аз!

Солдат. Да не так, болван! Что ты затянул.

Петрушка. А как же?

Солдат. Надо отчетливо.

Петрушка. Ага, хорошо. Раз, два, три — пали! Вот тебе и запомнил. *(Солдат лежит убитый, Петрушка зовет его.)* Вставай, чего ты испугался? Вставай! *(Протяжно.)* Да вставай! Музыкант! Не говори, на водку дам.

Идет Старик, отец Солдата.

Старик. Музыкант, а музыкант! Ты не видел, где мой сын Максим?

Музыкант. Не видел.

Старик. А это кто лежит? Да это мой сын! *(Старик плачет.)* Двадцать пять лет прослужил и где свою головку положил! Вставай, мой сыночек, вставай, родимый!

Выскакивает Петрушка с палкой и убивает Старика. И приказывает Музыканту никому не сказывать. Приходит Товарищ убитого.

Товарищ. Кто здесь валяется? А вот как, ишь, канальи пьяные! А? И товарищ тут? А, да они никак убитые? Музыкант, что тут было?

Музыкант. А это Ванька-разбойник.

Петрушка *(выскакивает и приказывает Музыканту).* Молчать!

Товарищ. Музыкант! А скажи, пожалуйста, где он живет?

Петрушка *(опять выходит и приказывает Музыканту).* Не говори! *(Потом Петрушка выходит с палкой, показывает, где он живет, и убивает Товарища.)* Теперь надо убирать. *(Садится на них на троих.)* Гоп-гоп! *(И убирает по одному. Кладет Солдата и приговаривает.)* Вот этого крупчатку — раз! А вот этого черта старого за чупрыну — два, а вот этого черта толстомордого — три! *(Петрушка уходит с ними.)*

Встреча Петрушки с Приятелем.

Петрушка *(сидит и поет).*

Чижик, чижик, где ты был,
За речкою водку пил.

(Тут неизвестно кто вдаряет его по затылку палкой.) Вот тебе и выпил! Музыкант, кто это свистнул мне по затылку?

Музыкант. Это комар летел, крылом задел.

Петрушка. Какой, черт, крылом, аж шишка вскочила!

Музыкант. Ну посмотри его направо, налево. Ах ты, вот он.

Тут выходит Старик в белом саване. Петрушка при виде этого Старика кричит.

Петрушка. О, батюшки-светы, это пришла с того света смерть.

Старик. Нет, я не смерть.

Петрушка. А кто же ты?

Старик. Я товарищ твой.

Петрушка. Какой ты товарищ?

Старик. А ты помнишь город Тросну, когда мы стояли с тобой на мосту, пили водку и закусывали колбасой?

Петрушка. Ага-га! Вот какой ты мне товарищ!

Старик. Значит, узнал ты меня?

Петрушка. Узнал.

Старик. Значит, теперь водкой угостишь?

Петрушка. Угощу.

Старик. И колбаски купишь?

Петрушка. Куплю.

Старик. И коржичка купишь?

Петрушка. Куплю. Сейчас все принесу.

Старик *(поет)*.

А как дует ветерок
с похмелья в кабачок.
Эй, товарищ, лей, наливай!

Петрушка. *(выходит с дубинкой в руках, бьет этого Товарища, приговаривая)*. Выпивай, закусывай колбасой!

Старик уходит. Петрушка сидит. Идет собака Барбос.

Петрушка. Ой, ой, ой, музыкант, это что?

Музыкант. Это собачка Барбос.

Петрушка. Это Барбос, да. А зачем он пришел?

Музыкант. Поиграться.

Петрушка. Подраться?

Музыкант. Не подраться — поиграться.

Петрушка. А как же с ним поиграть?

Музыкант. А вот зови его к себе.

Петрушка *(протяжно)*. Барбос, Барбос!

Барбос. Гав-гав!

Петрушка. Пошел прочь, я тебя терпеть не могу! *(Опять зовет.)* Барбосик, Барбосик!

Барбос. Гав-гав!

Петрушка. Пошел прочь! Я тебя терпеть не могу. *(Потом зовет опять.)* Барбосик, ступай ко мне.

Барбос. Гав!

Собака хватает его за руку.

Петрушка. Барбос! Рубашку порвешь!

Собака хватает его за нос.

Петрушка *(кричит)*. Ой, ой! Барбос! Пропал мой нос! Ой, ой, ратуйте, ратуйте!

ПЕТРУШКА

ПЕТРУШКА НАНИМАЕТСЯ В УСЛУЖЕНИЕ К БАРИНУ

Петрушка *(входит)*. Доброе здоровье всем господам почтенным! Здравствуйте! Сегодняшний день я прибыл сюда господ повеселить и посмешить, и детей позабавить *(если в праздничный день — «и с праздником поздравить», в будний — «с наступающим, с прошедшим»). (К музыканту.)* Как поживаете нынче?

Музыкант. Помаленечку.

Петрушка. Музыкант, у меня горе случилось.

Музыкант. Какое у тебе горе?

Петрушка. Я поехал в Москву, торговал камнем, ветром, кирпичом и остался ни при чем.

Музыкант. Теперь что желаете?

Петрушка. Я желаю куда-нибудь в услуженье поступить.

Музыкант. Я вам дам хорошее место.

Петрушка. Что? Невеста?

Музыкант. Нет, хорошее место.

Входит Барин.

Петрушка. Мое вам почтенье. Желаю поступить к вам в услуженье.

Барин. Много ли возьмете в месяц жалованья?

Петрушка. Сколько пожалуете.

Барин. Будешь стараться — прибавлю, а худо — отбавлю (*вариант:* первый месяц — пуд мякины, второй месяц — четверик гнилой рябины). Беги бегом!

Петрушка. Налево кругом! *(Уходит.)*

Входит Екатерина Ивановна. Барин танцует с Екатериной Ивановной. Входит Петрушка.

Барин. Ты зачем пришел?

Петрушка. Гости приехали, ожидают чаю кушать.

Барин. А самовар поставил?

Петрушка. Я самовар-то поставил, да он у меня убежал.

Барин. Куда убежал?

Петрушка. В Москву за капустой (*вариант:* в Тулу за паспортом).

Барин. А разве самовар с ногами, что ли?

Петрушка. То есть виноват, барин, самовар-то остался, да кипяток убежал.

Барин. Так и говори. Бери барыню под ручку и ступай скорей.

Петрушка. Барыня, не упадите, тут лестница крутая, проходы узенькие, не упадите. *(Уходит с Екатериной Ивановной и Барином.)*

Входят два арапа. Перебрасывают палку, потом дерутся. Один поднимает другого на палке и убегает.

МАТРЕНА ИВАНОВНА ИЗ ДЕРЕВНИ ПРИЕХАЛА

Петрушка *(входит.)* Музыкант, знаешь, у меня радость есть!

Музыкант. Я знаю твою радость — Матрена Ивановна из деревни приехала.

Петрушка. Музыкант, знаешь, где она живет?

Музыкант. Я знаю, где она живет.

Петрушка. Скажи, пожалуйста, где она живет?

Музыкант. Вот же адрес. В Сан-Петербурге, в Семеновском полку, дом плесивый, фундамент соломенный, хозяин каменный № 9.

Петрушка. Пойду поищу. *(Считает по ширме.)* Раз, 4, 11, 13, 9. Матрена Ивановна, отвори. *(За ширмой поет петух.)* Музыкант, никак я в курятник попал? Петушок поет... В какой номер ты мне сказал?

Музыкант. В девятый.

Петрушка. Я попал в двадцать десятый. Опять пойду поищу. *(Стучит.)* Матрена Ивановна, отвори, а то все стекла перебью.

Матрена Ивановна. Кто там?

Петрушка. Петрушка, Петр Иванов Уксусов.

Матрена Ивановна. Сейчас приду, кофе напьюсь.

Петрушка. Музыкант, она сейчас придет, картофелю напьется.

Музыкант. Разве картофелю пьют? Она кофе напьется.

Петрушка. А я думал, картофелю. *(Пляшет.)* Матрена придет, гостинцев принесет!

Входит Матрена Ивановна.

Матрена Ивановна. Здрасти, господа!

Петрушка. Здрасти, Матрена Иванна. Как вы поживаете?

Матрена Ивановна. Да хорошо, твое почтенье. Я слыхала, ты здесь гуляешь, музыку нанимаешь, а мне в деревню писем не посылаешь.

Петрушка. Как я не писал? Я две письмы писал и деньги послал, полтораста рублей.

Матрена Ивановна. С кем ты послал?

Петрушка. С почтой — с почмейстером, с почтальоном, с телеграфистом. Со всей почтой послал.

Матрена Ивановна. А я пойду и спрошу.

Петрушка. Погодите, я сам приду, обновку вам куплю, гостинцы: зонтик, муфту, туфли, капот, салоп, чулку, башмаки с бахрамами.

Матрена Ивановна. Вот это я люблю.

Петрушка. Ну теперь давай потанцуем с тобой.

Матрена Ивановна. А музика есть?

Петрушка. Музика-то есть, да что вы будете танцювать? Кадрили, вальсы, польки?

Матрена Ивановна. Я польки, тарантели и пальцы не понимаю.

Петрушка. А что вы знаете?

Матрена Ивановна. А только знаю одно — по-деревенски: «гоп! гоп!» *(Танцует.)*

Музыкант. У меня таких нот нет — «гоп! гоп!».

Петрушка. Ну, камаринскую! (Петрушка танцует с Матреной Ивановной.)

Петрушка. Матрена Иванна, иди домой, ставь самовар — я сейчас домой приду чай пить.

Матрена Ивановна. Я одна не пойду.

Петрушка. Идите потихоньки, не упадите. *(Вместе идут домой.)*

ДОКТОР ЛЕЧИТ ПЕТРУШКУ

Петрушка *(входит.)* Музыкант, ты здесь?

Музыкант. Здесь.

Петрушка. Я пойду гулять.

Вбегает собака и кусает его за руку и за нос.

Петрушка. Барбос, пусти мой нос! *(Собака убегает.)* Музыкант, кровь идет с носу?

Музыкант. Идет.

Петрушка. Давай скорей доктора французского, а то я умираю, через три года умру. *(Падает на ширму.)* Умер! *(Лежит.)*

Входит Доктор.

Доктор. Я господин доктор, лекарь, с-под Каменного моста аптекарь. Лечить умею, в три дни морить поспею. Ко мне приводят живых, а я на тот свет отправляю мертвых. Эй ты, больной, вставай!

Петрушка. Я умер.

Доктор. Разве мертвые говорят? Ведь ты больной, вставай!

Петрушка. Я не могу.

Доктор. Где в тебе болит?

Петрушка. Голова.

Доктор. Обрить догола, череп снять, кипятком ошпарить, поленом дров ударить, и будет голова здорова.

Петрушка. Я не поросенок.

Доктор. Это лекарства такая. Что еще болит? *(Поднимает Петрушку.)*

Петрушка. Потише, потише!

Доктор. Теперь укажи, где болит?

Петрушка. Собака Барбос откусил мой нос.

Доктор *(смотрит нос.)* Я вам поставлю маленький пластир. Называется по-французски, по-латыни — поко де пепо де писипиримпи и пампарампа. Намазать на тряпочку, положить в нос, и нос будет здоров.

Петрушка. Как же, господин доктор? Нос на тряпочку, тряпочку на пластирь, и нос будет здоров?

Доктор. Не понимаешь. Пластир на тряпочку, тряпочку на нос. Позвольте за визит.

Петрушка. Что такое висит? Здесь ничего не висит.

Доктор. Я говорю — за визит, а не висит.

Петрушка. Сколько вам за визит?

Доктор. Два рубля.

Петрушка. Какие вам деньги нужны — круглые, длинные или березовые?

Доктор. Разве есть березовые деньги?

Петрушка. Есть в лесу.

Доктор. Что такое говоришь?

Петрушка. Нет, нет, я сейчас принесу. *(Уходит, приносит палку, ударяет Доктора.)*

Доктор. Что это такое?

Петрушка. Это березовые деньги *(бьет)*. Руб, два, три. *(Доктор падает.)* Музыкант, что доктор, угорел?

Музыкант. Нет, не угорел, а ты его убил.

Петрушка. Теперь я сам доктор. *(Слушает сердцебиение Доктора, плачет.)* Доктор, вставайте, вставайте. *(Уносит его.)*

КАПРАЛ ОБУЧАЕТ ПЕТРУШКУ

Петрушка *(входит.)* Музыкант, я никому не поддамся.

Офицер *(начальник)*. Ты это здесь народ убиваешь?

Петрушка. Нет, это не я.

Офицер. А кто?

Петрушка. Это Музыкант.

Офицер. *(Музыканту)*. Ты здесь народ разбиваешь?

Музыкант. Нет, это Петр Иванович.

Офицер. Полно тебе спориться. Я тебя сдам в солдаты.

Петрушка. Что? В салаты?

Офицер. Нет, солдаты.

Петрушка. Что, в собаки?

Офицер. Какое в собаки — в солдаты. *(Уходит.)*

Петрушка *(плачет)*. Теперь я пропал — сдадут меня в солдаты.

Офицер *(входит)*. Полно тебе плакать. Вот тебе ружье.

Петрушка. Это палка, а не ружье.

Офицер. Сперва дураков бьют палкой, а потом ружьем. Бери!

Петрушка. Давай.

Офицер. Держи палку!

Петрушка. Держу.

Офицер. Смотри!

Петрушка. Смотрю.

Офицер. Слушай!

Петрушка. Я кушаю.

Офицер. Ты не кушай, а слушай! Ровно!

Петрушка. Марья Петровна!

Офицер. Какой тебе Марья Петровна! Ровно. Какой ты бестолковый!

Петрушка. Давай целковый.

Офицер. Какой тебе целковый? Сперва научись, а потом и спрашивай целковый. На плечо!

Петрушка. Горячо!

Офицер. Ты помолчи!

Петрушка. И ты молчи.

Офицер. Дурак, я тебя учу.

Петрушка. И я тебя учу.

Офицер. Налево вкруг!

Петрушка. Направо вдруг! *(Ударяет офицера.)*

Офицер. Ты что делаешь?

Петрушка. Виноват, ваше благородие! Споткнулся да прямо на вашу милость наткнулся.

Офицер. Смеешь ли ты спотыкаться?

Петрушка. Простите, ваше благородие, больше никогда не буду.

Офицер. Иди за мной.

Петрушка. Иду.

Офицер. Лево, право, лево, право! *(Идет впереди, Петрушка сзади.)*

Петрушка. Марш, марш! *(Ударяет офицера и уходит за ним.)*

ФИЛИМОШКА

(седой старик с длинной седой бородой)

Филимошка *(входит и поет).*

Я в Копорьюшке бывал,
Много горюшка видал!

Петрушка. Ой, батюшки, какой седой! Красавец писаный! Чистый ладожский утопленник!

Филимошка *(бьет Петрушку по лицу и говорит).* Здравствуй, Петрушка!

Петрушка. Это что такое? Вот так и здравствуй. Ты кто такой?

Филимошка. А разве ты меня не узнал?

Петрушка. Я тебя первый раз вижу такого страшного.

Филимошка. А помнишь, как мы с тобой погуливали?

Петрушка. Где, в котором месте?

Филимошка. В Москве, в Марьиной роще.

Петрушка. Что такое — в гостях у тещи?

Филимошка. Нет, не в гостях у тещи, а в Марьиной роще.

Петрушка. Что мы там пили?

Филимошка. Мы там пили херес, донское, лимонад, кофе и чай.

Петрушка *(ударяет Филимошку палкой.)* Ты головой не качай.

Филимошка *(чешет затылок и говорит)*: Я говорю не «головой качай», а «кофе и чай».

Петрушка. Когда знакомый, так как тебя звать?

Филимошка. Мене звать — Филимошка, московский гуляк.

Петрушка. Что такое — московский дурак?

Филимошка. Нет, московский гуляк.

Петрушка. Зачем ты пришел?

Филимошка. Я пришел, чтобы ты меня чем-нибудь угостил, с именинами поздравил *(поет)*:

Дует, дует ветерок
Из трактира в погребок!

Петрушка. Я сейчас пойду в погреб, принесу тебе шампанскаю, лимонаду, портвейну. *(Уходит, возвращается с палкой и ударяет Филимошку.)* Выпивай!

Филимошка. Нет, я этого не пью.

Петрушка. Так вот тебе коньяку *(бьет и убивает).* Музыкант, что́ Филимошка, опьянел?

Музыкант. Нет, ты его убил.

Петрушка. Много водки пил. *(Берет Филимошку на плечо и убегает.)*

ПЕТРУШКА С ГОРОДОВЫМ

Петрушка входит с мешком, в котором Филимошка.

Городовой. Ты что несешь?
Петрушка. Мешок.
Городовой. А что в этом мешке?
Петрушка. Ка-ка — картофель.
Городовой. А покажи мне этот картофель.
Петрушка. Нет, не покажу.
Городовой. Я пойду на тебя жаловаться.
Петрушка. Куда?
Городовой. В полицию.
Петрушка. В больницу, что ли?
Городовой. Какой в больницу, в полицию.
Петрушка. Позвольте вас спросить, кто вы такой?
Городовой. Городовой.
Петрушка. А я сам околоточный. *(Бьет Городового Филимошкой.)* Ступай жалуйся.

СЦЕНА С БАРАНОМ

Баран идет по ширме.

Петрушка. Музыкант, кто это такой?
Музыкант. Это московский баран.
Петрушка. Что он у тебя делает?
Музыкант. Он у меня ученый.
Петрушка. Что такое — копченый?
Музыкант. Нет, не копченый, а ученый.
Петрушка. Кататься на нем можно?
Музыкант. Можно-то можно, да осторожно.

Петрушка садится на барана, баран утаскивает Петрушку за ширму.

КОНЕЦ

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ПОД НАЗВАНИЕМ «ПЕТРУШКА»

Выход Петрушки.

Здравию желаем, господа! Будьте здоровы, с тем днем и праздником, который сегодня. (*Обращается к Музыканту.*) Музыкант! Ты знаешь, брат, что?

Музыкант. А что?

Петрушка. Я, брат, хочу жениться.

Музыкант. Не плохое дело, а именно на ком?

Петрушка. О-е-е-ей! На Прасковье Степановне, на купеческой дочери.

Музыкант. А приданого, Ваня, много берешь?

Петрушка. Сорок четыре тысячи и полкварты водки, две селедки, икры и бутылки фунта три.

Музыкант. Приданое неплохое, а невеста хороша?

Петрушка. Е-е-ей, очень хороша!

Музыкант. А ну, покажи.

Петрушка. Сейчас позову. (*Зовет.*) Парасковия Степановна! Душечка, ангелочек мой, цветочек, пожалуйте сюда! (*Парасковия идет. В это время Ваня встречает и крепко к сердцу прижимает и целует и спрашивает.*) Как ваше здоровье, Парасковия Степановна? (*Обращается к Музыканту.*) Музыкант! А что, моя невеста хороша?

Музыкант. Хороша-то хороша, да немножко слепа.

Петрушка. Неправда! Какой глазочек, какой бровочек, ротик, носик, а сисочки какие (*и в это время целует*). Музыкант! Сыграй нам камаринского!

Ваня и Невеста танцуют и поют:

Ну, шевелись,
Когда деньги завелись!
Ходи, хата, ходи, печь,
Хозяину негде лечь.

Потом Ваня ее обнимает и домой провожает.

Петрушка. Музыкант! Я, слава богу, женился.

Музыкант. Теперь надо молодой жене лошадку купить.

Петрушка. То-то, брат, у кого купить?

Музыкант. У цыгана Гаврыла.

Петрушка. А где он живет?

Музыкант. На правой стороне в большом кабаке.

Петрушка (*зовет Цыгана*). Эй, Гаврыло, замазанное рыло, поди сюда!

Цыган (*идет и поет*).

Да туман яром,
А мороз долиною,
Да промеж тыми туманами
Цыгане стояли.

А здоров був, пане. Чего тебе треба?

Петрушка. Я слышал, что у тебя есть продажная лошадка. А дорого хочешь? И хороша она?

Цыган. Хороша-то хороша. Не сопата, не горбата, жива, не подорвата, а бежит — земля дрожит, а впадет — три дня лежит, а в грязи — разорвись, хоть сам вези.

Петрушка. Сколько хочешь?

Цыган. Двести пятьдесят рублей.

Петрушка. Это дорого.

Цыган. Сколько пан будет давать?

Петрушка. Сто рублей.

Цыган. Мало, пан, даешь.

Петрушка. Сто двадцать.

Цыган. Давай, пан, задатку.

Петрушка. Приведи лошадку.

Цыган. Без задатку не отдам лошадку. Прощай, пане. (*Петрушка в это время ловит Цыгана за чуб и ударяет об стенку.*) Купив не купив, а драться не надо. Давай, пан, задатку. (*В это время Ваня уходит.*) Наше дело — украсть, продать, променять, деньги получить, закусить, выпить. (*В это время Ваня палку несет.*)

Петрушка. Ну, цыган, получай задатку! (*И бьет палкой по голове.*) Вот тебе рубль!

Цыган (*кричит*). А-я-яй!

Петрушка. Вот тебе два, три, четыре, пять.

Цыган получает задатку и убегает.

Петрушка (*выезжает на лошадке*). А что, музыкант, хороша моя лошадка для молодой жены?

Музыкант. Хороша, только хрома.

Петрушка. Врешь, она хороша! Сыграй-ка мне галоп.

Во время катания лошадь сбрасывает и бьет Ваню и потом убегает. В это время Ваня кричит.

Петрушка. Ой, боже мой! Болит около сердца! Кому моя Парасковья Степановна достанется?

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Позовите мне доктора!

Музыкант. А вот и доктор идет.

Доктор. Я — доктор-лекарь, немецкий аптекарь. Ко мне приводят на ногах, а отправляю на костылях. Где у тебя болит?

Петрушка. Повыше!

Доктор. Где, здесь?

Петрушка. Пониже!

Доктор. Где, здесь?

Петрушка. Повыше!

Доктор. Черт тебя разберет: то повыше, то пониже, то повыше, то пониже! Вставай, будь здоров!

Ваня *(встает)*. А сколько, доктор, вам за труд?

Доктор. Пять рублей. (*Ваня пошел.*) Давай скорей деньги! Наше дело микстуру прописать, деньги, кожу драть и на тот свет отправлять.

В это время Ваня входит и вместо пяти рублей приносит палку и отдает доктору палочные удары.

Петрушка. Вот тебе рубль, вот тебе два! Вот тебе три!

Доктор остальных денег не получает, а убегает.

Петрушка (*Музыканту*). А что, хорошо доктор деньги получил?

Музыкант. Хорошо.

Петрушка. О, теперь я сяду, посижу и песенку спою.

Чижик-пыжик, где ты был?
На рыночке водку пил.
Выпил рюмку, выпил две —
Закружилось в голове!

Полицейский (*ударяет Ваню*). Ты что здесь, мерзавец,

шумишь, кричишь, никому спать не даешь? Я к тебе пришлю Барбоса, он откусит тебе длинный нос!

В это время вбегает Барбос, Ваня останавливается и начинает его дразнить.

Петрушка. Цю-цю!

Барбос. Гав-гав! (*Хватает Ваню.*)

Петрушка (*вторично дразнит*). Цю-цю!

Барбос. Гав-гав! (*Хватает его.*)

Петрушка (*с публикой прощается и кричит*). Барбос, Барбос, пропал мой длинный нос!

Конец оратора Вани.

ПЕТРУШКА, ОН ЖЕ «ВАНЬКА РАТАТУЙ»

ЯВЛЕНИЕ 1

За сценой где-то внизу, слышится сперва дребезжащий, громкий крик: «А-о-о-о-у! у! Ха-ха-ха-ха». Вслед за тем появляется Петрушка. Одет он в красную сорочку, плисовые штаны и лаковые сапоги. На голове дурацкий колпак.

Петрушка (*раскланивается с публикой*). Здравствуйте, господа! Я пришел... Я, Петрушка-мусье, пришел повеселить вас всех: больших и малых, молодых и старых! (*Поет.*)

Я Петрушка, Петрушка,
Веселый мальчуган!
Без меры вино пью,
Всегда весел и пою:
Тра-ля-ля! Тра-ля-ля-ля-ля!..
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Так вот я каков Петрушка!.. Ах (*ударяет себя по лбу*), забыл! Петрушка-то Петрушка, а прозвище как?.. Ра-та-туй!.. слышите? Ра-та-туй!.. (*Смеется. Садится на барьер и стучит рукою.*) Музыкант!

ЯВЛЕНИЕ 2

Музыкант. Что скажешь, Петрушка?

Петрушка. Я тебе новость скажу.

Музыкант. Какую?

Петрушка. Я задумал, брат, жениться. Что за жизнь холостого!.. Все тебя обижают... А вот когда женюсь, приданое возьму... Ой, ой, ой, как заживу!..

Музыкант. А на ком ты, Петрушка, жениться задумал?

Петрушка. На дочери купца. (*Называет фамилию самого богатого в данной местности купца или помещика.*)

Музыкант. А приданого много берешь?

Петрушка. У-у-у!.. Больше, чем сам стою.

Музыкант. Да врешь ты, Петрушка, она за тебя не пойдет, только в изъян введет; последние гроши потратишь, да еще по спине схватишь... Брось!

Петрушка. Ну, брат, врешь! Такого молодца кто не полюбит? (*Охорашивается.*)

Музыкант. Так ты покажи невесту.

Петрушка. Это можно!.. Дело несложно. Сейчас приведу и тебе покажу. (*Скрывается и выводит куклу*). Смотри, Музыкант, хороша невеста?

Музыкант. Хороша-то хороша... да курноса.

Петрушка. Ай, врешь, музыкант! Да ты посмотри, что за глазки, что за ротик!.. Ручки!! Губки!! Шейка!! Добыть такую сам сумей-ка!.. А пляшет-то!.. Ну-ка сыграй кусочек чего-нибудь!

Музыка играет камаринского. Петрушка с Невестой пляшет.

Музыкант. Все это хорошо и ладно, да для тебя будет накладно: барышня богата, спесива, ходить пешком ленива... Нужно, брат, лошадь купить...

Петрушка (*озабоченно*). А где ее купишь?

Музыкант. Да у цыган.

Петрушка (*важно*). Ну, так сегодня лошадь приведи!

Музыкант. И сам не барин: сходишь и приведешь.

Петрушка. Так не пойдешь?

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Цыган. Кукла одета по-цыгански и с кнутом за поясом.

Цыган (*кланяясь*). Здравствуй, Петрушка-мусье!

Петрушка. Здравствуй, здравствуй, фараоново отродье! Что тебе надобно, говори скорее, а то у меня недолго, погоню и по шее.

Цыган. Петрушка-мусье, мне сказали на шоссе, что тебе лошадь нужна.

Петрушка. А, лошадь?! Нужна, нужна, нужна... А хороша ли лошадь?

Цыган. Лошадь хоть куда! Без гривы, без хвоста...

Петрушка (*перебивая*). Что хвост и грива?.. Одно украшенье... А голова есть?

Цыган. Только и есть, что голова одна... Да и ее еще нет... коновалу в починку отдана.

Петрушка. А масти какой?

Цыган. Серая.

Петрушка. А добра-то она?

Цыган. Очень добрая: под гору — бежит-скачет, а на гору ползет-плачет. А если в грязь упадет — сам тащи, как знаешь, зато божиться готов, что не трясет: рысью не бегает, а шагом еле-еле идет.

Петрушка. Ха-ха-ха! Вот так лошадь! Как раз по мне и по будущей жене. Дамы трусливы, а лошадь без головы, значит, смирная будет. *(Цыгану.)* Пойди приведи.

Цыган уходит.

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что?

Петрушка. Сколько ему за лошадь дать?

Музыкант. Да рублей 15 дай.

Петрушка. Дорого. А вот я с ним поторгуюсь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Цыган входит, ведя лошадь.

Петрушка. Ну и лошадка!.. Ай, ай, ай!.. Сколько тебе за нее?

Цыган. 200 рублей.

Петрушка. Дороговато... Получи палку-кучерявку да дубинку-горбинку и по шее тебе и в спинку.

Цыган. Прибавь, Петрушка-мусье, детишкам на сало...

Петрушка. Так это тебе мало?.. Ну так подожди, я пойду тебе задаток принесу. *(Уходит, немедленно возвращается с пал-*

кой. Подходит к Цыгану сзади и бьет его по голове.) Вот тебе задаток! Вот тебе задаток...

Цыган убегает, оставив лошадь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, без Цыгана.

Петрушка. Послушай, Музыкант, хороша лошадь?

Музыкант. Хороша, да стара.

Петрушка. Врешь!.. Я сейчас узнаю, как ее оседлаю. (*Садится на лошадь. Та бьет задом. Петрушка кричит*). Тр! Тр!.. пру!.. тпру!.. (*Падает.*) Доктора! Ой, пропал!..

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же. Входит Доктор. Одет весь в черное, с огромными очками.

Доктор (*к публике*). Я доктор, с Кузнецкого моста пекарь, лекарь и аптекарь. Когда приходят больные господа, я их лечу удачно всегда; живо их что делать научу... Иногда вместо хины мышьяку всучу... Ко мне людей ведут на ногах, а от меня везут на дрогах. А каких принесут на руках, так тех везут на погост на санях...

Петрушка (*жалобно*). Ах, Доктор, не губи меня: пусть от тебя я не поеду ни на дрогах, ни на санях... меня бы в пролетке отправил и тем от смерти избавил.

Доктор. Ну говори, где болит, покажи!

Петрушка. Вот тут.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. То пониже, то повыше!.. Встань, встань да покажи. (*Берет его за ухо.*)

Петрушка (*вскакивает*). А!.. Гм!.. Благодарю!.. Я уже здоров!

Доктор. Теперь плати за лечение!

Петрушка. Наше почтение!.. За что?

Доктор. Известно: за лечение.

Петрушка. Хорошо. Я пойду плату принесу. (*Уходит и возвращается с палкой.*) Я даром не лечусь и с тобою, Доктор, расплачусь по-своему. (*Бьет его по голове. Тот бегает. Петрушка за ним. Доктор убегает. Петрушка за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Музыка играет вальс. Выходит Немец и пляшет. Входит Петрушка.

Петрушка. Музыкант, что это за птица?

Музыкант. Это француз, Петрушка-мусье.

Петрушка. Что ему тут нужно?

Музыкант. Не знаю. Сам спроси.

Петрушка. А как с ним здороваться?

Музыкант. Скажи: бон жур!

Петрушка (*немцу*). Бон жур!

Немец (*молча кланяется*).

Петрушка. Отчего он молчит?

Музыкант. Это немец.

Петрушка. Немец!.. Дойч, черт бы тебя побрал! Да как ты сюда попал?

Немец. Я... я... я...

Петрушка. Ты да я, нас с тобою двое... Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски.

Немец. Ва-а-с?

Петрушка. Ква-а-с? Какой тут квас?.. Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. (*Выталкивает немца вон.*) Музыкант! Немец ушел квас пить?

Петрушка. Нет, Петрушка-мусью, он сказал: сейчас наливки принесу.

Петрушка. Это хорошо. А я сяду и песню спою. (*Садится и, хлопая рукой по барьеру, поет*).

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Входит Немец и ударяет Петрушку палкой. Тот хватается за голову.

Ой, ой, ой!.. Что это такое?

Музыкант. Это тебя комар укусил.

Петрушка. Какой черт «комар укусил»; это вроде оглоблей залепил...

Музыкант. Не стоит внимания, Петрушка, пой песню.

Петрушка (*поет*).

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Является Немец и снова бьет его по голове. Петрушка быстро оборачивается и бросается на Немца. Начинается свалка. Петрушка побеждает. Опрокидывает Немца на барьер и его же палкой водит ему по горлу, крича: «Зарежу!» Потом, поворотив лицом вниз, ударяет его головою о барьер, приговаривая: «В зубы!.. в зубы!.. в зубы!..» Потом садится на него верхом и толчется на нем. Немец не шевелится. Петрушка несколько раз прикладывает ухо к груди Немца и окончательно убеждается, что тот не дышит.

Петрушка. Музыкант, а ведь Немец пьян!..

Музыкант. Какое «пьян»? Ты его убил.

Петрушка. Кто его купил? Он сам пришел.

Музыкант. Убил, говорю я.

Петрушка. Убил?! Так прибери!

Музыкант. Ну, нет! Ты убил, ты и прибирай.

Петрушка. Нечего делать, нужно пойти за черничками. (*Музыкантам.*) А вы играйте... камаринского. Немца хороним!!. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Входят две Чернички. Берут они убитого Немца и закатывают в холст. Затем кланяются публике и уходят за гробом.

ЯВЛЕНИЕ 9

Музыкант. Что, Петрушка, печален?

Петрушка. Ах, музыкант, хоронить Немца нечем: денег не хватает.

Музыкант. А ты проси у публики. Может, что и дадут на похороны.

Петрушка. И то правда! Вот тебе тарелочка, возьми да обойди.

Музыкант берет тарелочку и обходит публику за пожертвованиями.

Петрушка (*кланяется и просит*). Пожертвуйте! Пожертвуйте, господа, на похороны Немца-подлеца! Он нечаянно на ярославца Петрушку налетел да гриб съел и... подавился!..

Музыкант отдает собранное Петрушке.

Петрушка. Ого!.. Да тут еще от похорон на поминки останется!

Чернички вносят гроб. Берут Немца и начинают мерить. В длину он оказывается короток, а в ширину узок. Три раза примеряют. Потом задумываются. Потом схватывают Немца, складывают, комкая его, втрое и запихивают в гроб. Одна из монахинь-черничек низко нагибается, чтобы посмотреть, удобно ли помещен усопший. Другая, по рассеянности, не замечает этого, прикрывает крышку гроба, причем защемляет голову своей товарки. Та кричит благим матом, стараясь всеми силами вырваться. Когда ей это, наконец, удается, затевает драку с рассеянной товаркой. Наконец, под звуки камаринского гроб уносят.

ЯВЛЕНИЕ 10

Петрушка (*вбегает вприсядку и, весело хлопая в ладошки, кричит*). Музыкант, похоронил шельму-Немца!.. Три рубля стоило... А без меня тут никто не приходил?

Музыкант. Приходил офицер, тебя искал.

Петрушка. А на что я ему?

Музыкант. За убийство Немца, говорит, Петрушку в солдаты взять велел.

Петрушка (*плачет*). Ой-ой-ой!!. А ты ему, Музыкант, скажи, что Петрушки дома нет: в Москву за песнями поехал.

ЯВЛЕНИЕ 11

Входит Капрал и ударяет Петрушку по голове.

Петрушка (*хватаясь за голову*). Караул!

Капрал. Чего шумишь-кричишь, благородным людям спокою не даешь? (*Бьет еще.*)

Петрушка. Караул!!. Полиция!!. Музыкант, что ж ты меня не оборонишь?

Музыкант. Это, Петрушка-мусью, сам Капрал...

Петрушка. А чтоб его черт побрал!.. Да что ему нужно?

Музыкант. Он тебя по-солдатски учить будет.

Петрушка. Ой, ой... ой!!. Что вам нужно?

Капрал. Вот я тебя в солдаты возьму.

Петрушка. Я не гожусь.

Капрал. Почему?

Петрушка. У меня горб.

Капрал. А где он у тебя?

Петрушка. Он там, хата на горе, так он остался в трубе.

Капрал. Ты что чепуху порешь. Вот я тебя приемам учить буду. Будешь человек казенный.

Петрушка. Как же я буду человек скаженный?

Капрал. Так ты шутки шутить?! (*Бьет его.*)

Петрушка (*хватается за голову*). Ой, ой!.. что мне теперь делать? Пропал я с головой; пропала и моя шапочка с кисточкой! Музыкант, наймись за меня служить.

Музыкант. Сколько дашь?

Петрушка. Две копейки да кулаком по зашейке.

Музыкант. Ну, и сам не барин, отслужишь!

Капрал. Слушай команду!.. Говори: раз!

Петрушка. Слушай команду!.. Говори: раз!

Капрал (*Бьет его*). Не переговаривать! Говори: раз!

Петрушка. Раз.

Капрал. Два.

Петрушка. Два!

Капрал. Три!

Петрушка. Сколько?

Капрал. А вот сколько. (*Бьет его.*)

Петрушка. Пошел ты к черту с своей наукой!

Капрал бьет сильнее.

Капрал. Говори: раз!

Петрушка. Раз!

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!..

Петрушка. Четыре!..

Капрал. Раз!.. Два!.. Три!.. (*Каждый раз бьет его.*) Бери ружье!

Петрушка. Разве это ружье?.. Это дубина.

Капрал. Молчать, скотина!.. Напра-во!

Петрушка, размахнув ружьем, бьет Капрала.

Капрал. Это что такое? (*Бьет его.*)

Петрушка. Это я споткнулся...

Капрал. Я тебе дам!.. Слушай!.. направо, налево — марш!

Петрушка (*взяв в обе руки ружье, бьет Капрала, приговаривая*). И на-право, и на-лево!.. И на-право... И на-лево... Получай!

Капрал убегает, Петрушка за ним.

ЯВЛЕНИЕ 12

Петрушка (*вбегает*). Музыкант, Капрала проводил и концы схоронил. Теперь я человек свободный!.. Ха-ха-ха! Вот так Петрушка!.. (*Гладит себя рукой по голове.*) Невесту добыл. Немца убил, лошадь купил и подлеца Капрала проводил! Теперь песню спою.

Музыкант. Спой, Петрушка!

Петрушка (*поет*).

В огороде собачка гуляла,
Загнула крючком хвостик
И убежала...
Начнем песенку сначала.

Хороша песня, Музыкант?

Музыкант. Хороша.

Петрушка поет ту же песню. В это время является Собака внушительных размеров и хватает Петрушку за рукав.

Петрушка (*кричит*). Пошел!.. Пошел!.. Музыкант, оборони меня!

Музыкант. Это собака охотничья; она не укусит.

Петрушка (*жмется в угол*). Я боюсь... Пошел!.. Пошел!..

Собака уходит.

Петрушка. Постой, Музыкант, я палку возьму. (*Бежит и возвращается с палкой.*) Ну, теперь посмотрим!.. (*Зовет.*) Кутю!.. Кутю!.. На!.. кутюк, гав, гав, гав!.. Кутюк!.. гр!.. гр!..

Вбегает Собака и бросается на Петрушку. Тот бьет ее по голове, но Собака обезоруживает его, вырвав палку. Собака убегает.

Петрушка. Кутюк, кутюк, кутюк, на!..

Является Собака.

Петрушка. Музыкант, она укусит меня?

Музыкант. Нет. Она смирная.

Петрушка (*подходит осторожно к собаке и старается ее приласкать*). Кутю, кутю, кутюшечка!.. Собака, собачка, собачечка!.. Сучечка!.. Сучечка! (*Подходит все ближе.*)

В это время собака схватывает Петрушку за голову и начинает трепать. Петрушка отчаянно кричит. Собака его уносит за кулисы. Выскакивает другой (*кукла, одетая паяцем*) и кричит публике.

Паяц. Кончилось дело. Петрушку собака съела. Одно кончается — другое начинается. Пожалуйте, заходите, Петрушку посмотрите. А денег, если хотите, так хоть и не несите. И так пустим посмотреть. Не отдадите в кассе, отдадите в балагане... Как-нибудь помиримся с вами!.. Господа, господа! Пожалуйте сюда! Пять копеек деньги небольшие, а удовольствия — три короба!.. Заходите, заходите!..

ПЕТРУШКА

Петрушка (*выходит один и обращается к публике*). Доброго здоровья, господа почтенные! Здравствуйте! Я пришел к вам, господа, повеселиться, детей посмешить и позабавить и вас всех с праздником поздравить! Ха-ха-ха! Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Как ты поживаешь?

Музыкант. Слава богу.

Петрушка. А у меня опять худо.

Музыкант. В чем дело?

Петрушка. Торговал ветром, дымом, пылью, кирпичом и остался ни при чем.

Музыкант. А у меня есть место для тебя.

Петрушка. Что такое? Тесто?

Музыкант. Не тесто, а место.

Петрушка. А скоро ли барин придет?

Музыкант. Пойди взад да вперед, так и барин придет.

Выходит Барин.

Петрушка. Это самый он и есть?

Музыкант. Этот самый.

Петрушка (*к Барину*). Доброго здоровья, господину Барину.

Барин. Я слыхал, что ты желаешь поступить ко мне в услужение.

Петрушка. Со всем великим удовольствием.

Барин. Много ли возьмешь на месяц жалованья?

Петрушка. А сколько вы мне пожалуете?

Барин. Мало ли, много ли, не будешь у меня обижаться.

Петрушка. А я делать все буду стараться.

Барин. На первый месяц — пуд мякины, на второй месяц — четверть гнилой рябины, на третий — письмо Катеринки!

Петрушка. Барин, это кушанье будет немного кисловато.

Барин. Будешь стараться — прибавлю! А не станешь стараться — убавлю.

Петрушка. Постараюсь!..

Барин. Беги бегом!

Петрушка. Налево, кругом марш!

Музыкант играет. Выходит Катя и танцует вместе с Барином.

Петрушка (*вбегает впопыхах*). Барин, Барин!

Барин. Ты зачем сюда пришел?

Петрушка. К вашей милости, господин Барин, гости приехали, желают чаю кушать.

Барин. А ты у меня самовар поставил?

Петрушка. Виноват.

Барин. В чем виноват?

Петрушка. А виноват я в том: я самовар-то поставил и на стол приготовил, а самовар и убежал.

Барин. Ты что ж это, с ума сошел? Разве самовар с ногами? А куда он убежал?

Петрушка. К дворнику за паспортом.

Барин. Бери Барыню под руку и беги скорей домой.

Петрушка (*берет Катю под руку и уходит, говоря*). Тише, тише, здесь лестница крутая, проходы узенькие, не упадите, цыпелька, трамбамбулечка, пупынька, тише, тише, тише... бум-бум-бум...

Арап (*напевает*). Ля-ля-ля-ля...

Петрушка. Ты кто такой?

Арап. Я арап, арапски песни пою и арапски пантомины играю.

Петрушка. А как ты играешь?

Арап напевает какой-нибудь мотив и бьет Петрушку по голове.

Петрушка. Ты как это играл?

Арап. Я играл по-арапски.

Петрушка. А я умею играть по-русски.

Арап. А ну, поиграй.

Петрушка. Погоди, вот я сбегаю за русской скрипкой.

Уходит и возвращается с палкой.

Арап. Что это такое?

Петрушка. Это русская скрипка.

Арап. А ну играй!

Петрушка играет палкой и попадает Арапу по голове.

Арап. Ты как это играешь?

Петрушка. Я играю по-русски.

Арап. Как же твой музык попал, а мой музык — не попал?

Петрушка. Я тебя научу, если хочешь. (*Берет палку, играет ею и бьет Арапа по голове. Арап уходит. Петрушка обращается к Музыканту.*) Музыкант, хорошо я играл?

Музыкант. Хорошо, хорошо.

Петрушка скрывается. Является Филимошка и поет.

Я по Питеру гулял,
Много горюшка видал.
Гуляй, гуляй, мой дружок,
Гуляй, гуляй, чижичок!

При последних словах входит Петрушка.

Филимошка. Эй, здорово, Петрушка!

Петрушка. Здорово, здорово! А кто ты таков и как тебя зовут?

Филимошка. Меня зовут господин Картошкин.

Петрушка. Ха-ха-ха! Вот так хорошее имя, ха-ха-ха... Господин Картошка... Ну, братец ты мой, я тебя в первый раз вижу.

Филимошка. Нет, не первый. Разве ты не помнишь, как мы с тобой погуливали?

Петрушка. Я с тобой погуливал?

Филимошка. Да.

Петрушка. Да где же это?

Филимошка. В Москве, в Марьиной роще.

Петрушка. Что такое? В Москве? У старой тещи?

Филимошка. Не у тещи, а в Марьиной роще.

Петрушка. А что мы с тобой там делали?

Филимошка. Мы с тобой пили там шампанское, баварское пиво, кофе да чай.

Петрушка. А ты головой здесь не качай! *(Бьет Филимошку палкой по голове, тот покачивается, а Петрушка к нему.)* Почесывай, почесывай, здорово попал!.. Ха-ха-ха!

Филимошка. Я на этом не сердит. Да чем ты меня угостишь?

Петрушка. Я сбегаю в погреб, принесу две бутылки шампанского.

Филимошка. А ты не обманешь?

Петрушка. Нет. Подожди здесь, сейчас сбегаю и принесу.

Пихает Филимошку в угол и притискивает его, причем Филимошка кричит: «Уй-уй-уй-уй»...

Петрушка. Что я тебе сделал?

Филимошка. Ты меня чуть не задавил.

Петрушка. Это, братец, с радости. Сейчас, сейчас, сбегаю и принесу. *(Скрывается.)*

Филимошка *(один)*. Вот мы погуляем! *(Поет.)*

Дует, дует ветерок
Из трактира в погребок.
Гуляй да погуливай...

Петрушка *(выскакивает)*. А ты пока не рассказывай. *(Бьет его по голове.)*

Филимошка. Ай-ай-ай-ай!.. Это, братец ты мой, я не пью...

Петрушка *(продолжая бить)*. Пей другую, редко ходишь.

Филимошка. Нет, брат, я не хочу.

Петрушка. А тебе в глотку заколочу. *(Убивает его и кладет на край ширмы, после чего обращается к Музыканту.)* Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Картошкин опьянел.

Музыкант. Он не опьянел, а ты его убил.

Петрушка. Что такое? Я его не купил.

Музыкант. Не купил, а убил. Теперь его домой неси.

Петрушка. Он притворяется.

Музыкант. Возьми да разбуди.

Петрушка *(подходит к Филимошке)*. Вставай, Картошка, пойдем домой, смотри — народ идет. *(Прикладывает ухо к груди, как бы прислушиваясь к биению сердца, после чего обращается к Музыканту.)* А Картошка совсем капут.

Музыкант. А в чем дело?

Петрушка. У него душа лопнула.

Музыкант. Как так? Так ты убери его.

Петрушка *(кладет Филимошку к себе на плечо и обращается к Музыканту)*. Музыкант!

Музыкант. Что такое? А вот убери Филимошку, а то скоро городовой придет.

Петрушка. Нет, ты его, пожалуйста, убери. Я тебе за это гостинца куплю.

Музыкант. А какого гостинца ты дашь мне?

Петрушка. Я куплю тебе бутылку керосину.

Музыкант. Пей сам этот керосин, а я все-таки тащить Филимошку не стану.

Перед Петрушкой вдруг появляется Городовой.

Городовой. Ты что здесь несешь?

Петрушка *(трясется и запинаясь)*. Ме-ме-шок, барин.

Городовой. А что в этом мешку?

Петрушка *(продолжает трястись и так же запинаясь).* Кар-кар-кар-тошка.

Городовой. Покажи.

Петрушка. Нет, не покажу.

Городовой. А вот я пойду на тебя просить.

Петрушка. Куда?

Городовой. В полицию.

Петрушка. Что такое? В больницу? Я здоров, я не пойду в больницу.

Городовой. Не в больницу, а в полицию.

Петрушка. А ты кто таков?

Городовой. Я — городовой.

Петрушка. Что, ты городовой?

Городовой. Да.

Петрушка. Так вот тебе, вот тебе. *(Бьет палкой, и оба убегают.)*

Петрушка *(выходит один).* Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Тут меня никто не спрашивал?

Музыкант. Тут тебя спрашивал французский капрал.

Петрушка. Который здешнюю курицу украл?

Музыкант. Нет, не тот, что курицу украл, а французский капрал.

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Знаешь что? Если он опять придет, этот самый французский капрал, то скажи, что я пошел гулять. Смотри не забудь.

Музыкант. Нет, не забуду.

Петрушка *(уходит, но тут же возвращается с Французским капралом. При виде его от страха трясется).* Вот я и попался!

Капрал. Что ты здесь кричишь, шумишь, буянишь, народ обижаешь, прибил сотского, флотского и Антипку-кривого? А теперь мне попался.

Петрушка. Нет, это не я.

Капрал. А кто?

Петрушка. Это Музыкант.

Капрал *(обращаясь к Музыканту)*. Музыкант, это ты?

Музыкант. Нет, не я.

Петрушка. Нет, врешь, ты, ты, ты... *(говорят в одно*

Музыкант. Нет, врешь, ты, ты, ты... *время)*

Капрал. Полно шуметь. Сейчас принесу тебе ранец и ружье и сдам тебя в солдаты.

Петрушка. Нет, барин, в солдаты я не гожусь.

Капрал. А почему ты не годишься?

Петрушка. Потому что я горбатый.

Капрал. А где твой горб?

Петрушка. У меня на спине.

Капрал (*щупая*). Что ты врешь?!

Петрушка. Виноват, барин, я оставил его дома на печке.

Капрал. А ты бери-ка ружье и ранец, я сдам тебя в солдаты.

Петрушка *(к Музыканту)*. Музыкант! Меня сдают в солдаты.

Музыкант. Ну, ты малый славный, можешь служить.

Петрушка *(плачет)*. Пропала моя головушка ни за копеечку, сдают, меня в солдаты.

Капрал. Полно плакать. Надевай ранец!

Надевает ранец на Петрушку.

Петрушка. Ох, батюшки: ты мне руку сломаешь!

Капрал. Ничего, не сломаю. *(Уходит за ружьем.)*

Петрушка *(продолжая хныкать)*. Ой... пропал я, пропал я, придется на войну идти, пропала моя бедная Матрена Ивановна!

Капрал. Полно тебе плакать. Вот тебе ружье.

Петрушка. Ох, батюшки! Да ведь это не ружье, а палка.

Капрал. Полно дурака валять: сперва обучают палкой, а потом ружьем. Бери!

Петрушка. Беру.

Капрал. Держи!

Петрушка. Держу.

Капрал. Смотри!

Петрушка. Смотрю.

Капрал. Слушай!

Петрушка. Скушаю.

Капрал. Не кушать, а слушай. Держи ровно!

Петрушка. Что такое? Матрена Петровна?

Капрал. Не Матрена Петровна, а держи ровно! Какая тебе Матрена Петровна? Какой ты бестолковый!

Петрушка. Давай, беру целковый, пойди да принеси.

Капрал. Сперва научись, а потом проси. На плечо!

Петрушка. Горячо.

Капрал. Какое тебе горячо? На плечо! Стой прямее.

Петрушка. Покривее?

Капрал. Не так.

Петрушка. А так?

Капрал. Нет, так.

Петрушка. Не так?

Капрал. Нет, не так, а этак!

Петрушка и Капрал долго спорят, причем Петрушка бьет Капрала, и тот почесывает затылок.

Капрал. Ты что это сделал?

Петрушка. Виноват! Нечаянно спотыкнулся и на вашу голову наткнулся.

Капрал. Смеешь ли ты спотыкаться?

Петрушка. Виноват, простите.

Капрал. Хорошо, первый раз прощаю, а в другой раз накажу. Иди за мной.

Петрушка. Иду *(марширует)*.

Капрал. Левой, правой, левой, правой...

Петрушка *(повторяет за ним)*. Левой, правой, левой, правой. *(Бьет Капрала и прячется.)*

Капрал. Где ты?

Петрушка. Тут *(бьет Капрала)*.

Капрал. Да где он?

Петрушка *(продолжает бить Капрала и наконец совсем убивает, после чего обращается к Музыканту, говорит)*. Музыкант! Вот я чистую отставку получил! *(После некоторой паузы.)* Музыкант, ты ничего не знаешь?

Музыкант. А что такое?

Петрушка. Как я получил отставку, то задумал жениться.

Музыкант. А на ком?

Петрушка *(умильно)*. Я женюсь на московской кухарочке.

Музыкант. А как ее зовут?

Петрушка *(протяжно)*. Матрена Ивановна.

Музыкант. Приведи ее сюда!

Петрушка *(обращаясь вниз ширмы)*. Матрена Ивановна, пожалуйте сюда!

Матрена *(из-за ширмы)*. Сейчас приду, только кофею напьюсь.

Петрушка. Музыкант! Ты ничего не знаешь?

Музыкант. А что такое?

Петрушка. Матрена Ивановна говорит, что сейчас придет, только напьется картофелю.

Музыкант. Не картофелю, а кофею.

Петрушка *(смеется)*. А я думал, что все миленькие кухарки пьют картофель, а не кофей. Музыкант! Ты ничего не знаешь?

Музыкант. А что такое?

Петрушка (*весело*). Матрена Ивановна придет и гостинцу принесет (*напевает какой-либо мотив без слов*).

Матрена (*выходит*). Здравствуйте, господа!

Петрушка. Здравствуйте, здравствуйте, милая Матрена Ивановна! Добро пожаловать! Здравствуйте, мое почтение!

Матрена. Здравствуй, здравствуй, Петрушка. Да вот что я скажу: слышу я, что ты здесь гуляешь, деньгами швыряешь, музыку нанимаешь, а домой письма не пишешь. Тьфу! *(Плюет Петрушке в лицо и отворачивается от него.)*

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Матрена Ивановна рассердилась.

Музыкант. Она не рассердилась, а ты попроси прощения, она тебя и простит.

Петрушка. А как просить?

Музыкант. Ты подойди к ней поближе, поклонись пониже, вот она и простит тебя.

Петрушка. Она не укусит меня?

Музыкант. Нет, не укусит.

Петрушка *(подходит к Матрене Ивановне. В сторону).* Нет, я боюсь. Меня трясет. *(К Матрене Ивановне.)* Матрена Ивановна, простите меня ради господа *(падает на колени и кланяется ей в ноги).*

Матрена. Я прощаю тебя. А что ты обещаешь мне купить?

Петрушка *(с радостью).* Куплю, куплю, куплю, всего куплю: пойду в Гостиный двор и куплю тебе капот и башмаки...

Матрена. Вот за это я тебя люблю.

Петрушка. И я тебя люблю. Давай похристосуемся. *(Целуются три раза, причем Петрушка приговаривает.)* Что за сахарные губки [...] Мм-мм-мм... А знаешь что? На радостях давай мы с тобой станцуем!

Матрена. А музыка есть?

Петрушка. Музыка есть-то есть, да что мы будем танцевать? Польку, вальс, кадрель или падеспань?

Матрена. Я не умею польку, пальцы, тарантель и таратань.

Петрушка. А что ты умеешь танцевать?

Матрена. Я умею по-деревенски *(припевает).* Гоп-гоп, гоп-гоп!

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что тебе?

Петрушка. Сыграй нам деревенскую *(повторяет мотив Матрены Ивановны).* Гоп-гоп, гоп-гоп!

Музыкант. У меня таких песен нет: «гоп-гоп!»

Петрушка. Матрена Ивановна! Таких песен у Музыканта нет: «гоп-гоп!»

Матрена. А что есть?

Петрушка. Играй камаринского.

Музыкант играет русскую плясовую: барыню и т. п. Петрушка и Матрена Ивановна пляшут. Музыкант наконец перестает играть.

Петрушка. Музыкант! Почему ты перестал играть?

Музыкант. Потому что устал.

Петрушка. Какой ты, братец, ленивый стал. Ай-ай-ай. Тпру, тпру, тпру... Матрена Ивановна, а теперь побегите вы домой и сварите кофейку, и я сейчас приду.

Матрена. Нет, одна домой я не пойду. Пойдем вместе!

Петрушка. Ну, ну, Матренушка, голубушка, пупанчик мой, розанчик!

Скрываются оба.

Петрушка *(выходит один)*. Музыкант! Я желаю лошадь купить!

Музыкант. А тут кстати и Цыган.

При этих словах является Цыган.

Цыган. Я цыган-дрыган [...], тра-ра-ра... Здорово, Петрушка!

Петрушка. Здорово, здорово, что тебе нужно и кто ты такой?

Цыган. Я Цыган Мора из Ярославского хора, пою там басом, запиваю квасом. Мне говорил француз Фома, что тебе лошадь нужна.

Петрушка. Нужна-то нужна, да конь-то каков?

Цыган. А-и-ах! Кони сами хороши! Первый пегий, который со двора не бегает, второй чалый, который головой качает, третий — грива густа, голова пуста, четвертый под гору скачет, а на гору плачет, а в грязи, барин, сам полезай да вези, гони без хомута в четыре кнута и то *(протяжно)* по ве-е-етру... Поведешь поить, так как дерево стоит, а потыкается, барин, так и сам там напьется.

Петрушка. Ха-ха-ха-ха! Вот так лошадь! А сколько стоит такой конь?

Цыган. Ни много ни мало, барин, только двести пятьдесят рублей.

Петрушка. Что ты, что ты! Двести пятьдесят голубей?

Цыган. Не голубей, барин, а рублей.

Петрушка. А знаешь что? Возьми полтора рубля семь гривен и с пятаком.

Цыган. Очень, барин, обидно. Прощай! *(Уходит.)*

Петрушка. Цыган, Цыган! Воротись!

Цыган. Да что, барин, нужно?

Петрушка. А вот что: продай лошадку, бери пятьдесят рублей.

Цыган. Мало, барин.

Петрушка. Ну вот тебе семьдесят пять рублей.

Цыган. Мало, барин.

Петрушка. А чтоб тебя разорвало.

Цыган. Не разорвало, а мало, барин.

Петрушка. Ну так и быть: вот тебе сто рублей!

Цыган. Давай, барин, задатку.

Петрушка. Сходи да приведи лошадку, а тогда дам и задатку.

Цыган. У нас, барин, по-цыгански: сперва задатку, а потом лошадку.

Петрушка. Ну я тебе принесу.

Цыган. Принеси, барин, да побольше.

Петрушка. Хорошо, принесу. *(Уходит.)*

Цыган. Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Цыган. А что, барин не обманет меня?

Музыкант. Нет, не обманет, он еще прибавит.

Цыган. Вот мы с тобой тогда погуляем *(обращается вниз ширмы)*. Барин, барин, деньги скорей...

Петрушка *(из-за ширмы снизу)*. Да вот, беда случилась: потерял ключ от ледника.

Цыган. Барин, скорее деньги!

Петрушка. Деньги, понимаешь ли, примерзли...

Цыган. Деньги, деньги, давай, барин, скорее!

Петрушка *(появляется)*. Несу, несу, отсчитывай.

Цыган. А где ж деньги?

Петрушка. А вот они. *(Бьет Цыгана палкой по голове.)*

Цыган. Уй-уй-уй-ай-ай-ай... Не надо задатку, бери твою лошадку.

Петрушка. Ты просил больше, больше, так вот тебе, вот тебе. *(Продолжает бить Цыгана, который, наконец, убегает.)* Музыкант! Я дал Цыгану задатку, теперь он приведет мне лошадку?

Музыкант. Сейчас приведет.

Петрушка. Цыган, Цыган, давай лошадку скорей.

Цыган *(снизу из-за ширмы)*. Сейчас приведу, голова болит.

Петрушка. Веди, веди, а то еще прибавлю. *(Является*

лошадь.) Вот так лошадь, чистогривая! Музыкант! Я посмотрю, который ей год.

Музыкант. Смотри, да скажи, сколько ей лет.

Петрушка. Ну, братец Музыкант, лошадь совсем молодая: во рту нет ни одного зуба.

В это время лошадь бьет передом и задом, а когда приостановится, Петрушка садится верхом на лошадь спиной к голове, берет в руки хвост и обращается к Музыканту.

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. А вот Цыган обманул меня.

Музыкант. В чем же он обманул?

Петрушка. А вот в чем обманул: грива-то у лошади тут, а головы нету.

Музыкант. Ты ведь не так сел.

Петрушка. А как же надо?

Музыкант. Повернись головою ко мне.

Петрушка. Да ведь я не дурак, что буду кувыркаться.

Музыкант. Ты оборачивайся так: одну ногу переверни на ту сторону, а другую ногу на эту сторону, а лицом ко мне.

Петрушка. Вот этак-то? Ну, сел. До свидания! Поеду в Питер за кипятком, в Москву за картофелем! Ну, Васька, но, но... Что такое? Лошадь ни с места! Хорош конь! Васька, Васька, ну, ну, конфетку дам, сахару дам, ну, ну... Ну вот и поехали *(скачет)*. Тпру, тпру, что ты, с ума сошел?.. тпру, тпру!.. *(Падает с лошади и кричит.)* Доктора, доктора мне скорей, французского доктора! Ой-ой-ой-ой!

Музыкант. Сейчас придет французский доктор.

Петрушка. Ой-ой-ой... батюшки... Через три года помру! Доктора скорей, французского доктора. Ой-ой-ой-ой!..

Доктор. Я доктор-лекарь, с-под Каменного моста аптекарь, мертвых вылечаю, здоровых на тот свет отправляю, ко мне приходят на ногах, а отправляю на дровнях, ко мне приводят живых, а отправляю на тот свет мертвых. Больной, что у вас болит?

Петрушка. Я помер, помер, помер, помер...

Доктор. Тьфу! Разве мертвые говорят?

Петрушка. Доктор, не могу!

Доктор. Да что у вас болит?

Петрушка. Ой, Доктор, голова, голова...

Доктор. Тут средство маленькое: обрить ее догола, череп снять, кипятком ошпарить, на плите поджарить, поленом дров приударить, и вот голова опять здорова!

Петрушка. Я не поросенок.

Доктор. А скажите, что у вас еще болит?

Петрушка. Пузо, пузо, пузо!

Доктор. Надо съесть тридцать три арбуза, будет здорово пузо!

Петрушка. Ох, этим нехорошо лечить пузо!

Доктор. Где у вас еще болит?

Петрушка. Еще спина болит, спина болит, болит спина.

Доктор. Выпей полштофа красного вина [...]. Где еще у тебя болит?

Петрушка. Ох, Доктор, тут у меня болит.

Доктор. Где, здесь?

Петрушка. Нет, пониже.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Нет, повыше.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Нет, пониже.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Нет, повыше. Да смотрите, господин Доктор, в карман не залезьте.

Доктор. Тьфу! То пониже, то повыше! Ты встань да покажи.

Петрушка. Ой, батюшки, не могу, не могу.

Доктор. Я ж тебя полечу *(трогает Петрушку)*.

Петрушка. Ой, Доктор, тише, тише, тише...

Доктор *(поднимает Петрушку)*. Ну, теперь здоров?

Петрушка. А вам какое дело?

Доктор. Теперь мне следует за визит.

Петрушка. А сколько?

Доктор. Три рубля.

Петрушка. У меня трех копеек нет, а не то что трех рублей. А вам каких угодно денег: круглых, длинных или березовых?

Доктор. Какие такие деньги?

Петрушка. Сейчас принесу. *(Скрывается.)*

Доктор *(к Музыканту)*. Что, барин не обманет?

Музыкант. Нет, не обманет, еще прибавит вам.

Доктор. Вот наше дело: лечить не лечить, а лишь бы деньги получить. *(Вниз к Петрушке.)* Эй, мусью, денежки поскорей.

Петрушка *(снизу)*. Несу, несу, несу... *(Появляется.)* Отсчитывай. Раз!

Доктор. Раз.

Петрушка. Два!

Доктор. Два.

Петрушка. Три!

Доктор. Да где они?

Петрушка. А вот они. *(Бьет Доктора палкой, тот скрывается.)* Ну вот, я рассчитал Доктора... До свидания, господа, почтеннейшая публика!

Петрушка уходит, но тут встречается с чудовищем, которое у разных кукольников носит разные наименования: Черт, Московский барашек, собака Шавочка и проч. При этом происходит такая сцена.

Петрушка *(к Музыканту)*. Кто это такой? Козел?

Музыкант. Не козел, а барашек.

Петрушка. Он ученый?

Музыкант. Ученый.

Петрушка *(манит к себе барашка)*. Барашек, бырь, бырь, поди сюда.

Музыкант. Мани, мани, он подойдет.

Петрушка. А он бодается?

Музыкант. Нет, не бодается.

Петрушка. Он молодой?

Музыкант. Да, с бородой...

Кончается тем, что барашек схватывает героя и тащит его вниз, причем Петрушка кричит благим матом.

ПЕТРУШКА

УЛИЧНЫЙ ТЕАТР, СПИСАННЫЙ СО СЛОВ УЛИЧНОГО ПАЯЦА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Петрушка. Бонжур, нарумяненные старушки, молодые старички! Я мусье фон гер Петрушка, вас забавлю, потешу да и с праздником поздравлю.

В это время является Цыган с лошадью.

Цыган. Мусье Петрушка, здравствуй! Как живешь-можешь? Хорошо ли хвораешь?

Петрушка. А тебе какое дело? Ты доктор разве?

Цыган. Какой я доктор?.. Я Цыган Мора из яровского хора, пою басом, запиваю квасом.

Петрушка. А ты зубы-то не заговаривай, говори — что тебе надо, да и проваливай.

Цыган. Мне говорил француз Фома, что тебе нужно рысистого коня.

Петрушка. Нужно, брат, нужно. Да хорош ли у тебя конь-то?

Цыган. Не конь, а диво: бежит — дрожит, а упадет, так и не встанет. По ветру, без хомута гони в два кнута, летит как стрела и не оглядывается. На гору побежит-заплачет, а с горы бежит — скачет, а завязнет в грязи, так оттуда уж сам вези — отменная лошадь!

Петрушка. Ого-го-го! Залихватская лошадь! А какой она масти?

Цыган. Буланая с пятнами, гривой лохматая, хвостом горбатая — иноходец.

Петрушка. Ого-го-го! Такой-то у меня и нет. А какая ей цена?

Цыган. По знакомству недорого возьму — три сотенных.

Петрушка. Что ты, фараоново племя, с ума сошел — три сотенных?!

Цыган. Сколько даешь, чего не жалеешь?

Петрушка. Хочешь, два с полтиной да дубину с горбиной?

Цыган. Мало, прибавь ребятишкам на молочишко.

Петрушка. Возьми сто рублей!..

Цыган. Да не скупись, прибавляй больше!

Петрушка. Хочешь, полтораста с пятачком на водку!

Цыган. По рукам — давай деньги!

Петрушка. Давай сначала лошадь.

Цыган. Из полы в полу, только дай задатку.

Петрушка. Изволь! Ты только тут погоди, я сбегаю к соседу да мелочь разменяю. *(Скрывается.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Петрушка *(является с палкой и бьет Цыгана по голове).* Вот тебе сто, вот тебе полтораста... *(Цыган убегает.)* Ого-го-го! От такого задатку не поздоровится. Музыкант! Давай сюда лошадь, нужно сосчитать ей зубы, сколько ей лет. *(Петрушка смотрит в рот лошади.)* Вот так лошадь — совсем молодая, ни одного зуба во рту нет.

Музыкант. Мусье Петрушка, а который год лошади?

Петрушка. Шесть было, а теперь три стало. *(Вскакивает на лошадь.)* Музыкант! Прощай, я уезжаю...

Музыкант. Далеко ли нелегкая несет?

Петрушка. В Вязьму, на Валдай, а ты никому не болтай. *(Скачет и поет.)*

Вдоль по Питерской по дороженьке,
По Тверской-Ямской с колокольчиком...

(Лошадь в это время сбрасывает с себя Петрушку.) Ой, голубчики!.. Смерть моя пришла!

Музыкант. А где твоя смерть живет?

Петрушка. На Гороховом поле бобы сажает. Матушки мои, умираю!..

Музыкант. Да нескоро еще?

Петрушка. Через год после тебя... Да зови же сюда поскорей коновала!

Музыкант. Притащу сейчас.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Доктор. Не орать, а смирно лежать. Я знаменитый доктор, коновал и лекарь, с Кузнецкого моста аптекарь и пекарь. Превосходно лечить умею, по наследству талантом владею отправлять на тот свет поскорее. Если кто ко мне припрет на ногах, то того, наверное, повезут домой на санях. Я был в Париже, был и ближе, был в Италии, был и далее...

Петрушка. Батюшка лекарь-аптекарь, не погуби, на санях на тот свет не вези, а на пролеточке.

Доктор. Говори, в каком месте у тебя болит? Тут или здесь?

Петрушка. Пониже, повыше, поправей, полевей!..

Доктор. Ах, какой ты глупый! То ниже, то выше! То правей, то левей!.. Ты сам не знаешь, где болит. Встань и покажи!

Петрушка. Батюшка коновал, вставать-то очень больно, мочушки нет. Ой, ой, ох! *(Встает и уходит, затем возвращается с палкой и начинает колотить Доктора.)* Вот тут больно! Вот здесь больно! Ха-ха-ха! Настоящий лекарь-аптекарь! Какой любопытный — все ему покажи.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Немец *(прыгает и поет)*. Тру-ля-ля, фон-таля, тру-ля-ля!

Петрушка. Мое почтенье, господин!

Немец *(раскланивается и продолжает петь)*. Тру-ля-ля! Тру-ля-ля...

Петрушка. Музыкант, что это за чучело, только кланяется да молчит?

Музыкант. Это заграничный человек, по-русски аза в глаза не знает! По-французскому его спросите.

Петрушка. Это как же так?

Музыкант. Мол, парле-ву-франсье, мусье!

Петрушка. Послушайте! Парле-ву-франсье, мусье! *(Немец раскланивается.)*

Музыкант. По-немецкому заговорите. Шпрехен зи, мол, дейч!

Петрушка. Очень уж мудрено, натощак и не выговоришь. Шпрехен-зи-дейч!

Немец. О! Я! Шпрехен!

Петрушка. И я! И я!..

Немец. Я! Я!

Петрушка. Да ты, чертова перешница, понимаешь ли: ты да я, нас тут двое! Говори по-ярославски!

Немец. Мейн гер-вас!

Петрушка. Где ты нашел тут квас? Убирайся, проваливай! *(Бьет Немца, тот бежит.)* Музыкант! Немец побежал пить квас, а я сбегаю проглотить шнапс *(намеревается уйти).*

Музыкант. Не уходи, Немец сию минуту назад вернется. Он побежал за шампанским — тебя угостить.

Петрушка. Ладно, если не врешь. Подожду да песенку спою.

За рекой на горе
Лес зеленый шумит.
Под горой, за рекой
Хуторочек стоит.

(В это время появляется Немец и бьет Петрушку по затылку палкой.) Эй, Музыкант! Что это у меня по затылку проехало?

Музыкант. Муха пролетела, да, должно быть, крылом и задела!

Петрушка. Ты угорел: какая тут муха! Точно оглоблей кто саданул. Ну да ничего. Я подстерегу и расквитаюсь. Ба-ба-ба! Немец воротился. Наше вам почтение... *(Немец раскланивается.)* Музыкант! Что же у Немца бутылки не видать?

Музыкант. Она у него под полой спрятана.

Петрушка. А в руке-то это у него что?

Музыкант. Немецкий штопор.

Петрушка. Хорош штопор! Ха-ха-ха! Вот он меня сейчас ловко отштопорит! *(Немец кидается на Петрушку и бьет его. Завязывается драка. Петрушка убивает Немца, поворачивает и смотрит на него.)* Музыкант! Немец притворился мертвым.

Музыкант. Вот хорошо-то: убил да говорит — притворяется.

Петрушка. Что ты врешь, что я его купил... Хочешь, я тебе даром его подарю! Не хочешь? Ну так я его стащу на Мос-

кву-реку купаться! *(Кладет убитого Немца себе на плечо.)* Капусты, картофелю молодого, кому нужно капусты!.. *(Скрывается.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Петрушка. Музыкант! Кто меня сейчас спрашивал?

Музыкант. Капрал, да такой сердитый.

Петрушка. Если он вернется да станет спрашивать меня, так ты ему скажи, что я уехал в Еривань.

Появляется Капрал.

Капрал. Я тебе дам такую Еривань, что своих не узнаешь. Ты что все шумишь, буянишь, с благородными людьми грубиянишь и никому покою не даешь — а?! Знаешь, я тебя за это отдам в солдаты без зачету!

Петрушка. Я в солдаты не гожусь! Я с горбом.

Капрал. Ты врешь! У тебя никакого горба нет. Покажи, где он. Да ты не хитри, не нагибайся...

Петрушка. Я горб потерял.

Капрал. Как ты потерял? Где?

Петрушка. На Трубе!

Капрал. Ну, да это все равно. Я принесу сейчас ружье и стану учить тебя солдатскому артикулу. *(Уходит.)*

Петрушка *(хнычет)*. Вот тебе, матушка, и Юрьев день! А, каково! Живых стали брать в солдаты. Вот так клюква!.. Музыкант! Батюшка, не погуби мою головушку! Ступай за меня в солдаты! Я награжу тебя за это!..

Музыкант. А сколько ты мне дашь?

Петрушка. Хочешь, гривенник с алтыном да полушку с осьмушкой?

Музыкант. Не велик барин, послужишь и сам.

Входит Капрал.

Капрал. Бери ружье и учись. *(Подает Петрушке палку.)*

Петрушка. Какое это ружье... это дубина.

Капрал. Дурака скорей выучишь дубиной! Смирно! Слушать команду: от ноги!

Петрушка. Недавно спать все полегли.

Капрал. Равняйсь!.. На плечо!

Петрушка. Уж очень станет горячо!

Капрал. Правое плечо вокруг!

Петрушка. Как хвачу тебя я вдруг! *(Бьет Капрала палкой.)*

Капрал. Что ты делаешь, каналья?

Петрушка. Спотыкнулся, ваше сковородие!..

Капрал. Слушай команду! Налево кругом марш! Раз, два, три. Раз, два, три.

Петрушка идет за Капралом и стукает его палкой, Капрал удаляется.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Петрушка. Ловко послужил. В Сибирь было совсем угодил. Капрала-то угомонил и едва-едва концы схоронил. Музыкант! Слышал, лотерею разыгрывают, я один билет брал и то красную рубаху выиграл.

Музыкант. Где же это?

Петрушка. У Арбатских ворот, где налево поворот, перейдя Трубчатый мост, направо в тупике, где стоит мужик в муке.

Музыкант. А билеты-то почем?

Петрушка. Дешевые — берут по семитке с рожи, а у кого она толще, с того дороже.

Музыкант. А разыгрывают что?

Петрушка. Все хорошие вещи: новые фраки с заплатами, шелковые шляпы порядочно измятые, лошадь без хвоста, лодка без дна, чайник без крышки и дна, только ручка одна, да и та в починку отдана. Дюжина пьяных кухарок, охапка больных нянек, вязанка нищих, целый ворох гостинодворцев да полк золоторотцев с Хитрова рынка, люди все дельные...

В этот момент вбегает Собака и лает.

Петрушка *(ласкает Собаку)*. Шавочка, кудлашка, какая ты замарашка, уж не из Зарядья ли? *(В это время Собака хватает Петрушку за рубаху.)* Стой, пес ты эдакой, разорвешь рубаху, больно! Мухтарка, мухтарка! *(Собака кидается на Петрушку и*

хватает его за нос.) Голубчики, батюшки, отцы родные, заступитесь, пропадет моя голова с колпачком и с кисточкой! Загрызла, окаянная, ой! ой! Помогите!..

Собака грызет Петрушкин нос, теребит его, вскидывает на себя и убегает с ним.

ПЕТРУШКА. УЛИЧНЫЙ ТЕАТР

Происходит чуть ли не по всем городам, пригородам и селам России.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действующие лица:
Петрушка, Музыкант, Цыган и лошадь.

Вдали показывается Музыкант с шарманкой, его товарищ, главный комедиант; у него ширмы, ящик с куклами. Петрушка, еще сидя в ящике, поет визгливым голосом:

Вдоль по Питерской
По дороженьке
Едет Петенька
Да с колокольчиком!

Расставляются ширмы; во все это время Петрушка поет и кричит, что ему взбредет в голову. Наконец появляется сам и с громким хохотом садится на краешек ширм.

Петрушка. Ха-ха-ха! Разлюбезные господа! Вот и я приехал сюда, не в тарантасе-рыдване, а прямо на аэроплане — в дубовом ящике! Мое вам почтение, господа! Я ваш старый знакомый — Петрушка. Пришел вас повеселить, позабавить да с праздничком поздравить! *(Обращается к Музыканту.)* Цыган не приходил?

Музыкант. Давно тебя дожидается.

Петрушка. Зови сюда!

Появляется Цыган с лошадью.

Цыган. Здравствуй, мусью Шишел-Мышел! Я к тебе сам конский заводчик вышел! Как живешь-поживаешь? Часто ли хвораешь? Я — Цыган Мора из цыганского хора, пою басом, заедаю ананасом, запиваю квасом!

Петрушка. Вот что, чумазая рожа, Шалтай-Балтай! Ты понапрасну языком-то не болтай, а говори дело!

Цыган. Мой знакомый — англичанин Рок воткнул себе вилы в бок, по всей Европе кочует, каждую ночь на Хитровке ночует... Шишел-Мышел, от кого-то слышал, что тебе хороший конь требуется.

Петрушка. Да, брат, я давно хлопочу — скакового бегуна завести хочу. Только хороша ли у тебя лошадь?

Цыган. Такая, хозяин, лошадь, что без хомута гони в четыре кнута... и то только по ветру! Не конь, а огонь: бежит — дрожит, спотыкается, а упадет — не подымается!

Петрушка. Ой-ой-ой! Батюшки-сватушки! Вот так лошадь! А какой масти?

Цыган. Бурая, гнедая, с боков худая, с пятнами, без хвоста и гривы — лохматая, на один глаз кривая, такая же, как и ты — горбатая. Арабской породы, с аттестатом.

Петрушка. Вот такую-то мне и надо... А сколько стоит?

Цыган. Для кого четыре тысячи, а тебе, по знакомству, за двести рублей отдам!

Петрушка. Что ты, чумазый, дорого заломил? Или не проспался?

Цыган. Мой запрос не лезет к тебе в нос! Говори по душе: сколько даешь?

Петрушка. Рубль с четвертью.

Цыган. Экий ты какой, с тобой хоть волком вой! Прибавляй ребятишкам на молочишко.

Петрушка. Ну, вот тебе — сто рублей.

Цыган. Мало, барин хороший! Прибавь еще.

Петрушка. Хочешь, полтораста с двумя копейками?

Цыган. Делать нечего, для милого дружка и сережка из ушка! Давай деньги.

Петрушка. Погоди, сейчас за кошельком схожу. *(Уходит и быстро возвращается с дубиной-трещоткой, начинает бить Цыгана по голове.)* Вот тебе сто, вот тебе полтораста! *(Цыган убегает.)* Эй, эй! Чумазый! Подожди — еще две копейки осталось! *(Хохочет и обращается к Музыканту.)* Музыкант, дешево я лошадь купил?

Музыкант. На что лучше! Только бесчестно поступил — двух копеек недодал!

Петрушка *(хохочет).* А лошадь-то хороша — совсем молодая! Ни одного зуба уж во рту нет! *(Садится верхом на лошадь.)* Прощай, Музыкант, до свидания, господа, ребята!

Музыкант. Куда ты, Петр Иванович, едешь?

Петрушка. Отсюда через Вологду и Архангельск, махну прямо на Кавказ — пить кахетинский квас. *(Лошадь брыкается.)* Тпру! Тпру! Сивка-бурка! Тише, окаянная! А то я упаду и горбатым на целый век сделаюсь! *(Лошадь сбрасывает Петрушку за ширму.)* Ой, батюшки! Пропала моя головушка удалая! Смерть моя идет!..

Музыкант. А где твоя смерть-то, Пётра Иваныч?

Петрушка. Ой-ой-ой! За земской заставой, на огороде картошку копает!

Музыкант. Не горюй: еще не скоро придет.

Петрушка. Да, лет через двадцать, к Покрову, наверное, умру... Зови скорей доктора!

Музыкант. В один момент приведу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Петрушка, Музыкант и Доктор.

Петрушка *(лежит и стонет).*

Пускай могила меня накажет,
Своей я смерти не страшусь!

Входит Доктор.

Доктор. Кто здесь больной? Что за шум такой? Не стонать, не кричать, а смирно до самой смерти лежать! Я знаменитый доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь. Акушер и коновал, знает меня весь Зацепский вал! Произошел все науки в Италии и много далее; производил операции в Париже и сюда к нам поближе! Талантом владею, лечить умею: кто ко мне придет на ногах, тот от меня пойдет на костылях или повезут на дровнях. Где больной?

Петрушка. Батюшка коновал-лекарь, из-под моста аптекарь! Пожалей ты меня, сиротинушку, не губи: на дровнях-то не вези, а уж лучше в колясочке.

Доктор. Ну, рассказывай весть про свою болесть: внутри или снаружи? Тут или здесь? *(Ощупывает Петрушку.)*

Петрушка. Вот, между лопатками, около подложечки, да правая мостолыжка ноет.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Пониже да полевее!

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше до поправее!

Доктор. Экий ты болван какой! С тобою потеряешь всякий покой! То пониже, то повыше! Встань да укажи!

Петрушка. Батюшка-доктор, встать-то мне силы нет! Видно, затянулась моя болесть на сорок лет. Ой-ой! Сейчас встану да покажу. *(С трудом поднимается, уходит и возвращается с палкой, которой бьет Доктора по голове, по шее и спине.)* Вот тут ломит! Вот здесь стонет! В этом месте болит, а тут мозжит!

Доктор убегает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Петрушка, Музыкант и Немец.

Немец *(поет и танцует)*. Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Появляется Петрушка.

Петрушка. Музыкант, что это за чучело?

Музыкант. А это заграничный человек, не говорит по-русски, спроси его по-французски.

Петрушка. Это как же по-французски?

Музыкант. Парлэ-ву-франсе, Альфонс Ралле.

Петрушка. Эй, господин-мусью! Парлэ-ву-франсе? *(Немец молча раскланивается.)* Кой черт! Да он по-французски ни шиша не знает! Должно быть, это немец с зеленых островов. Спрошу-ка я его по-немецки... Шпрехен-зи-дейч, Иван Андреич?

Немец. О, я! Их шпрехе гут.

Петрушка. Кого тут жгут? Говори по-московски.

Немец. Мейн либер гер, вас?

Петрушка. Какой ты тут нашел квас? Вот лучше я тебе стаканчик поднесу! *(Колотит Немца палкой, тот убегает.)* Музыкант, куда Немец пропал? Должно быть, побежал квас пить... Пойду-ка и я стаканчик хватить!

Музыкант. Погоди, он сейчас вернется, это он, наверное, тебя угостить хочет.

Петрушка. Вот это хорошо! А я пока песенку спою. *(Поет, грустно раскачивая головой.)* «Под вечер осенью ненастной...» *(Появляется Немец, ударяет Петрушку палкой по голове и быстро скрывается.)* Что это за диковинка, братец Музыкант: будто комар летел и меня по затылку крылом задел! *(Немец опять появляется и раскланивается.)* Ага! Вот и Шпрехен-зи-дейч вернулся! Музыкант, что же у него бутылки не видно, а какая-то палка?

Музыкант. Это у него штопор.

Петрушка. Хорош штопор! Вот я его сейчас им отштопорю! *(Вырывает у Немца палку и несколько раз колотит его по голове, Немец падает на барьер.)*

Музыкант. Что ты наделал, злодей! Ведь ты его убил.

Петрушка. Купил? Зачем он мне нужен? Хочешь, я его тебе даром отдам — совсем с требухой и косточками.

Музыкант. На что он мне? Еще с ним под суд попадешь!

Петрушка. Ну, так я его на рынке продам. *(Кладет Немца себе на спину, вертится с ним во все стороны и кричит.)* Поросят! Поросят! Кому надо, дешево продам!.. *(Скрывается.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Петрушка, Музыкант и потом Капрал.

Петрушка *(приплясывая, поет).*

Всем известен я за хвата,
Хоть поклясться вам готов,—
От Варварки до Арбата
И до Пресненских прудов!..

Появляется Капрал, Петрушка моментально скрывается.

Капрал. Музыкант, куда Петрушка скрылся?

Музыкант. Не могу знать, господин Капрал! Пошел налево, а может быть, свернул направо.

Из-за ширмы показывается только голова Петрушки.

Петрушка. Музыкант, скажи ему, что я уехал в Париж...

Капрал *(быстро поворачивается и хватает Петрушку).* Вот я тебе покажу, мошеннику, Париж — живо от него угоришь! Ты

здесь все буянишь да с благородными людьми грубиянишь! Кричишь, орешь, всей Москве покою не даешь! Вот я тебя, голубчика, возьму в солдаты без срока!.. Станешь ты у меня из-под пушек выгонять лягушек.

Петрушка. Ваше сковородие, господин будочник-капрал! Какой я солдат — калека с горбом? Нос крючком, голова сучком, а сам ящиком! А потом у меня становой жилы нет!

Капрал. Врешь! Где у тебя горб?

Петрушка. Я горб потерял на Трубной площади!

Капрал. Этим от меня не отделаешься! Вот тебе ружье, становись во фронт!

Петрушка. Это не ружье, а палка!

Капрал. Дураков прежде учат палкой, а потом ружьем. Смирно! Равняйсь! К но-о-о-ги!

Петрушка. Ой-ой, кусают блохи!

Капрал. Слушай команду: на плечо!

Петрушка. Ой-ой, больно горячо!

Капрал. Правое плечо вперед!

Петрушка *(ударяет его палкой)*. Вот тебе, вот!

Капрал. Что ты делаешь, дурачина? Не получить тебе следующего чина.

Петрушка. Самую малость споткнулся, господин Капрал!..

Капрал. Слушай команду: кругом, марш! *(Петрушка идет сзади Капрала.)* Левой, правой! Раз, два!

Петрушка. Черт кудрявый! *(Ударяет Капрала по затылку.)* Три, четыре, пять, шесть! Иди расчесывать шерсть!

Капрал убегает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Петрушка, Музыкант и Шавка.

Петрушка. Ха-ха-ха! Ловко я, Музыкант, отслужил? Прапорщика запаса чин получил!

Музыкант. На что лучше! Теперь тебе, Петр Иванович, и о свадьбе подумать следует... Готовь приданое.

Петрушка. У меня приданое богатое: все вещи хорошие — пять кафтанов с новенькими заплатами, три шляпы помятые,

полтора аршина холста, лошадь на трех ногах, без хвоста, в амбаре луковица да солдатская пуговица... Есть чайник без крышки с одной ручкой, да и тот в починку отдан!

Музыкант. Приданое важное! Полным домом жить будете!

Выскакивает большая лохматая собака и со злобным лаем бросается на Петрушку.

Петрушка *(чмокает).* Шавочка! Шавочка-кудлавочка!.. *(Собака хватает его за кафтан.)* Куда ты, оглашенная? Стой, стой! Казенный мундир разорвешь. Ой, батюшки, больно! Шавочка, душечка! Пойдем ко мне жить — буду тебя кошачьим мясом кормить! *(Собака кидается и хватает его за нос.)* Ай-ай! Голубчики, братики-сватики! Заступитесь, родимые! Не дайте собачьей смертью погибнуть! Пропадай, моя головушка удалая, с колпачком и с кисточкой!

Собака теребит Петрушку и за нос утаскивает его.

ОЗОРНИК ПЕТРУШКА

СЦЕНА I

Петрушка. Здравствуйте, господа! Вот пришел я к вам сюда. Ушел я от хозяина, расплатился он со мной вчистую — дал мне мошну пустую, уплатил за сутки — день да ночь, я и ушел прочь. Шел я сегодня по улице, гляжу — дворец. Самое место мне жить! Меня было сюда не пускают, а я им скалочкой пригрозил, и все притихли. «Пожалуйста, говорят, ваше сиятельство, живите у нас вместо султана!» Так-то вот!..

СЦЕНА II

Петрушка *(поет).* Ай-да-да, ай-да,
Ай-да, да-да!
Стал я важен хоть куда!..

Султан. Кто ты такой? Как ты смеешь кричать у меня в доме? Кто ты таков?

Петрушка. Самый первый из дураков!.. Ваше блестящее сиятельство, я к вам наниматься.

Султан. А что ты умеешь делать?

Петрушка. Я — на все руки, со мной нет скуки!.. Я — малый веселый: пою, свищу, кричу, шучу, играю, скачу, прыгаю!

Султан. Ну, ну, хорошо, довольно! Оставайся у меня. Будешь ты у меня первым лицом во всем царстве.

Петрушка. Так я самое первое лицо во всем царстве?

Султан. Конечно, и никто выше тебя не будет!

Петрушка. Отлично! Так чего же ты тут стоишь?.. *(Гонит его.)* Уходи, уходи!.. Нечего тебе тут делать, любезный!.. *(Бьет скалочкой.)*

Петрушка *(поет)*. Ай-да-да, ай-да,
Ай-да, да-да!
Стал я важен хоть куда!..

Вот я и султаном стал, и дом теперь мой. Ах, как хорошо!..

СЦЕНА III

Капрал *(грубым голосом)*. Что ты здесь кричишь, визжишь, бунтуешь? Султан приказал тебе лоб забрить, иди в солдаты.

Петрушка. Не могу, ваше сковородие, я на ноги сел.

Капрал. Встанешь.

Петрушка. У меня голова болит.

Капрал. Новую приставим.

Петрушка. Какой я солдат — я горбатый.

Капрал. Мы тебя выправим.

Петрушка. Не могу учиться маршировать, у меня сердце болит.

Капрал. Вздор! Молчать! Раз, два, три!..

Петрушка. Не могу! Ой, ой, ой! Подкатило под самое сердце! Ой, ой, ой! Смерть моя пришла!

Капрал. А где ж она раньше была?

Петрушка. На Бутырском поле.

Капрал. Что ж она там делала?

Петрушка *(визгливо)*. Картошку копала!..

Капрал. Ну постой, дай срок, я сейчас пойду, доктора кликну. *(Уходит.)*

СЦЕНА IV

Доктор. Я доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь; варю, жарю, парю, микстуры болтаю, порошки толку, катаю пилюли, что твои пули. Голову сниму и живо привинчу, руки вывихну и живо выправлю, цикус-фикус, буки-аз, гоголь-моголь, пей за раз! Я на тебя не погляжу — духом на нос горчичник наложу, а потом тебя потешу — на полчаса повешу!.. Ты, что ли, больной?

Петрушка. Ой, ой, ой...

Доктор. Где у тебя болит, мозжит, ломит, колет, поет, по ночам беспокоит?.. Где у тебя болит? Здесь?

Петрушка. Повыше!

Доктор. Здесь?

Петрушка. Пониже!

Доктор. Здесь?

Петрушка. Повыше!

Доктор. Все-то ты лжешь, мне покою не даешь!..

Петрушка. А ты с палочкой моей знаком?

Доктор *(скороговоркой)*. Я уж лучше зайду вечерком.

Петрушка. Благодарю покорно за угощение, а это вам. *(Гонит его скалочкой.)*

СЦЕНА V

Старуха. Ты что ж тут командуешь, горбатый? Моего доктора убил да еще дразнишься?

Петрушка. Здравствуй, невеста моя ненаглядная, ишь ты, какая нарядная!.. Что ты мало постарела? Или за сто лет пережить захотела?

Старуха. Ты мне зубы-то не заговаривай... Я не султан тебе достался, не лекарь, не капрал!.. Вот возьму тебя да отсюда и брошу, а то и еще того лучше — укокошу.

Петрушка. А ты лучше поговори с моей сестрой.

Старуха. А она кто такая?

Петрушка. Девица молодая, а зовут ее Скалочка Дракуловна Колотушкина... Вот она тебя в плечики поцелует! *(Гонит ее прочь.)*

СЦЕНА VI

Капрал. Ты опять бесчинствуешь?

Петрушка. Я, ваше сковородие, к службе привыкаю, руки разминаю — буду я тогда так сражаться, что прямо любо!..

Капрал. Э! Да с тобой не столковать. Постой, я на тебя чертенка напущу!

СЦЕНА VII

Петрушка. Ой, ой, ой! Страсть какая! Да какой ты чумазенький!

Чертенок. А это для того, чтобы ты меня не сглазил.

Петрушка. И рожки у тебя какие!

Чертенок. Это чтобы с тобой бодаться!.. Иди со мной, коли не можешь с людьми по чести обращаться.

Петрушка. Ай, ай, ай! Никак не могу, я у всех в долгу, кто ж за меня платить будет?

Чертенок. Ладно, сосчитаемся!..

Петрушка. Чертеночек, миленький, ты только нос мой не трогай... Одна у меня отрада!..

Чертенок. Его-то нам и надо... Мы его в сметане изжарим! *(Хватает его.)*

Петрушка. Ай, ай, ай!.. Пропала моя голова и с колпачком и с кисточкой!.. Пропала моя табакерочка!..

ВАНЬКА

СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ КУКОЛЬНАЯ КОМЕДЬ

Персонажи пьесы (куклы):

1. Ванька. Краснощекое круглое лицо, с крючковатым носом и усами, есть горб, одет в красную русскую рубаху и синие штаны; на голове остроконечная шапочка. Кукла сделана из тряпок; руки и ноги на крючках; приводится в движение нажимом пальцев на крючки. Говорит пискливо, для чего вкладывается в рот «говорок», то есть две желобчатых цинковых пластинки, обращенных желобами внутрь и перевязанных ниточками.

2. Ванькина Невеста, без имени. Круглолицая, разрумяненная, полной

комплекции. Одета в розовую кофту и зеленую юбку, на голове красный платок и кусок кисеи. Также на крючках. Говорит тонким голосом (актер без «говорка» говорит за нее тонким голосом).

3. Цыган. Коренастый, лицо широкое, острижен в скобку, с бородой. Одет в черную поддевку, под левой рукой пришит кнут. На голове шапка. Говорит грубым голосом, с цыганским акцентом — кукла без крючков. Лошадь у него — базарная игрушка из папье-маше.

4. Доктор. Тонкий, высокий, в маленькой шапочке. На глазах нарисованы очки. Одет в черный халат. Говорит глухим голосом. Кукла без крючков.

5. Милиционер. Плотный, коренастый, безусый. Одет в зеленоватую шинель; на боку сабля из палочки, разукрашенная чернильным карандашом, и револьвер. На голове милицейская фуражка со звездочкой. Говорит крикливо. Кукла без крючков.

6. Красноармеец. Такой же, как и Милиционер, только на голове красноармейский шлем, а к левой руке пришито ружье. Говорит громко. Кукла без крючков.

7. Черт. Весь черный, без одежды, с хвостом. Глаза красные. Кукла без крючков.

8. Барбос. Белая из тряпок собака. У нее пасть из дерева.

Музыкант начинает играть на гармонике барыню. Из-за ширм слышится голос Ваньки: «Давай, давай, давай...»

Музыкант продолжает играть, пока Ответчик не скажет: «Вот идет, идет».

Ванька *(за ширмами)*. Сычас иду. Иду, иду. *(Бурчит, затем появляется над ширмами; Музыкант умолкает.)*

Ответчик. Вот он. Пришел.

Ванька *(к публике)*. Поздравляю всех вас с праздником, с советским, а не кадетским.

Ответчик. А, Ванюша, здравствуй, здравствуй! Откуда ты, Ванечка?

Ванька. Я пришел из Берлина, из самой Германии.

Ответчик. Чего ж ты приехал сюда, Ванюша?

Ванька. Я приехал сюда жениться.

Ответчик. Хорошее дело... А там, в Германии, разве не мог себе невесту найтить?

Ванька. Нетути.

Ответчик. А кого ж ты берешь себе в невесты?

Ванька. Попову дочь.

Ответчик. Так, так. А сколько ты приданого за нее берешь?

Ванька. Пять пудов картох, бутылку водки да хвост селедки.

Ответчик. А красавицу твою, Ванечка, можно видеть?

Ванька. Можно, можно. Сейчас приведу. *(Скрывается за ширмами, вновь появляется с Невестой и манерно раскланивается.)* Здрасте, здрасте!

Ответчик *(снимая шапку и кланяясь Ваньке и его Невесте).* Мое вам почтеньице. А она у тебя, Ваня, хорошая?

Ванька *(оглядывая Невесту).* Хорошая, пригожая!

Ответчик. А покажи, Ванюша, как ты ее любишь.

Ванька *(обнимает и целует Невесту).* Хорошая, пригожая! Голубочка!

Ответчик. Симпампончик.

Ванька. Симпампошичка. *(Крепко обнимает и целует Невесту).*

Ответчик. Ванечка, а можешь ты танцевать? Кто женится, тот должен знать танец всякий.

Ванька. Могу. *(Музыканту.)* А ну, давай!

Музыкант. А что играть?

Ванька. Полечку-машечку-канашечку.

Ответчик *(Музыканту).* Давай польку.

Музыкант играет польку «Бух». Ванька с Невестой танцуют. Иногда они останавливают танец, обнимаются и целуют сочно друг друга.

Ванька. Хорошо мы танцуем, как в цирке.

Ответчик. Ванечка! А ты бы барыню протанцевал.

Ванька. Можно. Отчего ж нельзя. *(Музыканту.)* Давай барыню.

Музыкант. Сыграю, только на чай с вас позвольте. А так не буду.

Ванька. Дам, дам, только играй с усердием.

Музыкант играет барыню, Ванька с Невестой пляшут.

Ответчик. Ваня, а ты бы под ручку.

Ванька *(нежно Невесте).* Давай под ручку, симпампончик. *(Берет под руку и пляшет.)* Эх... куды ни шло, ни ехало! *(Музыкант учащает темп; пляшущие обнимаются, целуются и наконец исчезают за ширмами.)* До свидания! *(Публике.)*

Музыкант. А мне на чай забыл, Ванюша?

Ванька *(из-за ширм)*. Я тебе вексель вышлю по радио. До свиданьица!

Ответчик. Не на долгое расставаньице.

Ванька вновь появляется над ширмами, но без Невесты.

Ответчик. Что скажешь, Ванечка, новенького?

Ванька. Что я скажу? Я задумал одно дело — лошадь купить.

Ответчик. А зачем она тебе нужна?

Ванька. Как зачем? С своей красоткой кататься по улицам.

Ответчик. А, кататься, друг на друга любоваться!.. Хорошее дело. А знаешь, Ваня, я знаю, у кого лошадь купить.

Ванька. У кого?

Ответчик. Дашь на чай, тогда скажу.

Ванька. Дам тебе на бутылку самогону, скажи только.

Ответчик. Ну коли так, так скажу.

Ванька. Нет, ты приведи ее.

Ответчик. Дашь задаток, так приведу.

Появляется над ширмами с лошадью Цыган.

Ванька. А, здоров, дядя Гаврила.

Цыган. Мое почтень. *(Кланяется Ваньке.)* А я вот ищу на лошадь покупателя.

Ванька. Да лошадь-то мне нужна,— давай сюда ее.

Цыган. Не дам без задатка, обманешь.

Ванька. Сейчас, сейчас. Подожди маленько. *(Ванька скрывается за ширмами, вновь появляется с дубинкой и бьет ею Цыгана.)* Вот тебе рупь. Вот тебе два. Вот тебе весь задаток. *(Размахивается и убивает Цыгана, Цыган падает за ширмы.)* Теперича я купил коня. *(Берет лошадь.)*

Ответчик. Зачем ты, Ваня, человека побил? Он помер.

Ванька. Он повар?

Ответчик. Нет, не повар, а помер: повар на кухне картошку жарит. Теперь надо дохтора звать. *(Хлопает в ладоши, является Доктор.)*

Ванька. Ты что за человек?

Ответчик. Это, Ваня, доктор, он лечить пришел.

Доктор. Я доктор, лекарь, немецкий аптекарь. Зубы вставляю и вырываю, людей на тот свет отправляю. *(Начинает осматривать и ослушивать Цыгана.)* Тута?

Ответчик. Повыше.

Доктор. Тута?

Ответчик. Пониже.

Доктор. Вот тута?

Ответчик. Повыше.

Доктор. Черт знает, что у вас! Ничего не пойму: то повыше, то пониже.

Ванька скрывается за ширмами и быстро появляется с дубинкой.

Ванька *(Доктору).* Я сейчас расплачусь с тобой. *(Размахивается и бьет дубинкой Доктора.)* Вот тебе. Вот тебе. *(Убивает Доктора.)*

Ответчик. Что ты наделал, Ваня? Ты убил и Цыгана и Доктора. Сейчас сюда явится милиция и следственная комиссия и начнут дела расследовать.

Является Милиционер.

Милиционер. Это что за шум, за беспорядки? Среди белого дня людей убивают. Я сейчас с места в карьер всех отправлю в суд. *(Глядя на убитых.)* Это что? *(Осматривает трупы.)*

Ванька *(Ответчику).* Не кажи, что я убил.

Ответчик. А что мне дашь за это?

Ванька. Дам пять червонцев — не говори.

Ответчик. Этого, Ванечка, мне мало.

Ванька. Сколько ж ты хочешь?

Ответчик. Десять червонцев.

Ванька. Ну ладно, ладно; дам, только не кажи.

Ответчик. Давай сейчас.

Ванька. Сейчас некогда, я тебе потом отдам, по золотому курсу.

Ответчик. Ну так и быть, подожду.

Милиционер *(осматривая трупы).* Это кто убил?

Ответчик. Эти сами умерли.

Милиционер. Надо сначала похоронить их, а потом будем дело разбирать.

Ванька. Я их похороню, товарищ.

Ванька и Милиционер уносят по одному на руки убитых за ширмы под звуки похоронного марша Шопена и вновь появляются над ширмами; при их появлении музыка прекращается.

Ванька. Отправили на колбасу.

Ответчик. Сейчас тебя, Ваня, Милиционер судить будёт.

Ванька. Я его рассужу по-своему. *(Отправляется за ширмы, возвращается с дубинкой и, размахнувшись, убивает Милиционера.)* Вот и всему суду конец.

Ответчик. Ну это еще неизвестно, что потом будёт.

Ванька. Давай его схороним, а то как бы не досталось нам.

Ответчик. Не нам, Ваня, тебе одному.

Ванька бурчит, уносит Милиционера под звуки того же марша за ширмы.

Ванька *(появившись опять)*. Ну, вот и все.

Является Красноармеец и обращается к Ответчику.

Красноармеец *(показывая на Ваньку)*. Кто это такой? Дизиртер? *(Ваньке.)* Ну-ка, становись во хрунт под ружье!

Ванька. Не хочу и не хочу! *(Машет головой и руками.)*

Красноармеец. Бери, говорят тебе, ружье в руки. Не то в трибунал заберем!

Ванька *(берет ружье в руки)*. Я не умею.

Красноармеец. Будешь уметь. Слушай моей команды!

Ванька. Ружье у меня, кабы не так. Теперич я тебя не боюсь. Одним моментом заколю. *(Закалывает насмерть Красноармейца.)*

Ответчик. Ваня! Ты еще убил человека?

Ванька *(бурчит)*. И этого схороню.

Ответчик. А с кем ты будешь хоронить, ведь я не буду.

Ванька. С кем? Хоть с чертом.

Является Черт, они с Ванькой под звуки Шопена уносят убитого и потом вновь являются оба.

Ответчик. Вот теперь, Ваня, придет Барбос, он откусит тебе нос за твои дела.

Является Барбос, Ванька старается его приласкать, но собака схватывает Ваньку поперек и тащит вниз; Ванька отбивается.

Ванька. Отпустите душу на покаяние!

Ответчик. Это не по моде, Ванюша, каяться. А тебе, впрочем, надо, ты ведь в Живетской церкви ктитором состоишь.

Ванька *(отбиваясь)*. Ой, пустите, пустите!

Барбос с Чертом сталкивают Ваньку за ширму, и там все скрываются; Музыкант играет «Ах вы, сени, мои сени!».

После представления ширмы складываются. Ответчик с фуражкой в руках обходит зрителей. Музыкант, если многие кладут, играет на прощание несколько веселых пьес.

Вертепные представления

ЦАРЬ ИРОД

Ирод восседает на троне; к нему являются Три волхва. Он повелевает им на обратном пути из Вифлеема явиться к нему с подробностями о рождении Спасителя. Ирод напрасно ждет волхвов и в раздраженном состоянии духа обращается к своему Воину.

Воин мой, воин.
Воин вооруженный,
Стань передо мною,
Как лист перед травою,
И слушай мои приказания.

Воин *(входит).*

О, грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призываеши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Поди в Вифлеем и избей всех младенцев от двух лет и ниже.

Воин *(уходит и возвращается обратно).*

О, грозный царь Ирод!
По твоему приказу
Я сходил в Вифлеем
И избивал всех младенцев
От двух лет и ниже;
Только одна старая баба Рахиля
Не дает своего дитенка бить.

Ирод. Приведи ее сейчас сюда.

Воин уходит в одно из боковых отделений вертепа и тотчас приводит Рахиль в черном с головы до ног одеянии с ребенком на руках, жалобно пищащим.

Ирод. Как ты, старая баба Рахиля, смеешь не давать своего дитенка бить моему верному воину, когда я приказал?

Рахиль *(воет).* Да он же у меня один, да такой маленький, да от него никому нет зла!

Ирод. А, дак ты мне еще смеешь грубить! *(Воину.)* Коли ее ребенка!

Воин закалывает отчаянно кричащего ребенка. Рахиль заливается слезами.

Хор *(за кулисами).*

Не плачь, не плачь, Рахиля,
Твое дитя цело.
Оно не вмирало,
А отцветало.

Ирод *(обращаясь к Воину).* Гони отсюда старую бабу!

Воин прогоняет ее в одну сторону, а с противоположного хода является Отшельник.

Отшельник.

О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити.

Ирод *(зовет Воина).*

Воин мой, воин,
Воин вооруженный,

Стань передо мною,
Как лист перед травою,
Слушай мои приказания!

Воин *(с мечом входит и останавливается перед Иродом).*

О грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призываеши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Прогони отсюда сего старого бродягу!

Воин прогоняет Отшельника в одну сторону, а с другой стороны является Смерть с косою и начинает речитатив.

[Смерть]. О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити!

Ирод в ужасе встает на своем троне быстро и порывисто.

Смерть. Вот я к тебе пришла —
Настал твой смертный час:
Склони твою голову на мою косу.

Ирод *(просит отсрочки).* Дай отсрочки один год!

Смерть. Ни на один месяц!

Ирод. Дай на один день.

Смерть. Ни на один час!

Ирод. На одну минуту.

Смерть. Ни на одну секунду!

Ирод покорно склоняет голову на косу, а Смерть, отрубив голову, плавно удаляется одним ходом, а другим вбегают черти с визгом и хохотом, окружают тело Ирода и под предводительством огромного Черта тащат тело в ад.

Хор *(изображает кипение адской смолы).* Жж... Зз... Сс...

Трон опустел.

Аришенька *(входит и обращается к публике).*

Ах, шла с горы — утомилась,
Шла под гору — спотыкнулась.
Дайте на царском месте посидеть.
(Садится.)

Старик *(с мешком за плечами).*

Ах, Аришенька, дружочек,
Я принес те денежек мешочек,

Только дай на твоих коленях посидеть,
А ты у меня из мешка денежки выбирай.

Аришенька. Садись, Старичок, садись, дорогой!

Старик садится ей на колени. Аришенька выбирает у него деньги из мешка за плечами.

Франт *(является и обращается к публике).*
Ах, почтеннейшие господа,
Как это не стыдно,
Как это не обидно,
Что старый хрыч с бородой
Сидит на коленях у молодой?!

Старик. Ах ты, Франт,
У тебя сапоги в рант,
Жилетка пике,
А нос в табаке;
Сапог скрипит,
А в кармане трясца кипит!
А я хоть старик седой,
Да денег у меня мешок большой.
Ступай отсюда прочь.

Старик и Аришенька *(кричат вместе).* Ступай отсюда прочь!

Франт сконфуженный уходит.

Аришенька *(за кулисами говорит).*
Милые музыкантики,
Сыграйте нам танцыки!

Музыканты играют «По улице мостовой». Аришенька пляшет русскую, Старик по ее приказанию тоже пляшет до изнеможения, чуть не падает — так что Аришенька переутомленного Старика наконец уводит долой со сцены. Старик прихрамывает и закашливается к великой потехе и смеху публики.

На сцену является Мужик.

[Мужик]. Куда же это я забрел? Вот тебе на! А где же Максимка? *(Зовет.)* Сын Максим, а сын Максим!

Максимка *(за сценой).* Ау, татка!

Мужик. Да где ж ты?

Максимка. Да в лесу!

Мужик. Зачем ты туда попал?

Максимка. Да грибы собираю!

Мужик. Да что ты, сдурел али пьян — какие ноне об растве грибы?

Максимка. Да еще какие — подосиновики! Ходи ко мне собирать, а то всех одному не набрать!

Мужик. В такой-то мороз мне к тебе идтить? Нет уж, ты выходи ко мне скорей. Пора домой, а то замерзнем!

Максимка. Не, мне в лесу тепло! Да я, никак, и заблудился? Так и есть — заблудился.

Мужик. Так читай за мной молитву «Да воскреснет бог».

Максимка. Да растреснит твой лоб, тятька! Так стемнело, что ни зги не вижу.

Мужик. Ну, так читай за мной другое!..

СМЕРТЬ ЦАРЯ ИРОДА

Представление для публики с пением и рассказами

Действующие лица:

Царь Ирод (фигура его выше всех остальных кукол), в синей куртке, красных штанах и красной мантии; на голове — корона, через плечо — полоска золоченой бумаги в виде орденской ленты, грудь в крестах и медалях, в руке обнаженный меч.

Два Ангела, в белой длинной одежде, украшенной полосками серебряной бумаги; за плечами крылья из перьев, в руках древесные ветви.

Три Царя. Два — в черных, один — в желтой куртке, в красных штанах, в голубых мантиях; на голове короны из серебряной бумаги, на груди кресты и медали (но меньше, чем у царя Ирода), в руках нечто неопределенной формы, долженствующее изображать, по словам хозяев театра, «злато, ливан и смирну».

Пастушок, в обыкновенной крестьянской одежде, в высокой шапке, в лапотках; кнут свит кольцом — через плечо, в руках большой пастуший рог и палка-посох.

При Пастушке (соединены с ним проволокой) две овечки — белая и черная с белыми пятнами.

Воины (числом шесть), трое в золоченых и трое в серебряных доспехах, в касках, с копьями и обнаженными саблями. Кроме того, по задней стенке театра, по сторонам трона царя Ирода стоят еще шесть неподвижных воинов, одетых точно так же.

Рахиль, одета в модное платье с пышными рукавами, юбка красная, кофта голубая, на шее бусы, простоволосая; в руках спеленатый ребенок.

Ксендз, в черной рясе, с очень большими рукавами; на голове красная шапочка вроде ермолки; в руках четки.

Смерть (вырезанный из картинки скелет, подклеенный на картон), в белом покрывале (саван), с косой в руках.

Черт, весь обшит черной овчиной; рот, нос, глаза и уши красные; с рогами и с хвостом.

Цыган (самая толстая кукла), в красной кумачной рубашке, в черных плисовых штанах, без шапки; в руках — палка, в зубах — трубка, за поясом — кнут.

Межевой, в сюртуке с погонами и пуговицами, обклеенными золотой бумагой, в черных штанах; на голове — фуражка с кокардой, в правой руке платок.

Межевая, в модном костюме, в жакете, юбка зеленая; на голове шляпка, надетая на платок, в руках цветок.

Девицы (две), одеты по-крестьянски: красные пестрядинные сарафаны, белые рубашки, на голове платки, в руках по связке кренделей («бараночницы»).

ЯВЛЕНИЕ 1

Из правой двери выходят два Ангела с зажженными свечами, идут к пещере с пением:

Дево днесь пресущественного рождает,
И земля вертеп к непреступному приносит,
Ангелы же с пастырями славословят,
Волствие же со звездою путешествуют,
Нам бо ради родися,
Отроча млада, предвечный бог.

Ангелы покланяются и уходят в левую дверь с пением.

ЯВЛЕНИЕ 2

Из правой двери Пастушок гонит двух овечек к пещере, падает на колени и молится с пением.

Пастушок. Нова радость стала,
Яко в небе хвала,
Над вертепом звезда ясна,
Светла воссияла,
Пастушки идут с ягнятками,
Пред милым дитятком

На колени упадали,
Христа прославляли:
«Молим, просим, Христе-царю:
Небесный государю,
Даруй лето счастливое,
Всему господину!»

Уходит в левую дверь с пением.

ЯВЛЕНИЕ 3

Выходят три Царя. Один входит в правую дверь, а два — в левую дверь, поворачиваются к пещере с поклонами и с пением.

Цари *(поют)*.
Шедше трие цари
Ко Христу со дары,
Ирод им предвластен,
Куда идут спросити.
Здесь говор.
Идем к рожденному,
Идем поклониться.
Снова пение.
Идем поклониться,
Пред царем явиться,
Аще поклонюся,
Пред царем смирюся,
Где Христос родися,
Там звезда явися;
Звезда грянет чудно
С востока до полудня.

Цари поворачиваются все вместе к правой двери с пением.

Ангел им являет,
На путь наставляет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Выходит к ним Ангел из правой двери и говорит им.

Идите иным путем,
К Ироду не ходите:

Ирод смущает,
Волхвов созывает,
Младенцев избивает.
Пение Царей.
Шедше трие цари
Во свои во страны,
Христа славословят,
Чая в небе быти,
На веки хвалити.

Цари с пением уходят: два в левую дверь, а один в правую с Ангелом.

ЯВЛЕНИЕ 5

Выходит царь Ирод в правую дверь, садится на царский трон и говорит.

Ирод. Аз есмь царь,
Кто может мя снидь?
Пошлю своя воины
В страны вифлеемские
Избить младенцев,
Сущих первенцев.
(Встает на троне с громким говором.)
Воины мои, воины,
Воины вооруженные,
Встаньте передо мной.

ЯВЛЕНИЕ 6

Воины входят в правую дверь и становятся перед царским троном в два ряда.

Воины. Почто, царю, нас призываете,
Что творить повелеваете?
Ирод. Подите в страны вифлеемские,
Избейте всех младенцев,
Сущих первенцев.
Ответ Воинов.
Ваше царское величество,
Ходили мы в вифлеемские страны.
Избивали всех младенцев,

Сущих первенцев,
Одна госпожа Рахиль
Не дает своего чада убить,
А хочет идти
К вашей милости просить.

Ирод. Кто она такова?
Привести ее сюда!

Воины. Идем и приведем!

Воины уходят все в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Один Воин приводит Рахиль к царю Ироду; Рахиль падает на колени и плачет.

Рахиль. О, царю,
Великий государю!
Помилуйте мое чадо-отрочате,
Чтобы не было чего на том свете отвечати!

Ирод. Воин, возьми его и убей.
Чтобы не было более душе и телу скорбей.

Рахиль. Царь, помилуй мое чадо!

Ирод. Воин, возьми и убей его!

Воин вытаскивает младенца у нее из рук и втыкает его на копье. Рахиль падает на землю и плачет.

Плач Рахили.

Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Вижу младенца прободенную утробу
И предаюся гробу.

Плач повторяется два раза сряду. Рахиль все время лежит на полу у трона.

ЯВЛЕНИЕ 8

Является к ней (Рахили) Ангел в белой одежде, с крыльями, поднимает ее и говорит.

Ангел. Не плачь, Рахиль.
Восстань, Рахиль,
Увидишь свое чадо
У царя небесного в руцех.

Ангел идет с пением и уводит Рахиль в правую дверь.

Пение Ангела.

Не плачь, Рахиля,
Зря чада тело,
Не убиют душу
Военныя крылы,
Но бог принимает
В своя святыни. [...]
Маленькое чадо
В рае будет радо.

Пение повторяется два раза.

ЯВЛЕНИЕ 9

В правую дверь входит Ксендз, подходит к Ироду на троне и говорит с дерзостию.

Ксендз. О Ироде...
За твоя превеликия злости
Придет гибель-дьябель
И поберет черт душу твою и кости.

Ирод. Аз злу непричастен,
Ирод есмь предвластен,
Царствовать — царствую.
Царство мати — маю.
Равного себе не знаю.

Ксендз. Поментуй, поментуй. На том-то свете — бездна, смола, деготь будешь пытати. Амент!

Ксендз уходит в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 10

В правую дверь выходит Смерть в белом саване.

Смерть. Аз есть малахиня,
Сильнейший воин.
Всему свету пани.
Где пребываю,
Все там царие и князи,
Все под властью моею.
Всех я, всех я истребляю
Косою своею.
(От сего говор к Ироду.)
Полно тебе, Ирод,
Проклятый, безумный,
На сем свете жить.
Пора тебе, Ирод,
Во ад снить!

Ирод. Ах, Смерть моя, мати,
Я не хочу с тобой добровольно поступати,
А хочу воевати,
Дабы неповинное царство узнати.

Смерть. Ах ты, Ирод,
Проклятый, безумный,
Не хочешь со мной добровольно поступати,
А хочешь воевати,
Дабы неповинное царство узнати!
Воскликну я своего брата
Из пропускного ада.

Смерть поворачивается к левой двери и говорит громким голосом.

Смерть. Ах, брат мой,
Стань предо мной!

ЯВЛЕНИЕ 11

Является Черт, с рогами, с хвостом, страшный, как пишется.

Черт. Ого, сестра,
Зачем призвала?
Смерть. Да вот, Ирод
Проклятый, безумный,
Не хочет со мной добровольно поступать,
А хочет со мной воевать,
Дабы неповинное царство узнать.
Черт. Возьми, сестра, косу,
Сними ему голову,
Ему труп и голова,
А нам с тобой держава.

Черт отходит. Смерть царю Ироду на троне голову снимает косой и держит за волосы, а тело упадает с трона. Черт подбегает к телу царя Ирода.

Черт. О, проклятый Ироде,
За твоя превеликия злости
Поберу тя в преисподнюю бездну...

Захватывает тело царя Ирода. Ирод проваливается вместе с Чертом в люк (в преисподнюю). Смерть с главой Иродовой уходит в левые двери.

[...].

ЯВЛЕНИЕ 14

С правой двери выходит Межевой, а с левой двери Межевая. Сходятся вместе и здороваются за руку.

Межевая. Здравствуй, сударь!

Межевой. Да здравствуйте, сударыня! Я Межевой, иду с ландкартами из поля домой.

Межевая. А я, сударь, Межевая,
Да у меня и ножка кривая.

Межевой. Нельзя ли милость вашу утрудить:
С вами танцевать идтить?

Межевая. Извольте, сударь! Я для вас хоть сто раз!

Межевой. Господин музыкант, сыграй-ка нам «Чижика», да позабористее.

Межевой да Межевая танцуют оба вместе, взявшись за руки, и уходят в правую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 15

С левой двери входят две Девицы из Валдая, бараночницы, в крестьянской одежде.

Девицы из Валдая. Господин музыкант, а нам сыграйте камаринского, да почаще.

Музыкант играет, а Девицы из Валдая танцуют камаринского и убегают в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 16

В правую дверь входит Цыган с колпаком в руке и говорит, обратясь лицом к публике.

Ободега, Вичинега!
За вертепное строение,
А за наше представление.
Ради господ вас было
Показано кукол не менее,
Как три дюжины,
И кончилось все до ужины.
Ободега, Вичинега!
За вертепное строение,
А нам на розовые платьица.
Нечего нам здесь долго проедаться,
Пора в другие места отправляться.
Ободега, Вичинега!
Всепочтеннейшей публике
Многая лета!

Цыган уходит в левую дверь.

Конец всему представлению.

ЦАРЬ ИРОД

Перед зрителями стоит палатка с двумя занавесями; на первой занавеси наклеена икона рождества Христова, на второй — звезда. Хлопцы, стоящие за палаткой, поют коляду. Выходят два Воина (после пения коляды); они одеты в светло-зеленые мундиры и красные штаны; поднимают сначала первую занавесь (по-местному — «заслону»), потом вторую. В палатке на троне сидит Ирод.

Ирод. Хранитель, выступи ко трону.

Хранитель.

Здравствуй, царь Ирод!
На что свою верную слугу призываешь?
На какой указ повелеваешь?
Что хошь сказать?
Куда хошь послать?
Желание исполню.

Ирод. Призови мне моих воинов.

Приходят Воины и, держа шашки на караул, говорят.

[Воины]. Царь Ирод, чего изволишь?

Ирод. Ступайте, мне сыщите Рахилю с младенцем.

Воины. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени они возвращаются и говорят.

[Воины]. Везде искали и не нашли Рахилю с младенцем.

Ирод. Ступайте под Кавказские горы, хорошенько разыщите и приведите их ко мне.

Воины. Слушаем и исполняем. *(Через несколько времени возвращаются.)* Нашли, только стража стоит, нельзя ей оттудова взять.

Ирод. Я этого знать не знаю, мне стражу разбейте и приведите пред мои глаза.

Воины. Слушаем и исполняем.

Те же и Рахиль.

Рахиль. Царь Ирод, чего изволишь?

Ирод. Где ты пряталась?

Рахиль. Я нигде не пряталась, только свое дите прятала.

Ирод. Я тебе велю его казнить к смерти.

Рахиль *(задом к публике)*. Царь Ирод, лучше не казни дитя, казни меня.

Ирод. Ты мне не нужна, только твое дите.

Рахиль. Дай моему дитю хоть на три дня жизни.

Ирод. Не дам даже на три минуты.

Рахиль. Дай хоть на два дня жизни.

Ирод. Даже на две минуты не дам.

Рахиль. Дай хоть на один день жизни.

Ирод. Даже на одну минутку не дам, бо со мной не разговаривай, катуй, катей.

Солдаты поднимают ребенка на пику и уносят его; за ними уходит Рахиль. Приходит Смерть с косой.

Смерть. Их ты, Ирод, погибшая душа, погибнешь ты сию минуту.

Ирод. Смерть моя дорогая, чего ж ты так скоро по мене пришла, почему не дала мне хоть на три дня жизни?

Смерть. Даже на три минуты не дам.

Ирод. Дай хоть на два дня жизни.

Смерть. Даже на две минуты не дам.

Ирод. Дай хоть на один день жизни.

Смерть. Даже на одну минуту не дам. Тотчас ты погибнешь сию минуту.

Ирод при виде Смерти становится на колени. Смерть, при последних словах, дотрагивается до него косой и уходит. Ирод остается стоять на коленях, но опускает ниже голову. Приходит Черт.

Черт. Ха-ха-ха! Ирод, проклятая душа! Я тебя ждал тридцать семь лет и три года, покуда до тебя дождался. Теперь пойди за свои дела в пекло.

Черт толкает Ирода за палатку. Приходит один из Воинов и говорит, глядя на пустую палатку.

Воин. Нет нашего царя Ирода, верно, его смерть взяла.

Является Хранитель.

Воин. Как мне губы не надувать, когда нашего царя Ирода нет?

Хранитель. Почему ж ты на страже не оставался?

Воин. Это тебе надо было остаться.

Хранитель. Нет, тебе.

Воин. Нет, тебе.

Хранитель. Пойдем сражаться, увидим, кому надо было остаться.

Сражаются. Хранитель убивает Воина. Приходит Черт.

Черт. Ха-ха-ха! Счастье за счастьем, один за другим. Пойди за свои дела в пекло. *(Толкает его.)*

Выходит другой Воин и говорит, поднявши кверху копье.

Воин. Что я за воин, что я за герой,
Вот мое копье, вот моя защита,
Моего дедушки Атита.
Мой дедушка был Атит,
Со всеми богатырями бит.
Я млад юноша остался,
С Миоланом я дрался,
И то ему не поддался.
Выходи, кто на стране,
Не поддамся и самому сатане.
Правой рукой города разбиваю,
Левой рукой села и башни под облака бросаю.

Приходит Первый Воин *(уже убитый)*.

Первый Воин.
Если бы ты в наших змеиных пещерах бывал,
Даже твой прах бы не существовал.

Второй Воин.

Я в ваших змеиных пещерах бывал,
Таких молодцов, как ты, по семьсот убивал.
И тебя убью.

Они бьются, и Первый Воин убивает Второго. Приходит Черт.

Черт. Ха-ха-ха... Счастье за счастьем. Взял двух, наготовленный третий. Пойди и ты за свои дела в пекло.

ФОЛЬКЛОР ГОРОДСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ

РАЕК

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАЕК

I

А вот, извольте видеть, господа,
Андерманир штук — хороший вид:
Город Кострома горит;
Вон у забора мужик стоит — с[...]т;
Квартальный его за ворот хватает,—
Говорит, что поджигает,
А тот кричит, что заливает.
А вот андерманир штук — другой вид:
Петр Первый стоит;
Государь был славный,
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу [...],
А вот андерманир штук — другой вид:

Город Палерма стоит;
Барская фамилия по улицам чинно гуляет
И нищих тальянских русскими деньгами щедро наделяет;
А вот, извольте посмотреть,
Андерманир штук — другой вид:
Успенский собор в Москве стоит;
Своих нищих в шею бьют,
Ничего не дают.

II

Подходите, подходите,
Да только карманы берегите
И глаза протрите!..
А вот и я, развеселый потешник,
Известный столичный раешник,
Со своею потешною панорамою:
Картинки верчу-поворачиваю,
Публику обморачиваю,
Себе пятачки заколачиваю!..
А вот, извольте видеть, город Рим,
Дворец Ватикан,
Всем дворцам великан!..
А живет в нем римский папа,
Загребистая лапа!..
А вот город Париж,
Как туда приедешь —
Тотчас угоришь!..
Наша именитая знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда-то едет с полным золота мешком,
А оттуда возвращается без сапог пешком...
А вот, извольте видеть, город Берлин!..
Живет в нем Бисмарк-господин,
Его политика богата,
Только интригами таровата!..
В неметчине народ грубый,
На все точит зубы...

Им давно хочется
На балтийский край броситься,
Да боятся, как бы сдуру
Не лишились б сами шкуры,—
Ведь вот в двенадцатом году
Француз сам себе наделал беду!..

III

Подходи, люд честной, люд божий,
Крытый рогожей,
За медный пятак
Покажу все этак и так.
Будете довольны.
Вот французский город Париж,
Приедешь — угоришь.
Ономедни и самому там сенатору Гамбету
Подали карету,—
Дескать, проваливай.
А вот коварный англичан,
Надулся, ровно чан.
Хоша он нам и гадит,
Зато и наш брат русский его не гладит.
Супротив русского кулака
Аглицкая наука далека,
И слова мы не скажем,
Уж так-то разуважим,—
Мокренько будет.

IV

— А вот, судари мои,— долетает до вас голос раешника,— царство Китай, где продают чай. Здесь представлен китайский город Нанка, откуда получается к нам нанка. А вот смотрите, господа, битва Седан: немцы французов побивают и в плен Наполеона забирают. Французы ружья, сабли положили и пардону попросили.

МОСКОВСКИЙ РАЕК

I

А вот, извольте видеть, господа, андерманир штук — хороший вид, город Кострома горит, у забора мужик стоит с..., квартальный его за ворот хватает, говорит, что он поджигает, а тот кричит, что заливает.

А вот андерманир штук — другой вид, город Палерма стоит, барская фамилия по улицам гуляет и нищих тальянских деньгами оделяет.

А вот, извольте видеть, андерманир штук — другой вид. Успенский собор в Москве стоит, своих нищих в шею бьют, ничего не дают.

Вот погляди, город Аривань, князь Иван Федорович въезжает и войска созывает, посмотри, как турки валются, как чурки.

Вот посмотри турецкую баталию, где воюет тетка Наталья. Сделала по всей деревне колокольный звон, пушечную стрельбу, сама три кочерги разбила, деревню в полон взяла, а деревня большая: два двора, три кола, пять ворот, прямо Андрюше в огород. Нищим жить просторно. Печей нет, труб не закрывают, никогда не угорают, и гарью не пахнет. Ага, хороша штучка, да последняя!

II

1. Покалякать здесь со мной подходи, народ честной: и парни, и девицы, и молодцы, и молодицы, и купцы, и купчихи, и дьяки, и дьячихи, и крысы приказные, и гуляки праздные. Покажу вам всякие картинки, и господ, и мужиков в овчинке, а вы прибаутки да разные шутки с вниманием слушайте, яблоки кушайте, орехи грызите, картинки смотрите да карманы свои берегите. Облапошат!

2. Вот, смотрите в оба: идет парень и его зазноба, надели платья модные, да думают, что благородные. Парень сухопарый сюртук где-то старый купил за целковый и кричит, что он новый. А зазноба отменная — баба здоровенная, чудо красоты,

толщина в три версты, нос в полпуда, да глаза просто чудо: один глядит на вас, а другой в Арзамас. Занятно!

3. А вот город Вена, где живет прекрасная Елена, мастерица французские хлебы печь. Затопила она печь, посадила хлебов пять, а вынула тридцать пять. Все хлебы хорошие, поджарые, сверху пригорели, снизу подопрели, по краям тесто, а в середине пресно. Страсть как вкусно!

4. Перед вами город Краков. Продают торговки раков. Сидят торговки все красные и кричат: раки прекрасные! Что ни рак — стоит четвертак, а мы за десяток дивный берем только три гривны, да каждому для придачи даем гривну сдачи. Торговля!

5. Друзья сердечные, тараканы запечные, карманы держите да дальше смотрите. Вот на Ходынском поле гуляет франт, сапоги в рант, брови колесом, шишка под носом, подле носа папироса, кудри завиты, глаза подбиты, так фонари и светят до зари. А вот и еще три: один в шапке, другой в тряпке, третий на железной подкладке, нос в табаку, сам провалился в кабаку. Раздолье!

6. А вот в московском «Яре» беготня как на базаре. Кутит купец московский, нализамшись уж чертовски, а все выпить рад. Сам черт ему не брат, не препятствуй его ндраву, разнесет все на славу. А от него направо плывет, точно пава, мамзель из иностранок, из тамбовских мещанок, поцелуй ему подносит да ласково так просит: «Распотешь свою мамзелю, разуважь на целую неделю, поднеси аглицкого элю». И купец потешает, мамзель угощает, а сам водку пьет, инда носом клюет, закусочку готовит да чертей под столом ловит. Дай бог всякому!

7. А вот в городе Цареграде стоит султан на ограде. Он рукой махает, Омер-пашу призывает: «Омер-паша, наш городок не стоит ни гроша!» Вот подбежал русский солдат, банником хвать его в лоб, тот и повалился, как сноп, все равно что на грош табачку понюхал. Ловко!

8. Глядь, нация женская: вот изба деревенская, на полатях мужик пьяный выворотил карманы, накрылся и спит да как дудка храпит. А женка кособокая, баба краснощекая, на пьяного дуется и в углу с парнем целуется. Приятно!

9. Поворачиваю еще машину, а вы дайте по алтыну старику

на водку, промочу свою глотку. Перед вами барин, не то еврей, не то татарин, а то, может быть, и грек, очень богатый человек. Он по бульвару спокойно гуляет, вдруг кто-то из кармана платок таскает. Барин это слышит да нарочно еле дышит. На то он и держит банкирскую контору, чтоб не мешать никакому вору. Сам, видно, с маленького начинал. Чисто!

10. Вот вам площадь городская, хорошая такая и убранная к тому же, что ни шаг, то лужи, и украшениям нет счета, где ни взглянь — там болото, а пахнет так, будто роза, потому что везде кучи навоза. Чисто!

ТУЛЬСКИЙ РАЕК

Сражения-баталия
При тетке Наталье:
Турки
Валятся, как чурки,
А наши палят,
Хоть и без голов стоят,
Лишь табачок понюхивают.

А эвто — тетушка Матрена,
Голова палена,
Завивает пукли,
А глаза распухли.
Она блины становила,
Да глаза себе подбила.
Позади ж ее франт
Надевает фрак
Об шестнадцати фалд,
Четырнадцать карманов.
Из одного кармана
Торчит мочала,
Так начнемте, господа, сначала!

ПРИБАУТКА ЯРОСЛАВСКОГО РАЕШНИКА

Святой город Иерусалим
И святые места.
Город Варшава, река Висла,
Да в ней вода скисла.
Тут бабушка Софья
Три года на печи сохла.
А как этой водицы попила,
Еще тридцать три года прожила.

НИЖЕГОРОДСКИЕ ЯРМАРОЧНЫЕ РАЙКИ

Площадь перед самокатами вся залита народом; со всех сторон из балаганов слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкие зазывания в «комедии», крики разносчиков, громкий говор толпы, остроты забубенной головушки-мастерового, и в том числе однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет.

— Вот я вам буду спервоначально рассказывать и показывать,— говорит он монотонным, всего на двух или трех нотах, голосом,— иностранных местов, разных городов, городов прекрасных; города мои прекрасные, не пропадут денежки напрасно; города мои смотрите, а карманы берегите.

— Это, извольте смотреть, Москва — золотые маковки, Ивана Великого колокольня, Сухарева башня, усиленский собор, 600 вышины, а 900 ширины, а немножко поменьше; ежели не верите, то пошлите поверенного,— пускай поверит да померит.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как на Хотинском поле из Петросьского дворца сам анпиратор Лександра Николаич выезжает в Москву на коронацию: артиллерия, кавалерия по правую сторону, а пехота по левую.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как от фрянцюсьского Наполеона бежат триста кораблев, полтораста галетов, с дымом, с пылью, с свиными рогами, с

заморским салом, дорогим товаром, а этот товар московского купца Левки, торгует ловко.

— А это вот, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, город Париж, поглядишь — угоришь; а кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Лександровский сад; там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, зеленых подкладках; пукли фальшивы, а головы плешивы.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Царьград; из Царяграда выезжает сам салтан турецький со своими турками, с мурзами и татарами-булгаметами и с своими пашами; и сбирается в Расею воевать, и трубку табаку курúт, и себе нос коптúт, потому что у нас, в Расее, зимой бывают большие холода, а носу от того большая вреда, а копченый нос никогда не портится и на морозе не лопается.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меньшиков Севастополь брал: турки палят — все мимо да мимо, а наши палят — все в рыло да в рыло; а наших бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают да кверху брюхом лежат.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как в городе в Адесте, на прекрасном месте, верст за двести, прапорщик Щеголев агличан угощает, калеными арбузами в зубы запущает.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яшка-кривой сидит на бочке за трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: «Князя Голицына дом горит».

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, нижегородская Макарьевская ярманка; как московские купцы в Нижегородской ярманке торгуют; московский купец Левка торгует ловко, приезжал в Макарьевскую ярманку,— лошадь-от одна пегая, со двора не бегает, а другая — чала, головой качает; а приехал с форсу, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то приедет — неча лопати: барыша-то привез только три гроша; хотел было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шишкой...

РУССКИЙ РАЕК

Вот смотри-гляди: большой город Париж, побываешь — угоришь, где все по моде, были бы денежки только в комоде, всё лишь и гуляй, только деньги давай. Вон как, смотри, барышни по реке, сели, катаются на шлюпках в широких юбках, в шляпках модных, никуда не годных. А вон, немного поближе, большой мост в Париже, вон как по нем франтики с бородками гуляют, барышням с улыбкою головкой кивают, а у прохожих зевак из карманов платочки летают. Бррр... Хороша штучка, да последняя!

ВСЕМИРНАЯ КОСМОРАМА

В сей косморамe показывается всякой город и разные виды житейски, страны халдейски и город Париж — как въедешь, так от шуму угоришь, и страны Американски, откуда привозятся калоши дамски.

Вот извольте видеть:

Салтан машет платком,
ему грозят штыком,
завязалась кутерьма —
огнем горят дома,
гром пушек,
кваканье лягушек,
бабий храпеж.
Ничего не разберешь!

Вот идет мужик с женой. Его зовут Данилой, а жену Ненилой. Третью ночь к ней ходит Кузьма милой. Тут муж опасается — вилой запасается, в овин убирается, а милый Кузьма — малый не без ума: прямо тем временем в спальню пробирается.

Бразильская обезьяна Юлия Пастрана — славная дама.

Немец мудреный посадил в клетку
и народу за деньги кажет,
про чудо заморское историю расскажет.
А это чудище — в кринолиновой юбище.

А вот извольте видеть, как армейский капральной с ярославской бабой «чижика» под старую балалайку отхватывают, ногами такие ениташа отрабатывают.

ПРИБАУТКИ БАЛАГАННЫХ И КАРУСЕЛЬНЫХ ЗАЗЫВАЛ

ПРИБАУТКИ ПЕТЕРБУРГСКИХ «ДЕДОВ»

I

1. Книга

Вот что, милые друзья, я приехал из Москвы сюда, из Гостиного двора — каниматься в повара; только не рябчиков жарить, а с рыжим по карманам шарить.

Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снегирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей,— тут есть портрет жены моей. Вот я про ее расскажу и портрет вам покажу. От прелести-лести сяду я на этом месте.

Вы, господа, на меня глядите, а от рыжего карманы берегите.

2. Свадьба

Задумал я жениться, не было где деньгами разжиться. У меня семь бураков медных пятаков, лежат под кокорой, сам не знаю под которой.

Присваталась ко мне невеста, свет-Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромоногая, кривая, лепетунья и заика. Сама ростом не велика, лицо узко, как лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые, как у кошки. На руках носит браслеты, кушает всегда котлеты. На шее два фермуара, чтобы шляпу не сдувало. Сарафан у ней французское пике и рожа в муке.

Как задумал жениться, мне и ночь не спится. Мне стало сниться, будто я с невестой на бале; а как проснулся, очутился в углу в подвале. С испугу не мог молчать, начал караул кричать. Тут сейчас прибежали, меня связали, невесте сказали, так меня связанного и венчали.

Венчали нас у Флора, против Гостиного двора, где висят три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишнего. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денег не давали. Невесту в телегу вворотили; а меня, доброго молодца, посадили к мерину на хвост и повезли прямо под Тючков мост. Там была и свадьба.

Гостей-то, гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил. Был еще важный франт, сапоги в рант, на высоких каблуках, и поганое ведро в руках. Я думал, что придворный повар, а он был француз Гельдант, собачий комендант. Еще были на свадьбе таракан и паук, заморский петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица да старого попа кобылица.

Была на свадьбе чудная мадера нового манера. Взял я бочку воды да полфунта лебеды, ломоточек красной свеклы утащил у тетки Феклы; толокна два стакана в воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести да березовым поленом по затылку оплести — право, на ногах не устоишь.

3. Жена

У меня жена красавица. Под носом румянец, во всю щеку сопля. Как по Невскому прокатит, только грязь из-под ног летит.

Зовут ее Софья, которая три года на печке сохла. С печки-то я ее снял, она мне и поклонилась да натрое и развалилась. Что мне делать? Я взял мочалу, сшил да еще три года с нею жил. [...]

Пошел на Сенную, купил за грош жену другую, да и с кошкой. Кошка-то в гроше, да жена-то в барыше, что ни дай, так поест.

4. Жена

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, с неделю ростом и два дни загнувши. Уж признаться сказать, как, бывало, в красный сарафан нарядится да на Невский проспект покажется — даже извозчики ругаются, очень лошади пугаются. Как поклонится, так три фунта грязи отломится.

5. Жена

У меня, голова, жена красавица. Глаза-то у ней по булавочке, а под носом две табачные лавочки. У нее, голова, рожа на мой лапоть похожа. Она у меня, голова, ту́жа: где постоит, там и лужа. И хорошего, голова, поведенья — из Полторацкого заведенья. Была в магазине, плела, голова, корзины. Еще, голова, по-домашнему что я скажу: щи варит, жаркое жарит, пироги печь али на печь лечь — и то умеет. Я, голова, недалеко скажу: вчера она, голова, пол мыла, грязь-то, голова, и соскоблила, в кучу собрала да мне блинов и напекла. Вот, голова, как она мне щи варит — в одном горшке два кушанья. У ней горшок с перекладиной. В одной половине щи болтает, в другую помои выливает. Я раз и хлебнул, так руками и ногами дрыгнул. Жаркое жарила в двух плошках, а только все из тараканьих ножков. [...]

6. Жена стряпает

Мастерица моя жена варить, в каждом горшке по два кушанья. Кашу варит: крупу всыпает, не мешает — так в печь и пихает. Потом вынимает, меня, старика-то, есть и заставляет. Со старости не разберу, все с горшком и уберу.

Мастерица печь пироги и караваи, печет всегда в сарае. Готовит в кухне, чтобы больше пухли, с начинкой, с телячьей овчинкой, с луком, с перцем, с селедочными головками, с яичной скорлупой, с собачьей требухой — во какой! С одного конца разорвалося, по всей деревне раздалося. А есть только свинье удалося. Рыжий облизывается, верно, попробовал.

Мастерица хлебы печь: Становит с вечера на дрождях, утром подымает на вожжах. Сажает на лопате, вытаскивает на ухвате. Сажает два, а вытащит тридцать два. Да что и за хлебы! Снизу подопрело, сверху подгорело, с краев-то пресно, в середине-то тесто. Не режь ножичком, а черпай ложечкой. Я со свиньей перебирал, да рыло все и перемарал.

7. Дом

Вот я, голова, семь лет дома не бывал и оброка не плачивал. Приехал домой, свой дом поправил, четыре синяка соседу поставил. Мой дом каменный, на соломенном фундаменте. Труба еловая, печка сосновая, заслонка не благословленная, глиняная. В доме окна большие — буравом наверченные. Черная собака за хвост палкой привязана, хвостом лает, головой качает, ничего не чает. Четверо ворот, и все в огород. Кто мимо меня едет, ко мне заворачивает, я карман выворачиваю. Так угощаю, чуть живых отпущаю.

Был я тогда портным. Иголочка у меня язовенькая, только без ушка — выдержит ли башка? Как стегну, так кафтан-шубу и сошью. Я разбогател. У меня на Невском лавки свои: по правой стороне это не мое, а по левой вовсе чужие. Прежде я был купцом, торговал кирпичом и остался ни при чем. Теперь живу день в воде, день на дровах и камень в головах.

8. Баня

Я по Невскому шел, четвертака искал да в чужом кармане рубль нашел, едва и сам ушел. Потом иду да подумываю.

Вдруг навернулся купец знакомый, да не здоровый, только очень толсторожий. Я спросил: дядюшка, в которой стороне деревня? А он мне сказал: у нас деревни нет, а все лес. А я к нему в карман и влез. Он меня взял да в баню и пригласил. А я этого дела не раскусил: я на даровщинку и сам не свой.

Приходим мы в баню. Баня-то, баня — высокая. У ворот стоят два часовых в медных шапках. Как я в баню-то вошел да глазом-то окинул, то небо и увидел. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полок, на котором черт орехи толок. Вот, голова, привели двое парильщиков да четверых держальщиков. Как положили меня, дружка, не на лавочку, а на скамеечку, как начали парить, с обеих сторон гладить. Вот тут я вертелся, вертелся, насилу согрелся. Не сдержал, караул закричал. Банщик-то добрый, денег не просит, охапками веники так и носит.

Как с этой бани сорвался, у ворот с часовым подрался.

9. Часы

У вас, господа, есть часы? У меня часы есть. Два вершка пятнадцатого.

Позвольте, господа, у вас поверить или мне аршином померить. Если мне часы заводить, так надо на Нарвскую заставу выходить. [...] Мои часы, господа, трещат, а рыжие из чужого кармана тащат.

10. Лотерея

Разыгрывается лотерея: киса старого брадобрея, в Апраксином рынке в галерее. Вещи можно видеть на бале, у огородника в подвале. В лотерее будут раздавать билеты два еврея: будут разыгрываться воловий хвост и два филея.

Чайник без крышки, без дна, только ручка одна.

Из чистого белья два фунта тряпья; одеяло, покрывало, двух подушек вовсе не бывало.

Серьги золотые, у Берта на заводе из меди литые, безо всякого подмесу, девять пудов весу.

Бурнус вороньего цвету, передних половинок совсем нету. Взади есть мешок, кисточки на вершок. Берестой наставлен, а зад-то на Невском проспекте за бутылку пива оставлен.

Французские платки да мои старые портки, мало ношенные, только были в помойную яму брошенные. Каждый день на меня надеваются, а кто выиграет — назад отбираются.

Двенадцать подсвечников из воловьих хвостов, чтобы рыжие не забывали великих постов.

Будет разыгрываться золотая булавка,— а у этой кухарки под носом табачная лавка.

Перина ежового пуха, разбивают кажное утро в три обуха.

Шляпка из навозного пуха, носить дамам для духа.

Сорок кадушек соленых лягушек.

Материя маремор с Воробьиных гор.

Шкап красного дерева, и тот в закладе у поверенного.

Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка Иван.

Два ухвата да четыре поганых ушата.

Пять коз да мусору воз.

Салоп на лисьем меху, объели крысы для смеху. Атласный, весь красный, с бахромой лилового цвету, воротника и капюшона совсем нету.

Будет разыгрываться Великим постом под Воскресенским мостом, где меня бабушка крестила, на всю зиму в прорубь опустила. Лед-то раздался, я такой чудак и остался.

11. Прохожий

Вижу, голова, я нынче на Рождестве — прохожий, вот на этого рыжего похожий. Он меня, голова, и позвал Христа славить, в чужих домах по стенам шарить. Мы, голова, и прославили, шубу с бобровым воротником сгладили.

Потом, голова, в светло Христово воскресенье мне он попался у заутрени. Священник сказал «Христос-воскрес», а он к купцу прямо в карман и влез.

Он, голова, хороший мастеровой: кузнец, слесарь, токарь, столяр, а еще плотник, по чужим карманам лазить охотник. Еще,

голова, литейщик, башмачник, сапожник, портной — только он, голова, за московской заставой с вязовой иголкой стоял. Раз, голова, стегнул, енотовую шубу сразу и махнул.

12. Кухарка

Кухарка с Бертова завода — сегодня только пустил в моду. Готовит разные макароны, из которых вьют гнезда вороны. Варит суп из разных круп, которыми мостовую посыпают. Верно, была в Пассаже — заморала носик в саже. Кофей-то варила, меня не напоила, бог покарал, после в саже замарал. Забыла мою хлеб-соль, как я у тебя обедал.

13. Цирульник

Был я цирульником на большой Московской дороге. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцом поставить, а нет, так и совсем без головы оставить. Кого я ни бривал, тот дома никогда не бывал. Эту цирульню мне запретили.

14. Публика

Рыжий, помнишь великий пост, как теленка тащил за хвост. Теленок кричит «ме», а он говорит: пойдем на праздник ко мне.

У кого есть в кармане рублей двести, у рыжего сердце не на месте. Признаться сказать, у кого волосы чёрны, и те на эти дела задорны. В особенности рыжие да плешивые самые люди фальшивые. Кому лапоть сплесть, кому в карман влезть — и то умеют.

А вишь, и русый не дает чужому карману трусу. Как увидит, так и затрясет, в свой карман понесет.

Вот этот капрал у меня два хлеба украл.

А вот дикий барин дрожавши спотел, купаться захотел. Господа, вам фокус покажу: что вы дадите, я в свой карман положу.

Вот что я вам, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, в пустой корзинке кошка утопилась. Осталось семеро котят, на молочко-то, господа, давайте сюда!

А я вот что, господа, скажу: пряники да орех кидать великий грех. Лучше отдохните да копеек по шести мне махните.

II

1

Настает, братцы, Великий пост,
Сатана поджимает хвост
И убирается в ад,
А я этому и рад.
Пошел я гулять в Пассаж —
Красоток там целый вояж:
Одне в штанах да в валенках,
Другие просто в тряпках,
От одной пахнет чесноком,
От другой несет вином.
А у моей жены имения не счесть,
Такие часы есть,
Их чтоб заводить,
Нужно из-под Смольного за Нарвскую заставу ходить.
А рыжий-то, рыжий, гляди-тка, люд православный,
Так и норовит к кому-нибудь в карман.

2

Была у нас с Матреной дочка —
Из себя кругла, как бочка.
Посватался к ней из царева кабака отшельник,
Да и повенчался в чистый понедельник.
Уж и приданое мы ей, братцы, закатили —
Целый месяц тряпки стирали и шили.
Платье мор-мор
С Воробьиных гор,
А салоп соболиного меха —
Что ни ткни рукой, то прореха.
Воротник — енот,
Вот что лает у ворот.
На прощанье ее побили
И полным домом наградили,
Дали разные вещи:
Молоток да клещи,

Чайник без дна,
Лишь ручка одна.
Да резиновые калоши
С отдушиной, без подошвы,
Рогатого скота ей — петух да курица,
И медной посуды — крест да пуговица.
И за это награждение
Оказала нам дочка угощение:
Сварила суп
Из каменных круп,
А пирог был с такой начинкой,
Что у меня Матрена три дня возилась с починкой:
Все брюхо себе чинила.
А жареное, братцы, бычьи рога
Да комарина нога.

3

Дед показывает толпе исписанный крупными каракулями список.

Вот, робята, разыгрывается у меня лотерея:
Хвост да два филея,
Чайник без ручки, без дна,
Только крышка одна —
Настоящий китайский фарфор,
Был выкинут на двор,
А я подобрал, да так разумею,
Что можно фарфор разыграть в лотерею.
Часы на тринадцати камнях,
Что возят на дровнях.

Показывает огромные часы и заводит их с треском.

А чтобы их заводить,
Надо к Обуховскому мосту заходить.
Ну, робята, покупайте билеты —
На цигарки годятся,
А у меня в мошне пятаки зашевелятся.

4

Показывает портрет уродливой женщины.
А вот, робята, смотрите.
Это моей жены патрет,
Только в рамку не вдет.
У меня жена красавица —
Увидят собаки — лаются,
А лошади в сторону кидаются.
Зовут ее Ирина,
Пухла, что твоя перина,
Под носом румянец,
А во всю щеку — сопля.

5

Указывает в толпе на девушку.
А вон красотка — девка аль молодка
Стоит, на деда улыбается,
А рыжий-то к карману подбирается.
Знаю я этого детину,
Звал меня в трахтир под машину,
Уговаривал меня и жену мою Маланью
Вступить в их воровскую компанью.
Я сдуру-то тогда не согласился,
А вот теперь спохватился.
Эй, рыжий,
Подходи ко мне поближе,
Поделись со мной, а я не скажу, что видал,
Как ты в чужой карман залезал.

6

А еще, робята, что я вам скажу:
Гулял по Невскому прешпехту
И ругнулся по «русскому диалехту».
Ан тут как тут передо мной хожалый:
«В фартал,— говорит,— пожалуй!» —

«За что ж?» — говорю... «А не ругайся!
Вот за то и в часть отправляйся!»
Хорошо еще, что у меня в кармане рупь целковый
случился,
Так я по дороге в фартал откупился.
Так вот, робята,— на Невском прешпехте
Не растабарывайте на «русском диалехте».
Так-то!

7

Обнимает нарумяненную плясунью.
А вот, робята, это — Параша,
Только моя, а не ваша.
Хотел было я на ней жениться,
Да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем бы Параша хороша, да больно щеки натирает,
То-то в Питере кирпичу не хватает.

8

А знаете, робята, я ведь в поварах служил, право!
И вот скажу я вам, например,
Вот послушайте, да не напирайте,
Как готовил я обед на барский манер.
А слюнки потекут — не кулаком, а платком утирайте.
По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед:
Показывает исписанный каракулями лист.
Это у бар зовется «меню»,
Так и я это прозвище не переменю.
Первое: суп-санте
На холодной воде,
Крупинка за крупинкой
Гоняются с дубинкой.
На второе: пирог —
Начинка из лягушачьих ног,

С луком, с перцем
Да с собачьим сердцем.
На третье, значит, сладкое.
Да сказать по правде, такое гадкое:
Не то желе, не то вроде торту,
Только меня за него послали к черту
И жалованья дать не пожелали!..
С тех пор я перестал поварничать —
Невыгодно!

9

Ну, робята, неча все торчать у карусели,
Заходите сюда поглазеть, как танцуют мамзели!
Эй, вы, парни, девки и молодки,
Идите покататься на лодке!
Наш хозяин с публики
Охоч собирать рублики.
Да и деду бросьте в шапку медяки,
Да не копейки, а пятаки!..
Ну-ка, раскошеливайтесь!

(Подставляет шапку и ловит в нее деньги, что бросают довольные прибаутками деда слушатели. Дед, собрав деньги, слезает с перил и, удаляясь, кланяется толпе.)

Пока до свиданья!
Вам-то забавно, а у меня в глотке пересохло!
Эхма! С кого бы получить,
Чтобы деду глотку промочить.

МОСКОВСКИЕ ПРИБАУТКИ

I

ДЕД-ЗАЗЫВАЛА

Эх-ва,
Для ваших карманов
Столько понастроено балаганов,
Каруселей и качелей
Для праздничных веселий!
Веселись, веселись,
У кого деньги завелись.
У кого же в кармане грош да прореха,
Тому не до смеха...
Есть же такие чудаки,
А прозывают их — бедняки,
Где им до богатых,
Коли ходят в заплатах,
А на ногах туфли,
Чтоб ноги не пухли!
Так-то.
Ну, веселись-шевелись,
У кого деньги завелись!

II

МОНОЛОГ ПЕРЕД СПЕКТАКЛЕМ

Эй, господа, пожалуйте сюда!

Здравствуйте, москвичи, жители провинциальные, ближние и дальние: немцы-лекари, евреи-аптекари, французы, итальянцы и заграничные мириканцы, расейские баре, астраханские татаре!

Господам купцам, молодцам, бледнолицым современным девицам — мое почтение! Всякая шушера нашу комедию слушала, осталась довольна за представление — еще раз мое вам нижайшее почтение!

Эй, ты там! Протри глаза спьяна! Увидишь самого царя Мак-

симилиана! Царь он оченно грозный, и человек весьма сурьезный, чуть что ему не по нраву, живо сотворит расправу.

Эй вы, господа, подбородки бритые, в зубы битые, по-праздничному скулы сворочены, глаза разворочены!

Масленице — все племянники!

Эй вы, скупые алтынники, вынимайте-ка свои полтинники и гривны, сейчас увидишь дела дивны!..

ЭПИЛОГ

А теперь позвольте отдать вам наше нижайшее почтение, бладарить за посещение.

Приходите в другой раз, уважем и одно вам скажем, что тешились этой шуткой в старину не только голь и баре, а и самые первеющие бояре, для всех мой был встарь Максимильян, грозный царь!

А теперь ступайте, по Манежу гуляйте, разными штуками себя развлекайте.

Господа умные и глупцы, дворяне, и купцы, и купчихи краснощекие — всем вам мои поклоны глубокие. *(Кланяется на все стороны.)*

А если хотите узнать, кто я такой, что за молодец лихой? Почему у меня такая храбрость и отвага? Я — пьяница Ванька Шмага!

Адью-с, ухожу-с!

СМОЛЕНСКИЙ ЗАКЛИКАЛА

[...] Закликала выходил на раус в красной кумачовой рубахе, зимою в тулупе и зазывал публику, сновавшую мимо балагана или глазевшую на пестро размалеванную балаганную афишу.

— Эй, сынок! — *кричал закликала неведомому публике «сынку»,*—

Давай первый звонок,
Представление начинается.
Сюда! Сюда! Все приглашаются!
Стой, прохожий! Остановись!

На наше чудо подивись.
Барышни-вертушки,
Бабы-болтушки,
Солдаты служивые
И дедушки ворчливые,
Горбатые, плешивые,
Косопузые и вшивые,
С задних рядов протолкайтесь,
К кассе направляйтесь.
За гривенник билет купите
И в балаган входите.

— А ну-ка, сынок,— *с новым жаром начинал второй куплет закликала,—*

Давай второй звонок,
Купчики-голубчики,
Готовьте рубчики.
Билетом запаситесь,
Вдоволь наглядитесь.
Представление — на ять!
Интереснее, чем голубей гонять.
Пять и десять — небольшой расход.
Подходи, народ!
Кто билет возьмет —
В рай попадет.
А кто не возьмет —
К черту в ад пойдет,
Сковородку лизать,
Тещу в зад целовать.

— А ну-ка, сынок,— *покрывал смех и шутки толпы третьим куплетом закликала,—*

Давай третий звонок.
Давай, давай! Налетай!
Билеты хватай!
Чудеса узрите —
В Америку не захотите.
Человек без костей,
Гармонист Фадей,
Жонглер с факелами,

На лбу самовар с углями;
Огонь будем жрать,
Шпаги глотать,
Цыпленок лошадь сожрет,
Из глаз змей поползет.
Эй, смоленские дурачки,
Тащите к нам пятачки!
Пошли начинать.
Музыку прошу играть!

* * *

Сюда, сюда,
Почтенные господа!
За пять копеек дом не построишь,
Соломой не покроешь!
Снег, дождь пойдет—
Все разметет!
А кто к нам билет покупает—
Море удовольствия получает:
У нас ребенок среди львов выступает!
Не стойте! Рот не разевайте!
Билеты покупайте!

РАУСЫ

КЛОУН И ШТАЛМЕЙСТЕР

1

Шталмейстер. Клен, а клен!

Клоун. Какой я клен, может быть, я — дуб.

Шталмейстер. А все-таки клен.

Клоун. Нет, не клен.

Шталмейстер. А кто же такой?

Клоун. Я стекольщик.

Шталмейстер. Какой же ты стекольщик?

Клоун. А вот какой — в домах бываю, стекла выставляю, а в комнатах обстановку выглядаю.

Шталмейстер. Разве это стекольщик? Это называется «вор», и все ж таки клен.

Клоун. Нет, не клен.

Шталмейстер. Да кто ж вы такой?

Клоун. Я? Я — купец!

Шталмейстер. Ха-ха-ха! Какой же вы купец?

Клоун *(указывает на базарные лавки)*. Вот видишь лавки? Это все не мои.

Шталмейстер. А все ж таки клен!

Клоун. Нет, не клен.

Шталмейстер. А кто ж такой?

Клоун. А узнай, кто я такой!

Шталмейстер. Да кто ж ты? Носильщик?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Солдат?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Поручик?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Капитан?

Клоун. Хватай выше!

Шталмейстер. Эскадронный?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Подполковник?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Генерал-майор?

Клоун. Хватай выше.

Шталмейстер. Генерал?!

Клоун. Хватай выше!

Шталмейстер. Да кто ж ты, наконец? Трубочист, что ли?

Клоун. Эх ты, чудак! Какой же я трубочист?

Шталмейстер. Кто же ты, наконец? Дворянин, что ли?

Клоун. Эх ты, чудак. Я не генерал и не дворянин, а видишь — вон на углу стоит десятский?

Шталмейстер. Ну, вижу!

Клоун. Так знай, что я его сын, вот какой я дворянин.

2

Шталмейстер *(обращаясь к Клоуну)*. Господин Клоун, объявите почтеннейшей публике, что в нашем балагане играет три компании.

Клоун. Ага, понял.

Шталмейстер. Ну понял, так говори.

Клоун. В нашем балагане играет три болвана: один в бала-

гане сидит, другой за кассой сидит, а третий уж наверное я наверху.

Шталмейстер. Болван, да не так.

Клоун. А как же?

Шталмейстер. Объясни почтеннейшей публике: у кого деньги есть, чтобы шли в наш балаган, а у кого денег нет, шли бы по трактирам и кабакам.

Клоун. Ага, понял. Слушайте, почтеннейшая публика: у кого деньги есть — идите по трактирам и кабакам, а у кого денег нет — все к нам в балаган, а если кого не пустят — сзади подойдите, стенки подорвите, и все будете на меня смотреть.

Шталмейстер. Болван, да не так все это ты говоришь. Ступай внутро.

Клоун. Какой черт сунет тебя в ведро? Ты и в бочку не влезешь.

Шталмейстер. Ну довольно, пора начинать *(уходит)*.

Клоун. Ага, понял: ночевать, так бы и сказал давно, давай подушку, я пойду ночевать. *(Уходит.)*

3

Клоун *(стругает доску колпаком и поет)*.

Ох ты, доля моя, доля,
Доля одинокого...

В это время входит Шталмейстер.

Шталмейстер. Что это ты делаешь?

Клоун. Разве тебе повылазило, что я доску стругаю?

Шталмейстер. А на что ж ты доску стругаешь?

Клоун. А вот, брат, на что: задумал я недурное дело.

Шталмейстер. Какое же ты дело задумал?

Клоун. Задумал я, брат, жениться.

Шталмейстер. О, это не глупое дело. А у меня, кстати, невеста есть.

Клоун. Нет, брат, я тесто не ем, а только булки.

Шталмейстер. Болван, да не тесто, а невеста есть.

Клоун. Ага, невеста! А можно ее посмотреть?

Шталмейстер. Поглядеть можно: только она, брат, обра-

зованная и надо уметь с нею обращаться, она говорит по-французски, читает по-немецки.

Клоун. А по-собачьему гавкает?

Шталмейстер. Да нет, болван: по-немецки читает, а по-французски говорит.

[...]

Клоун. А можно посмотреть эту самую невесту?

Шталмейстер. Можно. Ну так вы здесь немного приаккуратьтесь, а я сейчас приведу ее в карете.

Клоун. Только здесь воды нет, и она в корыте не доплывет.

Шталмейстер. Болван, да не в корыте, а в карете.

Уходит и затем является с чучелом, покрытым платком.

Клоун *(смотрит удивленно и кричит).* А где же у ней голова? *(Внимательно рассматривает чучело и затем восклицает.)* Батюшки-свет! Да она еще и с хвостом?!

Шталмейстер. Болван, да не с хвостом. Вы обратитесь к ней как следует и скажите по-французски «мадам пардам».

Клоун *(отходит несколько в сторону, после чего разгоняется, как бы готовясь бежать, и кричит).* Мадам, берегитесь, а то по морде дам!

Шталмейстер. Болван, да не «по морде дам», а скажите «мадам пурсю».

Клоун. Мадам, берегитесь, а то вниз спущу.

Шталмейстер. А, болван, ты не можешь с ней говорить по-французски. Говори по-русски: «Антонина Ефимовна, я вас страшно люблю!»

Клоун *(обращается к чучелу и повторяет).* Антонина Ефимовна, я вас страшно люблю! *(В это время невеста мяучит.)* О, да она по-кошачьему умеет мявкать!

Шталмейстер. Да вы не так! Обнимите да поцелуйте.

Клоун. От холеры ее целовать, что ли?

Шталмейстер. Ну надоело; как сходился, так и расходитесь: закон принявши не по-собачьему жить.

Шталмейстер уходит, а Клоун остается с невестой и думает.

Клоун. Ну, была ни была, а я обомну ее. *(Разгоняется и обнимает невесту, но вместо нее в руках Клоуна остается только*

платок, невеста же ускользает и скрывается совсем. Тогда Клоун обращается к публике и кричит.) Сама провалилась, а шкуру оставила!

4

Клоун *(выходит и кричит).* Господин Штальпочмейстер, кухарка, дворник, кучер, лакей, всех сюда давай!

Штальмейстер. Клоун, вы что здесь шумите?

Клоун. Вы ничего не знаете?

Штальмейстер. Ничего. А что?

Клоун. Вот что. Дайте мне расчет, я у вас жить не хочу!

Штальмейстер. Это почему?

Клоун. Потому что у вас лопать нечего.

Штальмейстер. Как нечего? Обед из трех блюд — и лопать нечего!

Клоун. Хороши три блюда! А вы знаете, что у вас дают?

Штальмейстер. Не знаю.

Клоун. Так слушайте. 1) Щи густые, щи пустые, щи с подбивкой, щи с подливкой, щи да щи, хоть портянки полощи! 2) Горох вареный, горох жареный, горох толченый, горох моченый, горох да горох, все пузо расторох! 3) Редька-терентиха, редька-ласитиха, редька с маслом, редька с квасом, редька сяк, редька так *(плюет)* — все кушанье на пятак. Расчет давай, я жить не хочу!

Штальмейстер. Как вам угодно!

Клоун. Дайте мне мои вещи: саквояж, чемодан, целендру, все скорей, скорей! Извозчик, подожди!

КЛОУН И ХОЗЯИН

Выходят Клоун и Хозяин. Последний говорит.

Хозяин. Клоун, а клоун!

Клоун. Я не клоун, а семнадцатой гильдии купец: летом торгую пылью и дождем, зимою снегом да морозом.

Хозяин. Клоун, а клоун!

Клоун. Я не клоун, столбовой я дворянин: был пятнадцать раз к столбу привязан и двадцать пять раз плетьми наказан.

Хозяин. Клоун, а клоун!

Клоун. Я не клоун, я сапожник: под старые горшки подметки подкладываю...

Хозяин. Клоун, а клоун!

Клоун. Я не клоун, я самое высокое лицо.

Хозяин. Капрал?

Клоун. Ты у моей бабушки курицу украл.

Хозяин. Генерал?

Клоун. Я никого не обдирал.

Хозяин. Так кто же?

Клоун. Я тот, кто на параде впереди всех идет и в барабан бьет.

Хозяин. Зови же, высокое лицо, к нам публику.

Клоун. Я не умею есть бублики.

Хозяин. Говори: у кого есть деньги, пожалуйте к нам, у кого же нет их, идите по трактирам и домам.

Клоун. У кого есть деньги, идите в трактиры и кабак, у кого нет — ко мне в колпак. Пятак за вход — не большой расход!

ТОВАРИЩ И ПАЯЦ

Товарищ. Паяц, тебя ищет полиция.

Паяц. Меня ищут в больницу? Зачем? Я здоровый, не хвораю.

Товарищ. Нет, не в больницу, а в полицию. Тебя нужно отдать в солдаты.

Паяц. Меня в собаки? Как? Я шкуру потерял и брехать не умею.

Товарищ. Да не в собаки, а в солдаты. Ты будешь служивый.

Паяц. Я с пружиной? А где меня будут заводить?

Товарищ. Да нет, ты не понимаешь.

Паяц. Как я не поймаю? Кого хочешь, того и поймаю.

Товарищ. Да нет, тебя будут учить военным артикулам.

Паяц. А, меня будут учить с дворником Микулой? Знаю я его.

Товарищ. Да что с тобой говорить. Я сейчас принесу ружье и обмундирование. *(Выносит метлу, фуражку и мундир.)* Вот тебе солдатский кивер.

Паяц. Ну что ж, возьмем да и кинем.

Товарищ. Да нет, это нужно на голову одевать. *(Надевает кивер.)* И вот тебе мундир.

Паяц. Батюшки, семьдесят семь дыр и ни одной заплатки! *(Начинает надевать на ноги, потом на руки.)*

Товарищ *(показывает, как надевать,— продевает одну руку в рукав мундира, а Паяц в это время в другой рукав вдевает свою руку. Наконец, Товарищ одевает Паяца и дает метлу).* Вот тебе ружье.

Паяц. Ой-ой-ой, сколько штыков, как в метле!

Товарищ. Дураков сначала учат метлой, потом ружьем.

Паяц. А, так я буду по-дурацки учиться?

Товарищ. Молчать!

Паяц. Молчу.

Товарищ. Не разговаривать!

Паяц. Не разговариваю.

Товарищ. Слушай мою команду!

Паяц. Щупать твои карманы? Сейчас.

Товарищ. Болван! Слушай меня и говори за мной.

Паяц. Слушаю.

Товарищ. Раз...

Паяц. Тарас.

Товарищ. Да нет, не так!

Паяц. А как?

Товарищ. Первóй.

Паяц. Кривой, иди сюда.

Товарищ. Да не так. Говори — один.

Паяц. Мордвин...

Товарищ. Не так! Молчи!

Паяц. Молчу.

Товарищ. Я буду считать и командовать, а ты исполняй. Понял?

Паяц. Все.

Товарищ. Ружье на плечо!

Паяц. Батюшки, как горячо! *(Кладет метлу на плечо Товарища.)*

Товарищ. Да не мне, а себе.

Паяц. А я думал — тебе.

Товарищ. Ружье к ногам!

Паяц. Бить по ногам? *(Бьет Товарища по ногам.)*

Товарищ. Да нет, ружье к ногам. *(Ставит ружье около ноги Паяца со стуком. Паяц кричит и плачет.)* Что с тобой?

Паяц. Да ты мне по ноге.

Товарищ. Да нет, я по доске.

Паяц *(перестает плакать)*. То-то мне не больно.

Товарищ. Ну, стой смирно.

Паяц. Стою смирно.

Товарищ. Ну, слушай! Как скажу «раз, два, три» — так и пали прямо в неприятеля.

Паяц. Уж я тебе так запалю, что будешь меня долго помнить. *(Грозит метлой.)*

Товарищ. Говори: раз...

Паяц. Два.

Товарищ. Молчать! Я сам. Раз, два...

Паяц. Два с половиной.

Товарищ. Тебе сказали — молчать, ты молчи.

Паяц. Значит, и половины не надо, и четверти тоже?

Товарищ. Раз, два, три — пали!

Паяц *(размахивается метлой, метла соскакивает с палки)*. Жалко вот, что с курка сорвалось, а то бы я ему запалил.

ЕРЕМА И ФОМА

— Вот, братцы, посмотрите на нас — два брата, только не с Арбата!

— Он вот Фомка!

— А он — Еремка!

— Еремка-то, братцы, плешив.

— А Фомка-то шелудив.

— Еремка-то брюхатый.

— А Фомка-то бородатый.
— Еремка-то кривой.
— А Фомка-то с бельмами.
— На Еремке-то шляпа.
— А на Фомке-то колпак.
— Еремка-то в сапогах.
— А Фомка-то в чеботах.
— Еремка-то в чужом!
— А Фомка-то не в своем.
— А Еремку-то, братцы, недавно били!
— И Фомке-то не спустили!
— Еремку-то в шею!
— А Фомку-то в толчки!
— Еремка-то музыкант.
— А Фомка-то поплюхант.
— У Еремки-то, гляди-ка, гусли!
— А у Фомки-то домра!
— Еремка-то музыку разумеет!
— А Фомка-то свистать ловко умеет!
— Еремка-то, братцы, здорово играет!
— А Фомка-то глазами мигает и задом виляет!

Фомка. Эй, господа, пожалуйте сюда к Михаилу Ивановичу Топтыгину! Он вас распотешит и вот как утешит — останетесь довольны невольно. Он вам покажет, как красные девицы-молодицы белятся-румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются; как ребятишки горох воруют; как бабушка Ерофеевна блины на масленой печь собиралась, блинов не напекла, а только сослепу руки сожгла. Эй, пожалуйте сюда, холостые дамы и замужние девицы — круглолицы и бледнолицы! Купчики-голубчики, банкиры, кассиры, дворяне и мещане — все удовольствие от Мишеньки получите!

Вот вам примерно и это верно: если дамочка к Мишеньке своей ручкой прикоснется, то ей весело весь век проживется. Муж ей всегда будет верен. [...]

Еремка. Вот так-то!

Фомка. А если девица, будь она рожа и на всех зверей похожа...

Еремка. Кроме рака...

Фомка. К Мишеньке прикоснется, счастье ей живо улыбнется, без всякого сраму превратится скоро в даму.

Еремка. Ефто значит — выйдет замуж!

Фомка. Ежели вдова дотронется, будет оченно отлично: замуж выскочит вторично, и будет счастлив брак повторный, муж будет трезвый и покорный.

Еремка. Ефто значит — сюда его. *(Показывает на пятку.)*

Фомка. Если подойдет сюда женатый мужчина, будет большой молодчина. Глаз жены ему будет не страшен, она никогда не откроет его любовных шашен!

Еремка. Ловко! Хе-хе!

Фомка. Если подойдет к Мише холостой жених, то скоро найдет к невесте приложенье тысяч в двести.

Еремка. Вот так шутка! [...]

Фомка. Если купец прикоснется — вширь в три раза расползется, будет семь шкур с нас он драть и карманы набивать.

Еремка. Во какие будут! *(Показывает.)*

Фомка. Ежели барин, примерно, помещик, до Мишухи доберется, ему счастье живо улыбнется. Будут в деревне любить его все Машки, Фимки. Банк простит все недоимки.

Еремка. А у него, чай, поди, без сумленья, все заложены именья. А с ними-то что?

Фомка. А с ефтого, значит, моменту банк дворянский спустит полпроценту.

Еремка. Тэ-экс!

Фомка. Словом, вали сюда, ребята! Мишка больно тароватый, он и в вёдро и в ненастье всем приносит только счастье! Эй, чего стоишь? Входи, входи сюда, на гору-то! Подарки-то забирай, только не все: другим оставляй! Вали, честной народ! Напирай сильнее, будет веселее!!!

ЕРЕМА И ЗАМАЗКА

— Здравствуйте, землячки, мужички-серячки, мещане и купцы, старики и юнцы! И хрестьянам, и мещанам, и столбовым дворянам — всем поклон низкий, хоть я вам не друг и не род-

ственник близкий! Подите-ка сюда поближе, я поклонюсь вам пониже. Послушайте-ка меня, живо пройдет дрема — я умница мужичок пакольник Ерема, а это вот мой приятель — дурак Замазка! Вот вам и сказка! С широкой масленицей вас! Слушайте, а то не все знают, как у нас в Москве на масленицу гуляют!

Вот вам масленица-гулена: успела принести свои плоды, многих она довела до беды и до сельтерской воды, и все столичные мировые судьи с присущею им сноровкой занимаются протоколов сортировкой. Кто болен головой, кто чахоткой карманной, а кто с икотой и речью туманной в памятник Пушкина пальцем тычет и какую-то Марфу Сидоровну кличет, и просит ему отпереть — я, говорит, могу на улице умереть! Вот и приятеля своего Карпа Силыча не узнал сразу. Гляжу — у него около глазу шишка с кокосовый орех форматом. Ну, говорю, быть тебе богатым, совсем узнать тебя нет силы. Где это ты себе подсветил? Али на медведя ходил?

— Сам с воскресенья «медведя водил»,— отвечает он мне,— масленицу справил вполне. Разбил два зеркала, сервиз столовый и сам, как видишь, с обновой! Ловко!

А почему, братцы, у купца вышел такой изъян? Потому что он был...

Замазка. Пьян!

Ерема *(бьет его пузырем по спине).* А ты не суйся прежде отца в петлю, тебя не спрашивают! А вот, братцы, как у нас гуляют на масленицу разные купчихи и барыни, которые никогда мужей своих не любили, а только их жисть загубили. «Душечка,— говорит барыня мужу, выходя наружу,— я поеду к кузине Зине, а оттуда проеду в Пассаж»... А сама хвать-похвать едет...

Замазка. В Эрмитаж.

Ерема *(бьет его пузырем).* Опять перебивать, дурак! Неумытое рыло! Знают без тебя!.. А вот как веселится на масленицу приказчик, модного шика образчик. Запустит в выручку лапу, наденет на голову шляпу и отправляется по разным мамзелям, где привык гостить по неделям! Какая-нибудь мамзель, которой цена в базарный день грош, поет ему: «Ах, как ты, душка, умен и хорош!» Целует его, ласкает, а сама в карман залезает. А тот

урод разинет рот, а мамзель все денежки у него отберет. А почему выходит так? Потому что приказчик...

Замазка. Дурак!

Ерема. Вот, братцы, какой выходит кавардак, перебивает меня вот этот дурак! Рассказал бы вам еще, потому что я многому учен, да вот этот черт не дает слово молвить, потому что...

Замазка. Умен!.. Ха, ха, ха!

Ерема. А вот подожди, спросим публику. Дурак ты или нет? Видишь, молчат! Молчание — знак согласия.

Лупит пузырем, Замазка убегает, Ерема за ним.

ТРАНСВААЛЬ

Пунч и его Партнер по диалогу.

Пунч. Почтенные милорды и леди! Прошу покорно пожаловать сюда, посмотреть вдаль на воюющий Трансвааль!

— О, jes!

— Здесь вы увидите много перемен боевых сцен, услышите шум пуль «дум-дум» и как около Ледисмита летают бомбы с начинкой из «лидитта».

— О, jes!

— Увидите немало сцен, где фигурируют Крюгер и Чемберлен!

— О, jes!

— Пред вами пройдут воюющие фигуры — англичане и буры, кто кого в будущем накажет, это, конечно, время покажет, а на чьей стороне сейчас перевес, вы на картину посмотрите и рассудите!

— О, jes!

— Обратите ваше внимание, господа, на блиндированные поезда.

— О, jes!

— Господа, входите, на всякий случай карманы берегите, увидите здесь такое представление, что мое почтение!

Вся война здесь есть!
Кланяться имею честь!

— О, jes!

Оба раскланиваются и уходят.

ПАХОМЫЧ

— Пахомыч, ты где?

— На печи в углу вместе с тараканами.

— Что делаешь?

— Антимонию развожу.

— Пахомыч, а почему дров не принес? А почему воды не принес?

— Вчерась два ведра припятил, неуж ты всю вылила?

— Пахомыч, а почему собак не привязал?

— Сейчас, Акулюшка-матушка, сейчас привяжу. Цу, проклятые, опять отвязались.

— Пахомыч, а кто с полки кусок пирога хозяйского съел?

— Акулюшка-матушка, это я с похмелья попробовал.

— Вон! Вон отсюда, ах, старый черт!

(Пахомыч падает на сцене, поднимается и ворчит, ругает хозяйку):

— Двадцать лет у хозяина живу, а таких проклятых кухарок не было. «Пахомыч, дров принеси, Пахомыч, лоханку вынеси, Пахомыч, собак привяжи!» А как съел маленький кусочек пирога, дак она, треклятинная, чуть до смерти не убила. *(На щеку показывает.)* Вот был бы в этом месте глаз, она бы совсем выбила. Придет хозяин, я ему булю разведу. Скажу, расчет давай или жалованье прибавляй. Скажу, Пахомыча в бульмистеры выбирают. Халуйская губерния, город Медынь, село Кутузово, к барину Кургузому. Скажу, Пахомыча в бурмистеры выбирают.

Появление Хозяина.

— Бог помощь, Пахомыч, что ты делаешь?

— Двор подметаю, чистоту наблюдаю.

— А что с Акулиной-кухаркой ругаешься?

— К вашей Марии Ивановне ходил, ходил.

— Я тебе не про Марию Ивановну говорю, а про Акулину. За что ты с Акулиной ругаешься?

— Записочку вашу отнес? Отнес.

— Совсем ты глухой стал, Пахомыч; я тебе не про записку говорю. А почему ты с Акулиной-кухаркой ругаешься?

— Добрая душа, Филимон Иванович, Мария Ивановна 20 коп[еек] на чай мне дала.

Хозяин (в сторону).

— Ой, совсем старик глухой стал.

— Больше не пойду к Марии Ивановне. Какие у ней собаки злые. Одна ухватила меня за лапоть, чуть всю ногу не отгрызла.

— Пахомыч, я тебе совсем говорю не то. Какую-то Марию Ивановну, какую-то собаку. Я тебе говорю, за что ты с Акулиной-кухаркой ругаешься?

— Чего, чего? Хозяин, ты говоришь про кого?

— Про Акулину-кухарку.

— Это про нашу Акульку-кухарку? Да не при вашей милости сказать про нее: сварит щи, хоть онучи полощи, кочерыжки суровые и здоровые. Я ел, ел, все зубы себе на старости поломал.

— Ты, наверно, Пахомыч, обижаешься, что тебе жалованья мало.

— Да, хозяин, и это маловато.

— Ну, Пахомыч, получал ты три да два прибавлю, будешь получать пять.

— Двадцать пять, спасибо, хозяин.

— Да не двадцать пять, а всего пять.

— Спасибо и за это, хозяин, старику и это деньги. Хозяин, поздравь меня: Пахомыча в бульмистеры выбирают. *(Лезет за пазуху.)* Мне цельную пошту припятили, ах, это вот проклятая кухарка меня с печи выгнала, я там позабыл, на печке в углу оставил! Ну, хозяин, я тебе так расскажу: Халуйская губерния, город Медынь, село Кутузово, барину Кургузому. Пахомыча в бульмистеры выбирают.

— Эй, Пахомыч, это такой же мужик, как и ты.

— Нет, хозяин, это все-таки человек чиновный.

— Ну хорошо, я ухожу, а ты следи здесь за порядками, чистоту наблюдай да с кухаркой не ругайся.

— Филимон Иванович, ты где пойдешь? Мимо кухни?

— Да, мимо кухни, Пахомыч, а что?

— Замолви за меня словечко Акульке.

— Это насчет чего такого?

— Насчет антимонии.

— Это какой такой антимонии?

— А насчет любви.

— Да, Пахомыч, ты с ума сошел: тебе 70 лет, а Акульке 20.

— Филимон Иванович! Тебе-то 50 лет, а Матрене Ивановне 35 лет. Ты ее любишь, да она тебя уважает.

— Пахомыч, это все делают деньги.

— Хозяин, чай, я жалованье получаю.

— Ну хорошо, Пахомыч, смотри тут, а я пошел, скажу все. *(Он стоит.)* Вот я теперь Акульке булю разведу!

(Вдруг бежит Акулька, он руки кверху поднял.)

— Я думал, ты опять, проклятая, с ухватом на меня.

— Ты что, старый черт, на меня хозяину насплетничал? Какие такие я щи варю суровые-здоровые?

— Врет, Акулюшка-матушка, врет. Это про старую кухарку Катюшку я говорил. Я говорил, Катюшка сварит щи, хоть онучи полощи, а Акулька сварит щи — пальчики оближешь.

— Врешь, врешь, Пахомыч. Это ты про меня. Мне хозяин все рассказал.

— Врет, Акулюшка, про тебя ни одного слова не было. Акулюшка, поздравь меня, меня в бульмистеры выбирают.

Она его спрашивает:

— Пахомыч, а когда будешь бульмистером, то сделаешь меня бульмистершой?

— Акулюшка, если меня полюбишь, то сама бульмистером будешь.

— Пахомыч, а сошей мне платье с длинным шлейфом.

— Хороша девка, а дура.

— А с дурой не разговаривают.

— А как я тебе каршенина аршин десять? Как ты себе платье сошьешь разлюли малина, что твой длинный шлейф, как пойдешь в лес, зацепишь за пень, простоишь весь день, если гончие

собаки не оторвут. Акулюшка, поздравь меня: хозяин мне жалованье прибавил. Я теперь буду получать двадцать пять.

— Врешь, Пахомыч, ты получал три, да два тебе хозяин прибавил. Будешь получать пять.

— Акулюшка, я ослухался. Ну и это хорошо старику. Ну, Акулюшка, давай с тобой помиримся.

— Давай, Пахомыч.

— Давай, Акулька, спляшем, а нам музыка сыграет. А ну-ка, там, музыканты, давай веселого!

ВЫКРИКИ И ПРИБАУТКИ УЛИЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ И РЕМЕСЛЕННИКОВ

КРАСНОРЕЧИЕ РУССКОГО ТОРЖКА

1. Уличный торгаш

Вот так табачок!
Закуривай, мужичок.
Как курнешь,
Так уснешь.
Как вскочишь,
Так опять захочешь!

[...] Приезжали на заработки из деревни, попадали к своим землякам. С головой, смекалистые оставались в городе, становились богатыми купцами.

Идя по улицам Москвы, вы то и дело слышите крик:

Огурчиков, огурчиков!
Зелененьких огурчиков!

Это кричит продавец огурцов, и, пройдя десять шагов, вы новые слышите возгласы:

Яблоки ранеты, яблоки!
Кому яблоки?!

И более веселый голос:

Яблок ранет,
Каких на свете лучше нет!

И так:

Кому яблоки продам?!
Кому дешево отдам?!
Грушевые! Ананас!
Купи, дочка, про запас!

Мимо тебя бежит мальчик, который говорит, что у него имеется веселый юмористический журнал «Пушка» да веселый «Крокодил».

Кому «Пушку», веселую «Пушку»?!

Или еще и так:

А вот веселый «Коркодил»,
Что по улице ходил.
Кому «Коркодил»?!

Дрожжи, самые необходимые для хозяек. И подростки-девочки избирали своей специальностью эту торговлю дрожжами:

Кому дрожжи,
Свежие дрожжи?!

Семечко, сласти были самыми любимыми товарами [мелких] торгашей, так как эти товары всегда брались «с бою» и их весело «рвали» (так отзывались торгаши о семечке). Семечком торговали старушки, девочки. Опытный торгаш с ним не связывался. [...]

Есть семечки жареные!
Кому семечки?!

И такой веселый выкрик:

По воробью, по воробью
Полный карман набью!
Торгуем без обмана,
Накладываем полные карманы!

И такой вариант:

Ай да подсолнышки!
Ай да каленые!
Все се[й]час бы их приел,
Да хозяин не велел!

Вот и сама присказка:

Семечки калены
Продают Алены
Нюркам и Шуркам!
Сашкам и Пашкам!
Варюшкам, Манюшкам!
Наташкам, Парашкам!
Тимкам и Мишкам!
Ванёнкам, Васёнкам!
Гришуткам, Мишуткам!
Ганькам и Санькам!
Всем, всем продаем!
И всем сдачи даем!
Стакан — гривенник цена,
Накладываем всем сполна,
Высыпаем всем до дна,
И цена будет одна.
Во как тут!
Покупай, не ленис[ь]!
И плати, не стыдис[ь]!

Торговец орехами, пряниками, конфетами кричал:

Вот орешки!
Хорошие орешки!
Вкусные, на меду,
Давай в шапку накладу!

И так:

Купцы мы московские!
Пряники ростовские!
Сахарные, на меду!
Во все карманы накладу!

Ай да пряники!
Ай да орешки-коврижки!

Испечены на меду,
Кому хочешь накладу!

Торговец грецкими орехами и другим товаром выкрикивал:

Орехи грецкие!
Барышни замоскворецкие,
Головушки гладки,
На орехи падки!
Оне щелкают, едят
Да еще купить глядят.

И еще вариант:

Вот орешки-то калены!
Где вы, девушки хвалены —
Татьяны, Олены,
Марьюшки и Матрены,
Пашки, Сашки,
Феклушки и Машки?
На орешки глядят,
Покупают да едят,
Конфеты, орехи,
Ребячьи утехи.
Подходи, подходи!
Покупай, забирай
Да в карманы укладай!

Торговец шоколадом и мармеладом:

Шоколад, шоколад!
Самый лучший шоколад!

И так:

А вот шоколад!
Купил плитку, будешь рад,—
Покупай шоколад!
Мармелад, шоколад!
Кому надо мармелад?
Кому надо шоколад?
Вот он! Вот он!

Самыми типичными представителями улиц были селедочники и булочники. Первые всегда на своих головах таскали небольшие бочонки с селедками. [...]

Селедка, селедка!
Копченая селедка!

И такая присказка:

Давай, давай,
Да любую выбирай!
Сам ловил,
Сам солил
И сам продавать принес!

И такая аттестация:

Сами мы рязанские!
Сельди — астраханские!
Давай — покупай!
Забирай — выбирай!

Пирожник, саечник, булочник всегда ходил со своим глубоким лотком, пропитанным маслом, и [с] белой теплой покрышкой:

Кому пирожки,
Горячие пирожки?
С пылу с жару —
Гривенник за пару!
Нажарила, напекла
Акулина для Петра!
Давай —
Наскакивай!

И такая пускается шутка:

Ай да пироги,
Только рыло береги!
Хоть нет зубов,
А кусаются!
Вот где горячие-то!

И такой вариант:

Ай да пирог! Этот пирог
Сам Лаврушенька пек!
Сколь горячий —
Губки жгет.
Одно масло —
К ручкам льнет!

С сахарным примесом,
В полпуда весом!

Но попадались и шутники, которые остроумно высмеивали этих крикунов, а в особенности женщин-пирожниц:

Меж долами, меж горами
Сидит баба с пирогами.
Она не дорого берет,
А кто купит — того рвет!

«Ну что у бабки за пироги!» — подхватывает другой такой же шутник:

Разок бабкина пирога поел,
Так чуть не уколел!
А как два пирога отведал,
Так неделю на двор бегал!

«Полно, насмешник,— огрызается торговка,— мои-то пироги — одна маднасть!»

Да уж точно манность!
Один берет,
А двоих с души рвет!

С кадушкой теста и с горящим возле нее примусом — это сидит блинница, которая при вас печет и угощает горячими блинами, и приговаривает:

Вот блины-блиночки!
Кушайте, милые дочки!

Или:

Ай да блины!
Три дня как испечены:
А посейчас кипят!
Вкусные блиночки!
Кушайте, сыночки
И мои любимые дочки!

И нахваливает:

Ну что за блины!
И сочные, и молочные,
И крупичестые, и рассыпчистые!

«Правда, бабка, я бы твои блины всегда ел, кабы денег не жалел»,— острит парень.

Но иногда и сами продавцы пускаются в шутки и остроты:

С дымом, с паром,
С головным угаром!
Кипят и преют,
Скоро поспеют!

Веселый призыв:

Эй вы, базарная братия!
Веселая шатия!
Обступайте кругом,
Кушайте, питайтес[ь]!
В тоску не ударяйтес[ь],
На нас не обижайтес[ь]!
Пускай тухло да гнило,
Лишь бы сердцу вашему
Было бы мило!

Постоянно таскаясь с большим графином или с бутылем — это будет торгаш квасом:

Кому квасу,
Холодного квасу?!

И добавляет:

С мого кваску
Не бросишься в печаль и тоску!

Но были торгаши, которые со своим квасом располагались на козлах, лодках и продавали квас из бочки или бочонка:

Вот так квас
В самый раз!
Баварский со льдом —
Даром денег не берем!
Пробки рвет!
Дым идет!
В нос шибает,
В рот икает!
Запыривай!
Небось
Этот квас затирался,
Когда белый свет зачинался!

Такие варианты:

Ай да квас!
С медком,

С ледком!
С винной брагой!
И густой,
И забористой!

Наряду с торгашом квасом существовали еще сбитенщики. Сбитенщик ютился на больших улицах, при рынке. В начале XX века сбитенщик как-то сам вышел из моды и его было можно очень редко встретить в Москве. У былых сбитенщиков существовала своя целая поэзия восхваления своего сбитня. В особенности славился сбитень медовый:

Ай да сбитень-сбитенек!
Подходи-ка, паренек!
Сбитень тетушка варила,
Сама кушала, хвалила
И всем ребятам говорила:
«Вы, ребята, пейте,
Сбитня не жалейте!
Сбитень варен на меду,
Не на роценом солоду!
Вкусен, ароматен,
Для всякого приятен!»

Вариант:

Ай да сбитень-сбитенек!
Кушай, девки, паренек!
Кушайте и пейте,
Денег не жалейте!
Сбитень сладкий на меду,
На-ка, меду накладу!
А как буду-то варить,
Его все будут хвалить!

Папиросы, спички, махорку или махру продавали мальчики-подростки, которые не [с]только стояли на месте, сколько бегали по улицам рынка с криком:

Папиросы есть «Трезвон» —
Подходи со всех сторон!

Или:

Подваливай, народ!
Папиросы — первый сорт!

Папиросы «Дели» —
Кури две недели!

Или:

Папиросы «Узбек»,
От которых сам черт убег!

И тут же находились шутники, и мальчикам шутили:

Папиросы «Трезвон»!
Как закуришь — беги вон!

Махрой чаще всего торговали взрослые. [...] Махорку или махру продавали чашками, стаканами:

Ай да махорка, вырви глаз!
Аромат — не зелье,
Курить — одно веселье!

И подбодряли:

Кто курит табачок,
Тот веселый мужичок! [...]

И такая табачная присказка:

Вот так табачок!
Закуривай, мужичок!
Как курнешь,
Так уснешь!
Как вскочишь,
Так опять захочешь!

Восхваление и порицание:

Кто курит табачок,
Тот прекрасный мужичок!
А кто нюхает табак,
Тот хуже бешеных собак!

Наскакивай, ребята,
Вот где хорошая махра-то!
Махорка — вырви глаз!
Подходи, рабочий класс!
Чудо-юдо табачок!
Закуривай, мужичок!

Спичками опять таки чаще торговали мальчики:

Вот спички Лапшина—
Горят, как солнце и луна!

Торговка сахарином всегда была очень бойкая. Домохозяйки вместо сахара клали на приправу к сладким кушаньям сахарин, так как он был дешевле сахару:

Есть, есть сахарин!
Самый лучший сахарин!
И в кристаллах, и в таблетках,
И в костюмах, и в жилетках!
Есть, есть сахарин!
Кому надо сахарин?!

Туалетное мыло имело своих специальных торговцев, которые только и промышляли на мыле, а некоторые варили его домашним способом:

Кому мыльце
Умыть рыльце?!
Вот оно, вот оно!

Простое мыло:

Ай да мыло-мыльце,
На лицо серенько,
А моет беленько!

Но и тут без шуток и острот не обходилось, и проходящий требует:

Ты мне дай такого мыла,
Чтоб на четверть в тело входило
И радостно сердцу бы было.
Вот это было бы мыло,
А это что уж за мыло!

Игрушкой мелкий торгаш чаще всего торговал на крик. К той или иной игрушке приноравливалась какая-либо присказка, шуточный выкрик. [...] И, таким образом, у игрушечных мастеров и торгашей существовала своеобразная игрушечная поэзия для торговли самой игрушкой.

Вот перед вами стоит торговец с проволочной обезьянкой. Обезьянка наряжена по-детски. Голова и физиономия настоящей обезьянки. Ноги [...] сделаны из пружинной проволоки, того же свойства и ее лапы. Она привязана за шею бечевкой. При подергивании бечевки она весело танцует и скачет во все

стороны и во всех направлениях и этим всем производит комическое впечатление. Торговец при пляске обезьянки все время приговаривает:

Американская обезьянка Фока!
Танцует без отдыха и срока!
Пьяна не напивается,
С мужем не ругается!
Пляшет и весело живет
И пьяницей не слывет!

Другой вариант:

Новейшая игрушка!
Заморская зверюшка!
Веселый немец Фок!
Танцует на один бок!

Выкрик торговца с веселым Петрушкой-скоморохом. В руках торговца веселый Петрушка-скоморох. Он наряжен в скоморошье платье с крупными узорами по белому фону. На голове его колпак с бубенчиками. В руках две сковородки, которые при нажиме на живот [...] бьют друг об друга, голова шевелится, бубенчик звенит:

Всем необходима
Проходящим мимо
Детская игрушка —
Веселый Петрушка!
Веселый бим-бом
Веселит весь дом!

И так:

Детская игрушка —
Живой Петрушка!
Такого молодца-оригинала
Вся Москва не видала!
Вина не пьет,
Стекол не бьет,
С девками не якшается,
Худым делом не занимается,
А к мамкину карману подбирается!

И добавляет:

Купи-ка, мамаша, папаша,—
Деточка-то ваша!
И с этой игрушкой
Пусть он поиграет, повеселится,
Потешится, порезвится!
Ай да Петрушка!
Ноги дубовые,
Кудри шелко́вые,
Сам ходит,
Сам бродит,
Сам шевелится
И никакого квартального не боится!

Еще торгаш с Петром Иванычем:

Ай да-да, ай да-да,
Все пожалуйте сюда!
И Тишки, и Мишки!
И Кольки, и Гришки!
Вся весела детвора!
Покажу я вам Петра:
Сам небольшой,
А нос дугой,
Кудри шелко́вые
И ножки дубовые.
Шутит, смеется,
С цыганом дерется.

Выкрик торговца Таней и Ваней:

Хорошенькая Таня!
Увлекательный Ваня!
Ваня наш в кафтане,
Таня в сарафане,
Никак мирно не живут:
Как сойдутся,
Так и подерутся!

И так:

Детская игрушка
Домна и Петрушка!

Меж собой дерутся
И сами смеются!

Выкрик торговца котом:

Вот кот! Вот кот!
«Везде хожу, гуляю
И хвостом виляю!
Птичек ловлю,
Мышей давлю!»

Выкрик торговца летающей птичкой на ниточке:

Ай да птичка-синичка!
Сама пестра,
На носок остра,
Летит, кувыркается,
А упадет — не подымается.

И такая:

Ай да птичка!
Сама летит,
Сама свищет,
Сама и покупателя ищет!
Сама клюет,
Сама питается,
Сама и с деточками
Забавляется!

И тут же опять слышится шутка и насмешка:

Ай да веселый дроздок!
Летит, свищет,
Дураков ищет!

Выкрик торговца бубнами, побрякушками, хлопушками:

Вот они, вот они!
Детские подарки
Красивы и ярки!
Дудки! Хлопушки!
Бубны! Побрякушки!
Налетай, выбирай!
Выбирай, забирай!
Вот они! Вот они!

И такой:

Вот она! Вот она!
Только что сработана.
Трам, треск,
Писк, вереск!
Детский крик:
«Что случилось?
Что приключилось?»
Вот так пушка,
Детская хлопушка!
Ребята, ребята!
Живите богато!
Становитес[ь] в ряд,
Покупайте подряд
Пушки-хлопушки,
Веселы побрякушки!
Сам весел будешь
И других посмешишь!
Смешно — грешно,
Весело — потешно!
Красиво — приятно,
Для детей занятно!

Выкрик торговца раскрашенными и ряженными куклами:

Эй, веселый мужичок,—
Плати четвертачок:
Детская игрушка —
Замоскворецкая Феклушка!
Не бьется, не ломается,
Не дерется, не кусается!
На прохожих не кидается
И в истерику не бросается!

Другой вариант к той же кукле:

Ай да кукла!
Ай да Малаша!
Неслыханное чудо,
Невиданное диво:
Не ревет, не плачет,
А по полу скачет!

Выкрик торговца детскими пушками:

Без пороху,
Без промаху
Бьет и палит,
И дым не валит!

И часто еще добавляется:

Ай да пушка!
Раз — да по нас!
Не ходи мимо нас,
На то пушка у нас!

Вариант выкрика торговца пушкой:

Всегда без пороху!
Всегда без промаху!
Всегда шибко палит,
И дымок не валит!

И еще:

Австрийская пушка —
Деточкам игрушка!
Пробкой палит,
Баловать не велит!

Выкрик торговца шаром-летуном:

Ай да шар-летун!
Вот как он взвивается,
Во как подымается,—
Весь честной народ удивляется:
Выше лесу-то стоячего,
Выше облака ходячего!

Выкрик торговца резиновым мячиком:

Детский скачок
За один пятачок!

И так:

Ай да мяч!
Прыгает, скачет!
Упадет — не плачет!

И еще:

Ай да игрушка!
И потешная,
И безгрешная!

И прыгает,
И взвивается.
Смотрит деточка —
Удивляется.

Выкрик торговца медведем и соловьем:

А вот деточкам
Малолеточкам —
Медведь-топтун!
Соловей-свистун!

Выкрик торговца бегающей мышкой:

Интересный подарок детям
И молодым людям!
Дамам и девицам,
И всем проходящим здесь лицам!
Чудо 20 века!
Мышь убегает от живого человека!

Выкрик торговца прыгающей лягушкой:

Обратите внимание
На наше старание!
Не фокус, не обман,
Не забирается в ваш карман!
Лягушка 20 века!
Прыгает на живого человека!
И не в болоте, не в кусту,
А здесь, на Кузнецком мосту!

Выкрик торговца резиновым яичком с петушком внутри:

Ай да яичко
С живой птичкой!
Все деточки удивляются:
«Откуда петушок появляется?»
Не кушает, не пьет,
В яичке живет!

И так:

Глянь-ка к нам,
Мы покажем вам
Курочку в сережках,
Петушка в сапожках!

Выкрик торговца ванькой-встанькой:

Наш капрал
На ножки встал!

Или:

Нашего Луку
Не уложишь на боку!
Как Ванька не валит,
Лука встанет и стоит!

Морской водолаз-угадчик.

Опускается в ящик записочка, где стоит банка с чертиком-водолазом. При нажиме чертик опускается и поднимается вверх. За каждую вынутую записочку со своей судьбой, вынутой потом из ящика, взимается плата в пять или десять коп. Когда нажимается банка с чертиком и чертик опускается вниз, то в это время приговаривается:

Крутис[ь], вертис[ь],
На дно морское опустис[ь]!
Изведай дно морское,
Узнай счастье людское!
Небольшой расход,
Подходи, честной народ!
Пишет дедушка Данило
Без пера и без чернила,
Не чернилом, не пером,
Своим собственным перстом
О краже, о пропаже,
О вашей немощи и боли
И о несчастной любови!
На задуманный предмет
Дает точный ответ!
Десять копеек — небольшой расход!

Или:

Черт Данило!
Пишет без пера и без чернила,
Сходит в черный кабинет —
И дает точный ответ!
У чертика Данилы
Всегда ответы милы!

Мартын Задека — угадчик судьбы каждого человека.

Устройство такое же, как и у чертика-водолаза. Стеклянная трубка, где сидит Мартын Задека. Он так же опускается и подымается. Опускается — это он пошел за ответом, подымается — принес гадающему ответ:

Небольшой расход —
Подходи, рабочий народ!
Мой Мартын Задека
Узнает судьбу каждого человека:
Что с кем случится,
Что с кем приключится!
Не обманывает, не врет,
Одной правдой живет
И всего 10 копеек берет!
Мой Мартын Задека
Узнает судьбу каждого человека!
Пишет дедушка Мартын
Без пера и без чернил,
Все расскажет, разгадает,
Любовь сердечную узнает!

Выкрик торговца разрезной открыткой (три вида открытки). Открытка разрезается на три части, и при переставлении этих частей получается девять разных лицевых изображений и головок:

Интересная детская забава!
Детский тир!
Из трех голов
Получается девять голов!
Из трех носов
Получается девять носов!
Всем доступно,
Всем занятно
И всем приятно!
Только за один пятачок!

Открытка, изображающая женщину в купальном костюме. Внизу открытки пробиты две дырочки. В эти дырочки вставляются два пальца, которыми и шевелят вместо ног. Продавец, пошевеливая пальцами вместо ног, приговаривает:

Последняя новинка!
Авдотья на даче!
Приехала купаться —
Боится раздеваться!

Изображается мальчик с самой комической физиономией. Сзади приделана ниточка. При подергивании ниточки мальчик открывает глаза и высовывает язык, как бы дразня вас. От торговой присказки у проходящего всегда вызывает улыбку и взрыв смеха:

Последняя новинка!
Живая мурзилка!
Не бранится, не ругается,
А физкультурой занимается!

Существовали и существуют и сейчас [...] выкрики мастеровых: паяльщиков, лудильщиков и всякого рода чинил, заливал всякого рода и всякого рода мастерства. [...]

Мастер-лудильщик кричал:

Лужу, паяю,
Старые керосинки покупаю,
Примусы чиню!

Другой мастер кричал:

Ведро починяю,
Старые кровати покупаю!
У бадьей дны вставляю!
Старые тазы покупаю!

[...] При больших рынках и базарах существовали еще мастера своего дела: часовщики, парикмахеры, чистильщики сапог, весовщики, заливалы галош, холодные сапожники, подбивающие железным гвоздем оторванную подметку; и все это делалось при вас, на ходу и на скорую руку, и безо всякой вас задержки. У этих всех мастеров существовало свое рифмованное словцо, вроде присказки, и выкрики, говорящие о их мастерстве.

У парикмахеров существовали такие присказки:

Постричь, побрить,
Побрить, поголить,
Бороду поправить,
Ус поставить!

[...] Шутка:

Ай да бородка —
Нижегородка!
Ус московский,
Сам ростовский

И такой выкрик:

Здесь стрыгут и бреют,
Ножниц не жалеют.
Мы на том стоим,
Что бре[е]м и палим!

У чистильщика сапог была своя присказка:

Чистим-блистим,
Вновь полируем
Рабочим и буржуям! [...]

Профессия сапожных мастеровых, так называемых холодных чинил, была очень распространена в Москве. Они сидели на рынках, базарах, они сидели на улицах, при домах, где-нибудь в простенках... Они при вас же ваш сапог надевали на свою железную ногу, подколачивали обыкновенным тонким гвоздем отвалившийся каблук, подметку, и вы через пять минут могли уже совершать по улице свое дальнейшее путешествие.

Все это быстро, скоро, дешево и сердито. И не зря сидящие чинилы кричали прохожим:

Кому подобьем,
Недорого возьмем!
Старые носи —
Новы не проси!

Так как все это было непрочно и сделано наскоро, по их адресу слышались то и дело остроты и насмешки прохожих:

Сегодня носим,
А завтра мастера просим!

Или так:

Мастер-тепка
Работает крепко:
Сегодня чинили[ся],
А завтра развалилися!

И еще:

Сегодня поносим,
А завтра забросим!
На то я и мастер,
Чтоб все порядки знать:
Где подмажь, где подклей,
А где и гвоздь вбей!
Дырки ваксой замажь
Да за новые покажь!

Выкрик торговца башмаками:

У нас да для вас
Башмачки есть в самый раз!
На слово поверьте,
Сядьте и примерьте!

Выкрик торговца кожаными сапогами:

Ай да сапоги!
Американские сапоги!
Носи на четыре ноги!
В воскресенье и в субботу
Носи до самого поту!

Шутки в адрес холодных сапожников:

В этих сапогах
По хорошей сухой дорожке ступай,
А грязи-воды избегай!
Богу молиться в них можно,
А на коленки становиться нельзя,
А то развалятся!

Выкрик торговца валенками:

А вот валенки —
Большие и маленькие!

Выкрик торговца зеркалами:

Туалет на сто лет!
Для старых, молодых,
Неженатых, холостых!

Выкрик торговца летними шляпами:

Кому продам, кому
Оригинальную шляпу?

От пыли, от загара,
От солнечного удара!

Выкрик торговца крысиным ядом:

Смерть крысам и мышам,
Тараканам и клопам!

При рынках существовали еще весовщики. Они за три-пять копеек взвешивали людей, а также и вещь при продаже мяса, картофеля, капусты и т. д.

Каждому гражданину и гражданке
Интересно знать точный свой вес!
Каждому видно
И никому не обидно.
Желающий, становис,—
Скажем точный вам вис!
Три копейки — небольшой расход.

Очень часто при рынках были промышленники со своими силомерами разного устройства и разного вида. Одни действовали при помощи удара по головке силомера молотом, а другие — при помощи жатия рукой: кто сколько выжмет, а при ударе — кто сколько выбьет. Желающий (таких всегда находилось много) о себе узнавал, как он силен и крепок. Соответственно этому существовала присказка силомерщика:

Давай, давай, давай!
Да сам себя испытай,
Слаб ли ты, силен ли
Или малосилен?!
Всякому знать занятно!
Всякому знать приятно!
А ну-ка подходи
Да испытай себя,
Как ты силен,
Как ты малосилен!

II. Закличка покупателя

Давай подходи
И других подводи!
У дядюшки Демьяна
Торговля без обмана! —

вот они, шутки, утки, прибаутки.

И дальше:

Хоть сам я и не пригож,
А товар привез хорош:
Для Анюток-баламуток
Сарафаны-растеганы.
Для Машонок и Грушонок
Канифасы и атласы.
Для молодушек-лебедушек
Платки, гребешки,
Расписные петушки!
Для красных девушек
Шпильки, иголки,
Булавки, приколки,
И белила, и румяна!
Эй, подходи, честной народ!
Да я и сам не урод!
Тряси все, потряхивай,
Гляди все, поглядывай!
Подходи, подваливай,
Пока не затерло!

И весело добавляет и подбадривает:

Ах, пошел раздор —
На товар разбор!
Две Дуняшки, две Груняшки
Да две бабы Акуляшки,
Как завидели атлас,
Набежали все зараз!
И пошел тут раздор —
На мой товар разбор!

Пускается в ход тут и шутка:

Ай да дядюшка Данил —
Всех бабенок приманил

И всех дешевкой удивил!

И продолжает сыпать шутки дальше:

Всем, всем продаем!
И скупым, и вороватым,
И простым, дураковатым,
Всем хапугам и плутам,
И всем гороховым шутам!
Всем праздношатающим
И всем праздноболтающим!
Все сюда! Все сюда!
Здесь распродажа, как всегда!

И так:

Всем, всем продаем!
За дешевку отдаем
И Вавилу, и Гаврилу,
И подслепому Данилу!
Всех мы любим,
Всех мы уважаем:
И Мишуху-мясника,
И Ванюху-квасника!

И еще:

Глядите, не моргайте,
Рты не разевайте,
Ворон не считайте,
По дешевке покупайте!
Давай, давай, давай
Да по дешевке выбирай!
Небывалого случая
Три года ждут!

И похваливается:

Ну что за товар!
И тот хорош,
И другой хорош,
Выбирай, который хошь!

Пускается в оборот и такая речь:

Стой, товарищ, стой!
Стой и удивляйся!
Вот эта вещь —

43. Продавец игрушек.
Литография, раскраска.
Середина XIX в.

44. К. А. Зеленцов. Квасник и сбитенщик.
Офорт, раскраска. 1817

45. К. А. Зеленцов. Пирожник.
Офорт, раскраска. 1817

ПЕСНЯ О ПАТАКЕ СЪ ИМБИРЕМЪ

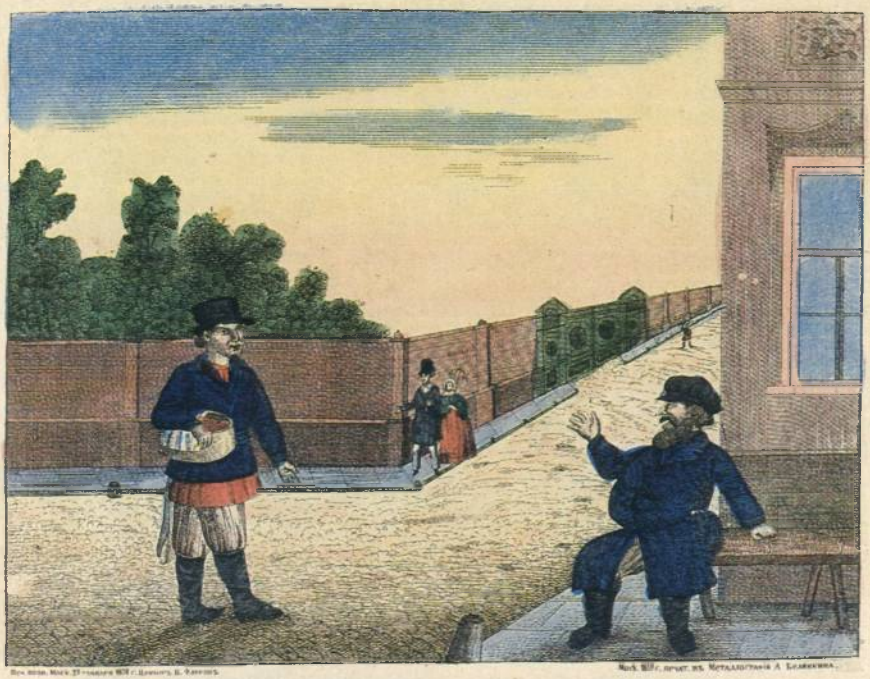
Вотъ варена съ имбиремъ
Варитъ дядя Симеонъ
Вотъ медова съ имбиремъ
Даромъ денегъ неверемъ
Собираются тетки дяди
Варенную по купать
А я буду нажрусь тяпя
Бесплую расшибать
Все сходитесь песню слушать
Да медову мою кушать
Вотъ бьется дядя власъ
Починъ сделалъ первой разъ

Съ следъ бежалъ заяцъ увалъ
Спотыкнулся и упалъ
Прибежалъ волъ назаръ
Покупателей созвалъ
Пришолъ дядюшка Егоръ
Пошолъ патыке разборъ
Пришла тетушка Евпила
Напрошя патыки купила
Пришолъ дядюшка Мартынъ
Далъ запесню имъ алтынъ
Пришла тетушка Арина
Еда патаку хвалила

Пришолъ дядя Елизаръ
Пальцы губы обкидалъ
Пришла тетушка Аксинья
Еда патаку насильна
Пришолъ дядюшка Авраамъ
Съ имбиремъ иске забралъ
Налетелъ дядя Борисъ
Симъ запатаку дрался
Пришолъ дядюшка Павелъ
Объ медовой такъ ивялъ
Разлетелся дядя Прохоръ
Онъ по патаке заохалъ

Разбежалась тетка Домна
Съ имбиремъ застала ровна
Пришолъ дядюшка Евросимъ
Разсердился денги бросилъ
Пришолъ дядюшка Федулъ
Только губы онъ ихъ дулъ
Пришолъ дядюшка Устинъ
Свой слюни распустилъ
Вотъ такъ дядя Симеонъ
Всякой скажетъ молодца
Всю распродалъ съ имбиремъ
Испелъ песню довольна

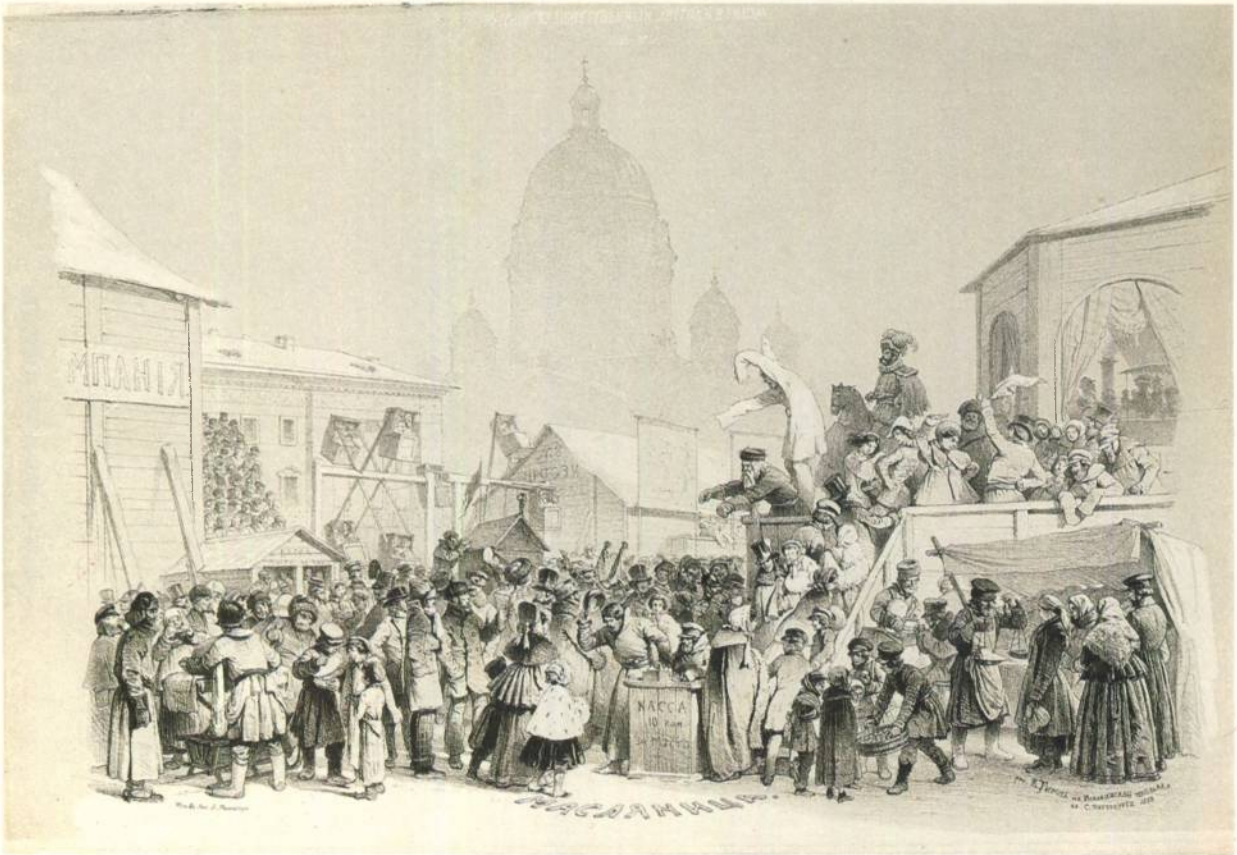
46. Песня о патоке с имбирем.
Металлография, раскраска.
1858



По ягоду по клюкву по клюкву.

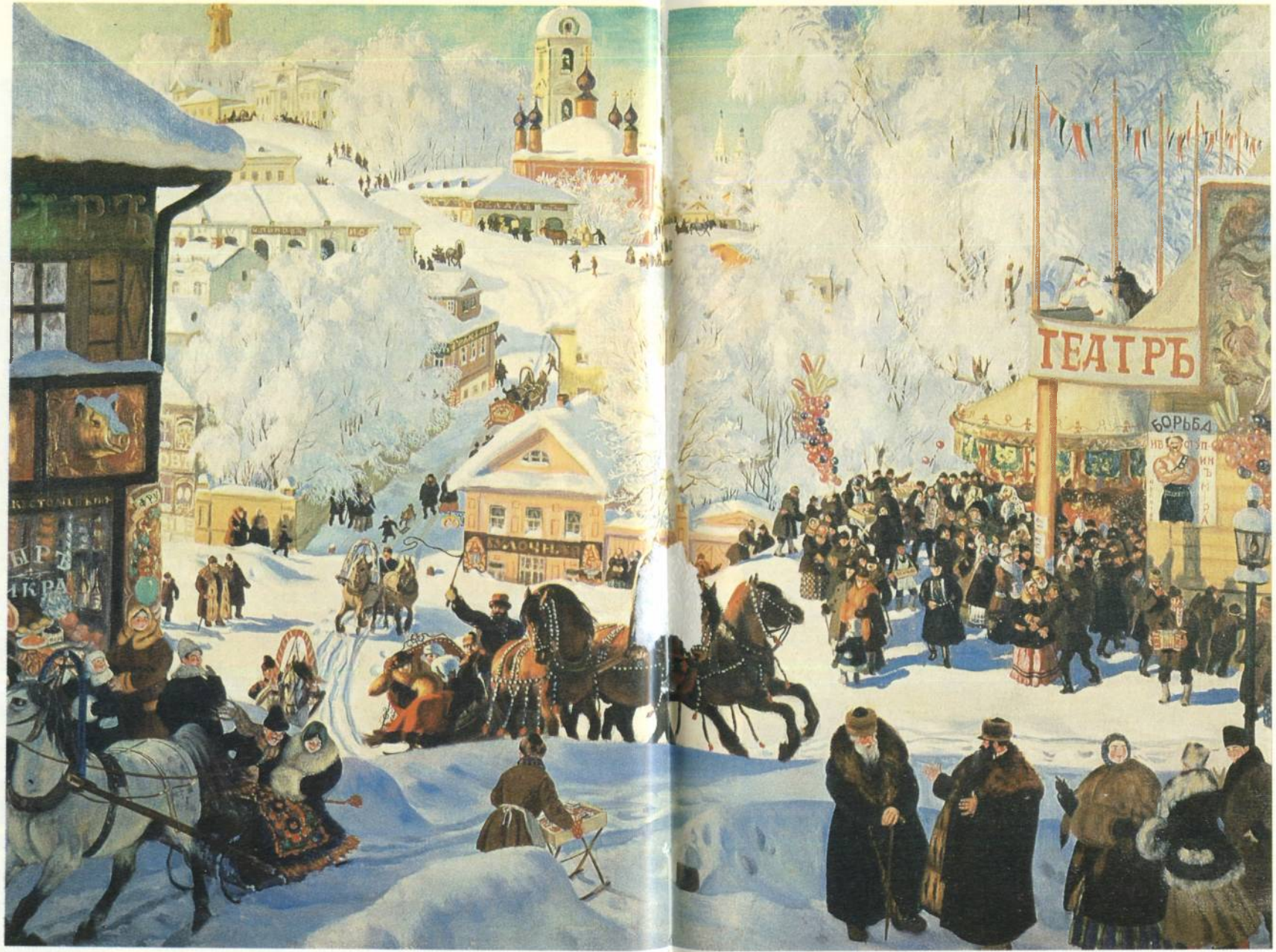
По Владимерсую отъ борно Холодна крупна, кто моей клюковки пожуетъ тотъ лишней годокъ проживетъ. Ехала наша Клюква Ехала Володимерска крупна изъ Города Можая. Пасъ Господъ уважал. Какъ брали нашу Клюкву Володимерску крупну Мальчики Ишки а Девочки Наталки. Брали по бирали съ кочки на кочку скакали на тарелачку клали сахаркомъ посыпали Эхъ Клюква Володимерская отборна Холодна Крупна.

47. «По ягоду, по клюкву».
Металлография, раскраска.
1859


КАССА
10 коп.

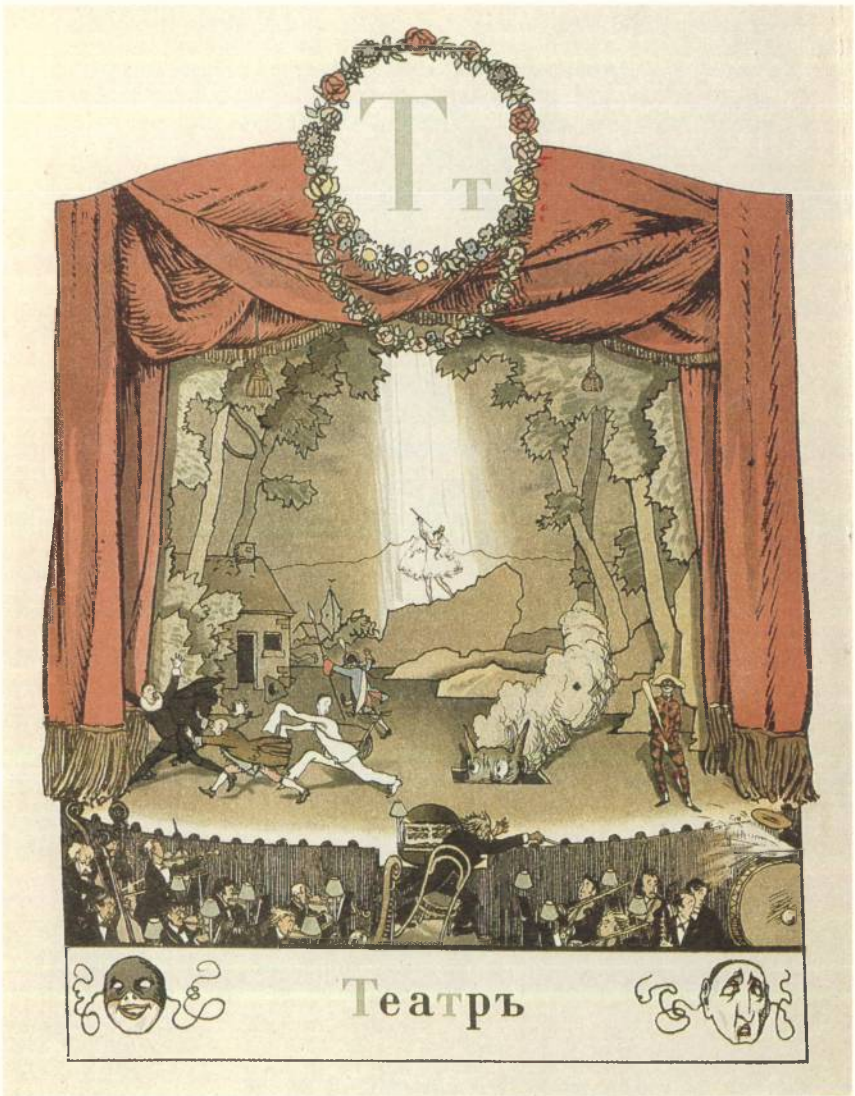
48. В. Ф. Тимм. Масленица.
Балаганы на Исаакиевской площади в Петербурге.
Литография. 1858

49. Москва. Вербный торг. Почтовая карточка.
М., 6. г. Раскрашенная фотография начала XX в.



50. Б. М. Кустодиев. Масленица.
1919

← 51, 52. А. Н. Бенуа.
Эскизы декораций к балету
И. Ф. Стравинского «Петрушка».
1921



53. А. Н. Бенуа. Иллюстрация к книге:
Азбука в картинах. Спб., 1904

54. В. Е. Татлин. Царь Максимьян.
Эскиз костюма к народной драме «Царь Максимилиан».
1911

55. В. Е. Татлин. Кумерская Венера.
Эскиз костюма к народной драме «Царь Максимилиан». 1911

56. М. В. Добужинский. Эскиз декораций пролога →
к мистерии А. М. Ремизова
«Бесовское действо...». 1907
57. Б. М. Кустодиев. Тула. →
Эскиз декораций к пьесе
Е. И. Замятина «Блоха». 1925

ТУЛА
САМОВАРЫ
ПЕ-
ТРО-
ВА

58. А. Г. Тышлер. Русский
народный театр Петрушки.
Фрагмент. 1966

Каждому необходимо
Проходящему мимо:
И антично,
И практично,
И гигиенично,
Розентабельно,
Контонабельно,
Сногсшибательно!
Ай да товар!
Из короба не лезет,
Да и в короб нейдет:
Наверное, покупателя ждет!

А иногда для веселости говорится и такой трюк:

Стой, товарищ, не пугайся!
В тресте кража,
А у нас веселая распродажа!

Или так:

У кого называется кража,
А у нас веселая распродажа!
Не пугайся, мамаша,—
Это такая присказка наша!
В милицию не поведут,
Протокол не составят
И ночевать там не оставят!

И еще шутки:

Вот она, вот она —
Из Парижа везена!
Долгоносым за пятак,
А курносым даем так!
Девки, сюда,
И молодки, сюда!
Караул, караул!
Мужик бабу обманул!
Наш Абдул
Всех надул:
И Тишку, и Гришку,
И Сашку, и Машку!
А как наш Мишка

Не берет лишка!
Он торгует честно,
Всей Москве известно!

Сатира на торгаша:

У нашего торгаша
Голова, как у ежа,
Рожа, как кринка,
Нос, что дубинка!
Дядя Ваня продает
И всем в придачу дает
Курицу-хохлушку
Да свинью-пеструшку,
Овин с овсом,
Жеребца с хвостом,
Хомут с клещами,
Шлею с вожжами,
Трубку с чубуком,
Кисет с табаком,
Курицу с цыплятами,
Хрюшку с поросятами,
Кошку с котятами
Да жену с ребятами,
Быка-бодуна
Да еще деда-пердуна!
Наш дед запьет,
Ворота запрет.
Рюмку водки в кулачок —
Лезет к бабке под бочок.
Зазывай всех Матрен
И Луку с Петром,
Дядюшку Якова,
Ваньку горбатого,
Кольку носастого,
Ваську соплястого,
Мишку вшивого,
Еремку плешивого!..
Всех, всех сюда собирай
И всем по дешевке продавай!

Вид удивления:

Ой, ой, сколько пришло!
Ой, сколько привалило!
Десять смеющих,
Десять рыдающих
Да десять улыбающих,
Да десять в череду ожидающих!
Пошел раздор —
На товар разбор!
Смотри, дедушка Вавило,
Сколько народу привалило —
И седых, и молодых,
И красивых, и рябых,
Бледных и румяных,
Пузатых и поджарых!..
Караул, караул!
Растащили, не берут.
От Красных ворот
Вали валом, народ!
Разбазаривай, Влас,
Выставляй все напоказ —
Красным девкам за пятак,
Разведенкам даем так!
Придет тетушка соплива —
Ей продажа особлива!

И еще:

Спали-почивали —
Весело вставали,
На базар бежали —
Товары выкладали,
По дешевке продавали
Худым и тощим,
Толстым и солощим.
Дудачам и скрипачам,
Плясунам и скакунам,
Купцам и дворянам,
Рабочим и крестьянам,
И москвичкам-дамам!..

Всем, всем продаем!
По дешевке отдаем!

[...] Чаще всего торгаши пользовались короткой присказкой и выкриками. Чтобы рассказать [присказку] длинную, [...] нужно быть хорошим краснобаем и уметь складно говорить, но [...] истинные краснобаи редко попадались. Они были редки. Чаще — именно такие, которые говорили коротенько:

Зазывай всех Иванов!
Купят — не купят,—
Пускай поглядят!

Кто с базара,
А наш дядюшка Назар
Только едет на базар.

Ай да-да!
У нашего продавца
Разных сказок —
Без конца!

Ай-вай,
Да хорошо покупай!
Да и денежку подай!

«Ай, ай,— кричит Мишка.—
Хорошее, худое,—
Выбирай любое!»

Ай, дядя Лука!
С шуткой и со смехом
Продает с успехом.

Ай да распродажа!
Старым и молодым,
Неженатым, холостым!

Ай да-да!
Товар антик,

И на ж... бантик!
Отдирай, примерзло!

Есть ниточки,
Есть катушечки!
Подходите покупать,
Девки-душечки!

Иголки не ломки,
Нитки, тесемки,
Румяна, помада!
Кому чего надо?!

Булавки, иголки!
Стальные приколки!
За один пучок
Плати пятачок!

У дедушки Марка
Товару баркa:
Мыла пахучие!
Ситцы нелинючие!

Наш дедушка Федул,
Никого он не надул.
Он торгует честно,
Всей Москве известно!

Подходи, дядя Роман,
Разворачивай карман,
Выбирай, не торопис[ь]!
Купивши, не хохлис[ь]!

Глядите, не моргайте,
Рты не разевайте,
Ворон не считайте,
По дешевке покупайте!

Алеша — три гро́ша,
Шейка — копейка,
Алтын — голова,
По три денежки нога!

Время зря не проводи,
Давай подходи!
Наш дед Селиван
Не делает обман!

В нашей палатке
Нет нехватки!
Духи и помада!
Кому чего надо?!

Вот как тут:
Хочу — не хочу,
По три денежки плачу,
Не уважу богачу!

Девки, сюда,
И молодки, сюда!
Караул, караул!
Мужик бабу обманул.

И Аленка, и Аненка,
И красивая Матренка —
Все к нам пришли
И подруг привели!

Наш Мишка
Не берет лишка:
Он по совести живет,
По дешевке продает!

Опять дядюшка Назар
К вам приехал на базар!

Давай подходи
И других подводи!

У дядюшки Якова
Товару хватит всякого!
Тары-бары, растабары!
Расторговываем товары!

Сивые, буланые
И постромки рваные!
Эй, дружки,
Набивай брюшки!
Конфеты! Орехи!
Девичьи утехи!

В нашем тресте
Плати на этом месте —
Без карточек
И без очереди!
Зачем в очередь ходить,
Когда здесь можно купить?

Вали валом, народ,
От Яузских ворот,
Со Сретенки, с Лубянки,
С Тверской, Моховóй
На товар дешевóй!

Пальто и жилеты!
Сапоги и жакеты!
Товары французские,
А ребята русские!
Торгую — не спешу,
Двигай к нашему шалашу!

У нашего свата,
Дядюшки Филата,
Продаются два сига

Да комариная нога,
После хромого клюшка
Да от ведра дужка!
Подходи, подваливай,
Пока не затерло!

Эво, глядите,
Где наш дядюшка Иван:
Не дышит, не шипит
И ушам не шевелит,
Рта не открывает,
Глазами не моргает,
Не чихает, не икает,
А все молчком
Да по дешевке покупает,
Чтоб не разузнали
Да товар не расхватали!

Эй, старые, усатые,
Рыжие, бородатые,
Девки-вострушки,
Старушки-хлопотушки,
Свахи-сводницы
И московские огородницы!
Подваливай валóм,
По дешевке продаéм,
Чуть не даром отдаем!

Чем домой таскать,
Хочу все распродать:
Подходи, подходи
И Акульку подводи!
Запили, загрустили
И по дешевке запустили!
Наскакивай, Матрена!
Получай деньги, Ерема!

Эй, шевелис[ь], шевелис[ь],
У кого денежки завелис[ь]!

Подходи, кума Татьяна,
За собой веди Лукьяна!
Как Лукьян-то подойдет,
У нас на ход все пойдет.
Мы не только разуважим,—
Чего нет, и то покажем!

Эх, поминай добром
Нас, Луку с Петром,
Сидора, Захарку
Да плута Макарку,
Шелудивого Фроську
Да косого Оську!..
Всех нас поминай
И никого не забывай!

Тары-бары, растабары,
Есть хорошие товары!
Продаю без барыша,
Зато и слава хороша!
Все Аленки, все Матренки —
Все сюда, все сюда,
Здесь распродажа, господа!

Граждане, гражданочки,
Рабочие и мещаночки,
Обратите вы на нас внимание,
На наши усиленные старания:
Привезли товару дешевого,
Ценой доступного и грошового!
Не товар, а сущий клад,—
Забирай нарасхват!
Подходи, дядя Вавило!
Заворачивай, Гаврило!
Дешево запустили.
А как ныне у нас
Да в последний раз!

Завтра придешь,
Да уж нас не найдешь!
Мы торговлю кончаем,
В Америку жениться уезжаем!
Наши Микешки
Торгуют без промашки:
Деньги берут
И товар не дают!
А мы не из таких,
Не грабим нагих!
С нагого нечего взять,
А нагому нужно дать.
Заворачивай, Матрена!
Плати денежки, Ерема!

Дядюшка Влас
Весь товар выложил напоказ:
Ройте, копайте
И деньгу давайте!
Кто с деньгами,
Щупай собственными руками!
А кто без денег,
Не тронь, не вороши,—
У тебя ручки нехороши!
Вот где дешево-то!
Вот где дешево-то!
Идите ногами,
Смотрите глазами,
Берите руками,
Платите деньгами!
Эх, навалис[ь], навалис[ь],
У кого денежки завелис[ь]!

Вот где дешево!
Вот где дешево!
Фунтами!
Пудами!
Вагонами!

Эшелонами!
Навалис[ь], навалис[ь],
У кого денежки завелис[ь]!
Варварушка, подходи
Да тетку Марью подводи!

У плешивого Ивана
Торговля без обмана:
Он товар продает
И всем в придачу дает
Пеструю телушку
Да денег полушку,
С хлебом тридцать амбаров
Да сорок мороженых тараканов,
На прибавку осла
Да бородатого козла!
Лысые, плешивые —
Люди счастливые!
А для тетушек Варвар
Припасен хорош товар:
Ситцы, канифасы,
Всякие атласы,
Духи и помада,—
Кому чего надо!
Давай выбирай!
Выбирай, покупай!
Денежки заплатишь
И домой покатишь!

Здравствуйте-те, милые,
Товарищи, товарки,
Работницы-пролетарки!
Стою на краю,
Дешевле всех продаю:
И Марьям, и Дарьям,
И Лукерьям, и Натальям.
Глядите, смотрите,
Хватайте, валяйте-те

Да денежку давайте!
Бедные и богатые,
Хитрые и вороватые,
Воры и налетчики,
Все самогонщики
И фальшивомонетчики,—
Дешевую торговлю
Мы здесь кончаем,
С одного базара
На другой переезжаем!
А по такому случаю
Покупайте у нас
В последний раз!
Дешево-сердито
Разбазаривает Никита!

Ай да бабушка Ненила,
На базар присеменила
И весело заговорила:
«Стренцы-бренцы,—
Ножи, веретенцы!
Ложки, плошки!
Сковороды, лукошки!
Топор, гребешок!
Припасай денег мешок!»

Вот как мы продаем —
Дурью, смехом,
Весельем и потехой.
Как наш дед закурит,
Весь народ приманит,
Да все всем продаст,
Да и дешево отдаст!

Сверху вода,
И снизу вода,
И в водке вода,
И в лекарстве вода,

Вот, вот где беда,—
Знать, последние года!

Пошло, поехало,
Ходом, бродом.
В труски, в скачки,
Вдогонку, вперегонку!
А кто успел,
Первый сорт поддел!

Ай, тетушки,
Ай, Варварушки!
Ай, матушки,
Ай, сударушки!
Вы бежика-те,
Вы спешика-те!
У нашего Макарки
Товару-то барки!

Ай, вай, бай!
Да подешевле выбирай!
Шевели, тряси
И, купивши, домой неси!
Делай дешевый оборот!
Дешевка лезет в самый рот!
Тещи, молодки,
Красавицы-лебедки,
Где вы тут?
Хватай, забирай,
Да и денежки давай!

Худым и плотным,
Служащим и безработным,
Плешивым и бородатым,
Волосатым и кудреватым
Я сегодня продаю,
Чуть не даром отдаю—
Все без карточек
И всем без очереди!

Товар — первый класс —
Выложен здесь напоказ,
Всем на удивление,
Всем на умиление!
Поразительный
И пронзительный,
Что так плотен
И казист,
И форсист,
Потягуч,
Нелинюч.
Вота он! Вота он!
В Москву-город привезен!
Орехи, орехи!
И семечки калены!
Калены, румяны,—
Продают Татьяны.
Девушки, молодки,
Красные лебедки,
Головушки гладки,—
На орехи падки!
Полюшки, Машонки,
Феклушки, Сашонки
На орехи глядят —
Покупают да едят!

Приехали с орехами,
С конфетами, леденцами,
С балушками,
С побрякушками!
Подходи, честной народ!
Стоит дядя у ворот —
По дешевке продает!

МОСКОВСКИЙ СБИТЕНЩИК

Вот сбитень горячий!
Мед казанский,
Сбитенщик астраханский.
Сам хохлится,
Сам шевелится,
Сам потрогивается.
Не пей пива кружку,
Выпей сбитня на полушку.
С нашего сбитню
Голова не болит,
Ума и разума не вредит.
Тетушки Варвары,
Широкие карманы,
Марьи Ивановны,
Городские барыни,
Извольте кушать,
А другие глядеть да слушать.
Пил сам дядя Елизар,
Так и просит, Назар
Нес, поднес
Под самый нос.
Какой вкус, какой цвет,
Откушай, сосед,
Все пьют да хвалят,
Нашего брата и по головке гладят.

РАЗНОСЧИК-БАЛЯСНИК

По клюкву, по клюкву!
Да по ягоду по клюкву!
По Владимирску по крупну!
Подснежну, манежну!
Эка клюква, эка клюква,
Удивительная, крупна.

Эвти бабашки
Брали девки Наташки.
С кочки на кочку скакали,
Подолики рвали,
Башмачки теряли —
То ягодки собирали,
В набирочку покладали,
Господам продавали.
Господа ягодку брали,
Медком поливали,
Сахарком пересыпали,
И кушали, восхваляли.
Вот по клюкву!
Приехали с клюквой из города Ростова
От дедушки толстого.
Эка клюква, эка клюква!
Удивительная, крупна!
Кто клюковки покушает,
Тот песенок послушает.
Вот сладкая клюква!
По клюкву, по клюкву!

ПИРОЖНИК ЯШКА

Эй, господа,
Пожалуйте сюда!
Кланяюсь и рекомендуюсь: пирожник Яшка
Белая рубашка!
Пожалуйте, господа почтенные,
Пирожки у меня горячие, отменные!
Такой редкий предмет,
Что ни одного таракана в них нет,
Потому что я держу такую стряпку,
Которая не запечет в них тряпку.
А если и попадется иногда муха,
Так она не проест брюха!

Попробуйте-ка, ну-ка,
Всего по пятаку штука!
Подходите, братцы, торопитесь,
Не сумлевайтесь, не объедитесь!

СБИТЕНЩИК

Общий любимец школы — сбитенщик давно уже выкрикивал обычное:

Кипит да преет,
Amicus-ов[1] греет!
Кипит кипяток
Попарить животок!..
Кто наш сбитенек берет,
Тот здрав живет:
Под горку идет, не спотыкается,
На горку ползет, не поперхается...
Подходи!

Громко выкрикивал сбитенщик свои неизменные прибаутки. Столпившиеся школьники подтрунивали над разбитным, словоохотливым торговцем.

— На базаре pessimus, а у нас optimus![2] — выкрикивает он.

— Не так, не так, ошибся! — кричат ему школьники.

— На базаре optimus,— поправляется сбитенщик,— а у нас pessimus! [...]

[Черепушник, любимец школьников, принес] со своим братом на головах два больших плоских корыта горой накладенных черепенников [...]

Черепеннички, что зайчики,
На дыбошках стоят,
Ушки вверх держат...
Помани копеечкой,
Заскачут, побегут,
Сами в рот ввалятся! —

[1] Amicus — друг, приятель *(лат.)*.

[2] Искаж. лат.: pessimum — наихудшее, optimum — наилучшее.

распевал он, открывая наполовину грязную тряпицу, которою были прикрыты черепенники.

Эй, шевелись,
Подходи — не скупись!
Даром не даем,
Лишнего не берем,
В долг не верим...
На грош пара, на копейку четыре.
С красным словцом,
С зеленым маслицем,
С лучком подварено,
Перчиком посыпано...
Нос согревают,
Губ не обжигают,
Утробушку прохлаждают.

Малыши со вниманием слушали балагура-черепушника. Вдруг кто-то из великовозрастных затянул:

У продавца в кармане
Сера вошь на аркане,
А в другом блоха на цепи...

Все дружно захохотали. Чтобы восстановить прежнее настроение, черепушник взял в руку бутылку с конопляным маслом, из которой он тоненькой струйкой поливал покупателям разрезанные черепенники, и, помахивая ею, продолжал свои прибаутки-приговоры:

У нашего хозяина,
Что у богатого барина:
Семь бочек порожних,
Восьмая без масла стоит...

МЕДВЕЖЬЯ ПОТЕХА

I

Приход вожака с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушной жизни: все бежало к нему навстречу — и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немоготою уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит.

— Куда ты это, старая хрычовка? — кричит ей вслед барин.

— Ах, батюшки,— прихлебывает Анофревна,— так уж медведя-то я и не увижу? — и семенит далее.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак — коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан; помощник — коза, мальчик лет десяти-двенадцати, и, наконец, главный сюжет — ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михайлу Иваныча; если же Михайло Иваныч очень «дурашлив», то ему, для опаски, выкалывают и гляделки.

— Ну-тка, Мишенька,— начинает вожак,— поклонись честным господам да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные девицы, молодицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются.— Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш,— это значит, девица в зеркало смотрится.

— А как бабушка Ерофеевна блины на масленой печь собралась, блинов не напекла, только сослепу руки сожгла да от дров угорела. Ах, блинцы, блины! — Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.

— А ну-ка, Михайло Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрени не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается,— и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадья его не догонит.— А как бабы на барскую работу не спеша бредут? — Мишенька едва передвигает лапу за лапой.— И как бабы с барской работы домой бегут? — Мишенька принимается шагать бегом в сторону.— И как старый Терентьич из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается.— Михайло Иваныч семенит и путается ногами.— И как барыня с баб в корзинку тальки да яйца собирает, складывает, а барин все на девичью работу посматривает, не чисто-де лен прядут, ухмыляется, знать, до Паранькина льна добирается.— Михайло Иваныч ходит кругом вожака и треплет его за гашник.

— А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два п[...]нёт.— Мишенька садится на землю и стонет.

Затем вожак пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, то есть надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Вожак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михайло Иваныча трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михайло Иваныч бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около вожака — это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски вожак дает ему в руки

шляпу, и Михайло Иваныч обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки. Кроме того, и Мише и вожаку подносится по рюмке водки, до которой Миша большой охотник; если же хозяева тароватые, то к представлению прибавляется еще действие: вожак ослабляет Мишину цепь, со словами «А ну-ка, Миша, давай поборемся» схватывает его под силки, и происходит борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, так что вожаку иногда приходится и самому представлять, «как малые дети горох воруют»,— и хорошо еще, если он отделается при этом одними помятыми боками, без переломов.

II

СЕРГАЧ

[...]— Ну-ко, Михайло Потапыч, поворачивайся! Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдись: поразломай-ко свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев [...] низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью; в правой руке у него была огромная палка — орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

В одну минуту на заманчивый выкрик сбежалась толпа со всех концов большого села Бушнева, справлявшего в этот день свой годовой праздник летней Казанской. Плотно обступила глашатая густая и разнообразная стена зрителей. [...]

Между тем на площадке раздавалось звяканье цепи, и мохнатый медведь с необычайным ревом поднялся на дыбы и покачнулся в сторону. Затем, по приказу хозяина, немилосердно дергавшего за цепь, медведь кланялся на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы и уткнув разбитую морду в пыльную землю.

— С праздником, добрые люди, поздравляем! — приговари-

вал хозяин при всяком новом поклоне зверя, а наконец, и сам снял свою измятую шляпу и кланялся низко.

Приподнявшись с земли в последний раз, медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу. Толпа немного осаживает и поводатарь начинает припевать козлиным голосом и семенить своими измочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно повертывая бородкой. Поется песенка, возбудившая задор во всех зрителях, начинавших снова подаваться вперед:

Ну-ко, Миша, попляши,
У тя ножки хороши!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом:
Коза выскочила,
Глаза выпучила.
Таракан дрова рубил,
В грязи ноги завязил.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стук в лукошко, заменяющее барабан, и медведь с прежним ревом — ясным признаком недовольства — начинает приседать и, делая круг, загребает широкими лапами землю, с которой поднимается густая пыль. Другой проводник, молодой парень, стучавший в лукошко и до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив оттуда грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название *козы*. Мешок этот оканчивается наверху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают в такт уродливым прыжкам парня, который, переплетая ногами, время от времени подскакивает к медведю и щекочет его своими вилами. Этот уже готов был опять принять прежнее, естественное положение, но дубина хозяина и щекотки козы продолжают держать его на дыбах и заставляют опять и опять делать круг под веселое продолжение хозяйской песни, которая к концу перешла уже в простое взвизгиванье и складные выкрики. С трудом можно различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,
Лубяные глаза!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом.

Медведь огрызается, отмахивает козу лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойнее и в то же время сильно напирают вперед, отчего место пляски делается все у́же и у́же и Топтыгину собственною спиною и задом приходится очищать себе место.

Песенка кончилась; козы как не бывало. Хозяин бросил плясуну свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всею тяжестью своего неуклюжего тела.

— А как, Михайло Потапыч, бабы на барщину ходят? — выкрикнул хозяин и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапыч прихрамывает и, опираясь на палку, подвигается тихонько вперед, наконец, оседлал ее и попятился назад, возбудив неистовый хохот, который отдался глухим эхом далеко за сельскими овинами.

— А как бабы в гости собираются, на лавку садятся да обуваются?

Мишук садится на корточки и хватается передними лапами за задние, в простоте сердца убежденный в исполнении воли поводатаря, начавшего между тем следующие приговоры:

— А вот молодицы — красные девицы студеной водой умываются: тоже, вишь, в гости собираются.

Медведь обтирает лапами морду и, по-видимому, доволен собой, потому что совершенно перестает реветь и только искоса поглядывает на неприятелей, тихонько напевая про себя какой-то лесной мотив. Хозяин между тем продолжает объяснять:

— А вот одна девка в глядельцо поглядела да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле горох молотили.

Мишка приставляет к носу лапу, заменяющую на этот случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красе выправляя белки.

— А как старые старухи в бане парятся, на полке́ валяются? А веничком во как!.. во как!..— приговаривает хозяин, когда Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя; смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!»

Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока. Более хладнокровные и видавшие виды сделали несколько замечаний, хотя и довольно сторонних, но все-таки более или менее объяснявших дело.

— Одна, вишь, угорела,— продолжал мужик,— у ней головушка заболела! А покажи-ко, Миша, которо место?

Медведь продолжал валяться, видимо, желая до конца напотешить зрителей, но хозяйская палка, имевшая глупое обыкновение падать как раз не на то место, где чешется, напомнила зверю, что нужно-де всему меру знать, а хозяйские уроки не запамятовать. Очнувшийся Мишка сел опять на корточки и приложил правую лапу сначала к правому виску, потом перенес ее к левому, но не угодил на хозяина. Этот, желая еще больше распотешить зрителей, сострил и, дернув порывисто за цепь и ударив медведя по заду, промолвил:

— Ишь ведь, старый хрыч какой! Живот ему ломит, а он скулу подвязал! Покажи-ко ты нам, как малые ребята горох воруют, через тын перелезают.

Мишка перелезает через подставленную палку, но вслед за тем ни с того ни с сего издает ужасный рев и скалит уже неопасные зубы. Видно, сообразил и вспомнил Мишка, что будет дальше, и крепко не по нутру ему эта штука. Но, знать, такова хозяйская воля, и боязно ей перечить; медведь ложится на брюхо, слушаясь объяснений поводатаря:

— Где сухо — тут брюхом, а где мокро — там на коленочках.

Недаром Топтыгин неприязненным ревом встретил приказание: ему предстоит невыносимая пытка. Хозяин тащит его за цепь от одной стены ребят до другой, противоположной, как бы забыв о том, что зверь всегда после подобной штуки утирается лапой. С величайшею неохотою поднимает он брошенную палку и, схватив ее в охапку, кричит и не возвращает. Только

сильные угрозы, на время замедлившие представление, да, может быть, воспоминание о печальных следствиях непослушания, заставляют медведя повиноваться. Сильно швырнул он палку, которая, прокозырявши в воздухе, далеко перелетела за толпу зевак. Наказанный за непослушание, медведь начинает сердиться еще больше и яснее: он уже мстит за обиду, подмяв под себя вечно неприязненную козу-барабанщика, когда тот в заключение представления схватился с ним побороться. Прижал медведь парня лапой, разорвал ему армяк, и без того худой и залатанный, и остановился, опустив победную головушку. Только хозяйская памятка привела его в себя, громко напомнив и о плене, и о том, что пора-де оставить шутки, не место им здесь.

Осталось Мишке только пожалеть об этом и сойти со сцены, но неумолимая толпа трунит над побежденным и поджигает его схватиться снова с медведем. Однако этот последний совсем не расположен тягаться, достаточно уверенный в собственных силах. Он окончательно побеждает противника уже простою уступкою: Мишка валится навзничь, опрокидывая на себя и козу-барабанщика.

— Прибодрись же, Михайло Потапыч,— снова затянул хозяин после борьбы противников.— Поклонись на все четыре ветра да благодари за почет, за гляденье,— может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет.

Мишка хватает с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей, которые, однако же, начинают пятиться в то время, как мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел, по приказу хозяина, за сбором. Вскоре посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, гроши, репа и другая посильная оплата за потеху. Кончивши сбор, медведь опустил голову и тяжело дышал, сильно умаявшись и достаточно поломавшись.

III

ПРИГОВАРИВАНЬЕ ПОВОДИЛЬЩИКА

Ну-ко, Марья Васильевна, поворачивайся веселей, говори посмирней; хмелек вьется, живой не ведется, поворачивайся направо, артикул делай завсегда браво. Садись в суд да слушай: есть у нас по городам, по волостям, стреляются молодцы калиновские, алаторские. Держать, не пускать, право-лево не смотреть. Конница, драгуны, подводы ямские, хлеб мирской, денежки государевы. Пешеходные солдаты, ружья на плечо, порох да сума обтерли бока, проломили солдатское плечо, артикул выкидывали, ручку на ручку прикладывали. Сядь на добром месте. Сама прикройся. Княгини, боярыни, гостиные дочери крутятся, белятся, в чисты зеркала смотрятся, из-под ручки выглядывают, по мысли себе женихов выбирают; который жених был кудреват, кудерки сгибат. Как старые старушки на господскую работу ходят, идут они, хромают, на одну ноженьку припадают, от барщины отбывают, начальники палкой погоняют. Малые ребята в чужое поле за горошком ходят, горошек наворовали, в мешки клали, налево кругом — марш, убежали. Вот теща перед зятем пляшет, рукой машет, головой потряхивает. Для зятя блины пекла, угорела, головушка заболела. Сядь да указывай.

IV

[ПРИГОВОРЫ МЕДВЕЖАТНИКА]

Представления с медведем происходили следующим образом. По приходе в село вожак ударял в барабан, на звуки барабана сходился народ. «Козарь» начинал плясать. Медведь, понукаемый цепью, тоже плясал, выделывал некоторые штуки (кланялся, кувыркался) пред глазами собравшейся толпы и под приговоры вожака. Вот эти приговоры.

«Первый раз как за цепь возьмешь и тряхнешь, приговаривали:

— Вставай да подымайся, ворочайся-разгибайся, пробивай

строчки московски, други заморски, господам дворянам; садись в суд да слушай, как у нас по городам, по волостям есть старосты-бурмистры, приказные командеры. Судьба прошла — с городов стрельба пошла, с городу на город метко; лука не изломи и его не перешиби; старому старику глаза не вышиби, а скупому да лихому вон выворотни, который нас не поит да не кормит и теплого ночлега не дает...

— Пехотный солдат идет с ружьем на караул (при этом медведю давали палку); ружьи, мушкеты обтерли бока, и с порохом сума разломила солдату плеча; конные драгуны, служивые казаки поедут на службу верхом (ему дашь палку, а он сядет верхом на палку).

Потом говоришь:

— Как старая старушка идет на господский двор работать, идет она, хромает: от господской работы отбывает, работать ей мочи нет — свело старую и скорчило — господская работа состарила... Как звали старуху на господский двор на почетный пир: услышала старая, вскочила, ручки-ножки залечила — пошла танцевать...

— Как малые ребята горох воровали; где сухо — тут брюхом, а где мокренько — на коленочках, и покрали, и поваляли горох, и хозяину не оставили...

— Как теща перед зятем скачет-пляшет, зятя угощает. Блины пекла да угорела, головушка у ней заболела...

Медведь тут уж встанет, дашь ему шапку в лапы-то и говоришь:

— Ну, ваше благородие, сошлите ему сколько-нибудь жалованья на хлеб и за труды ему...»

V

А ну-тка, Мишенька Иваныч,
Родом боярыч,
Ходи, ну похаживай,
Говори-поговаривай,
Да не гнись дугой,

Словно мешок тугой.
Да ну поворотись,
Развернись,
Добрым людям покажись.
А ну-ка, вот ну, как старые старушки,
Молодые молодушки
На барщину ходили,
До дыр пяты сносили.
А как теща про зятя блины пекла
Да угорела,
Головушка заболела!
А вот ну, как красные девицы моются,
Белятся, румянятся,
В зеркальце глядятся
Да из-под рученьки женишков выглядывают.
А вот ну, как малые ребятишки горох воровали,
Тишком-тайком — где сухо,
Там брюхом,
Где мокро, там на коленочках.
А вот ну, ходи-расходись,
Во всем народе покажись.
А ну, как конные драгуны в поход ходили,
Ружьем метали,
Артикулы выкидали.
А вот как с порохом сума
Оттянула все плеча.
А ну-ка вот, ну, как муж у жены
Вино ворует,
А холостой парень по чужой жене тоскует.
Ходи не спотыкайся,
Вперед не подавайся,
Разгуляйся!
Вались да катись,
Бока не зашиби, сам себя береги.
А ну, женка в гости пошла,
С собой гусли взяла,
Мужа прочь прогнала.
А ну вот, ну,

Как наши бабенки в баню ходили,
Винцо с собой носили,
На полóк забирались,
На спинке валялись,
Веничком махали,
Животики протирали.

VI

[МЕДВЕДИ В КАЛУГЕ]

[...] Остановившись где-нибудь на Старом или Новом торгу, вожаки начинают игру на своих инструментах; народ собирается, и Мартын Иванович на задних лапах обходит заранее всех с бубном, собирая деньги. Затем по приказанию поводчика медведи по очереди смешно изображают:

— Как барышни, идя на гулянье, мажутся, красятся, пудрятся *(медведь мажет себе морду лапой)*;

— Как московские кухарки, мешкая, идут за водой, как ломаются перед дворниками с фасоном;

— Как заговорят они с дворником и потом бегом бегут домой с коромыслом *(вместо коромысла у медведя палка)*;

— Как барышня стесняется кавалера — нос загораживает;

— Как целует городская барышня — интеллигентно, вежливо и как деревенская девица крепко обнимает;

— Как в кавалерии ездят на лошади *(медведь верхом на дубине)* и как с лошади слезают;

— Как в праздничный день пьяные на базаре шатаются, валяются и что с похмелья бывает — голова болит *(медведь растирает себе голову)*;

— Как в старину ходили на барщину *(Мартын Иванович горбатится и еле тащится, подпираясь палкой, изображая старика-крепостного)*;

— Как старушка идет с барщины, уморилась, под кустиком отдыхает *(Зоя Ивановна бредет с сечкой или лопатой в лапах и ложится отдыхать)*;

— Как старушка, уморившись на барщине, спину трусит;

— Как буржуй задается против бедняка с гордостью *(медведь важно шествует, подняв нос кверху, ни на кого не смотрит).*

Тут Мартын Иванович вновь обходит с бубном зрителей, после чего он пляшет русскую под гармонию. Последним номером является борьба вожака со «зверем».

Когда представление кончено, поводчик дает медведю дубину, говоря: «Ну-ка, Мартын Иванович, разгони народ!» Медведь бросается с палкой на публику, зрители от неожиданности расступаются, ребятишки разбегаются, и вожаки, прорвав кольцо народа, уходят со своими зверями.

ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ О НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

НАРОДНАЯ ДРАМА

А. С. Грибоедов

[...] Певцы не умолкали; затянули «Вниз по матушке по Волге»; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам волн; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! Как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красы девичьей, ни седины старческой, а по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате, угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота, и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумной радостью и славили в песнях.

Примечание

Песни не умолкали... Это целое мимическое представление похода Разина по Волге давалось обыкновенно зимою. Я, уроженец местности, близкой к Парголову, помню, как мужики, одетые в красные рубахи, с косами за поясом, садились на полу по двое, как бы в лодке, и, мерно ударяя в ладоши, пели песни, а между тем Атаман и Есаул вели разговор о местностях, якобы представлявшихся им при плавании, и о добыче. Теперь это совершенно исчезло.

1826

Ф. И. Буслаев

[...] Шаловливые забавы наши имели вид театральных представлений, соединяющих в себе как бы мимику с музыкой, если только крик и грохот можно отнести к музыкальному роду. Для этих представлений были, как следует, и зрители, которые своим вниманием и одобрением поощряли нас и воодушевляли.

[...] Подобно античному театру, в наших увеселительных представлениях были действующие лица и хор. Не по предварительному избранию из нашей среды, а по дарованиям и храбрости были нашими героями Юрий Федорович Самарин и князь Борис Васильевич Мещерский, а все мы составляли дружный хор.

Представления эти в ту пору соединялись в моем воображении с одним из воспоминаний моего детства. Солдаты, стоявшие у нас в Пензе постоем, разыгрывали в каком-то сарае смехотворную интермедию о Дон-Жуане, его слуге Педриле (так переименовали они Лепорелло) и о Командоре,— не помню, как они его звали, генералом или губернатором.

У нас в аудитории был свой Дон-Жуан — Самарин, свой Лепорелло, его наперсник и пособник — князь Мещерский, и своя грозная статуя Командора — в фигуре профессора, восседающего на кафедре. Эту интермедию Юрий Федорович

дополнял тем, что состоял при нашем Командоре в должности ординарца, вестового и глашатая, именно глашатая, в полном смысле этого слова.

1830-е гг.

А. Н. Гончаров

Я также хорошо помню, как бабушкин лакей Федор, собрав компанию слуг, разъезжал с ними на святках по домам, в качестве ряженых. Они представляли собою разбойников шайки Стеньки Разина, причем грозного атамана изображал Федор, в специально сшитом для того каком-то полуфантастическом костюме, делавшем его похожим не то на перса, не то на черкеса. Пол нашей залы должен был представлять собою лодку, в которой Федор помещался у руля, а остальные его товарищи садились гребцами и пели волжские песни, что нам с братом доставляло большое удовольствие. За это они получали 1 р. 40 к. ассигнациями, т. е. два двугривенных серебром, и оставались очень довольны. Воспоминания эти относятся к 1848—1850 годам.

И. С. Тургенев

У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст и представляли какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму. Уморительнее этого ничего невозможно было вообразить; роль главного атамана исполнял один фабричный, а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор, в роде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите; язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski[1] и даже стихов из

[1] в духе Марлинского *(фр.)*.

«Дмитрия Донского». Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат.

1853

И. С. Аксаков

[...] Вечером явились ко мне артиллерийские солдаты, с предложением мушкарада. Я их принял; мне любопытно было видеть солдатское представление. Явилось человек пятнадцать, очень порядочно костюмированных; эполеты и аксельбанты были превосходно сплетены из соломы. Представление заключалось в том, что царь Максимилиан думает думу с сенатором Думчевым, требует от сына своего Адольфа поклонения «коммерческим богам», но сын Адольф отвечает: «О, мой родитель и повелитель, я ваши коммерческие боги топчу под ноги», остается христианином, его за это — в тюрьму, куда он и удаляется при пении хора: «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест», наконец, его казнят, и призывают для лечения доктора с фельдшером.

Это — единственные живые лица во всем представлении. Актеры, очевидно, кого-то передразнивали. Между прочим, доктор спрашивает: сколько больных в госпитале? Фельдшер отвечает, что к такому-то числу больных состояло 155, что на белый свет выпущено пять, остальные 150 — были отправлены для пополнения списков в небесную канцелярию; лекарства оказываются все поставленными по каталогу в 1825 году и потому, разумеется, существующими только на бумаге; рецепт прописывается: солома с уксусом и т. д. У фельдшера орден «первой степени пьянства». Замечательно, что во всех кукольных комедиях, итальянских народных представлениях, выводятся на сцену доктора, конечно, потому, что обман и шарлатанство докторов более бросается в глаза простому народу, чем другое злоупотребление; впрочем, доктор солдатского представления не итальянский, а современный российский, чиновный.

В виде эпизодов являлись и витязь Бармуил, и воин Аника, и

какая-то «богиня», сражающаяся с Аникой в чистом поле, и Смерть с косой. Путаница страшная, и в то же время среди напыщенной книжной речи целые тирады из песни, которые говорили воины Бармуил и Аника, умирая: «Ты скажи моей молодой жене» и проч. Наконец, все покончилось общим мушкарадом, т. е. пляской или галопом всех действовавших лиц.

Все было очень пристойно и чинно, но я ожидал более остроумия и сатиры не на одного доктора с фельдшером. Быть не может, чтобы не было солдатской комедии такой, в которой бы высказалась вся ирония, вся критика на управление и устройство общественное. Поищу.

1855

Я. П. Полонский

Оригинальное объявление в Сестребеке — списываю слово в слово с афиши, привезенной Коростовцевым:

«На здешнем театре будет представляться 30 числа сего октября т. е. в воскресенье, в 8-м часов вечера с разрешения командира Сестребецкого Оружейного завода господина генерал-майора и кавалера Игнатьева, в каменных казармах, состоящих на большой площади. Комедия будет в 5 действиях.

1 Действие

будет представляться живые картины
2) Купидон с Марцом будут сражатся о храброй богине и ея фрелинах. 3) Водевиль Советника. 4) Царь Максимилиан будет судить гордого и непокорного сына Адольфа. 5) Мамаева побоище с Военными песинки танцами и Военная большая музыка будет играть.
Цена местам: 1 место — 1 руб. сер., 2 — 75 коп, 3 — 50 к., 4 — 30 к, 5 — 20 к., 6 — 15 к.
Содержатель ЗУКПРИ Островский.

1855

П. В. Засодимский

В уездных городах в то время солдаты, состоявшие на службе, назывались инвалидной командой (горожане запросто звали их «инвалидными крысами»), и подчинялась эта команда инвалидному начальнику. В ту пору у нас, в Никольске, инвалидным начальником был Шипунов, офицер среднего роста, довольно полный, с черными длинными усищами.

Однажды на святках в доме нашего инвалидного начальника солдаты давали театральное представление. Я с матерью и с отцом был в числе почетных гостей и сидел в первом ряду стульев (и всех-то рядов, кажется, было два или три, и половина публики помещалась стоя).

До той поры я понятия не имел о спектаклях, и поэтому теперь, в ожидании начала представления, я не знал покоя, лихорадочная дрожь пробегала по мне, и сердце сильно билось...

Помню: дело началось с того, что по зале передо мною долго расхаживал, размахивая руками, какой-то человек в довольно странной одежде — в плохонькой короне, в какой-то длинной красной хламиде с белой опушкой и в смазных сапогах. Как вскоре оказалось, это был не кто иной, как «нечестивый император Максимилиан». Из дальнейшего хода дел выяснилось, что этот господин был яростный гонитель христиан, и до очевидности было ясно, что он — ужасно злой, потому что, ходя по зале, он поминутно тряс головой и сердито размахивал руками. У этого злого царя был «сын Адольф», прекрасный, милый молодой человек, добрый и кроткий, по-видимому, страдавший насморком, фыркавший поминутно и украдкой от зрителей проводивший под носом рукой.

И вдруг Адольф, этот милый юноша, несмотря на страшные отцовские угрозы, принял христианство. Отец узнал об его поступке и, понятно, стал зверь зверем. Сидит на троне, кричит благим матом, кричит, ревет,— ну, просто,— землю дерет,— да вдруг как рявкнет на всю залу: «Приведите, говорит, ко мне моего непокорного сына Адольфа!» Я так и обмер... Перед тем я посмеивался над его яростью, а тут, вижу, и не в шутку дела стали принимать весьма неблагоприятный оборот...

Какие-то архаровцы с дрекольем и в остроконечных шапках притащили несчастного «сына Адольфа». Ах, как я боялся за него в те минуты! А он стоит, бедняга... на руках и на ногах цепи гремят, а архаровцы его тискают и толкают то в ту, то в другую сторону. А он все терпит, болтается между этими архаровцами, но не сдается, не покоряется, голову держит высоко да только фыркает (должно быть, насморк сильно донимал его). Тут отец напустился на него. «Как ты, говорит, мог против моей воли идти, непокорный сын Адольф». А Адольф тихонько что-то сказал ему, утер нос, и вдруг все цепи с него спали, а царь «ох-ох!» и мертвый повалился с трона, а его картонная корона, украшенная сусальным золотом и блестками, покатилась к моим ногам.

Я от всего сердца порадовался за непокорного, но тем не менее добродетельного сына Адольфа...

После того солдаты (зачем-то, не знаю) схватили ружья и начали стрелять в потолок холостыми зарядами и трижды прокричали «ура!». Может быть, и солдаты были рады тому, что Адольф так счастливо отделался от угрожавшей ему серьезной опасности... В комнате, помню, сильно припахивало серою и сапогами, смазанными ворванью.

В заключение спектакля солдаты сели на пол среди комнаты, скрестив ноги, и, покачиваясь из стороны в сторону и в такт хлопая в ладони, запели:

«Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью».

Все это было очень мило и забавно, и публика осталась вполне довольна представлением...

1850-е гг.

А. Милюков

[...] Александр Иванович много рассказывал о своей жизни в Италии и Франции во время революции и наступившей затем реакции, и однажды прочел мне главу из своих записок, напеча-

танную впоследствии в одном из последних томов «Былое и думы».

[...] Лучшими днями заграничной жизни, по его словам, были те, которые он провел в Италии, а самыми симпатичными людьми — итальянские борцы за свободу.

[...] Мне пришлось видеть одного из эмигрантов, которого особенно любил Герцен. Однажды после обеда Александр Иванович, особенно весело настроенный, вспомнил о своих московских развлечениях и предложил спеть хором русскую песню. Все мы, не исключая детей, уселись на ковре в два ряда, лицом одни к другим, изображая таким образом лодку, и затянули, как умели: «Вниз по матушке по Волге». В шуме этого патриотического упражнения мы не слыхали, что во двор въехали гости. Вдруг отворились двери, и в залу вошел человек средних лет, с выразительным и вместе с тем задумчиво-кротким лицом в темно-сером фраке, а с ним, закинув на руку трен синей амазонки, молодая стройная женщина в фетровой шляпке, из-под которой спускались белокурые локоны. Все мы поднялись.

— Что это такое? — спросил с улыбкой гость.

— C'est un chant des pirats du Volga[1],— ответил Герцен, смеясь и протягивая руку приезжим,— нам хотелось спеть ее на берегах Темзы.

1857

Ф. Д. Нефедов

Вновь начавшаяся суетня половых,— выталкивание тулупов и дурно одетых ряженых с прибавлением: «вон, сволочь!» давали публике знать, что для нее готовится нечто более важное и достойное внимания. Действительно, через минуту или две в дворянскую залу ввалила большая толпа новых ряженых, одетых большею частью в одинаковые костюмы. На всех были сюртуки, или короткие казакины, по краям обшитые позументом, с крас-

[1] Это песня волжских разбойников *(фр.)*.

ными кушаками, за которыми виднелись пистолеты, ножи и другое оружие. Одни были в масках, другие с открытыми лицами, но зато с подвязанными бородами и ужасающего вида усищами. Вообще говоря, вид этих ряженых в трактирной публике возбудил не одно любопытство, но и некоторое почтение, близкое к боязни, все поняли, что это не просто какие-нибудь ряженые, а ряженые — разбойники.

Когда один из разбойников сбросил с плеч енотовую шубу, то все узнали в нем самого атамана. Глазам публики предстал высокий и молодой мужчина, с черною бородою и блестящими глазами, одетый в черный бархатный казакин, с двумя пистолетами и кинжалом за серебряным поясом...

Половой Румянцев громко провозвестил:

— Почтеннейшая публика! Сейчас здесь начнется представление шайки разбойников одного ужасного российского атамана.

Румянцев умолк, а «ужасный расейский атаман разбойников» сделал своей шайке знак, и разбойники отошли к одной стороне.

Представление тотчас началось.

— Есаул! — вскрикнул атаман.

— Чего изволите, господин атаман? — ответил есаул.

— Возьми проворней подзорную трубу и посмотри, не видать ли чего!

Есаул приставляет к глазу картонную трубу и смотрит. Атаман молча ходит по зале.

— Видишь ли что?

— Ничего, господин атаман!

— Посмотри в другую сторону: не плывут ли по Волге-матушке купеческие суда, не везут ли дорогие товары и золото?

Есаул смотрит.

— Видишь ли что?

— Опричь пеньев, кореньев и мелких листьев ничего не вижу, господин атаман.

Атаман ходит и опять приказывает есаулу смотреть в трубу.

Ряженые завладели всем вниманием публики, заинтересованной как самим представлением, так равно и внешностью исполнителей представления: в атамане для нее было все полно инте-

реса и таинственности, начиная с черкесской шапки и кончая сапогами, с высокими лаковыми голенищами и красными отворотами, а в есауле — физиономия, расписанная по крайней мере семью колерами и живописностью своей превосходящая самое смелое изображение черта, на какое только когда-либо в состоянии была дерзнуть прихотливая фантазия суздальского богомаза...

— Ребята! Садись все в лодку! — приказывал между тем атаман.

Разбойники, по слову атамана, бросаются на пол и усаживаются в начерченную мелом на полу лодку; атаман становится посреди лодки, а есаул — впереди на носу.

— Отваливай, ребята!

Разбойники, исполнявшие роль гребцов, дружно взмахнули руками и зараз всхлопнули ладонями, как будто ударяли веслами по воде и затянули песню:

Вниз по ма-а-атушке по Во-олге!

Только запевало дотянул последнюю ноту, как товарищи подхватили и грянули:

По широ-о-о-о-кому раздо-о-о-олью-ю-ю!

Гости встали с мест, из дверей уставилось множество любопытных лиц, все стояли и слушали.

— Вот это хорошо,— заметил Петр Карпыч.— Это стоит слушать!

— Ничего-о в волнах не ви-и-и-дно! — разносилось по всему трактиру.

— Есаул! — раздался из-за песни голос атамана.

— Что угодно, господин атаман?

— Возьми подзорную трубу и посмотри во все стороны. Не видать ли чего?

— Слушаю, господин атаман!

Есаул опять наводит картонную трубу.

— Эсаул!

— Что угодно, господин атаман.

— Видишь ли что?

— Вижу, господин атаман! Недалеко отсюда остров, на том острове стоят боярские хоромы, в хоромах тех под окошечком сидит красная девица и в печали большой грызет подсолнышки...

— А какова собою красная девица?

— Да вот какова, господин атаман, что ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно красоты ее лица и всех прелестей. Канфета живая!

— Оставь про себя прибаутки, есаул, а то как раз головой мне за это поплатишься,— грозит атаман.— Братцы-товарищи, удалые молодцы-разбойники! — обращается он ко всем,— поедемте мы на этот остров, возьмем хоромы боярские и разграбим всю казну его богатую и сокровища несметные!

Скажу я вам тогда, товарищи: берите все себе золото, жемчуг и камни самоцветные; а я возьму себе только одно сокровище — красавицу, дочку боярскую! Довольны ли товарищи?

— Ура, атаман!

Разбойники вскидывают кверху шапки и снова кричат «ура». Делают еще несколько сильных взмахов руками и запевают:

Эх, приворачивай, ребята, ко крутому бережочку!

Через минуту все вскакивают, хватаются за оружие и нападают на стену, предоставляя воображению зрителей видеть в этой стене осаждаемые боярские хоромы. Выстрелы, крики, стоны погибающих — и представление оканчивается.

— Все? — спрашивают.

— Все.

Разбойники расходятся по другим залам, а Нагоров с есаулом садятся в дворянской.

Всеобщее одобрение.

1870

А. П. Мельников

[ЯРМАРОЧНЫЕ САМОКАТЫ]

[...] Типичнейшим из увеселительных учреждений здесь был самокат — излюбленное место развлечения простого народа.

[...] Деревянное тесовое здание строилось двухэтажное, внизу помещалась касса у входа; во втором этаже, куда вела обыкновенно скрипучая лестница, помещался самый самокат, внизу машина, приводящая шестернями в движение огромную карусель, двигавшуюся в горизонтальной плоскости в верхнем этаже; вокруг карусели шла галерея снаружи и внутри ярко изукрашенная всякой мишурой, флагами, размалеванными изображениями невиданных чудищ. На перилах этой галереи, свесив ноги к стоявшему постоянно перед таким зданием народу, сидел «дед» с длинной мочальной бородой и сыпал неистощимым потоком всевозможные шутки и прибаутки, остроты, причем предметом осмеяния нередко являлся кто-нибудь из толпы, на что последний не обижался, а даже отчасти был доволен, привлекая на себя общее внимание.

По тому же барьеру расхаживали, кривляясь, пестро разодетые в грязных лохмотьях скоморохи, кто из них был наряжен петухом, кто страусом, кто котом, кто медведем, зайцем; откалывались разные шутки, возбуждавшие неумолкаемый хохот окружавшей толпы, между тем как из таинственной глубины верхнего павильона, из-за пыльных занавесок, изукрашенных блестками, гремел опять неизбежный турецкий барабан с разбитыми волторнами, доносились по временам пронзительные звуки рожков, хоры песенников...

На смену убогого военного оркестра выступали рожечники, а их сменяли песенники.

В некоторых самокатах было устроено подобие театральных подмостков, на которых теми же песенниками разыгрывались целые сцены, преимущественно из жизни волжских разбойников: один изображал атамана, другой — есаула, остальные — лихую шайку разудалых молодцов.

— Эй, Эсаул! — выкрикивал атаман.

— Здесь,— откликался изображающий Эсаула.

— Сделай мне ты услугу такую:
Добудь лодку косную,
Чтоб весла по бокам висели,
А в ей самой мои ребята сидели,
Чтоб наша братия не без дела сидела,
А гребла б да песни пела.
Эй, гребцы-молодцы!
Садитесь в весла, удальцы!

Все разом садятся на пол, ноги калачом, один в затылок другому в два ряда и изображают гребцов, раскачиваясь взад и вперед, запевают «Вниз по матушке по Волге», медленно ударяя в такт песни в ладоши, им подхватывают рожечники, наконец хор и аккомпанемент умолкают.

— Эй, Эсаул! — опять выкрикивает атаман.
— Здесь эсаул-молодец,
На всю Волгу лихой удалец.
— А глянь-ка, что там за туман,
А за туманом, никак, плывет караван?
— Так точно, господин атаман,
Вижу я судов караван.
— А кого ты видишь на том караване?
— Вижу я французского воеводу,
Миндальные огни сбирается пущать в воду.
— А поди-ка к ему да скажи, чтоб он покорился,
На корму со всем своим штабом ложился.

Сарынь на кичку! — вскрикивает атаман, и лихие молодцы в один миг вскакивают на ноги и запевают разбойничью песню «Мы веслом махнем, караван отобьем».

Кончилось представление, и опять заходила карусель под звуки турецкого барабана. Между тем «дед» с мочальной бородой без умолку продолжает потешать наружную публику, густо обступившую здание самоката.

1870-е гг.

С. Я. Елпатьевский

— Здесь ведь не деревня, сами знаете, народ бывалый, с чем-то-нибудь не сунешься. Опять же вот, «лодка».

— Разве лодка? — по-видимому, мой собеседник сильно заинтересовался.— Где атамана разыскали?

— В Камышине. Эсаул-то знакомый, он у них труппу держит.

На сцене перед фисгармонией стоят восемь человек, одетых в косоворотки и короткие казакины. Впереди всех огромного роста, в роде ломовика — атаман говорит монолог, сильно жестикулируя:

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью,— вкруг огней,
Удалых шайка собиралась.

Монолог кончился. Мерно раскачиваясь и ударяя в такт ладонями,— что должно изображать плеск весел,— под аккомпанемент фисгармонии поют: «Вниз по матушке по Волге». Мотив резко отличается от обычного и кажется мне более сильным и одушевленным.

— Эсаул! — грустным басом кричит атаман после первой строфы.

— Что угодно, атаман?

— А посмотри в подозрительную трубу.

Эсаул, худенький, чахоточного вида человек, в казакине, обшитом позументом, изображает посредством двух кулаков «подозрительную трубу» и тоненьким тенорком кричит:

— Ви-жу! — и поясняет, что вдали виднеется дружина воеводы.

Разгневанный бас атамана гремит:

— Што нам воевода, аль султан...

Разве ты не знаешь, что я волжский атаман?

Дело с дружиной оканчивается благополучно, и снова плеск весел и мерно раскачивающиеся фигуры; снова поет фисгармония и два альта мальчиков-подростков красиво несутся: «по широкому раздолью».

— Эсаул!

— Что угодно, атаман?

— А посмотри...

Эсаул смотрит и докладывает, что на горе показалось село.

Довольный атаман командует:

— Эй, ребята, причаливай!

Пора и нам, добрым молодцам,
Отдохнуть, меду-браги хлебнуть,
С красными девицами погулять.

Он командирует эсаула объявить, что он, волжский атаман, в гости едет.

Эсаул приносит неутешительные вести: всякого добра там много, и пир идет на славу, а его, волжского атамана, принимать не хотят.

— Нам рады там, как чертям,— доканчивает он свой доклад.

Атаман приходит в ярость и гремит:

— Али ты порядку мово не знаешь,—
Моей воли не сполняешь.
Ножик в бок, да в кулек, да в матушку Волгу.

Атаман выпрямляется и становится выше, его огромный кулак поднимается в воздухе и поясняет, как нужно было расправиться, а в голосе звучат ноты, от которых делается жутко.

Неизвестно, чем кончился инцидент с деревней, но снова плеск весел, и лодка плывет далее вниз по матушке по Волге.

— Эй, атаман! причаливай к нашему берегу! — раздалось, как только «лодка» кончилась, с того стола, где кутила подозрительная компания.

«Лодка» перешла к их столу, и оттуда снова раздались: «Эсаул! — что угодно, атаман?»...

— Скажите, пожалуйста, господин атаман,— обратился я, когда атаман, оказавшийся добродушным человеком и любителем долговской водки, освободился и подсел к нашему столику: — откуда взяли вы первый монолог: «Не стая воронов слеталась»?

— А из господина Пушкина. Не изволите разве помнить: «Братья-разбойники»! Я служил зиму эту в Царицыне, так тамошний атаман так начинает,— мне и понравилось. И напев тамошний — низовый. У нас ведь все так: где одно словечко, где другое услышишь и вставишь. Ищем, как бы получше да поновее.

1890-е гг

М. А. Ростовцев

[...] Хор выступал в закрытом помещении, в ротонде городского театра. Выступления эти были обставлены с характерной «роскошью». Песельники были одеты в трафаретные «ямщицкие» костюмы: шелковые яркие рубашки, с безрукавкой-поддевкой поверх них, плисовые шаровары, лакированные «русские» сапоги, на голове — шапочка с павлиньими перьями. [...] Традиционный эстрадный костюм, который настоящие ямщики вряд ли когда носили. [...]

«Гвоздем» нашего репертуара была песня «Вниз по матушке по Волге». Исполнялась она нами в инсценированном виде. На сцену выносилось несколько скамеек, которые размещались одна за другой, как в лодке. Мы садились на них, изображая собою гребцов. Весла были воображаемые, и мы в такт песне хлопали в ладоши, перегибаясь то влево, то вправо.

Наш «атаман» (он же запевала) «заводил» песню. Сиплым, проспиртованным тенором, не лишенным, однако, своеобразной задушевности, он начинал мелодию, не придерживаясь вокальных канонов и, пожалуй, даже самого мотива. Пел он с неожиданными придыханиями:

— Вни-и-из... и-их... по матушке-ее да... их, да по Волге...

Это было, действительно, «нутро». Вам казалось, что вы на берегу широкой теплой реки, и кто-то там, на лодке, запевает песню, не заботясь о том, слушают ее или нет, и поет эту песню исключительно для себя...

Плавный взмах руки — и мы подхватываем:

— ...Воо-олге, по ши-и-ро-ооо-кому-уу раздолию.

И странно: пропадали нелепость инсценировки и запьянцовский облик запевалы. Песня лилась со сцены привольно, как речная волна.

Это впечатление нарушалось, я бы сказал, досадной вставной сценкой, забавной разве только в плане курьеза.

Атаман прерывал на середине песню и обращался к одному из товарищей:

— Есаул!

— Здесь, атаман!

Атаман:

— А ну-ка, есаул, стань на шлюпку,
Посмотри в подзорную трубку,
Не видать ли там пеньев, каменьев,
Чтобы нашу лодку не разбило
Да добрых молодцов не потопило...

«Есаул» хлопал в ладоши и приставлял к глазу кулаки, сложенные в виде подзорной трубы:

— Не видать, атаман...

Тогда «атаман» запевал очередную строфу песни:

— Прииии-вора-а-а-чива-а-ай, ребята...

Лодка «приворачивала», и по окончании песни скамейки мигом убирались, и «ребята» пускались в пляс. Плясали «русского», сперва четверо из песельников, а потом вылетал я. Звенел трензель, бесился бубен,— а я под залихватский перебор плясовой носился по сцене, не помня себя. В меня словно черт вселился. Ноги мои выделывали невероятные штуки. Если бы меня спросили, что именно я танцую, я затруднился бы ответить. Это было какое-то самозабвение. Удаль и широта танца увлекали остальных, и они своим чиканьем, мерным хлопаньем в ладоши да разбойничьим посвистом заставляли меня еще больше ускорять темп пляски...

Такой танец разжигал, в свою очередь, остальных, и наш номер заканчивался общей пляской под песню:

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль ты моя, гульливая.

Проработал я в хору у Колосова с октября 1888 до марта 1889 года.

1888—1889

В. Я. Брюсов

Поляков давно звал нас на праздниках в деревню. Под Новый год зашел Балтрушайтис и стал особенно убеждать. Я уступил. Наняли лошадей и поехали.

Вечер первого пришлось провести на фабрике Ал. Ал., где давали спектакль, после которого был бал, деревенско-купеческий, достаточно дорогой.

Но все это искупили две вещи: во-первых,— зимний лес, что я видел едва ли не впервые; зимний лес и блуждание в нем на лыжах. «Поспешай на быстрых лыжах».— Я, наконец испытал это, знаю. Да, где-нибудь в более дикой местности и в большем одиночестве это было бы прекрасно. А во-вторых, драма «Царь Максимилиан», которую разыграли фабричные. Те места, которые уцелели с давнего времени, прекрасны. Наивность и торжествующая условность производят сильнейшее впечатление; «за сердце хватает» (как говорили прежде) при сцене, когда окованный «непокорный сын Адольф» поет:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест...

Впрочем, песня эта явно позднее вставлена. После ставили еще «Атамана».

А когда (я) в совершенный возраст пришел,
На ужасный кинжальный промысел пошел.

Думали мы было вечером первого разыграть «интермедь», и я ее тут же за ужином написал, но это не состоялось.

1900

Е. В. Сахарова

Через несколько дней приходит сам Антон Бобров — организатор «Царя Максимилиана». Это маленький человечек с острым умным лицом и звенящим голосом. Он говорит много, захлебываясь.

— Пятнадцати лет на фабрике играл пажа в «Царе Максимилиане». Все запомнил наизусть, кое-что подсочинил и написал пьесу.

Он зовет нас на генеральную репетицию...

Быстро начинается спектакль. Занавес открывается внезапным рывком, и перед нами в сильном ракурсе десять мужских спин. В середине лицом к публике стоит Антон в восточном плаще, в короне, с бородкой, как у фараона. Он сделал знак, и хор грянул разбойничью песню:

Все тучки принависли, что в поле за туман?
Что голову повесил, наш грозный атаман! [...]

Антон-запевала — звонкий тенор. Басы с бородами из черной овчины гудят и наводят страх.

Занавес неожиданно с сильным ударом падает и тотчас подымается. Антон сидит на троне. Два пажа-турка стоят задом и рапортуют. Развертывается странный, но яркий лубок.

Спокойные, быстрые казни: раз, два и упал. Бас с черной бородой — дядя Костя Овчинников — мрачно гудит односложные реплики. Красавец цыганского типа Егор Семенов одет сербским воином, а на голове самодельная золотая каска с белым конским хвостом.

Действие развертывается с лихорадочной быстротой. Вот на сцене дряхлый старикашка в сером кафтане, в седом парике. Хитренький, юродствующий морит со смеху зрителей. А сам про себя мудро знает: «Смейтесь, мол, смейтесь!»

Занавес снова обрушивается. Теперь хор в глубине сцены повернут лицом, а впереди в скандинавском шлеме с бляхами стройный и легонький плясун. Антон лихо играет на гармошке, хор поет, а стройная фигурка скользит, летает, крадется зверем, трагически останавливается и рассыпается удалью. Опять занавес. Та же фигурка плясуна в шлеме. Выражение трагическое.

— Я, Аника-воин, обошел землю, был и в аде, и там мне черти не рады!

Входит смерть в черном с турецкой саблей, молча рубит ему руки и ноги. Он падает.

Так же просто казнят и непокорного сына Адольфа, говорящего грустным и нежным голосом. Антон — сухой деспот в примитиве. После каждой фразы он оглушительно топает и дает всему действию фон какой-то пушечной пальбы. Юноша, который без грима изображал старика, плясуна и Анику-воина, ока-

зался его братом Гришей. Кончилось так же неожиданно, как и началось.

Мы в восторге. Под грохот аплодисментов, падающих лавок и галдящей публики идем на сцену.

— Молодцы! Здорово! Работайте, ставьте еще!

Мы пожимаем друг другу руки. Их много. Нас только трое, наших рук не хватает.

1918

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Д. А. Ровинский

Комедия эта играется в Москве, под Новинским. [...] Содержание ее очень несложно: сперва является П е т р у ш к а, врет всякую чепуху виршами, картавя и гнусавя в нос,— разговор ведется посредством машинки, приставляемой к нёбу, над языком, точно так же, как это делается у французов и итальянцев. Является Ц ы г а н, предлагает Петрушке лошадь. Петрушка рассматривает ее, причем получает от лошади брычки то в нос, то в брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедия, они составляют самую существенную и самую смехотворную часть для зрителей. Идет торг,— Цыган говорит без машинки, басом. После длинной переторжки Петрушка покупает лошадь; Цыган уходит. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьет его передом и задом, сбрасывает Петрушку и убегает, оставляя его на сцене замертво. Следует жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину доброго молодца. Приходит Д о к т о р:

— Где у тебя болит?

— Вот здесь!

— И здесь?

— И тут.

Оказывается, что у Петрушки все болит. Но когда Доктор доходит до нежного места, Петрушка вскакивает и цап его по уху; Доктор дает сдачи, начинается потасовка, является откуда-

то палка, которою Петрушка окончательно и успокаивает Доктора.

— Какой же ты Доктор,— кричит ему Петрушка,— коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит!

Еще несколько минут — является К в а р т а л ь н ы й, или, по-кукольному, «фатальный фицер». Так как на сцене лежит мертвое тело, то Петрушке производится строгий допрос (дискантом):

— Зачем убил Доктора?

Ответ (в нос):

— Затем, что свою науку худо знает — битого смотрит, во что бит, не видит, да его же еще и спрашивает.

Слово за слово,— видно, допрос Фатального Петрушке не нравится. Он схватывает прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтожением и изгнанием Фатального, к общему удовольствию зрителей; этот кукольный протест против полиции производит в публике обыкновенно настоящий фурор.

Пьеса, кажется бы, и кончилась; но что делать с Петрушкой? И вот на сцену вбегает деревянная С о б а ч к а-п у д е л ь, обклеенная по хвосту и по ногам клочками взбитой ваты, и начинает лаять со всей мочи (лай приделан внизу из лайки).

— Шавочка-душечка,— ласкает ее Петрушка,— пойдем ко мне жить, буду тебя кошачьим мясом кормить.

Но Шавочка ни с того ни с сего хвать Петрушку за нос; Петрушка в сторону, она его за руку, он в другую, она его опять за нос; наконец Петрушка обращается в постыдное бегство. Тем комедия и оканчивается. Если зрителей много и Петрушкину свату, то есть главному комедианту, дадут на водку, то вслед за тем представляется особая интермедия под названием *Петрушкиной свадьбы.* Сюжета в ней нет никакого, зато много действия. Петрушке приводят невесту Варюшку; он осматривает ее на манер лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушке, и ждать свадьбы ему невтерпеж, почему и начинает он ее упрашивать: «Пожертвуй собой, Варюшка!» Затем происходит заключительная сцена, при которой прекрасный пол присутствовать не может. Это уже настоящий и «самый последний конец» представления; затем Петрушка отправляется на наружную сцену

балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представление.

В промежутках между действиями пьесы обыкновенно представляются танцы двух Арапок, иногда целая интермедия о Даме, которую ужалила змея (Ева?); тут же, наконец, показывается игра двух Паяцев мячами и палкой. Последняя выходит у опытных кукольников чрезвычайно ловко и забавно: у куклы корпуса нет, а только подделана простая юбочка, к которой сверху подшита пустая картонная голова, а с боков — руки, тоже пустые. Кукольник втыкает в голову куклы указательный палец, а в руки — первый и третий пальцы; обыкновенно напяливает он по кукле на каждую руку и действует таким образом двумя куклами разом. При кукольной комедии бывает всегда шарманка, заменившая старинную классическую волынку, гусли и гудок; шарманщик вместе с тем служит «понукалкой», то есть вступает с Петрушкой в разговоры, задает ему вопросы и понукает продолжать вранье свое без остановки.

Середина XIX века

В. Ф. Золотаренко

[«ПЕТРУШКА» НА КУБАНИ]

Был в кукольной комедии. Тут взору моему представился сейчас круг скрипачей, баса, бубна и цимбал. Из обоев сделаны ширмы, в верхушке отверстие. Заиграла балаганная музыка, и две неопрятные куклы мужска и женска полов начали танцевать, только, разумеется, ног не видно. За одной четой выходила другая, совершенно в различном костюме, и так далее. В заключение танцев поцелуются. Наконец, явился неопрятный весьма носатый великан; он сперва убил солдата, потом лекаря, наконец самого черта. Дебоширил до тех пор, пока не схватила его за нос белая собака, которая утащила его за кулисы. Засим объявили: кончилось.

1844

Д. В. Григорович

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ШАРМАНЩИКИ

В осенний вечер, около семи часов, партия шарманщиков поворотила с грязного канала в узкий переулок, обставленный высокими домами. Шарманщики заметно устали. Один из них, высокий мужчина флегматичной наружности, лениво повертывал ручкою органа и едва передвигал ноги; другой, навьюченный ширмами, бубном и складными козлами, казалось, перестал уже думать от усталости; только рыжий мальчик с ящиком кукол нимало не терял энергии.

Шарманщики, кажется, намереваются войти в ворота одного знакомого и прибыльного дома.

Так! Нет сомнения! Комедия будет! Они вошли на двор, вот уже заиграли какой-то вальс, и раздался пронзительный крик Пучинелла. [...]

Пучинелла принят с восторгом; характером он чудак, криклив, шумлив, забияка, одним словом, обладает всеми достоинствами, располагающими к нему его публику.

— Здравствуйте, господа! Сам пришел сюда, вас повеселить да себе что-нибудь в карман положить! — так начинает Пучинелла.

Его приветствие заметно понравилось; солдат подошел поближе, мальчишка сделал гримасу, один из мастеровых почесал затылок и сказал: «Ишь ты!», тогда как другой, его товарищ, схватившись за бока, заливался уже во все горло. Но вот хохот утихает; Пучинелла спрашивает музыканта; взоры всех обращаются на его флегматического товарища.

— А что тебе угодно, г. Пучинелла? — отвечает шарманщик.

Пучинелла просит его сыграть «По улице мостовой»; музыкант торгуется:

— Да что с тебя, мусью? 25 рублей ассигнациями!

Пучинелла. Да я отроду не видал 25 рублей, а по-моему — полтора рубля шесть гривен.

Музыкант. Ну хорошо, мусью Пучинелла, мы с тобой рассчитаемся.

Сказав это, он принимается вертеть ручку органа. Звуки «По

улице мостовой» находят теплое сочувствие в сердцах зрителей: дюжий парень шевелит плечами, раздаются прищелкивание, притоптывание.

Но вот над ширмами является новое лицо: Капитан-исправник; ему нужен человек в услужение; музыкант рекомендует мусью Пучинелла.

— Что вам угодно, ваше высокоблагородие? — спрашивает Пучинелла.

— Что ты, очень хороший человек, не желаешь ли идти ко мне в услужение?

Пучинелла торгуется; он неизвестно почему не доверяет ласкам Капитана-исправника; публика живо входит в его интересы.

Капитан-исправник. Экой, братец, ты со мной торгуешься! Много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то, чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться!

Капитан-исправник. У меня, братец, жалованье очень хорошее, кушанье отличное: пуд мякины да полчетверика гнилой рябины, а если хочешь, сходишь к мамзель Катерине и отнесешь ей записку, то получишь 25 рублей награждения.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородие, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смеется доверчивому Пучинелла, который побежал за мамзель Катериною. Вот является и она сама на сцену, танцует с Капитаном-исправником и уходит. Толпа слушает, разиня рот, у некоторых уже потекли слюнки.

Новые затеи: Пучинелла хочет жениться; музыкант предлагает ему Невесту; в зрителях совершенный восторг от девяностодевятилетней Матрены Ивановны, которая живет «в Семеновском полку, на уголку, в пятой роте, на Козьем болоте». Хотя Пучинелла и отказывается от такой невесты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучит у ширм и зовет нареченную. Вместо Матрены Ивановны выскакивает собака, хватает его за нос и теребит что есть мочи.

Публика приходит в неистовый восторг: «Тащи его, тащи... так, так, тащи его, тащи, тащи!..» — раздается со всех сторон. Пучинелла валится на край ширм и самым жалобным голосом

призывает Доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будет стоить визит.

Является Доктор, исцеляет Пучинелла и в благодарность получает от него оплеуху.

За такое нарушение порядка и общественного спокойствия исполненный справедливого негодования Капитан-исправник отдает Пучинелла в солдаты.

— Ну-ка, становись, мусью,— говорит Капрал, вооружая его палкою,— слушай! На кра-ул!

По исполнительной команде Пучинелла начинает душить своего наставника вправо и влево, к величайшему изумлению зрителей. Ясно, что такого рода буян, сумасброд, безбожник не может более существовать на свете; меры нет его наказанию: человеческая власть не в состоянии унять его, и потому сам ад изрыгает Черта, чтобы уничтожить преступника.

Комедия кончается. Петрушка, лицо неразгаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки и только возбуждает в зрителях недоумение. Неунывающий Пучинелла садится верхом на Черта (необыкновенно похожего на козла), но Черт не слушается; всадник зовет Петрушку на помощь, но уже поздно: [...] Пучинелла [...] исчезает за ширмами.

Раздается финальная ария, представление кончилось.

1843

Н. А. Некрасов

[...] Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,

А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!

Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

1860-е гг.

Г. Н. Жулев

ПЕТРУШКА

К нам на двор шарманщик нынче по весне
Притащил актеров труппу на спине
(Деревянных, впрочем, а не тех живых,
Что играют роли из-за разовых).

Развернул он ширмы посреди двора;
Дворники, лакеи, прачки, кучера
Возле ширм столпились, чтобы поглазеть,
Как Петрушка будет представлять комедь...

Из-за ширм Петрушка выскочил и ну:
«Эй, коси-малина, вспомню старину!»
Весело Петрушка пляшет и поет;
«Молодец каналья!» — говорит народ.

Вот пришли арапы, начали играть,—
А Петрушка палкой по башкам их хвать!
С жалобой арапы поплелися в часть...
Голоса в народе: распотешил всласть!

Выскочил квартальный доблестный и стал
Приглашать Петрушку за скандал в квартал...
Петька не робеет: развернулся — хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб...

Петька распевает, весел, счастлив, горд,—
Вдруг из преисподней появился черт
И басит Петрушке: «Ну, пойдем-ка, брат!..»
И повлек бедняжку за собою в ад.

Запищал Петрушка... «Не юли, вперед!
Вот те и наука!» — порешил народ.
Я б сказал словечко за Петрушку, но
Многих ведь, пожалуй, раздражит оно.

В первоначальной редакции вместо строфы 5 было восемь строк, опущенных по цензурным соображениям:

«Молодец Петрушка!» Но все стихло вмиг:
Из-за ширм явился красный воротник,—
Подошел к Петрушке и басит ему:
«Что ты тут, каналья?.. Я тебя уйму!..»
Петька не робеет: взявши палку, хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб.
Хохот одобренья; слышны голоса:
«Не сробел начальства!.. Эки чудеса!..»

1864

Ф. М. Достоевский

[...] Я повел его слушать Петрушку. Дети и отцы их стояли сплошной толпой и смотрели бессмертную народную комедию, и, право, это было чуть ли не всего веселее на всем празднике. Скажите, почему так смешон Петрушка, почему вам непременно весело, смотря на него, всем весело — и детям и старикам? Но и какой характер, какой цельный художественный характер! Я говорю про Пульчинеля.

Это что-[то] вроде Дон Кихота, а в палате и Дон Жуана. Как он доверчив, как он весел и прямодушен, как он [гневается], не хочет верить злу и обману [...], как быстро [...] гневается и бросается [с палкой] на несправедливость и как тут же торжествует, когда кого-нибудь отлупит палкой. И какой же подлец неразлучный с ним этот Петрушка, как он обманывает его, подсмеивается над ним, а тот и не примечает. Петрушка [это] в роде совершенно обрусевшего Санхо Пансы и Лепорелло, но уже совершенно обрусевший и народный характер.

— Знаете что,— сказал я,— мне всегда казалось, что Петрушку можно поставить на нашей Александринской сцене, но с тем, чтоб непременно так, как есть, целиком, ровно ничего не изменяя.

— Как же так? — улыбнулся мой артист.

— А именно так, как есть. И как бы великолепно передал Пульчинеля Самойлов и какой удивительный вышел бы Петрушка у Горбунова! Самойлов мог бы даже сохранить нечто деревянное и кукольное в своей роли, точь-в-точь как бы в шарманке [...]. Гнусавый же резкий крик, ну свисток, через машинку — надобно сохранить непременно. Всю пьесу не переделывать нимало и поставить в полной ее бессмыслице. Танцующая пара должна, например, выскочить, но можно великолепно поставить танец, именно сохраняя характер танцующих деревянных кукол, наивно будто бы движимых снизу шарманщиком. Это уже дело балета, но произвело бы несомненный эффект.

— Да, весело. Комедия бессмысленно весела, а вышло бы смело и оригинально. Но можно бы и смыслу придать: сохранить бы все как есть, но кое-что и вставить в разговоры, например, Пульчинеля с Петрушкой. Тррахнул банк в Москве, полетели вагоны с рекрутами [...], и вот Пульчинель вне себя:

— Так все 117 убиты.

— Нет, всего только двое убиты, а пятьдесят один ранены, а остальные шестьдесят шесть только сгорели.

— [Так] только сгорели? а не убиты?

— Коль сгорели, так не убиты. Только двое убиты.

— И это все, все Голубев?

— Что ты, что ты, беспутный, какой Голубев! С ума ты сошел. Ш-ш-ш.

— А что?

— А то, что Ерошку пришлют. Говори: Воробьев.

— Во-ро-бьев? — кричит сверху вниз Пульчинель.

— Все Воробьев, везде теперь Воробьев [свирепствует], по всем дорогам теперь Воробьев пошел, ему все предоставлено.

— И ломает.

— И ломает, и вяжет, и пассажиров жандармами из вагонов выносит, и товар гноит — все ему предоставлено. Буянит Воробьев.

— Буянит? Да зачем он [так] буянит?

— Экой ты, экономию зажать хочет, барыши собирает... Полчетверика сухой рябины ко мамзель Екатерине ежедневно представляет.

— И ттрах!

— Трах, братец, уж какой трах, такой на очереди!

— Ха-ха-ха, кг-ха,— заливается Пульчинель,— ха-ха-ха-ха!

Черт, являющийся в конце, мог бы явиться тоже в виде какого-нибудь банка или поземельного общества, пожалуй, хоть в виде Струсберга, а Пульчинель был бы очень смешон, садясь покататься на новой лошадке...

Поверьте, это вышло бы очень смешно [...]. Публика ломилась бы в театр, а в народных театрах это могло бы выйти чрезвычайно удачно.

— Да ведь цензура не позволит вставлять?

— Зачем же нет, можно бы каждый раз с позволения цензуры. По крайней мере согласитесь, что это идея, если не теперь, так в будущем, бог даст в близком... Главное то, что не надо сочинять новое.

Комедия дана, всем известная, в высшей степени народная и в высшей степени веселая, художественная, удивительная!..

Мы, разумеется, посмеялись, я шутил.

1876

И. Щеглов

СЕЛЬСКАЯ ЯРМАРКА И ПЕТРУШКА УКСУСОВ

[...] Задержанный выходящей публикой, я останавливаюсь на минуту на площадке балаганной лесенки и озираю оттуда кипящую внизу, как котел, веселую улицу. Вон, в самом конце ее, почти на краю поля, белеется низенькая, невзрачная на вид палатка с развевающимся на крыше носовым платком вместо флага... Но почтение, господа, к этой убогой палатке: в ней живет сам Петр Иванович Уксусов!.. Увы! Двести с лишком лет, пронесшихся над его головой, ничуть не поправили бедноты старика, хотя и не истребили ничуть его веселости и популярности... Да-с, не шутите с ним — он все еще главный герой ярмарки!.. Посмотрите, пожалуйста: около его балаганчика всегда самая плотная и самая довольная толпа, зрители не

только стоят, но некоторые, наиболее низкорослые, даже сидят на чужих плечах, а какой-то маленький головорез в кумачовой рубашке разгуливает совершенно свободно прямо по головам зрителей, точно по булыжной мостовой, сохраняя при этом полное достоинство и равновесие. [...] Так или иначе, но вот я и перед театром марионеток, в новых живых тисках народной толпы, осадившей театральную палатку. Здесь это какая-то совсем особая нервно-возбужденная толпа, и на всех лицах, от детей до стариков, написано такое напряженно-любопытное ожидание, точно готовится невесть какое блистательное зрелище — хотя всем отлично известно, что готовится появиться всего лишь маленькая кукольная фигурка с длинным носом и горбом на спине. И вот — о радость! — раздается знакомый пронзительно-гнусавый окрик... и в боковой прорехе палатки, образующей нечто вроде открытой сцены, появляется ОН — главный герой ярмарки — Петрушка...

Посмотрите, пожалуйста, как все лица сразу просияли и какой дружный взрыв детски-радостного смеха вызывает его обычное шутливое приветствие: «Здравствуйте, господа! Старый знакомый пришел!»

— Здравствуйте, Петр Иваныч, как поживаете? — отзывается из толпы какой-то добродушный старичок в рваном зипуне и отвешивает «Петру Ивановичу» почтительный поклон, совершенно такой же, какой бы отвесил, например, своему куму, крестившему у него пятерых детей.

— Что вы такой грустный, Петр Иванович? — участливо откликается, за спиной старика, благообразная старушка в ковровом платке... А стоящий в самом переди высокий парень в малиновой рубахе и новом картузе громко вздыхает и басом докладывает по его адресу:

— Эх, спели бы нам песенку, Петр Иваныч!..

Как видите, это, действительно, «старый знакомый», внушающий своею особой не только высокое веселье, но и высокое почтение. И «Петр Иваныч» это отлично сознает и делает намеренно длинную паузу, чтобы дать вволю наговориться своим сочувственникам... Затем он уныло подпирает свою шутовскую голову и, к общему удовольствию, затягивает своим комически-гнусавым голосом «Травушку...». Но песня обрывается в сере-

дине куплета, так как на сцену появляется цыган с лошадью. Начинается представление Петрушки по всем правилам, т. е. при участии всех остальных классических персонажей комедии: «немца-доктора», лечащего Петрушку, «французского капрала», обучающего Петрушку воинскому артикулу, «бабы Маланьи», танцующей с Петрушкой «казачка», и, наконец, «зверя-Мухтарки», уволакивающего Петрушку за нос в тартарары.

Все это старо, как мир, но все это вызывает, как всегда, оглушительные раскаты смеха у праздничной простонародной толпы, а драка Петрушки с цыганом и капралом, по обыкновению, производит фурор.

— Батюшки, отцы родные, заступитесь... пропадет моя голова с колпачком и кисточкой!..— вопит отчаянно Петрушка, очутившись в лапах Барбоса, но Барбос тащит его за нос, и злополучный г. Уксусов скрывается из глаз публики. Одновременно с его исчезновением вопившая все время шарманка тоже перестает вопить, причем вертевший ручку шарманки заспанный, всклокоченный парень в плисовом жилете и рваной рубашке протягивает ближайшим зрителям деревянную чашку для добровольной лепты:

— Пожалуйте, господа, на дорогу Петру Иванычу! — выкрикивает он отрывистым, полусердитым голосом: — Петр Иваныч собирается в Питер ехать!

«Господа» нимало не обижаются сердитым тоном невыспавшегося парня и, по мере сил, жертвуют «на дорогу Петру Иванычу».

[...] Я покидал «увеселительную» линию ярмарки в самом угнетенном состоянии духа... О, для меня теперь было совершенно очевидно, что красные дни простодушного веселого «Петрушки» уже сочтены и что его благородный голос, заглушаемый все чаще и чаще вторгающимися на ярмарку трактирно-опереточными голосами, скоро совсем потеряется в их бесстыдности и пошлой разноголосице... Недаром же в последнее время бедный Петрушка так заметно опустился и захирел, точно предчувствуя свою безвременную кончину!..

[...] Почему бы, мечталось мне, теперь,— да, именно теперь, когда вопрос о развлечении для народа так настойчиво занял собой общественное мнение,— почему бы не подумать теперь о

возрождении... «театра марионеток»?? Сколько причудливых проектов разных «наиболее дешевых и удобных народных театров» проникает теперь в газетную хронику, и никто, даже мимоходом, не заикнется о самом дешевом и удобнейшем из них... о театре марионеток!..

1895

В. М. Дорошевич

ПЕТРУШКА НА САХАЛИНЕ

Из-за грязной занавески, долженствующей изображать ширмы, появляется традиционный «Петрушка».

Плут, проказник, озорник и безобразник,— даже бедный «Петрушка», попав в каторгу, «осахалинился».

Всюду и везде, по всей Руси, от Архангельска до Керчи, от Владивостока до Петербурга,— он только плутует и мошенничает, покупает и не платит, дерется и надувает квартального.

Здесь он еще — и отцеубийца.

Это уже не веселый «Петрушка» свободной Руси, это — мрачный герой каторги.

Из-за занавески показывается старик, его отец.

— Давай, сынок, денег!

— А много тебе? — пищит «Петрушка».

— Да хоть рублей двадцать!

— Двадцать! На вот тебе! Получай!

Он наотмашь ударяет старика палкой по голове.

— Раз... два... три... четыре...— отсчитывает «Петрушка».

Старик падает и перевешивается через ширму.

«Петрушка» продолжает его бить лежачего.

— Да ведь ты его убил! — раздается за ширмой голос «хозяина».

— Зачем купил,— свой, доморощенный! — острит «Петрушка».

Это вызывает взрыв хохота всей аудитории.

— Не купил, а убил! — продолжает хозяин.— Мертвый он.

— Тятенька, вставай! — теребит «Петрушка» отца под непрекращающийся смех публики,— будет дурака-то валять! Вставай! На работу пора!

— А ведь и впрямь убил! — решает, наконец, «Петрушка» и вдруг начинает «выть в голос», как в деревнях бабы воют по покойникам: «Родимый ты мой батюшка-а-а! На кого ты меня спо-ки-и-нул! Остался я теперь один-одинешене-е-ек, горьким сироти-и-нушкой!»

Какой-то уж прямо восторг охватывает публику.

Стон, вой стоят в театре. Топочут ногами. Женский визгливый смех сливается с раскатистым хохотом мужчин.

Тошно делается...

Похождения кончаются тем, что является квартальный и «Петрушку» ссылают на Сахалин.

Прощай, Одесса,
Славный карантин!
Меня посылают
На остров Сахалин...—

поет «Петрушка».

— Ловко! — вопит публика.

1903

Е. В. Сперанский

ПЕТР ПЕТРОВИЧ УКСУСОВ

В первый раз я увидел его больше полувека назад во дворе нашего дома на Балчуге [...].

Со двора донеслись визгливые звуки шарманки, а затем ворвался и его голос — нечеловечески пронзительный и такой высоты, какая доступна, кажется, только молодым, едва оперившимся ястребкам. (Потом я узнал происхождение этого голоса: он делался из серебряного гривенника и назывался «пищиком». Кукольник брал пищик в рот, прижимал языком к нёбу, и таким образом пищик служил ему как бы второй гортанью.)

[...] На дворе стояла женщина и крутила шарманку. Звукам шарманки было на дворе тесно. Яростно лаяла собака, орал, размахивая метлой, дворник, но на фоне шарманки и его боевого клича «рю-тю-тю-тю-тю!» все это казалось лишь пантомимой. Уже сбегались ребята с окрестных дворов, заходили прохожие. Рядом с шарманкой стояла грязно-зеленая ширма, а на грядке ширмы буйствовал Он — в красной рубахе и красном колпаке, этакий зубоскал-крючконос. Его пищик перекрывал даже шарманку, а его дубинка с расщепом-трещеткой смачно ударяла по деревянным черепам соперников: цыган, капрал, квартальный, лекарь падали замертво. Каждый удар сопровождался смехом зрителей. Открывались окна и двери. Из верхних этажей летели медяки, обернутые в бумагу,— чтобы не отскакивали от булыжника и не закатывались куда не надо... И ничего ему не было страшно: ни яростный лай собаки, ни громыхающие по булыжной мостовой Балчуга ломовые полки с железоскобяными изделиями, ни случайный состав аудитории. Он бил наверняка и никогда не промахивался ни дубинкой, ни репликой. И его удары и его реплики были отточены временем, были опробованы и проверены на многочисленных поколениях зрителей [...].

А представление продолжается.

— Я цыган Мора из цыганского хора, пою басом, запиваю квасом,— без всяких знаков препинания гудит за куклу актер-кукольник, скрытый за ширмой.— Шишел-вышел, от кого-то слышал, что тебе конь хороший требуется...

И сейчас же, прижав пищик к нёбу и устремив в его щель струю воздуха из легких, кукольник артикулирует за Петрушку:

— А хороша ли у тебя лошадь?!

Ах, как сливается этот пронзительный голос с маленьким тельцем зубоскала-крючконоса! Много лет спустя для нас, советских кукольников, это вырастет в целую проблему... Сторговав у цыгана лошадь, он бежит за кошельком; «бежит» — это значит просто проваливается за ширму. И это тоже вырастает у нас в проблему. Сколько раз потом нам будут кричать режиссеры: «Держите уровень, вы все время проваливаетесь!» А ему все равно: у него нет уровня, нет плоскости, по которой он ходит... Вот он появляется уже с дубинкой, держит ее как будто

неловко, одними кистями — деревянные ладошки торчат в разные стороны, как обожженные. Но уж зато как треснет — искры из глаз...

— Вот тебе сто, вот тебе полтораста!!!

И опять: «Картофелю, картофелю!!!»

И поневоле оглядываешься: не треснет ли сейчас кто-нибудь и тебя по затылку? Жизнь-то ведь не шутка...

[...] И все же странный герой... Только что чуть не насмерть забил квартального, теперь бьет цыгана, а сейчас его самого будет страшно лягать взбесившаяся цыганская кляча, а потом он будет лупцевать лекаря. Раздает удары направо и налево и сам получает в ответ затрещины, от которых валится на грядку ширмы, стонет и причитает... Вокруг него одни лихоимцы, продувные бестии, квартальные, цыгане, лекари-костоломы... А он сам? [...] Он шире понятий «отрицательного» и «положительного»: народ выдумал его себе на забаву и на страх властям предержащим. Он негативен, жесток, сатиричен и в то же время возбуждает к себе какую-то щемящую нежность. Образ его противоречив и трагикомичен: он складывается из неживой природы куклы, ожившей в гневе и смехе народном. Вот сейчас, в финале представления, появится страшенный пес или черт в образе пса — это уже как хотите — и, схватив героя за нос, утащит за ширму, в «преисподнюю», под хохот зрителей. Но он воскреснет! Обязательно воскреснет на соседнем же дворе. Снова запляшет красным язычком пламени на грядке ширмы со своим победоносным кличем «Рю-тю-тю!..». Живуч, ох живуч Петр Петрович Уксусов!

Начало XX века

Е. А. Авдеева

Вертеп — ящик о двух ярусах; в нем представляли разные сцены, относящиеся к рождеству Христову, как-то: явление ангелов, поклонение волхвов, бегство в Египет, а в заключение смерть Ирода. Все это представляли куклами деревянными, оде-

тыми в платья, приличные изображаемым лицам, хотя, вправду сказать, верность костюмов была не слишком строго соблюдена; например, дочь Ирода, известная, по преданию, за славную танцовщицу, плясала русскую пляску с распудренным кавалером и являлась одетою по последней моде.[...]

В верхнем ярусе вертепа представляли смерть Ирода, а в нижнем пляски. Тут были и свои арлекины: трапезник и дьячок. Дьячок зажигал свечи, которыми освещался вертеп; трапезник гасил их, и оба просили с разными прибаутками денег. У трапезника был за плечами кузов, в который клали деньги, а у дьячка тарелка [...]. Обыкновенно с вертепом ходили мальчики; один из них, который был всех расторопнее, делался дирижером. Иногда бывал у них скрипач, и они гордились этим. В Иркутске было двое слепых, которые играли на скрипке и утешали не одно поколение. Они-то обыкновенно ходили с вертепом.[...]

Вечером, когда обыкновенно смеркнется и закроют ставнями окна, стучались под окном и на вопрос «Кто там?» отвечали: «Не угодно ли с вертепом?» Тут обыкновенно дети приставали с просьбами пустить вертеп. Никакая лучшая пьеса, разыгранная теперь в театре, не доставляет такого удовольствия, какое доставлял нам вертеп.

Конец XVIII века

Н. А. Полевой

ВЕРТЕП В ИРКУТСКЕ

В Иркутске, где я родился и жил до 1811 года, не было тогда театра, не заводили и благородных домашних спектаклей [...]. Театр заменяли для нас вертепы. Знаете ли, что это такое?

[...] Вертеп — кукольная комедия, род духовной мистерии. Устраивается род подвижного шкафа, разделенного на два этажа; куклы водятся невидимо руками представителей; грубый хор поет псальмы, нарочно для того сочиненные; иногда присовокупляется к ним скрыпка; иногда импровизируются разговоры.

Содержание вертепной комедии всегда бывало одинаково: представляли мистерию рождества; в верхнем этаже устраивали для того вертеп и ясли, в нижнем трон Ирода. Куклы одеты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицам в святочные вечера, ибо только о святках позволялось такое увеселение. Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено «пустить вертеп», мы, бывало, сидим у окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат, и на вопрос наш: «Кто там?» — нам отвечают: «Пустите с вертепом!» Начинаются переговоры: «Сколько у вас кукол? Что возьмете?» Представители отвечают, что кукол пятьдесят, шестьдесят, одних чертей четыре, и что у них есть скрыпка, а после вертепа будет комедия. Мы трепещем, что переговоры кончатся несогласием, покажется дорого... Но нет! Все слажено... И вот несут вертеп, ставят полукругом стулья: на скамейках утверждается самый вертеп; раскрываются двери его — мишура, фольга, краски блестят, пестреют; является первая кукла — Пономарь. Он зажигает маленькие восковые свечки, выбегает Трапезник, с кузовом, и просит на свечку. Один из нас, с трепетом, подходит и кладет в кузов копейку. Пономарь требует дележа: сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаем всю прелесть ожидающего нас наслаждения.

И вот — заскрыпела скрыпка; раздались голоса — являются Ангелы и преклоняются перед яслями при пении:

Народился наш спаситель,
Всего мира искупитель,
Пойте, воспойте
Лики, вовеки
Торжествуйте, ликуйте,
Воспевайте, играйте!
Отец будущего века
Пришел спасти человека!

Нет, ни Каталани, ни Зонтаг, ни Реквием, ни Дон-Жуан не производили потом на меня таких впечатлений, какое производило вертепное пение! Думаю, что и теперь я наполовину еще припомню все вертепные псальмы. И каких потрясений тут мы не испытывали: плачем, бывало, когда Ирод велит казнить мла-

денцев; задумываемся, когда смерть идет наконец к нему при пении: «Кто же может убежати в смертный час?» — и ужасаемся, когда открывается ад; черные красные ч е р т и выбегают, пляшут над Иродом под песню «О, коль наше на сем свете житие плачевно!» — и хохочем, когда В д о в а И р о д а, после горьких слез над покойником, тотчас утешается с молодым генералом и пляшет при громком хоре: «По мосту, мосту, по калинову мосту!»

Комедия после вертепа составлялась обыкновенно из пантомимы самих вертепщиков: тут являлся род Скапена-слуги, род Оргона-барина; Немец да Подьячий; разговор состоял из грубых шуток, импровизировался, и обыкновенно Слуга, бывало, всех обманывает, бьет Немца и дурачит Подьячего...

Начало XIX века

ФОЛЬКЛОР ЯРМАРОЧНЫХ ЗРЕЛИЩ

А. И. Левитов

[...] Немного подале другая толпа, еще более многолюдная, ждала с нетерпением очереди насладиться разного рода зрелищами, разыгрывавшимися в небольшой коробке у отставного старого ундера. Внимание народа было совершенно поглощено словами седого усачища, который говорил смотревшим в его панораму:

— Вот вы извольте, господа, посмотреть, как эфта, значит, была, судырри вы мои, баталья при тетке Наталье и как, стало быть, турки валятся, как чуррки, а наши без голов стоят да табаччо-ок понюхивают. А эфта, судырри вы мои, песня в лицах:

Лет пятнадцати, не больше-с.
Вышла Катя погулять-с.

И при этом старик-ундер обыкновенно оставлял свою папироску, молодечески и с визгом подскакивал к какой-нибудь молодице, хватал ее за белы руки и с неописанным удальством пускался с ней в пляс, самым залихватским манером напевая продолжение песни, вероятно, для той, собственно, цели, чтобы показать зрителям, как гуляла Катя в то время, когда ей было не более как пятнадцать лет. Напрасно молодка отнекивалась, когда ундер, по окончании песни, изъявлял решительное намерение поцеловать ее в сахарные уста, напрасно закрывалась она красным кумачным нарукавником, солдат непременно целовал ее и снова продолжал прерываемую этим пассажем рацею.

— А эфто, госпо-о-да, горрод Китай, в Бел-арабской земле на поднебесной выси стоит. А эфто, пример-р-ром, девка Винерка, в старину она богиней бывала, а теперича, значит, она на Спасских воротах на одной ножке стоит, а другою по ветру повертывается; а вташил ее на ворота, стал быть, махину такую, Брюс, колдунище заморский.

А эфто, я вам доложу-с, французский царь Наполеонт, тот самый, которого батюшка наш Александр Благословенный, блаженной памяти в Бозе почивающий, сослал на остров Еленцию за худую поведенцию...

Толпа ревела от удовольствия, и много было драк за окошечки незамысловатой панорамы.

Очевидно было, что старый ундер производил фурор.

1861

В. Г. Белинский

Не случалось ли вам когда-нибудь приглядываться к штукам паяцов и прислушиваться к их остроумным шуткам? Мне случалось, потому что я люблю иногда посмотреть на наш добрый народ в его веселые минуты, чтобы получить какие-нибудь данные насчет его эстетического направления [...]. Посмотрите: вот паяц на своей сцене, т. е. на подмостках балагана; внизу, перед

балаганом, тьма эстетического народа, ищущего своего изящного, своего искусства; остроты буффона сыплются как искры от огнива; все смеется добродушным смехом [...].

1835

В. А. Гиляровский

ЮШКА-КОМЕДИАНТ

[...] А какие там типы были! Я знал одного из них. Он брал у хозяина отпуск и уходил на масленицу и пасху в балаганы на Девичьем поле в деды-зазывалы. Ему было под сорок, жил он с мальчиков у одного хозяина. Звали его Ефим Макариевич. Не Макарыч, а из почтения — Макариевич.

У лавки солидный и важный, он был в балагане неузнаваем с своей седой подвязанной бородой. Как заорет на все поле:

— Рррра-ррр-ра-а! К началу! У нас Юлия Пастраны — двоюродная внучка от облизьяны! Дыра на боку, вся в шелку!..— И пойдет, и пойдет...

Толпа уши развесит. От всех балаганов сбегаются люди «Юшку-комедианта» слушать. Таращим и мы на него глаза, стоя в темноте и давке, задрав головы. А он седой бородой трясет да над нами же издевается. Вдруг ткнет в толпу пальцем да как завизжит:

— Чего ты чужой карман шаришь?

И все завертят головами, а он уже дальше: ворону увидал — и к ней.

— Дура ты, дура! Куда тебя зря нечистая сила прет... Эх ты, девятиногая буфетчица из помойной ямы!.. Рр-ра-ра! К началу-у, к началу!

Сорвет бороду, махнет ею над головой и исчезнет вниз.

А через минуту опять выскакивает, на ходу бороду нацепляет:

— Эге-ге-гей! Публик почтенная, полупочтенная и которая так себе! Начинайте торопиться, без вас не начнем. Знай наших, не умирай скорча.

Вдруг остановится, сделает серьезную физиономию, прислушивается. Толпа замрет.

— Ой-ой-ой! Да, никак, начали! Торопись, ребя!

И балаган всегда полон, где Юшка орет.

Начало XX века

Ф. И. Шаляпин

ЯШКА-ПАЯЦ

Мне было лет восемь, когда на святках или на пасхе я впервые увидал в балагане паяца Яшку.

Яков Мамонов был в то время знаменит по всей Волге как «паяц» и «масленичный дед». Плотный пожилой человек с насмешливо-сердитыми глазами на грубом лице, с черными усами, густыми, точно они отлиты из чугуна,— «Яшка» в совершенстве обладал тем тяжелым, топорным остроумием, которое и по сей день питает улицу и площадь. Его крепкие шутки, смелые насмешки над публикой, его громовый, сорванный и хриплый голос,— весь он вызывал у меня впечатление обаятельное и подавляющее. Этот человек являлся в моих глазах бесстрашным владыкой и укротителем людей,— я был уверен, что все люди и даже сама полиция, и даже прокурор боятся его.

Я смотрел на него, разиня рот, с восхищением запоминая его прибаутки:

— Эй, золовушка, пустая головушка, иди к нам, гостинца дам! — кричит он в толпу, стоявшую перед балаганом.

Расталкивая артистов на террасе балагана и держа в руках какую-то истрепанную куклу, он орал:

— Прочь, назём, губернатора везём!

Очарованный артистом улицы, я стоял перед балаганом до той поры, что у меня коченели ноги и рябило в глазах от пестроты одежды балаганщиков.

Вот это счастье, быть таким человеком, как Яшка! — мечтал я.

Все его артисты казались мне людьми, полными неистощимой радости; людьми, которым приятно паясничать, шутить и

хохотать. Не раз я видел, что, когда они вылезают на террасу балагана,— от них вздымается пар, как от самоваров, и, конечно, мне в голову не приходило, что это испаряется пот, вызванный дьявольским трудом, мучительным напряжением мускулов.

Яшка имел замечательную внешность, идеально гармонировавшую с его амплуа. Он был хотя и не стар, но по-стариковски мешковат и толст,— это ему и придавало внушительность. Густые черные усы, жесткие, как стальная дратва, и до смешного сердитые глаза дополняли образ, созданный для того, чтобы внушать малышам суеверную жуть. Но страх перед Яшкой был особенный — сладкий. Яшка пугал, но и привлекал к себе неотразимо. Все в нем было чудно: громоподобный, грубый, хриплый голос, лихой жест и веселая развязность его насмешек и издевательств над разинувшей рты публикой.

— Эй, вы, сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустые головы, пожалте сюды! — кричал он толпе с дощатого балкона его тоже дощатого и крытого холстом балагана.

Публике очень приходились по вкусу эти его клоунады, дурачества и тяжелые шутки. Каждый выпад Яшки вызывал громкий раскатистый смех. Казались Яшкины экспромты и смелыми [...].

Целыми часами без устали на морозе Яшка смешил нетребовательную публику и оживлял площадь взрывами хохота [...]. Яшка первый в моей жизни поразил меня удивительным присутствием духа. Он не стеснялся кривляться перед толпой, ломать дурака, наряжаясь в колпак.

Не решусь сказать вполне уверенно, что именно Яков Мамонов дал первый толчок, незаметно для меня пробудивший в душе моей тяготение к жизни артиста, но, может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, к «представлению», так не похожему на действительность. Скоро я узнал, что Мамонов — сапожник и что впервые он начал «представлять» с

женою, сыном и учениками своей мастерской, из них он составил свою первую труппу. Это еще более подкупило меня в его пользу: не всякий может вылезть из подвала и подняться до балагана! Целыми днями я проводил около балагана и страшно жалел, когда наступал великий пост, проходила пасха и Фомина неделя,— тогда площадь сиротела, парусину с балаганов снимали, обнажались тонкие деревянные ребра, и нет людей на утоптанном снегу, покрытом шелухою подсолнухов, скорлупой орехов, бумажками от дешевых конфет. Праздник исчез, как сон.

Конец XIX века

Л. Успенский

В подворотне нашего дома — Нюстадтская, 7,— как и во многих подворотнях рядом, висела железная доска. Черной краской по белой на ней было сурово выведено:

Татарам, Тряпичнекам и протчим крикунам
вход во двор
строга воспрещаетца!

А они — входили. И сколько их было разных. И на сколько различных голосов, напевов, размеров и ритмов возглашали они во всех пропахших сложной смесью из кошачьей сырости и жареного кофе дворах свои откровения торговых глашатаев.

[...] Трудно даже припомнить их всех подряд, служителей тогдашнего надомного сервиса — столько их было, и по таким различным линиям они работали. Среди них имелись представители совершенно друг на друга непохожих индустрий.

Иной раз во двор входил человек-копна, зеленое лиственное пугало; такими в книжках для малышей рисуют сказочных леших. И сквозь пряно-пахучие, полусухие березовые ветки звучал изнутри копны высокий бабий голос:

— Венички бере-о-зовы, венички!

Всё — своё: свой распев, свое хитроумное устройство, под-

держивающее в равновесии на плечах и спине два-три десятка или две-три дюжины отлично связанных, в меру подсушенных, в меру провяленных банных веников.

— В баньке попариться — ве-нич-ки!

Другая женщина (а случалось, и мужчина) появлялась, распустив высоко над головой, как буланую гриву, целый мочальный веер:

— Швабры, швабры, швабры!

Еще эхо не смолкло от этого мажорного выкрика, а от подворотни уже доносится глуховатый минор следующего «крикуна»:

— Костей-тряпок! Бутылок-банок!

Или:

— Чулки-носки-туфле-е-е!

Или:

— Халат-халат! Халат-халат! — с особым, за три двора различаемым татарским акцентом и интонацией.— Шурум-бурум!

Были торговцы, которые появлялись и исчезали, как перелетные птицы, как бы входя в состав фенологических примет города. Так, с точной периодичностью, лужи на питерских панелях испокон веков в середине июня окружаются охристой каймой сосновой пыльцы, а через несколько дней вслед за тем во всех улицах поднимается теплая сухая вьюга тополевого пуха.

Бывало, подходит время, и слышно со двора: «Огурчики малосольные, огурчики!» Пройдет положенный срок — доносится другая песня: «Брусничка-ягода, брусничка!»

Осенью всюду звучит: «А вот кваску грушевого, лимонного!» Весной, когда, кажется, в лес и доступа никакого нет, когда еще на пригородных полях стоят озера непроходимого половодья, а в лесной глуши сугробы и в полдень не подтаивают, не успеешь открыть форточку, и уже зазвучало и понеслось привычное, как в деревне свист скворца или грачиный гомон на березах: «Клюква подснежна, клюк-ва-а!» А настанет время, и нет ни одной клюковницы. Прошел сезон![...]

А были и непрерывно действовавшие торговцы, которым все равно было, лето или зима, весна или осень. Я думаю сейчас о всевозможных старьевщиках, а также о галантерейщиках...

Начало XX века

В. В. Маяковский

[...] мелкий, доходящий до карикатурности напик швейной шпулькой снует по каждой уличке, по каждому переулочку. Если крупное предприятие может важно и лениво распоряжаться, только в конце года с грустью замечая убыток, то у этих каждый убыточный день живо отражается на желудке. Отсюда — сногсшибательная изворотливость, поучительная рекламность, виртуознейшая сообразительность. Это ерунда, капли, но в них отражается целая улица, весь город. [...]

А вот пример блестящей рекламы.

Папиросник орет:

— А вот спички Лапшина, горят как солнце и луна.

Менее бойкий мальчишка рядом старается скромно всучить и свой товар, но рекламист перешибает покупателя:

— Не берите у этого! Пять минут вонь — потом огонь.

Рекламист побеждает.

На другом углу бойкий тенор расхваливает бритвы «жилет»:

А вот «жилет».
Брейся сто лет.
Еще останется внукам.
Подходи — ну-ка!

Дальше торговец механическими, самопришивающимися пуговицами:

Если некому пришивать —
Для этого не стоит жениться.
Если жена не пришивает —
Из-за этого не стоит разводиться.
3 рубля дюжина. Пожалте!

Хочешь не хочешь — купишь. До сих пор передо мной в коробке на столе три дюжины валяются. Опять-таки:

Учись на мелочах.

1923

Д. А. Ровинский

ЧЕРТ И БУДОЧНИК

[...] Идет [...] прохожий в длинной шинели; его останавливает будочник криком:

— Кто идет?

Прохожий отвечает:

— Черт!

— А отчего ты без фонаря? — спрашивает хранитель порядка.

— А оттого, что иду от пономаря,— отвечает прохожий.

Будочник хватает его за полу, прохожий вывертывается из шинели и, действительно, оказывается чертом с предлинным хвостом; будочник гонится за ним, черт от него, и этой скачкой с препятствиями [...] заканчивается представление.

Середина XIX века

Г. И. Успенский

[...] Многие действительно отправляются в балаган.

В жирандольке на сцене горит только одна свечка; кто-то из публики, пользуясь огоньком, шагая через скамьи, идет закурить папиросу. Представление еще не начиналось. Между зрителями шныряют мороженники, пряничники [...].

Наконец занавес поднимается.

Действие, нужно полагать, происходит в каком-то турецком городе. На сцене какие-то чучела, должно быть, турки. Вдруг бьют тревогу. Вводят русского офицера с завязанными глазами. Потом уводят опять. Декорация переменяется. Представляется город; паша с какими-то бабами бегает по сцене. Приходит русский отряд; начинается сражение. Русские побеждают. Бенгальский огонь — до того, что решительно ничего не видать на сцене. Впоследствии можно разобрать, что русские солдаты стоят, вонзив штыки в турецких, офицеры в офицеров, генералы в генералов. Нестерпимо гремит барабан, и от каждого

залпа пламя ярко вспыхивает на свечах. Занавес опускается.

Шум в ушах у зрителей прекращается не вдруг; только через несколько времени слух снова приручается различать слова.

1863

П. И. Чайковский

Попал в балаган на Цветном бульваре. Очень занятно: куплетист, исполнитель русских песен — «Ах, Ванюша, да не дури», представление кукол (как купец в ад отправляется), курьезный оркестр, ну, одним словом, презабавно.

В. Филатов

Самара. 1878 год. Ярмарочная площадь. Шумно. Людно. Пестро. Весело. Гремит музыка, гнусавит шарманка, пищит петрушка. [...]

Стоит небольшой фанерный домик. На домике надпись: «Вокруг света за одну копейку!» Любопытный платит копейку. Его вводят в домик. Домик пуст. Посреди комнаты стоит табурет. На нем ярко горит свеча. От свечи падает на стены неровный свет. Посетителя берут за руку и обводят вокруг свечи. Вот и все. Путешествие «Вокруг света» окончено. Но кому же хочется быть одураченным! Простофиля молчит, никому и ни за что он не признается, что его обманули. Как ни в чем не бывало выходит он из домика.

— Ну, как? Съездил? — расспрашивают зеваки, толпящиеся у входа.

— Побывал! Сходите обязательно! Ох, и умора! Интересно — страсть! Вот насмеетесь!

Толпа у домика растет. Летят копейки в деревянный ящик — кассу ловкача хозяйчика.

Пантомима «Рекрутский набор» была одной из самых любимых у простой публики. В ней высмеивались взяточничество и корыстолюбие. Зрители отлично понимали, что, несмотря на название «Рекрутский набор в Швейцарии» (иногда — «Рекрутский набор во Франции», «Рекрутский набор в Германии» и т.п.), действие пантомимы происходит в России. Да и ставили ее так, что в этом трудно было усомниться.

Декорации изображали старинную русскую избу. На печи сидит старик хозяин. Распевая песни, его четыре сына собираются на сенокос. Взяв в руки грабли, вилы и косы, они направляются к дверям, но в это время с улицы раздается пьяное пение. Присутствующие по голосу узнают урядника. Вот он появляется, огромный, красноносый, с кривой шашкой в руке. Урядник читает высочайший указ, согласно которому сыновьям старика надлежит немедленно явиться на призывной пункт. Сыновья мгновенно становятся «калеками»: один — хромой, второй — немой, третий — слепой, четвертый — глухой.

«Калеки» доводят урядника до полного изнеможения. Отупев от бестолковых разговоров, но поверив в полную непригодность братьев к солдатчине, он удаляется. Не успевает закрыться за ним дверь, как братья «выздоравливают». Но злоключения их на этом не прекращаются. В конечном счете урядник получает большую взятку и успокаивается. Пантомима завершается веселой комаринской.

В одном цирке дела шли плохо, сборы совсем упали. Чтобы привлечь публику, хозяин прибегнул к последнему средству. На улицах города появились афиши: «Только на несколько дней, проездом, прибыло чудо девятнадцатого века, главный вождь африканского племени людоедов с острова Тумбо-Юмбо, пойманный совершенно недавно в дебрях Африки; дикий туземец, по желанию уважаемой публики, будет жрать в ее присутствии живых голубей, а потом съедать живого человека!!»

Реклама возымела действие. Публика, что называется, «клюнула». [...] В цирке же главной заботой в эти дни было... найти «людоеда». Артисты отказывались от этой роли. Директор нер-

вничал. Затея могла сорваться. Наконец, после долгих уговоров за особую, повышенную плату в роли «людоеда» согласился выступать мой отец. Но при одном условии: никаких живых голубей он есть не будет. Договорились, что вместо голубя ему подадут чучело птицы, к горлу которой будет привязан мешочек с клюквой. Клюквенный сок должен был заменить голубиную кровь.

«Вождя африканского племени» обмазали с головы до ног смолой, дегтем и обсыпали перьями. В нос и уши вставили кольца.

Цирк был переполнен. Оркестр грянул увертюру. Под барабанную дробь на манеж вывели «людоеда». [...]

Директор цирка [...] бойко рассказывал, как «людоеда» поймали «в самом сердце дебрей Африки — пустыне Сахаре», сколько людей он там съел, каков у него рацион сейчас и прочую галиматью. Вынесли чучело голубя. Отец надкусил мешочек с клюквой. [...] директор перешел от своей краткой вступительной лекции к самому интересному. Он объявил:

— Теперь слабонервных просим удалиться! Приступаем к съедению человека. Желающего быть съеденным попрошу на манеж!

Зрители долго ждали появление «желающего», но его, конечно, не нашлось. Тогда директор объявил, что представление заканчивается «в связи с отсутствием желающих быть съеденными». Одураченная и недовольная публика покидала цирк, чтобы завтра прийти снова в надежде, что «желающий» все же появится.

Сборы были битковые, дела быстро поправлялись.

1870-е гг.

А. Г. Коонен

Самым ярким впечатлением моего детства была ярмарка в Одинцове, в то время большом торговом селе. Местная учительница была приятельницей мамы, и мы каждое лето в дни

ярмарки приезжали к ней. Об этой ярмарке мне хочется рассказать поподробнее. Центром ярмарки для меня был «театр-аттракцион» Павла Трошина. У входа обычно стоял сам хозяин — огромный рыжий мужчина — и зазывал посетителей, громко выкрикивая: «Почтеннейшая публика! Сегодня вы увидите в театре всемирно знаменитых артистов, а также чудеса техники и иллюзии». Программа этого театра-аттракциона навеки запечатлелась в моей памяти. И я потом множество раз изображала всех «всемирно знаменитых артистов», как неизменно называл их Трошин. Начинался спектакль обычно с выступления любимицы публики Катерины Ивановны. Коронным номером ее был чувствительный романс, который начинался словами:

У церкви кареты стояли,
Там пышная свадьба была...

Принимала ее публика восторженно, бабы жалостливо качали головами и утирали слезы, особенно когда певица низким, прочувствованным голосом выводила:

Вся в белом атласе лежала
Невеста в р-роскошном гробу...

Я, забыв о сладких стручках, лежавших на коленях, неистово аплодировала певице.

Боевым номером была женщина-рыба. Трошин объявил ее выступление так: «Сейчас вы увидите аттракцион-иллюзию «Женщина-рыба, или Русалка». И пояснял, указывая палкой: «Сверху у нее все как полагается, зато снизу заместо ног рыбий хвост. Марья Ивановна, помахайте хвостиком». И толстая Марья Ивановна с распущенными волосами, сидевшая в каком-то зеркальном ящике, к общему восторгу, действительно приветственно помахивала рыбьим хвостом.

Но самым эффектным номером, имевшим шумный успех, была «всемирно известная татуированная женщина». Она появлялась в полинявшем шелковом плаще, до поры до времени скрывавшем ее грузную фигуру. Торжественно выводя ее за руку, Трошин говорил: «Матильда Федоровна имеет на теле

своем изображения великих императоров. Она не пожалела своего тела, прожгла его огнем, чтобы навечно сохранить их изображения. Матильда Федоровна, предстаньте перед публикой». Матильда Федоровна подходила к краю сцены, ловким движением сбрасывала плащ и являлась в более чем откровенном туалете, с телом, испещренным татуировкой. Указывая бамбуковой тростью на ее глубокое декольте, Трошин тоном ученого гида пояснял: «Как вы видите, на левой груде ее наш великий император Николай II, да пошлет господь ему долгие годы. На правой груде, наоборот, немецкий император Вильгельм». Выждав некоторое время, Трошин энергично поворачивал Матильду сначала левым, потом правым боком и, тыча в ее руки бамбуковой палкой, объяснял: «На етой руке у нее император Наполеон, или, по-французскому, Бонапарт, на правой руке опять же немецкий император Фридрих Великий». Главный эффект Трошин приберегал к концу. Он поворачивал Матильду спиной. Это было страшное зрелище: вся спина ее была разрисована каким-то изображением. Трошин торжественно провозглашал: «Здесь вы видите нашего великого русского императора — Петра Великого на коню!» В публике начиналось страшное волнение, все толпились вокруг сцены, стараясь рассмотреть, где император и где конь.

Хочется вспомнить еще Маньку-певунью, разбитную, азартную девчонку, с заразительной веселостью распевавшую самые душещипательные романсы. Больше всего мне нравилась песня, которую она пела удивительно лихо, даже слегка приплясывая:

Пускай могила меня накажет
За то, что я его люблю.
Ах, я могилы да не страшуся,
Кого люблю, со тем помру.

Через много лет, в Малаховском театре в комедии «Откуда сырбор загорелся», мне дали роль девчонки, которая ходит по дворам с глухим шарманщиком, распевая песни. На первой же репетиции, вспомнив Маньку-певунью, я ее пронзительным детским голосом спела «Пускай могила меня накажет» и имела шумный успех.

Мне очень нравилась вся атмосфера ярмарки: выкрики про-

давцов, зазывавших прохожих к своим ларькам, звуки гармони и шарманки, хороводы девушек на поляне. Тут же в толпе кувыркались на затрепанных ковриках бродячие акробаты, со скрипом вертелась видавшая виды карусель. И совсем по-другому выглядела большая поляна, на которой происходила ярмарка, вечером, когда спускались сумерки. Всюду были бумажки, огрызки яблок, остатки еды, а в канаве около дороги валялись пьяные мужики. На меня это всегда производило страшное впечатление. [...] Так грустно кончался этот шумный, казавшийся таким прекрасным праздник.

1890-е гг.

Н. Плевицкая

Помню, подходила Пасха. Меня посылали в город продавать писанки и вербочки с яркими цветиками. [...]

В те годы на пасхальную неделю постоянно приезжала в Курск бродячая труппа — большой цирк. Огромный балаган раскидывали на Георгиевской площади. А к балагану жались разные чудеса: паноптикум, панорама, показывающая войну, кораблекрушение и прочие происшествия. Тут же зверинец, тут же перекидные круглые качели.

Посмотреть-погулять стекались сюда не только куряне, но и соседние слобожане — из Ямской, из Стрелецкой.

На пасхальной, помню, неделе отпустили меня из монастыря в гости, к сестре Дуняше, которая служила тогда в красильне. Я еще ни разу не была на Георгиевской площади и упросила сестру пойти на гулянье.

Сестра катала меня на каруселе, водила в зверинец. Звонок зазывал публику в цирк. На подмостках бегал клоун с колокольчиком и хриплым голосом уговаривал публику скорей брать билеты, а то не успеют. Из балагана вышла девочка лет двенадцати, в красном костюме. Она была на удивление как хороша. Вышли еще на подмостки боярин и боярыня в ярких блестящих нарядах.

Мы решили пойти в балаган — гулять так гулять. «Потом стыдно матушке в глаза смотреть будет»,— подумала я, но что-то влекло меня в балаган.

Купили билеты, сели на скамьи. Сначала вышел хор бояр, пели да танцевали. За ним выскочила та девочка в красном платьице. Она быстро бегала по проволоке, вертелась.

«Так кувыркаться и я бы, пожалуй, могла, учеба только нужна»,— думала я, не отрывая взгляда от акробатки. Смешил еще клоун, потом вышел хохол со скляницей горилки в руке, запел: «кумочки-голубочки, здоровеньки булы». Публика покатывалась со смеху. И правда, был он потешный. А тут вылетела на сером коне наездница, ловкая, быстрая. «Хоть и грешно такой голой при народе на коне прыгать,— думала я.— А так я тоже могла бы. Уж если всюду грех — и в миру и в обители,— уже лучше на миру жить».

И порешила я разом: «Уйду в балаган и стану акробаткой».

Когда мы вышли на площадь, я тотчас же сказала сестре, что хочу стать акробаткой. Дуняша приказала, чтобы я не молола вздору.

Ночевала я у сестры. Всю ночь виделись мне красная девочка и наездница на сером коне. Я представляла себя на их месте и всю ночь горела от моих мыслей пойти завтра к директору балагана и проситься в его театр.

Наутро я так и сделала.

1899—1900

ОПИСАНИЯ ЯРМАРОК И ГУЛЯНИЙ

А. Ф. Кони

На улицах много разносчиков с лотками, свободно останавливающихся на перекрестках для торговли игрушками, моченными грушами, яблоками. Пред Гостиным двором и на углах мостов стоят продавцы калачей и саек, дешевой икры, рубцов и вареной печенки. У некоторых на головах лотки с товаром, большие лохани с рыбой и кадки с мороженым. Они невозбранно оглашают улицы и дворы, в которые заходят, восхвалением или названием своего товара: «по грушу — варену!», «штокфиш!» и т. д. Торговцам фруктами посвящен был в те годы популярный романс: «Напрасно, разносчик, ты в окна глядишь под бременем тягостной ноши. Напрасно, разносчик, ты громко кричишь: пельцыны, лимоны хороши». Эти «пельцыны» и лимоны привозились тогда на кораблях и были гораздо большей редкостью, чем в последнее время. [...]

Направо от Дворцовой площади начинается скудный бульвар, отделяющий Адмиралтейство от длинной и обширной площади, где впоследствии возник нынешний сад. На этой площади, до разведения сада, строились на Масленицу и Пасху балаганы, карусели и зимою ледяные горы. Все это представляло чрезвычайно оживленный и оригинальный вид. Голоса сбитенщиков и торговцев разными сластями, звуки шарманок, громогласные нараспев шутки и прибаутки раешников (например, «а вот извольте видеть, сражение: турки валятся, как чурки, а наши здоровы, только безголовы») и хохот толпы в ответ на выходки «дедов» с высоты каруселей сливались в нестройный, но веселый хор. Представления в некоторых балаганах, например, Легата и Лемана отличались большой роскошью обстановки. В некоторых из них ставились специально написанные патриотические пьесы с эволюциями и ружейной пальбой.

Середина XIX века

В. А. Слепцов

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗАМЕТКИ

Замечаете ли вы эти лубочные домики и палатки с разными вывесками и флагами? Эти домики и палатки выставлены для того, чтобы в них веселиться. Тут же, около этих домиков, продают разные лакомства и водку. Видите, сколько здесь народу! Это все пришли сюда веселиться. Но посмотрите, что они делают. Например, вот на балконе стоит уже пожилой человек, одетый испанцем (это отец четверых детей), ему холодно в этом легком наряде и вовсе невесело, но он делает разные гримасы и старается всех рассмешить. Другой, тоже немолодой человек, в костюме паяца бьет его сзади палкой по голове, и все смеются. Не правда ли, как это смешно? Вот здесь тоже маленькая деревянная кукла с большим носом бьет другую куклу, и опять все смеются. Публика всегда бывает рада, когда кого-нибудь бьют. Вы спросите почему? А потому, что это в самом деле очень весело. Мне не больно, а тот, кого бьют, сделал такую смешную гримасу, что нельзя не смеяться. А эта кукла, посмотрите, она всех бьет: цыгана, доктора, будочника; квартального только не бьет, но зато он ее бьет; кроме него, она всех переколотила, и наконец ее самое загрызла собака. Никого не осталось, только один квартальный цел. Разве это не смешно? А тут еще лучше. Глядите! Стоит человек и колотит по голове деревянного турка и даже деньги за это платит. «Почему же турка?» — спросите вы. А потому, что он турок [...].

[К вечеру]. [...] Только пьяный, качаясь, бредет по улице и что-то бессвязно бормочет про себя и машет руками. Ему теперь кажется, что он и будочника избил, и доктора избил, и цыгана избил и что никто к нему подступиться не смеет. Он очень доволен своею судьбою.

1863

И. Г. Прыжов

Толпы народа тянутся со всех сторон под Новинское, и, увлекаемые толпами, зайдем и мы туда посмотреть, как это веселится православный русский народ в наше просвещенное время... С какой стороны ни зайдете на гулянье — первое, что вам встретится: кабак. Вместо прежнего «колокола», выставлявшегося откупом на гулянье, единственного места для продажи водки — места отвратительно грязного и гадкого — теперь на гулянье до тридцати кабаков, из которых многие стоят рядышком по два и по три; но, несмотря на все это, прежнего грязного пьянства в десять раз меньше [...]. За кабаками гулянья идет целый ряд увеселений. Прежде всего, большие балаганы с различными увеселениями и с балконами, на которых издавна представляется одна и та же безобразная штука: как хозяин-немец, одетый в трико, лупит паяца — русского мужика, обучая его солдатству или фокусам. Как ни постыдно это зрелище, но оно постоянно привлекает толпы народа, которые, не умещаясь перед балаганом, спираются на бульваре, выходящем на улицу; экипажи останавливаются, и дети с маменьками смеются тому, как славно дует немец русского...

Столь же поучительны и другие представления — восковых фигур, панорам, несчастного слона и пр., где, кроме нахальства немца-промышленника, нет ничего. Более самостоятельным духом отличаются самокаты. Самокат — это двухэтажное здание, в котором внизу помещается кабак или публичная лотерея, как бывает на святой, а вверху собирается молодежь обоего пола, для занятия которой приглашаются «девицы», играет музыка и поют русские песенки, получившие особое развитие в последнее время, с появлением какого-то Кольцова, имя которого красовалось нынче под Новинским на двух вывесках. Песенники эти набираются из промотавшихся и пропившихся купцов, мещан и цеховых. Прежде они гнездились по винным погребам в Замоскворечье и у дальних застав, теперь же получили известность в больших трактирах и в праздничных балаганах. И эти полупьяные «певцы», число которых все увеличивается, и их площадные, часто крайне безобразные песни, привлекающие постоянно многочисленную публику,— лучше всего

говорят вам о той степени нравственности, до которой доходит наше среднее сословие. Из чисто народных увеселений заметим качели под управлением артели крестьян, которые в будни — землекопы и возчики, а в праздники вертят качели, лихо поддавая «на бузу», а потом лихо прогуливая все, что ни наберут под качелями. Затем раек — местопребывание убийственно злой и меткой народной сатиры, но подчас крайне безнравственной, особенно когда явятся к райку «господа», любители грязного и скандального. Тем же духом народной сатиры отличаются и марьонетки с неизменным Петрушкой. Но исчисленными удовольствиями народ, большей частью, не пользуется. Коньки, раек и Петрушка привлекают больше детей, на самокатах катаются только горожане да загулявшие, в балаганы ходит купечество да господа, и собственно для народа остаются качели да глазенье по балконам, где немец дует мужика, охрипшего от холоду, да еще... азартные игры...

Середина XIX века

В. А. Слепцов

БАЛАГАНЫ НА СВЯТОЙ

На Адмиралтейской площади, после дождя, перед балаганами стояли большие лужи воды и грязь была страшная. По этим лужам шлепал народ, унося на сапогах густо налипшую на них грязь. Мастеровые, солдаты, бабы, лакеи в шинелях и горничные гуляли кучами и в одиночку: глядели на паяцев, грызли орехи и, несмотря на раннюю пору дня, ели мороженое. Пьяные мужики ходили под руку или обнявшись, и если один падал в грязь, то увлекал за собой другого, отчего происходили всякий раз ссоры, народ собирался вокруг упавших, поднимался хохот, слышались остроты; всем было очень весело. На площади продавались орехи, калачи, пряники и сбитень с молоком. На одном балагане нарисованы голая женщина и черт с подписью: «Китайские фокусники, прибывшие из Пекина, также будут

показываться при лунном освещении спящая красавица и домовой».

На итальянском театре изображены мертвецы, встающие из могил, и паяц в трехугольной шляпе. Внизу написано: «Арлекин, повелитель Фауста во тьме адской». На балконе такой же паяц с лицом, вымазанным сажей, бьет арлекина по спине, а тот в свою очередь ногой попадает в затылок испанцу.

Медведь бросает в народ ореховой скорлупой. Дальше: «Погружение корабля в волны и кораблекрушение с морским чудовищем и с огненным дождем».

В проходе между балаганами стояли силомеры в виде турок, которых за 5 копеек били по голове. В одном месте, среди самой большой лужи, помещался китайский бильярд с часами, которые, впрочем, стояли. Вокруг него толпился народ, но, несмотря на это, игра шла очень плохо, и хозяин бильярда то и дело обращался к публике с жалобой, говоря, что он терпит большие убытки, на что кто-то советовал ему меньше мошенничать и называл его ёрником. Музыка гремела в разных концах и до такой степени громко, что ничего нельзя было разобрать.

Рядом с палатками, где продавались калачи и баранки, толпился народ вокруг лотереи, которая происходила тут же, на земле. Разыгрывались пряники, полосатый женский платок, серебряные часы и пистолет. Всем очень хотелось часов, но вместо того выигрывались одни пряники.

— Кому билетов? Кому билетов? — кричал один из распорядителей лотереи, держа кучу засаленных билетов над головой.

— Эй, дворецкий! возьми парочку: анкерные часы на 13 камнях. Сейчас начинать. Кому достальных билетов? Купец! На счастье пожертвуйте гривенник!

— На счастье, брат, мужик репу сеял, да уродилась-то...— спокойно отвечает купец, проходя мимо.

— Шиши уродились...— это справедливо,— подтверждает распорядитель. Народ хохочет.

— Почтенный! — продолжает кричать распорядитель, и вдруг, заприметив стоящего тут же мужика, отводит его в сторону и говорит таинственным голосом: «Последние... самые счастливые остались. Бери скорее, чудак! Жене платок выиграешь. Платок чудесный! Ты слушай, голова! Я тебе по душе: возьми

вот этот 41 да 27; самые счастливые. Верно говорю, что выиграешь».

— Нет, брат, я свое счастье знаю,— отвечает мужик, залезая себе в карман.— Мое счастье, я тебе скажу, вот какое! Я, друг мой, ноне по осени чуть было в солдаты не угодил. Вот ты и думай, какое оно счастье-то мое!

— Ну, брат, мне думать с тобой некогда. Коли брать, так бери, а то поди прочь, не мешай. Часы, вот часы. Бери билет: часы выиграешь,— пристает он к другому мужику.

— На что мне? — отвечает тот.

— Чудак! — продать. А не то — пистолет...

— Нет, брат, нам с тобой за него еще в шею накладут. Ну его! У нас так-то вот один тоже баловался, баловался...

— А что, парень, слыхал ты про мытаря, притча такая сказывается? — спрашивает один мужик у другого, выплевывая скорлупу.— Вот он, мытарь, с билетами.

— У нас, брат, мытарем все станового звали. Другого имени ему не было. Мытарь, да и все тут. Только бы ему, значит, увидать у тебя деньги, сейчас драть. И до тех пор тебя дерет, пока все сполна не отдашь.

У подвижной панорамы с круглыми стеклами собрались мальчишки и смотрят; кучер, подпершись в бока и присев, тоже смотрит. Старый немец в картузе с большим козырьком вертит за ручку и серьезно объясняет им:

— Gemälde Gallerie — в Дрезден. Sanct Stephans Kirche[1] — у Вьен.

— А Нижегородские бани есть? — спрашивает кучер.

— Нет,— строго отвечает немец.

— Это ничего не стоит,— говорит кучер, отходя от панорамы. Мальчишки молча продолжают смотреть.

— Петька, ты что видишь? — спрашивает один другого.

— Ничего не вижу. Черт его знает что.

— Мотри сюда. Здесь видней.— Мальчики меняются местами.

— Да и здесь все то же...

— Теперь довольно,— говорит немец.

Мальчишки с неудовольствием отходят.

[1] Картинная галерея. Церковь Святого Стефана *(нем.)*.

У другой панорамы зрителей гораздо больше, слышен хохот и однообразный голос причитает нараспев:

— А вот персидский шах Махмуд; его жена Матрена сидит на троне; никто ее не тронет. Вот Сенька на дудке играет, ее потешает, а Гришка Отрепьев на барабане сидит, сам картофелем в нее палит. А вот, смотрите, господа, город Аршава: она прежде была шершава, нынче сгладили. А это — город Лондон. Аглицкая королева Виктория едет разгуляться в чисто поле: агличане в лодках катаются, сами себя держат за я..., горючими слезами обливаются, потому как они горькие сироты, нет у них ни отца, ни матери...

— Ну-ка, повеселей, повеселей! — вдруг кричит кто-то.

— По грошу с носа набавки,— замечает голос; зрители собираются в кучу и, притаив дыхание, слушают продолжение. Раздается смех. «А чтоб тебе!..» — восклицает кто-то от избытка удовольствия. «Уморил со смеху. Ах, в рот те...» и т. д.

На карусели играет музыка, поют песенники, и показывается механический слон; сверх того, две девицы и одна девочка в каких-то фантастических костюмах скачут и кружатся перед публикой. На загородке сидит солдат, наряженный стариком, в сером кафтане, с длинными волосами и бородой из пеньки; на шее у него висят оловянные часы, в руках старый книжный переплет. Старик говорит, обращаясь к кому-то из толпы:

— Конечно, малый, надо правду говорить: жена у меня красавица,— позади ноги таскаются. Теперича у ней нос с Николаевский мост. Но я хочу пустить ее в моду, чтобы, значит, кому угодно.

Толпа смеется.

— Нет, ты лучше про несчастье-то расскажи! — кричит кто-то из толпы.

— Про несчастье? Ладно. А уж ты мне, рыжий, попадешься, дай срок. Будет тебе по карманам лазить.

Новый взрыв смеха.

— А вот на той неделе несчастье случилось,— продолжает старик, усаживаясь на перекладину верхом.— Кошка в пустом лукошке утопилась, осталось семеро котят, все пить-есть хотят. Пожертвуйте, сударь, на молочишко!

— У меня нет,— отвечает, конфузясь, какой-то чиновник.

— Дай бог, чтобы и не было. Что ж, барин, на молоко?..

Барин дает двугривенный.

— Ну пошли вам бог полну пазуху блох! — кланяясь, говорит старик.

Толпа еще пуще смеется, а барин в смущении удаляется.

— А какое у меня, братцы, горе! — продолжает старик, положив деньги в карман.— О-о-ох-хо-хо! Вот так горе! Сын помер! Ну, уж был сын! Звали его Максим. Был он лет шести, да оброс весь в шерсти, словно собака...— и т. д.

Разносчик гонится за мальчиком, который у него только что стянул пряник, но мальчик быстро скрывается в толпе. На другой карусели такой же старик, только борода и волосы его сделаны из лошадиной гривы. Усы съехали ему на губы и разобрать, что он говорит, довольно трудно. Дело, кажется, идет о какой-то лотерее. Старик сиплым голосом перечисляет выигрыши:

— Первый выигрыш: дамская шляпка алю полька, из навозного пуху; носят ее больше для духу. Другой выигрыш: серьги серебряные позолоченные, медью околоченные для прочности; весу в них девять пудов.

Трубачи начинают играть дармштадтский марш, старик вскакивает на лавку, неистово трясет бородой, машет руками и свищет, ряженые девицы танцуют кадриль.

Двое мастеровых в испачканных известкою картузах спорят о чем-то со сборщиком билетов, стоящим у входа на карусель. Мастеровые лезут к входу, а он не пускает [...].

Между большими балаганами, несколько в стороне поместился маленький, грязненький, с холстинным верхом балаганчик, но тем не менее все-таки с балконом. На стенах написано чернилами: «Nous sommes français de Marcelle, Serre-père et Serre-fils, 20 kop. l'entré». Потом немного ниже: «Quel etablissement! Teatro di Pariggi»[1].

На балкончике стоит Serre-père и трубит в рог; на этот зов собралось перед балаганом человек пять мальчиков.

Кончив трубить, Serre-père показывает им большой лист

[1] «Мы французы из Марселя, отец и сын, вход 20 копеек»... «Прекрасное заведение! *(фр.)*. Парижский театр» *(ит.)*.

бумаги, на котором написано крупными буквами то же самое, что на стене балагана, то есть программа.

— Messieurs! — говорит Serre-père, принимая важный вид,— nous avons, у нас ecc: rue de Constantinople[1]. Ecc? — спрашивает он у них, предлагая поверять программу по тому, что написано на стене.

— Нет, нет! — кричат они хором.

— Ecc! — кричит им Serre-père.— Nous avons encore — ешшо у нас ecc rue des fontaines de Versaille[2]. Ecc?

— Нет, нет! — опять отвечают мальчишки.

— Ecc!..— топая ногою, утверждает Serre-père.

Наконец, прочитав программу, он обращается к своей публике с такой речью:

— Messieurs! Можно гляди за двацать копейк. Много? Пятнацать копейк. Много? Десять копейк. Ешо много? Пятаткок!..— кричит он, вдруг повертывая лист и хлопая по огромной цифре 5, написанной с той стороны.— Bien[3], не много. Ходи скоре, гляди, messieurs, проворне!

Serre-père скрывается; вместо него выходит на балкон Serre-fils и тоже трубит; а Serre-père уже внизу у входа и получает стакан сбитню с молоком от женщины, торгующей этим напитком тут же, у самого балагана.

— Bien mersi,— говорит француз, принимая стакан.— Je suis fatigue aujourd'hui![4]

Есть некоторое основание думать, что дама, торгующая сбитнем, не кто другая, как Serre-mère[5].

В длинном, но очень узком балагане стреляют в цель. Попавший в центр получает приз: подтяжки, стакан или гребешок. У входа толпятся любопытные. Один солдат три раза уже попал в цель и получил два гребешка и подтяжки; наконец, он попадает в четвертый раз: хозяин вырывает у него ружье, ругается и гонит вон. Завязывается ссора, причем хозяин обзывает солдата курощупом, за что получает от него скважины. Толпа рукопле-

[1] Господа! ...у нас есть улица Константинополя *(фр.)*.

[2] У нас еще есть улица фонтанов Версаля *(фр.)*.

[3] Да *(фр.)*.

[4] Большое спасибо. Я устал сегодня! *(фр.)*

[5] мать *(фр.)*.

щет солдату и глумится над хозяином, а дети между тем очень искусно таскают из карманов платки.

[...] Насупротив одного большого балагана стоит молодой человек и списывает надписи:

1) «Европейское представление
с разными движущими предметами механика усовершенствована до высшей степени что нельзя разлечить от живых людей самых занимательных зрелищ которые одобрены в местных ведомостях».

2) «Отделение первое
город Дрезден через реку мост оживлен толпами проходящих людей и скороедущих карет и фиакров все с заботливым движением».

3) «Отделение второе
Романтическое местоположение вдали город на горе на правой стороне виден мост и замок перед ним на котором проходящих и проезжающих людей пленяют взоры».

На крыльцо вышла дама и, заметив молодого человека, говорит ему:

— К чему только вы списываете? Когда мы жили в Большой Морской, тоже один господин списал, тоже фельетон вышел, а вы списываете, что с того будет?

— И это для фельетона,— отвечал молодой человек.

— Ну разве,— говорит дама.— У нас теперь солнце испорчено,— сыро. А прежде было хорошо: в газете хвалили очень.

Рядом с европейским представлением еще балаган: «Русский национальный театр живых картин, танцов и фокусов китайца Су-чу на русском деолекте со всеми китайскими причудами». А за русским «национальным» театром уже пошла такая вонь, что дальше идти невозможно. Откуда берется этот запах — неизвестно: достоверно только, что сильно пахнет, и полиции даже там не видно.

Среди улицы, обнявшись, идут два печника в полушубках и во весь дух кричат:

— Мно-о-га-ая ле-е-та! Мно...

— Цыц! — вдруг останавливает один.— Начинай! Раз! Мно-о-га-а-я ле-та!..

1860-е гг.

Н. Д. Телешов

На Девичьем поле, где теперь зеленые скверы, где построены клиники, где стоит памятник Н. И. Пирогову, где выросли уже в наши дни новые великолепные здания, в прежние времена было много свободного места. Здесь на Масленице и на Пасхе строились временные дощатые балаганы длиннейшими рядами, тут же раскидывались торговые палатки с пряниками, орехами, посудой, с блинами и пирогами, а в неделю «мясопуста» устраивалось «гулянье», и тогда здесь все звучало, гремело, смеялось, веселилось, кружилось на каруселях, взлетало на воздух на перекидных качелях. И громадная площадь кишела народом, преимущественно мастеровым, для которого театры были в те времена почти недоступны.

Чего здесь только не было! И тут и там гремят духовые оркестры, конечно, скромные — всего по нескольку человек, громко гудят шарманки и гармошки и без устали звонят в колокольчики «зазывалы», уверяя публику, что «сейчас представление начинается»... А на балаганах, во всю их длину, развешаны рекламные полотна с изображением каких-то битв или необычайных приключений на воде и на суше.

Мало того, на открытом балконе почти под самой крышей, сами артисты в разноцветных ярких костюмах выходят показаться публике,— все для той же рекламы. А в следующем сарае балаганный дед острит и, потешая публику, завлекает ее к кассе, где входной билет стоит от 10 до 20 копеек. А еще рядом, тоже на балконе, стоит, подергивая плечами, пышная молодуха и на высоких нотах докладывает о том, как она, влюбясь в офицера, купила огромную восковую свечу и пошла с нею молиться; и вот о чем ее моление:

Ты гори, гори, пудовая свеча,
Ты помри, помри, фицерова жена.
Тогда буду я фицершею,
Мои детки — фицеряточки!

И на легком морозце горланит она во всю мочь эту бесстыдную песню, одетая поверх шубы в белый сарафан с расписными рукавами и цветным шитьем на груди, в красном кокошнике на

голове. Она весело приплясывает, стоя на одном месте, и разводит руками, заинтриговывая публику своим офицерским романом.

Всякие эти гулянья и развлечения, приближаясь к субботе «широкой масленицы», проходили с каждым днем все более и более возрастающе, а на самую субботу даже в школах освобождали от ученья ребят, доставляя им праздничный день; закрывались многие торговые конторы и магазины, прекращались также работы в мастерских. [...]

В оба эти дня вербной недели — в пятницу и особенно в субботу — Красная площадь покрывалась народом в таком изобилии, что бродившие толпы взад и вперед надо было исчислять многими тысячами. Одни покупают что-то себе по вкусу, другие только гуляют и, что называется, «глазеют», третьи торгуют тут же, с рук, самыми разнообразными товарами и особенно «морскими жителями», самым ходким вербным товаром. Это маленькие стеклянные пробирки с водой и с натянутой сверху тонкой резинкой,— обычно клочком от лопнувшего воздушного шара,— а внутри пробирки крошечный чертик из дутого стекла, либо синий, либо желтый, величиной с таракана, вертится и вьется при нажатии пальцем на резинку, спускается на дно и снова взвивается кверху. Стоили эти «морские жители» копеек по 15—20, и ими торговали разносчики так, как никаким иным вербным товаром. При этом бродячие торговцы сопровождали своих «морских жителей» разными прибаутками, обычно на злобу дня, иногда остроумными, иногда пошлыми, приплетая сюда имена, нашумевшие за последние месяцы,— либо проворовавшегося банкира, разорившего много людей, либо героя какого-нибудь громкого московского скандала. Затрагивались иногда и политические темы, вышучивались разные деятели, выделявшиеся за последнее время в Государственной Думе либо в европейской жизни иных государств. Но все это подносилось с таким добродушием, что никого особенно не задевало и проходило благополучно. Любопытно отметить, что эти «морские жители» появлялись только на вербном базаре в течение нескольких дней. В иное время года их нельзя было достать нигде, ни за какие

блага. Куда они девались и откуда вновь через год появлялись, публика не знала. Поэтому они и покупались здесь нарасхват.

С разными свистульками и пищалками бродили по площади торговцы-мальчуганы, приводя в действие голоса своих товаров, и базар во всех направлениях был полон звуков — визга, свиста, гама и веселого балагурства.

— Кому тещин язык? — громко взывает продавец, надувая свистульку, из которой вытягивается длинный бумажный язык, похожий на змею, и свертываясь обратно, орет диким гнусавым голосом.

Эти «тещины языки» бывали тоже в большом спросе, как и «морские жители», как и маленькие обезьянки, сделанные из раскрашенной ваты. Гуляющая молодежь — девушки, студенты, гимназисты и всякие юнцы — почти все охотно прикалывали на булавках себе на грудь таких обезьянок с длинными хвостами и весело бродили с ними по базару. [...]

[...] Бывало, посредине улицы ходили разносчики и громкими голосами выкрикивали о своих товарах, немножко нараспев. У всякого товара был свой определенный мотив, или «голос». Кто и когда узаконил эти мотивы — неведомо, но они соблюдались в точности в течение долгих лет, так что по одному выкрику, даже не вслушиваясь в слова, можно было безошибочно знать, с каким товаром разносчик, или едет в телеге крестьянин, продавая либо молоко, либо клюкву, лук, картошку, либо уголь, или бредет, не торопясь, с мешком за плечами старьевщик, скупающий всякий хлам, обноски, скарб — то, что в старину называлось «бо́рошень», идет и покрикивает, но непременно скрипучим голосом: «Старья сапог, старого платья — нет ли продавать!..»

Крестьяне приезжали в город со своими товарами [...]. Сидя на соломе или на сене в телеге и проезжая шагом по улице, крестьяне взывали громкими голосами и тоже на свой особый лад,— у всех у них одинаковый:

— Млака́, млака́, млака́!..— или: — По́-клюкву! По́-клюкву!..

Ходили также мороженщики с кадушками на голове и протяжно заявляли, почти пели одни и те же слова:

— Морожено хо-ро́-ше!.. Сливочно-шоколадно морож!..

На смену мороженщику идет по улице человек, обвешанный

через шею до пояса гирляндой белых и румяных калачей, а в руках у него большой медный чайник особой формы, с горячим сбитнем — смесь патоки с имбирем, желтым шафраном, разведенная в кипятке. На поясе повязано толстое полотенце, в котором сидят в гнездах небольшие стаканчики с толстейшими тяжелыми днами, чтоб не обжигать при питье пальцы Этот торговец уже не только выкрикивает, что у него «Сбитень горячий!», но и балагурит, напевая вполголоса из народных прибауток о том, как «Тетушка Ненила пила сбитень да хвалила, а дядюшка Елизар все пальчики облизал — вот так патока с имбирем, даром денег не берем!..»

А то, согнувшись под тяжестью большого узла на спине, шагает по тротуару татарин в бараньей шапке, продавая мануфактуру и халаты. Либо проходит по улице голосистый разносчик с ягодами, предложения которого слышны еще издали:

— Садова мали-на! Садова ви-шенья!

И у всякого товара свой определенный мотив, свой напев.

1880-е гг.

А. Н. Бенуа

ВОСПОМИНАНИЯ О МАСЛЕНИЧНЫХ БАЛАГАНАХ В ПЕТЕРБУРГЕ

В детстве с веек все и начиналось. Проснешься в воскресенье и из кроватки слышишь, как сверлят воздух серебристые колокольчики. Няня непременно доложит: «Вставай скорей, уж вейки приехали». И хотя, в сущности, в этом событии ничего не было поразительного и неожиданного, однако босиком бежишь к окну, чтобы удостовериться собственными глазами. Вероятно, это возбуждение являлось все по той же склонности ребенка к беспорядку, к нарушению будничной обыденщины. Извозчик, что городовой, что дворник с метлой, что почтальон с сумкой или трубочист со стремянкой, что разносчик с лотком или нищий на перекрестке — органически сросшееся с улицей существо. Вейка же — нарушитель уличной обыденщины. Во-первых,

это иностранец, то в самом деле не понимающий русского языка, то притворяющийся, что он его не разумеет — для вящего шика. Лошадь его не просто лошадь, а *шведка*. А затем это какой-то бунтарь, для которого законы не писаны. Он едет другим темпом... он берет не то дешевле, не то дороже обыкновенного, на нем можно усесться и вдвоем, и вчетвером, и вшестером — скорее, нечто неудобное, но по этому самому и приятное в дни повального безумия, в дни общественных вакханалий.

Но вид вейки означал не приглашение просто на прогулку по улицам столицы, а он манил к особому путешествию — на Царицын луг. И просто прокатиться было очень занятно и весело, особенно весело, когда дороги были смяты и залиты оттепелью, когда полозья то скользили, как по маслу, то начинали дергаться по оголившейся мостовой, и вейка оказывался на мели. Но это наслаждение было простым баловством сравнительно с ритуалом поездки «на балаганы». Тут и сам вейка принимал более торжественный вид. Он сознавал, что служит какому-то большому делу, что он видный актер в пьесе. В другое место он ехал так себе, по любезности, а сюда его несло священное сознание своей обязанности. За это и родители наши с удовольствием приплачивали ему лишний двугривенный, ибо они понимали, что общие правила экономии в таких случаях неуместны. Надо же было дать ребятам возможность «покутить», а в понятие кутежа непременно входит и расточительность.

Впрочем, на балаганы не принято было у нас ездить в первый же день. И я сам почему-то любил оттягивать это наслаждение подальше, хотя задолго до Масленицы и готовился к нему, и особенно острым оно мне представлялось в те минуты, когда я проезжал мимо строящихся против Летнего сада огромных деревянных храмин. Возвращаясь в темноте с Кирочной от дяди, я видел при свете луны через окно кареты лес стропил, какие-то гигантские склады материалов, какие-то зародыши будок, гор, павильонов. Этот строящийся деревянный город обещал чудеса в решете. Сюда приедет царить дед, тут загремят дьявольские карусели, тут я буду мерзнуть в ожидании представления в «театре». Но когда вожделенная неделя наступала, то надлежало себя еще помучить. Да и в школу или в гимназию нужно было ходить до самой среды...

В первый раз, впрочем, я был на балаганах в таком раннем детстве, когда ни о какой школе для меня еще не помышляли. Был я со своими старшими братьями, и это было тогда еще, когда балаганы устраивались вдоль Адмиралтейского бульвара, вероятно, в 1874 году.

Через эти двери я вступил тогда в царство Мельпомены и Талии, и несомненно, именно благодаря такому случаю, я сразу с этими божественными дамами стал на весьма короткую ногу. Я их увидел действующими на полной свободе, перед вытаращенными от изумления взорами настоящего народа, под взрывы подлинно веселого хохота. И я познал сразу «театральное возбуждение», я вышел из балагана одурманенный, опьяненный, безумный... Четырехлетний мальчишка тогда понял, что он сподобился приобщиться к чему-то весьма прекрасному, весьма значительному. И впечатление от этого первого моего спектакля укоренилось в памяти неизгладимым образом... Стоит мне вызвать в памяти то «чувство экстаза», в котором я тогда очутился после апофеоза, как я уже весь исполняюсь безусловной верой в а б с о л ю т т е а т р а, в его благодать, в его глубокий человеческий смысл...

И самое представление я помню как сейчас. Это была настоящая пантомима с Арлекином, Пьерро (которого публика звала, к моему негодованию, «мельником»), Кассандрой, феями, чертями и пр. Первое действие изображало нечто вроде рощи; справа был холм, в котором моментами сквозились всякие виде́ния, слева — трактир с навесом. Приезжал шарабан, у которого отлетало колесо и из которого вываливались очень нарядные люди. Под навесом они оправлялись и пировали. Арлекин прислуживал. За какую-то провинность его затем убивали, что доставляло большую радость его коллеге — Пьерро. Последний, оставшись наедине с трупом, разрезал его на части, а затем глумился над покойным, составляя снова члены самым нелепым образом. И вдруг наступал полный переворот. Появившаяся в белом бенгальском огне фея своей волшебной палочкой возвращала Арлекина к жизни, да и сам Арлекин становился каким-то волшебным существом. Его поварская batte[1] приобретала чудотворную

[1] колотушка, пест *(примеч. А. Н. Бенуа)*.

силу, и все, чего он ни касался ею, сразу становилось ему послушным.

Второе действие было сплошной кутерьмой. Сцена изображала кухню трактира. Оживший Арлекин начинал шутить мстительные шутки с Пьерро и со своими бывшими хозяевами. Он появлялся в самых неожиданных местах. Его находили в варящемся на очаге котле, в ящике от часов, в сундуке из-под муки. С главным толстенным поваром во главе за ним гнались все посетители трактира. Но Арлекин оказывался неуловимым. Среди пола он исчезал для того, чтобы секунду спустя выскочить в окно; только что он прыгнет в зеркало над камином, как уже проносится через всю сцену, сидя на волшебном чудовище. И разумеется, позором покрывались преследователи. Выбегая из разных дверей, они сталкивались посреди сцены, наносили друг другу убийственные колотушки, предназначавшиеся для врага, валились вповалку целыми кучами или еще — все их усилия не были способны сдвинуть тяжелый комод, за которым спрятался повеса, и тут же комод сам сдвигался и начинал носиться за ними.

Третье действие я пропускаю, несмотря на прелестную декорацию, в которой я узнал «родной» венецианский Canal grande[1]... В общем, здесь пантомима как-то затихала и увядала. Но тем более потрясающим казался финал. Из темного леса, в котором еще раз являлась фея, Арлекин и его преследователи прямо попадали в ад с исполинскими дьяволами, с грохотом адской музыки и с клубами красного бенгальского огня. Казалось, для всех гибель неминуема. И тут-то совершенно неожиданно с неба спускались гирлянды роз, поддерживаемые амурчиками, мрачный грот ада проваливался, чтобы дать место сияющему «раю». Арлекина фея соединяла с Коломбиной, гнусные же злодеи, имевшие дерзость посягать на жизнь баловня верховных сил, оказывались все с рожами свиней, ослов, козлов и прочих непочетных животных. Этот апофеоз я могу хоть сейчас на бумаге воспроизвести с того образа, который запечатлелся в памяти. Точно сейчас вижу залитый светом фон, цветы и какие-то драпировки на месте небесных падуг, а на первом

[1] Большой канал в Венеции.

плане недоумевающую пантомиму свиных харь и ослиных морд. Я долгое время помнил и музыку этого апофеоза, но с годами она исчезла из кладовых моего слуха. И не раз я затем видел подобные же пантомимы.

[...] Надо отдать справедливость, что в этих поисках чего-то благородного, серьезного и для души полезного не все было отмечено неудачей и безвкусием. Многое, особенно у Лейферта, обнаруживало большую и просто-таки самоотверженную работу и импресарио, и режиссеров, и декораторов, и актеров. Мне особенно запомнился спектакль «Кавказского пленника», в котором нравилась всем юная миловидная актриса, игравшая черкешенку с необычайной искренностью и простотой.

Да и в целом настроение на балаганах оставалось прежним. Все еще стоял стон от мычащих оркестрионов, все еще гудела и бубнила огромная площадь — так громко, что даже до Гостиного двора и до Дворцовой площади долетали отголоски этой чудесной какофонии. Все еще чад от каруселей, качелей и гор дурманил головы, все еще клубились облака пара от уличных самоваров и от барака, в котором под рожей немецкого Кладератша пеклись «берлинские пышки». Все еще у малышей болели животы от пряников, стручков и орехов; все еще у старших болели помятые в сутолоке бока. Все еще вокруг площади медленно колесили пленницы Смольного монастыря в каретах цугом и с красными лакеями на позументированных козлах. Все еще лгали раешники про королеву Викторию, которая «вот за угол завернула, не видать стало», все еще вертелись страшные перекидные качели, гнусавил по-прежнему Петрушка в лапах у «ученова-моченова Барашка», дед ерзал по парапету и нес очень непристойную околесицу, а рядом с ним плясали красавицы в конфедератках и жуткая «коза» с длинной шеей. [...]

1870-е гг.

М. В. Добужинский

ПЕТЕРБУРГ МОЕГО ДЕТСТВА

На черный двор, куда выходили окна всех кухонь, забредали разносчики и торговки и с раннего утра распевали на разные голоса, поглядывая на эти окна: «клюква — ягода — клюква», «цветы — цветики», «вот спички хорош — бумаги, конвертов — хорош спички», «селедки голландские — селедки», «кильки ревельские — кильки»! И среди этих звонких и веселых или охрипших голосов гудел глухой бас татарина: «халат-халат» или «шурум-бурум». Сквозь утренний сладкий сон я уже слышал эти звуки, и от них становилось как-то особенно мирно, только шарманка, изредка забредавшая на наш двор, всегда наводила на меня ужасную грусть. [...]

[...] Самым веселым временем в Петербурге была Масленица и балаганы. Елка и Пасха были скорее домашними праздниками, это же был настоящий всенародный праздник и веселье. Петербург на целую «мясопустную неделю» преображался и опрощался: из окрестных чухонских деревень наезжали в необыкновенном количестве «вейки» со своими лохматыми бойкими лошадками и низенькими саночками, а дуги и вся упряжь были увешаны бубенцами и развевающимися разноцветными лентами. Весь город тогда наполнялся веселым и праздничным звоном бубенчиков, и такое удовольствие было маленькому прокатиться на вейке! [...]

Приближаясь к Марсову полю, где стояли балаганы, уже с Цепного моста и даже раньше, с Пантелеймоновской, я слышал, как в звонком морозном воздухе стоял над площадью веселый человеческий гул и целое море звуков — и гудки, и писк свистулек, и заунывная тягучка шарманки, и гармонь, и удар каких-то бубен, и отдельные выкрики — все это так тянуло к себе, и я изо всех сил торопил мою няню попасть туда поскорей. Балаганы уже виднелись за голыми деревьями Летнего сада — эти высокие желтые дощатые бараки тянулись в два ряда вдоль всего Марсова поля и на всех развевались трехцветные флаги, а за балаганами высились вертящиеся круглые качели и стояли ледяные горы, тоже с флажком наверху.

Я попадал сразу в людскую кашу, в самую разношерстную толпу — толкались веселые парни с гармошкой, разгуливали саженные гвардейские солдаты в медных касках и долгополых шинелях с белым кожаным кушаком — и непременно в паре с маленькой розовой бабенкой в платочке, проплывали толстые салопницы-купчихи и тут же — балаганы были «в моде», и в обществе считалось по традиции тоже хорошим тоном посетить народное гуляние — прогуливались тоненькие барышни с гувернантками, гвардейские офицеры со своими дамами в меховых боа — словом, было «слияние сословий». Раз видели, как медленно проезжали вдоль балаганов придворные экипажи и тянулись длинным цугом кареты с любопытными личиками институток.

Я с восторгом глядел на огромные полотнища — вывески балаганов — целые картины, где были простовато нарисованы и неизбежная «Битва русских с кабардинцами», и храбрый «Белый генерал», скачущий в пороховом дыму на белом коне, а внутри этих балаганов слышались пальбы, трубные сигналы, музыка и барабаны. На других же балаганах, поменьше, красовались изображения львов и тигров с человекоподобными свирепыми физиономиями, шпагоглотатели, эквилибристы, вольтижеры, великаны и лилипуты, даже итальянские арлекины и пульчинеллы — эти персоны каким-то чудом еще жили в Петербурге моего детства! Самые большие балаганы, Лейферта и Малафеева, бывали полны народа, у их боковых деревянных стен были прилеплены лестницы, которые всегда были черны от людских очередей, ожидающих впуска в «раек». У Малафеева я видел с няней «Куликовскую битву», особенно восхитил меня сам бой, со звоном мечей, происходивший за тюлем, как бы в туманное утро, даже, может быть, в нескольких планах между несколькими тюлями — иллюзия была полная, и, надо думать, сделано это было вовсе не плохо. Из папиного чтения «Откуда пошла русская земля и как стала быть» я знал про Мамаево побоище, и, на мой взгляд, все было верно: и то, что Дмитрий Донской, израненный, лежал под деревом, и русские воины-богатыри Пересвет и Ослябя были похожи. Помню на балаганах еще представление: русскую сказку «О семи Семионах», которая тоже мне была знакома по сказкам Афанасьева, где один из

братьев лез на высокий шест, чтобы что-то увидеть, этот Семион оставался на месте, делая вид, что лезет, а декорация все время опускалась — тоже была полнейшая иллюзия.

Внутри балаганов было холодно, они согревались лишь дыханием публики, и несчастные актеры говорили сиплыми голосами из последних сил, весь день без передышки горланя в ледяном воздухе.

Кроме самих балаганов, сколько еще было всевозможных приманок! Среди шума толпы вертелись и звенели карусели, и можно было лихо прокатиться верхом на деревянной лошадке в «яблоках», и стоял треск выстрелов в маленьких тирах — «стрельба в цель», к ним меня ужасно тянуло, но няня ни за что не пускала, боясь ружей и пуль и из опаски, что меня еще подстрелит какой-нибудь озорник. А покататься на круглых качелях мне и самому не очень хотелось [...], тут было действительно страшно вдруг застрять и повиснуть в воздухе,— и я только издали поглядывал, как летали на этих качелях в открытых будочках обнявшиеся парочки и лущили семечки. Но с какой завистью я смотрел на катавшихся с ледяных гор, которые казались гигантской высоты! Один только раз с кем-то из взрослых я с замиранием сердца ухнул с горы на салазках среди взвившейся ледяной пыли. Среди толпы стояли и раешники со своими заманчивыми домиками — за копейку можно было в круглое окошечко поглядеть на разные лубочные картинки и «перспективные» виды. Раешники с шутками зазывали прохожих и, объясняя картинку, импровизировали свои смешные прибаутки.

Конечно, гнусавил и Петрушка, выскакивая из-за пестрой ширмы, и я не мог оторвать глаз от его судорожных движений и ликовал, как и все кругом, когда он колотил своей дубинкой и полицейского, и черта, и всегда сам воскресал невредимым. И столько на каждом шагу было соблазнов! На лотках красовались пряники: «печатные», вяземские, белые мятные в виде разных забавных фигурок — человечков, всадников, рыб и зверей, были и расписные, с разводами, розовые и облепленные миндалем. Грудами лежали леденцы, закрученные спиралью или обмотанные бумажкой с цветной бахромкой на концах, мои любимые сладкие турецкие стручки, сморщенные моченые груши. На

других лотках были разложены рядами аппетитные жирные круглые пирожки, которых мне так и не удалось отведать...

Всякой невзыскательной снеди было великое изобилие — разные колбасы, студень, ситные пироги с грибами и печенкой, калачи, кренделя, баранки — и все это тут же на морозе уничтожалось. Продавался горячий сбитень в медных чайниках, обмотанных полотенцем, какое-то ядовито-желтое и ярко-красное питье в стеклянных кувшинах, и дымились огромные пузатые самовары.

Маленьким я всегда приносил домой с балаганов какую-нибудь игрушку и обязательно красный воздушный шар, гроздья которых то тут, то там маячили над головами.

Больше всего толпилось народу возле балаганного Деда. Дед с привязанной мочальной бородой и с молодым розовым лицом, всегда охрипший от мороза и нескончаемой болтовни, сидел верхом на балюстраде балаганного балкончика и откалывал разные непристойности по адресу рядом с ним стоявшей молодецки подбоченившейся девицы в рейтузах, туго обтягивавших ляжки, в гусарской куртке с бранденбурами и лихо надетой конфедератке. А то Дед намечал какую-нибудь жертву для глума в толпе, обыкновенно выбирал рыжего, народ кругом гоготал и еще пуще подзадоривал Деда. Няня всегда пыталась увести меня подальше, чтобы меня не задавили и чтобы я не наслушался гадких словечек.

Балаганы после Масленицы стояли весь пост заколоченными. На Пасхе вновь оживали, но это было уже не то, под снегом и на морозе все было особенно веселым. Тут же веяло весной, на ветру пузырились полинявшие от дождя вывески. Горы уже не действовали, толпа шлепала по лужам, настроение бывало по-прежнему праздничным, но все было по-другому.

Именно масленичные балаганы в моем воспоминании и остались для меня окруженными незабываемой петербургской поэзией.

1890-е гг.

МЕДВЕЖЬЯ ПОТЕХА

Аввакум Петров

И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петровичь Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много [...], гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали.

1648

УВЕДОМЛЕНИЕ

Для известия: Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешний город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению смотрителей, по их приказанию исполняют, а именно: 1) вставши на дыбы, присутствующим в землю кланяются и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, уподобляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые робята; 8) берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам; 9) задними ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят, как карлы и престарелые, и, как хромые, ногу таскают; 11) как лежанка без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо — на брюхе, а где мокро — на коленях, выкравши же, валяются;

14) показывают, как мать детей родных холит и как мачеха пасынков убирает; 15) как жена милого мужа приголубливает; 16) порох из глазу вычищают с удивительною бережливостью; 17) с не меньшею осторожностию и табак у хозяина из-за губы вынимают; 18) как теща зятя потчевала, блины пекла и угоревши повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего супротивления; 20) кто похочет, подают тотчас лапу; 21) подают хозяину шляпу и барабан, когда козой играет; 22) кто же поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая, кланяются. Хозяин при каждом из выше помянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки [...].

Все выше помянутое показано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте противу церкви Николая-чудотворца пополудни к 6 часу. Первые места по 25 коп., вторые по 15 коп., а последние по 5 коп. с человека. Смотрители впускаемы будут за заплату наличных денег.

Санкт-Петербургские ведомости, 1771

* * *

Медведь с козою проклажаются,
На музыке своей забавляются.
Невзначай на дороге встретился с козою медведь
И стал на нее пристально глядеть,
И коза его стала спрашивать:
— Разве ты меня не узнал,
Как винцо со мною вместе попивал?
Но теперь станем с тобою веселиться,
И тому станут люди дивиться.
Ты, мой любезный медведь, заиграй в балайку,
А я, молода коза, попляшу теперь.
За то нас станут благодарить,
Другой вздумает подарить,
Но и мы за оное зрителям отдадим почтенье
На сырной неделе в воскресенье.

Вторая четверть XIX века

В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

Медведь с козою забавлялись
И друг на друга удивлялись.
Увидел Медведь Козу в сарафане,
А Козынька Мише моргнула глазами,
И с этого разу они подружились,
Музыке и пляске вместе научились,
Пошли в услуженье к хозяину жить,
Играть и плясать, винцо вместе пить.
Вожак с барабаном прибауточки врал,
За ихнюю пляску со всех денежки брал.
Привел их к народу, раскланялся всем,
С прибауткой своею плясать им велел:
— Ну-тка, Мишка, играй веселее,
А ты, моя Козынька, вертись поскорее!
Ты, Миша, с балалайкой в свои струны брякни,
А ты, Коза, в ложки с бубенцами звякни.
Ты, Миша, вприсядку пляши трепачка,
А ты, Коза-козынька, танцуй казачка,
Я с вами же вместе буду веселиться,
А добрые люди нам станут дивиться,
Ай, скажут, Топтыгин, ай, удалец,
Играть научился, плясать молодец,
И Коза мастерица на ложках играть,
Не уступит и Мише винцо попивать.

1858

С. Щеглов

В детстве я часто видел поводильщиков медведей. Поводильщиками более всего были цыгане. Они под барабанный бой с прибаутками заставляли медведя ходить на задних лапах и представлять: как бабы пьяные падают, как ребята горох воруют; заставляли кланяться почтеннейшей публике, держать в

лапах хозяйскую шапку для сбора медяков и пить водку, возить на себе хозяина и реветь. Товарищ поводильщика в это время представлял козу, закрывшись каким-то мешком, из отверстия которого выставлялась деревяшка, изображавшая собою козью морду. Смотреть на медведя сбегалось множество мальчишек.

1860-е гг.

И. А. Белоусов

УШЕДШАЯ МОСКВА

С медведями в то время и позднее — на моей памяти — ходили двое: вожак — здоровый, коренастый мужик-ярославец и его помощник — мальчик лет 12—13, который изображал «козу», надевал на себя мешок, сквозь который сверху протыкалась палка с козьей головой, к голове был приделан деревянный язык, приводимый в движение привязанной к нему веревкой.

Когда начиналось представление, вожак бил в барабан, «коза» хлопала языком, а медведь начинал кружиться — это называлось «медвежьим танцем».

Медведей в то время водили крупных, у них были подпилены зубы и когти, а у некоторых выколоты глаза.

После представления медведь обходил публику с шапкой и собирал подаяние. Иногда медведя и вожака угощали водкой, до которой они оба были большие охотники.

В последнее время (1920—1921 годы) опять на московских улицах появились вожаки с медведями, но водили молодых медведей — медвежат. Представление состояло в борьбе вожака с медвежонком; на это зрелище собирались большие толпы народа.

Был такой случай: один вожак вздумал выкупать своего медведя в Яузе. Мишка до того разохотился купаться, что ни за что не хотел вылезать из воды; вожак сам полез в реку, чтобы выгнать медведя, и он закупал вожака.

А после 1925 года медведи из Москвы исчезли...

«МАРЬИВАННА»

Марьиванна — старенькая, взъерошенная. Входя в большой, колодцем, лишенный солнца двор, она апатичными глазами оглядывает тесно обступивших ее детей.

Рядом со старенькой Марьиванной — ее внук, такой же взлохмаченный, растерянный. С каким бы удовольствием, кажется, он побегал с детворой по двору, повалялся в песке, полазил по пожарной лестнице. Да разве может он думать о развлечениях, когда на шее у него целая семья?!

Но вот грозно свистит в воздухе кнут, и лохматая Марьиванна тяжело подымается... на задние лапы.

— А ну, покажи, как девки за водой ходят,— кричит в самое ухо Марьиванне_ее «импресарио».

И Марьиванна (бедная Марьиванна!) с медвежьей грацией закидывает кнутовище за шею и медленно, лениво раскачивается. А маленький внук, «кормилец-поилец», награжденный кем-то целым литром молока, тянет его прямо из горлышка под разухабистое, надоедливое:

— Как мужик напивается да в грязи валяется...

Повальсировав, даже покатавшись верхом на палочке, Марьиванна заканчивает сеанс. Утомился и маленький имитатор пьяного, в грязи валяющегося мужика.

Но день еще долог.

Сколько еще придется этим четырехногим труженикам обойти сегодня дворов.

Сколько тысяч глаз заставят они сегодня загореться радостным огоньком.

Сколько детских сердец заполнят они неизбывным, незабываемым восторгом.

Сколько раз привычные уши «гастролеров» услышат восторженное, ребяческое, бесконечно искреннее, из нутра рвущееся:

— Мишки, ай-ай-ай, Мишки идут...

1925

КОММЕНТАРИИ

В комментариях при ссылках на повторяющиеся источники приняты следующие сокращения:

Антология П. Н. Беркова — Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М., Искусство, 1953.

Фольклорный театр — Фольклорный театр. Сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., Современник, 1988.

Архив МГУ — Фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества МГУ.

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

Даль В. И. — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

Книга А. Я. Алексеева-Яковлева. — Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. Л.; М., Искусство, 1948.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.

Сборник Н. Е. Ончукова. — Северные народные драмы. Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1911.

Собрание И. П. Еремина — Фонд И. П. Еремина. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Собрание П. Н. Тиханова — Фонд П. Н. Тиханова (№ 777). Отдел рукописей Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина, оп. 1, № 188.

В комментариях к отдельным текстам в записи фольклористов указываются сведения о месте и времени записи, исполнителях и собирателях (где эти данные имеются). Во всех случаях указываются место хранения текстов в архивах, их первая публикация. Тексты из классических дореволюционных (Н. Н. Виноградов, Н. Е. Ончуков) и некоторых советских изданий даны по позднейшим их публикациям в антологиях П. Н. Беркова и составителей настоящего сборника.

Составителями антологий проделана определенная текстологическая работа: упорядочено расположение стихотворной и прозаической частей текста, ремарок и т. д., определяемое современными правилами публикации драматических произведений, а также сняты опечатки, в основном приведены в соответствие с литературными нормами орфография и пунктуация. В нескольких случаях убраны неудобные для печати места.

В комментариях к текстам настоящего сборника объясняются только отдельные непонятные словосочетания или фразы, литературные реминисценции, песенные фрагменты.

В настоящем издании наряду с точными текстами драматических сцен и пьес в записях фольклористов впервые широко введены описания игр ряженых и представлений народных драм, сделанных в этнографических целях либо являющихся мемуарными свидетельствами, фрагментами литературных произведений.

Большинство этих описаний, принадлежащих очевидцам — краеведам, писателям, ученым, артистам,— выделено нами в самостоятельные разделы (I и VI).

Однако «смешанные» тексты встречаются и в других разделах. При размещении их мы руководствовались соотношением текста и описания: материал с преобладанием текста включался в соответствующие разделы (II—IV), а с преобладанием описания или фрагментами текстов в пересказе и восприятии авторов — I и VI разделы.

В комментариях к этнографическим описаниям, литературным и мемуарным свидетельствам указываются только их источники.

ИГРЫ И СЦЕНКИ РЯЖЕНЫХ

Описания святочного ряжения достаточно широко представлены в дореволюционной литературе. Во второй половине XIX века, после возникновения Русского географического общества (1846 г.), начинается широкое и повсеместное собирание произведений фольклора и сведений по народному быту. «Современник», «Вестник Европы» и другие журналы, а особенно периодические этнографические издания, сборники губернских статистических комитетов, губернские ведомости охотно печатают материалы по народным обрядам, обычаям, верованиям, праздникам. Их авторы — краеведы, писатели, журналисты, писари, священники, грамотные крестьяне донесли до нас живые наблюдения многих уже исчезнувших явлений народного быта и культуры. К сожалению, в описаниях ряженых отсутствуют исполнявшиеся ими произведения — драматические диалоги, сценки, приговоры, песни. Частично это связано с «вольным» содержанием святочного обрядового фольклора, наличием в нем «нецензурных» слов и выражений.

Этот пробел восполняют публикуемые записи фольклорных экспедиций МГУ. Они свидетельствуют о сохранении в народном праздничном обиходе XX века традиций ряжения, а в памяти исполнителей, жителей северных деревень, пародийных молитв, приговоров, шуток ряженых.

Святочное ряжение. Публикуемые отрывки взяты из работ:

I — Копаневич И. К. Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии. Псков, 1896, с. 10—18.

II — Пр-ский Н. Баня, игрище, слушанье и шестое января. Этнографические очерки Кадниковского уезда//Современник. Спб., 1864, № X. Окт., с. 510—516.

III — Кудрявцев В. Ф. Зимние народные увеселения в г. Василе// Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Т. III. Под ред. А. С. Гацисского. Н.-Новгород, 1870, с. 109—111.

IV — Нефедов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам. III. Заволжье// Труды этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. IV. М., 1877, с. 59—60.

V — Завойко К. В Костромских лесах по Ветлуге реке// Этнографический сборник: Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. VIII. Кострома, 1917, с. 25—26.

Шуточная свадьба. Зап. в д. Вершачево Пермогорского с/с Красноборского р-на Архангельской обл. от М. С. Трифоновой, 64 л., Е. Богдановой, М. Юхневич.— *Архив МГУ,* 1967, п. 1, т. 5, № 20. Публикуется впервые.

Рассказ о ряжении. Зап. в. д. Воймозеро Онежского р-на Архангельской обл. от А. Л. Сыропятовой, 54 л., Н. И. Савушкиной.— *Архив МГУ,* 1965, п. 1, т. 2, № 18. Публикуется впервые.

Старик старуху выхваливает (приговор ряженого «стариком»). Зап. в д. Сварозеро Каргопольского р-на Архангельской обл. от А. Ф. Обаньиной, 58 л., Л. Ивановой и Б. Исадченко.— *Архив МГУ,* 1961, п. 1, т. 4, № 89. Публикуется впервые.

Описание ряжения. Зап. в д. Околодок Городищенского с/с Нюксеницкого р-на Архангельской обл. От Н. Т. Березина, 71 г., Н. И. Савушкиной.— *Архив МГУ,* 1966, п. 1, т. 1, № 40. Публикуется впервые.

Поповские стихи (пародийная молитва). Зап. в д. Сварозеро Каргопольского р-на Архангельской обл. от А. Ф. Обаньиной, 58 л., Л. Ивановой и Б. Исадченко.— *Архив МГУ,* 1961, п. 1, т. 4, № 68. Публикуется впервые.

Служба неграмотного попа. Зап. в д. Милентьевская (Берег) Печниковского с/с Каргопольского р-на Архангельской обл. от К. Г. Коровина, 70 л., Н. Антоновой и Т. Бирюковой.— *Архив МГУ,* 1962, п. 3, т. 24, № 39. Публикуется впервые.

Баба в лаптищах. Впервые опубл.: Можаровский А. Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1884, с. 43.

Проводы Масленицы на реке Тавде. Впервые опубл.: Ончуков Н. Е. Масленица. I. Проводы Масленицы на Тавде//Пермский краеведческий сборник, вып. IV. Издание Кружка по изучению Северного края при Пермском университете. Пермь, 1928, с. 118—120.

САТИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

Барин. Зап. в с. Тамица Онежского у. Архангельской губ. в 1905 г. от И. К. Герасимова, 37 л.

Впервые опубл.: *Сборник Н. Е. Ончукова,* с. 113—117. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 46—49.

Соленых...— Пропуск у Н. Е. Ончукова из-за нецензурности текста. В детском фольклоре встречается «соленых лягушек».

Михалка Тамицына нос — Н. Е. Ончуков указывает, что так «пробирали» жителей села, выделявшихся какими-нибудь физическими недостатками или пороками *(Сборник Н. Е. Ончукова,* с. 116, примеч.).

Мнимый барин. Зап. в д. Пянтиной Онежского у. Архангельской губ. в 1905 г. от С. Я. Коротких.

Впервые опубл.: *Сборник Н. Е. Ончукова,* с. 124—133. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 53—61.

Нет, я на Волынский двор спроводил. — Имеется в виду двор известного вельможи XVIII века Артемия Волынского в Петербурге, после ареста Волынского отведенный для проживания штата «придворной охоты» *(Антология П. Н. Беркова,* с. 318).

Маврух. Зап. в с. Нижмозеро Онежского у. Архангельской губ. в 1907 г. от Я. С. Бородина.

Впервые опубл.: *Сборник Н. Е. Ончукова,* с. 134—137. См. также: *Фольклорный театр,* с. 49—51.

Маврух в поход уехал — французская песня о военачальнике Мальбруке (герцоге Мальборо), известная в России с конца XVIII века.

Пахомушка. Зап. в Заонежье в 1926 г. Впервые опубл. в статье С. Писарева и Р. Сусловича «Досюльная игра — комедия «Пахомушкой»//Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 1. Заонежье. Л., Academia,1927, с. 178—181. См. также: *Фольклорный театр,* с. 44—47.

ГЕРОИКО-РОМАНТИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ ДРАМЫ

Лодка. Впервые опубл. в кн.: Сиповский В. В. Историческая хрестоматия по истории русской словесности, т. 1, вып. 1, 5-е изд. Спб., 1911, с. 239—242. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 143—149.

Вниз по матушке по Волге — песня неизвестного автора XVIII — начала XIX века.

Среди лесов дремучих — песенный вариант стихотворения Ф. Б. Миллера «Погребение разбойника (из Фрейлиграта)».

Нас было двое — брат и я — в основе монолога — фрагмент поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники».

Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы! — удалая или разбойничья песня, героем которой считают разбойника Ивана Уса, действовавшего в XVII веке в Воронежской губернии.

Черный ворон. Зап. в д. Притыкино Костромского уезда и губернии в 1899 г. от Г. С. Чистякова и Е. Федорова.— *Архив ГЛМ,* инв. 8, кор. 6, № 1. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 111—132.

Как, бывало, брат да я — в монологе использован фрагмент поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники».

Воспитывала меня львица — мотив популярной лубочной сказки «Как львица воспитала царского сына».

Что затуманилась, зоренька ясная — народный вариант песни из повести в стихах А. Ф. Вельтмана «Муромские леса» (1831).

Прости, прощай, страна родная — солдатская песня о службе на Кавказе, в период Кавказских войн первой половины XIX века.

Еду, еду — не свищу — строки из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Шайка разбойников. Зап. в д. Ватлашово Насадского с/с Пермско-Сергинского р-на Пермской обл. от Г. М. Улитина, 1871 г. рожд.

Впервые опубл. в кн.: Дореволюционный фольклор на Урале. Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, с. 36—47.

Ермак. Зап. в г. Вятские поляны Кировской обл. в 1948 г. А. И. Соловьевым.— *Архив ГЛМ,* инв. 63, кор. 59, № 1. Публикуется впервые.

Близкий вариант, записанный позже там же А. И. Соловьевым, опубл. в кн.: Ученые записки Кировского пединститута, 1965, вып. 20, с. 248—264.

Я вечор в лужках гуляла — народный вариант романса Г. А. Хованского «Незабудочки» (конец XVIII века).

При погребении моем в колокола не звоните... — переделанные стихи «Завещание пьяницы», популярные в лубочных картинках.

Громко певчие пропели, тут Мавлина померла — фрагмент песни литературного происхождения, приписываемой М. И. Ожегову. В песенниках встречается под названием «Мальвина».

Царь Максимилиан (I). Впервые опубл. в статье Н. Н. Виноградова «Народная драма «Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф».— Известия ОРЯС. Спб., 1905, т. X, кн. 2, с. 301—338. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 180—199.

Я в темницу удаляюсь — народный вариант песни «Я в пустыню удаляюсь», приписываемой известной поэтессе конца XVIII — начала XIX века М. В. Зубовой.

Град Антон огнем сожгу.— Град Антон — столица в лубочной «Повести о Бове-Королевиче», вошедшей в устный сказочный репертуар в конце XIX — начале XX века.

Есть там древний Брамбеус-рыцарь— Царь Брамбеус — персонаж

лубочной повести «История о храбром рыцаре Францыле Венециане», неоднократно переиздававшейся в XIX веке.

Хвала, хвала тебе, герой — видоизмененные строки песни в честь графа П. Х. Витгенштейна, включенной в «дивертисмент с пением», поставленный в 1813 г. в Петербурге под названием «Праздник в стане союзных армий» — см.: Берков П. Н. Одна из старейших записей «Царя Максимилиана»//Русский фольклор, IV, с. 335.

Царь Максимилиан (II). Зап. в Даниловском у. Ярославской губ. на заводе Понизовкина в 1890 г. крестьянином Г. С. Чистяковым для Н. Н. Виноградова.

Впервые опубл. в кн.: Виноградов Н. Н. Народная драма Царь Максимильян. Тексты, собранные и приготовленные к печати Н. Н. Виноградовым. С предисл. акад. А. И. Соболевского.— Сборник ОРЯС, т. 90, № 7, Спб., 1914, с. 97—166. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 199—251.

Поле, наше поле — общий зачин исторических песен о русско-турецких войнах: «Турки похваляются захватить Румянцева (Потемкина)», «Взятие Очакова» — см.: Исторические песни XVIII века. Изд. подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, № 443, 483.

Все татаре взбунтовались — П. Н. Берков считает, что это вариант солдатской песни, восходящей ко времени присоединения Крыма (1783) — см.: *Антология П. Н. Беркова,* с. 338.

Черный ворон, что ты вьешься — популярная народная песня, известная по песенникам XIX века.

Или мой меч притупился? — «Говорится именно так для возбуждения смеха в публике,— отмечает Н. Н. Виноградов.— Никакого меча, конечно, у старика Маркушки нет, он лишь пародирует речи рыцарей» (Сборник ОРЯС, т. 90, № 7, с. 113, примеч.)

Марцово поле — в произведениях ранней русской драматургии обозначает поле брани (Марс — здесь: Марец — бог войны).

Аника-Ихонец (Иконец) — П. Н. Берков связывает это прозвище с игрой «в иканцы» уральских казаков, названной так в честь «дела под Иканом» (1864), в котором они отличались — см.: *Антология П. Н. Беркова,* с, 339.

Кончен, кончен дальний путь — песня на слова стихотворения А. Х. Дуропа «Казак на родине» (1818).

Гусар, на саблю опираясь — песня на слова стихотворения К. Н. Батюшкова «Разлука».

Голова? Обрить ее догола — этот и все другие рецепты доктора сходны с монологами лекаря из комических интермедий XVII—XVIII веков — см. в кн.: Ранняя русская драматургия, т. 5, с. 665—666, 714, 742.

Поп давно нас в церкви ждет — переделанные строки баллады В. Жуковского «Светлана».

Приведи мне просвещенного владыку — то есть преосвященного владыку, архиерея, епископа.

Теперь валяй «прикинул» — т. е. «прокимен» — церковное пение псалмов, исполняемое чтецом и двумя хорами.

Царь Максимилиан (III). Зап. в д. Погост (Ошевенск) Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1959 г. от А. М. Дружининой.— *Архив МГУ,* 1959, т. 25, № 1. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 216—224.

Как француз Москву брал. Зап. в селе Большие Сестренки Балашовского у. Саратовской губ. в 1919 г. от Н. Е. Чуркина.

Впервые опубл. в кн.: Фольклор Саратовской области. Сост. Т. М. Акимова. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, с. 226—232. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 165—170, коммент. с. 334—335.

В России милостивый манифест — речь идет о манифесте, изданном Александром I в связи со вторжением Наполеона в Россию.

Да еще особа графа Орлова — дочь Ичменского — графиня А. А. Орлова-Чесменская пожертвовала свои драгоценности в 1812 г. на нужды войны.

...и он взял да сам себе отрубил правую руку — случай, действительно имевший место. О нем сообщалось в журнале «Сын отечества» (1812, № 4, с. 168) в заметке, озаглавленной (в оглавлении) «Русский Сцевола». Об этом же см. в «Рославлеве» А. С. Пушкина.

...ты как служил своему государю Александру Николаевичу — Н. Е. Чуркин, передававший текст пьесы, спутал Александра I (Павловича) с Александром II (Николаевичем), при котором он служил солдатом.

На вот тебе страх мармары... — вся эта реплика состоит из намеренно измененных названий лекарств. Так, например, «пулю из доверия» произошло от латинского обозначения Доверова порошка (pulvis Doveri).

Параша. Зап. в селе Тамица Онежского у. Архангельский губ. в 1905 г. от И. К. Герасимова.

Впервые опубл.: *Сборник Н. Е. Ончукова,* с. 138—141. См. также: *Фольклорный театр,* с. 236—239.

ПЬЕСЫ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

ТЕАТР ПЕТРУШКИ

Петр Иванович Уксусов. Записано на станции Дивенская (недалеко от Луги) Петербургской губ. в 1896 г. от выступавшего кукольника.

Текст находится в собрании И. П. Еремина, № 2, л. 1–10 об. Впервые опубл. в кн.: *Фольклорный театр,* с. 293–303.

Копорье – село в Петербургской губ. с остатками старинной новгородской крепости.

Примошт-аптекарь – первая часть слова – искаженное «приват» (лат. privatum) – частный, внештатный.

Пожилой «показыватель» комедии сообщил собирателю, что раньше был акробатом, а теперь живет в г. Двинске Витебской губ., где в базарные дни показывает панораму. С «Петрушкой» ходит только летом, в основном по Прибалтике, Петербургской, Витебской и Виленской губерниям. Знает «немного более десятка» петрушечников, которые ходят по этим же местам. Ежедневный заработок – от 10 коп. до одного рубля.

Петрушка. Записано в Троице-Сергиевом посаде Московской губ. 19 декабря 1898 г. от кукольника Алексея Игнатьевича Мазурова.

Текст находится в собрании П. Н. Тиханова, л. 19–22. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 307–313.

Мусью под шинелью – искажение непонятного кукольнику «мусью Полишинель».

...с Батурина – местечко в Черниговской губ., одно из традиционных мест обитания цыган (оседлых и кочевавших).

Петрушка. Записано в дер. Московская Дубровка Ивановской вол. Шлиссельбургского у. Петербургской губ. 12 июля 1898 г. «со слов еврея, рижского мещанина Осипа Леонтьева Гельльван».

Текст находится в собрании И. П. Еремина, № 4, л. 1–9 об. Публикуется впервые.

О. Л. Гельльван считал себя учеником итальянца Виченти Спози, который странствовал с «Петрушкой» по России.

Автоматический театр под названием «Петрушка». Записано в Чернигове 24 сентября 1899 г. от кукольника Василия Карповича Шиянова.

Текст находится в собрании П. Н. Тиханова, л. 63–64. Публикуется впервые.

Кукольник «некогда в качестве гимнаста был в цирке братьев Никитиных».

Петрушка, он же Ванька Рататуй. Записано в станице Баталпашинская Кубанской обл. 19 апреля 1902 г. от содержателя балагана Алексея Павловича Лащенко.

Текст находится в собрании П. Н. Тиханова, л. 88–91 об. Печатается по *Антологии П. Н. Беркова,* с. 115–123. См. также: *Фольклорный театр,* с. 260–270.

Ванька Рататуй.— «На юге России Петрушка стал называться Ванька Рутютю. Происхождение слова «Рататуй» неясно. Можно предположить, что оно возникло из украинского слова «ратуй» — «Караул! На помощь!» (примеч. Беркова, с. 329).

Фараоново отродье— цыгане считались потомками или выходцами из Египта.

Кузнецкий мост.— Вероятно, кукольник-немосквич заменил Каменный мост Кузнецким мостом — названием знаменитой улицы в Москве, где были сосредоточены модные магазины, лавки, кондитерские.

Везут на погост на санях.— По старому славянскому обычаю, покойников возили на кладбище на санях или на дровнях (т. е. на бесколесных повозках).

Текст комедии записан учителем Л. К. Розенбергом, который присутствовал на представлении и затем разговаривал с кукольниками. Впечатление от спектакля и то, что удалось узнать от петрушечников, учитель изложил в предисловии к тексту, где, между прочим, сказано следующее:

Кукольник — «рифмач первой руки», раньше ходил с райком, на «Петрушку» перешел потому, что это «выгоднее райка, хотя обзаведение дороже». Он с гордостью сказал, что имел «два кабинета кукол, один из которых отдал зятю в приданое за дочерью». В балагане, где давалось представление, «было много публики. Все держали себя свободно, «как дома». Парни с девками щелкали орехи, ели пряники (дело было во время ярмарки). [...] Сцена устроена в передней стене и очень высоко. Миниатюрные кулисы и занавес, такой же величины, устроены, как в настоящем театре».

«Оркестр, состоящий из двух скрипок, кларнета и барабана, сыграл увертюру «По улице мостовой». Кончилась музыка. Поднялся занавес». Кукольник, скрытый драпировкой, «держа в руках то один, то другой персонаж, разговаривает, заставляя движениями своих рук делать соответствующие жесты. Говорит он за Петрушку резким, крикливым, инструментальным, если можно так выразиться, тоном, с помощью машинки [...]. Заложив этот снаряд за тыльную часть языка, почти у

самого «язычка», комедиант произносит слова каким-то странным, ничего общего с человеческим голосом не имеющим, тоном. Говор в этот снаряд очень труден. И надобно большую сноровку, чтобы извлечь из него звуки».

«Монологи свои ведет Петрушка с «Музыкантом». Этот последний не что иное, как помощник комедианта, который всегда для этой цели садится между зрителями. Плата за вход взимается обыкновенно 5 копеек. И, несмотря на незначительность, дает, в общем, очень хороший заработок. Сборы бывают всегда полные. Представления в продолжение ярмарочного дня и вечера идут беспрерывно. Средний заработок «рататуйника» составляет около 20—25 рублей. Куклы большею частью деревянные или обшитые лайкой. Кроме самого Петрушки, показываются немного ниже пояса».

Петрушка. Записано в Петербурге 16 августа 1903 г. от кукольника.

Текст находится в собрании П. Н. Тиханова, л. 99—107. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 279—292.

В Марьиной роще — ближайший московский пригород (в конце прошлого века вошел в состав города), где происходили народные гулянья с бойкой торговлей, сопровождавшиеся неизбежными драками, обманом, кутежами до последней копейки.

Гостиный двор — крупнейший магазин в Петербурге (Ленинграде), расположенный в центре Невского проспекта.

Петрушка. Уличный театр, списанный со слов уличного паяца. Лубочная книжка с одноименным названием. Издана в Москве в 1887 г. в типографии Ф. Иогансона.

Цыган Мора из Яровского хора. — «Яр» — известнейший загородный ресторан Москвы, славившийся цыганскими хорами.

Золоторотцы с Хитрова рынка. — Хитровка, Хитров рынок — большая площадь в центре Москвы, около реки Яузы. Место пользовалось дурной славой. «Шевелящейся гнилой ямой» назвал Хитровку в свое время В. Гиляровский. Эта «биржа воров и беглых» была известна своими ночлежными домами и тем, что полиция боялась туда соваться.

Замарашка, уж не из Зарядья ли? — Зарядье — район старой Москвы, расположенный за торговыми рядами на Красной площади. Место замусоренное, грязное.

Петрушка. Уличный театр. Текст лубочной книжки. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1915.

К Покрову — Покров, по старому стилю, отмечался 1 октября.

...повезут на дровнях — то есть на кладбище.

...от Варварки до Арбата и до Пресненских прудов — широко известные места старой Москвы.

...потерял на Трубной площади — Труба, Трубная площадь — в Москве, под площадью протекала речка Неглинка, заключенная еще в екатерининские времена в подземную трубу (отсюда и название площади). В дождливое время часть Трубной площади превращалась в непролазное болото. На Трубной площади долго существовал печально известный трактир «Крым».

Озорник Петрушка. Текст лубочной книжки «Озорник-Петрушка. Пиеска для «Театра Петрушки». М., Типо-литография И. И. Пашкова, 1907. Из коллекции С. В. Образцова в ГЦТК.

На Бутырском поле — в Москве место за Бутырской заставой.

Табакерка — шутливое название большого носа.

Ванька. Современная народная кукольная комедь. Комедия записана в октябре 1924 г. от трех воронежских кукольников.

Впервые опубл.: Воронежская литературная беседа. Под ред. А. М. Путинцева. Воронеж, 1925, кн. 1, с. 7—14.

При публикации в данном томе текст отредактирован в соответствии с современной орфографией (в подлиннике — фонетическая запись) с сохранением лексических и морфологических особенностей.

Пришел из Берлина, из самой Германии — по-видимому, это отражение факта биографии главного кукольника.

Об одном из кукольников собиратель сообщил: «М. А. Плоткин, играющий за кукол,— главный — профессионал (уроженец Могилевской губ.), играет в балагане с 9 лет. В 1924 г. ему было 35 лет. Был в Германии в плену. Исколесил весь юг и юго-запад России» (с. 5). «Все куклы сделаны Плоткиным при содействии Захарова. Работа груба. Убранство кукол бедное. За всех персонажей говорит Плоткин, соответственно изменяя свой голос... Ответчик и Музыкант говорят обыкновенными голосами, без изменения их. Играют за ширмами, кукол показывая сверху ширмы с 4-х сторон. Ответчик и Музыкант — снаружи, около ширмы» (с. 8).

В Воронеже и окрестностях кукольный театр был очень распространен и популярен с середины XIX в. По словам публикатора, Петрушку тогда «представляли в балагане на особо устроенной сцене, и куклы двигались искусным мастером посредством сложной системы ниток; для произнесения речей за кукол были специальные «игроки»; музыку давал не один музыкант, а маленький оркестр, обязательно с барабаном. Народ закликали хитрыми прибаутками». Так было в ярмарочные дни, а в обычное время комедию разыгрывал «ходячий» Петрушка (с. 5).

ВЕРТЕПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Царь Ирод. Записано в Смоленске, воспроизводит представление, относящееся к 1860–1870-м годам.

Текст взят из статьи: Добровольский В. Н. Некоторые сведения о Смоленском и Ельнинском кукольном театре// Известия ОРЯС. Спб., 1908, т. XIII, кн. 2, с. 71–78. См. также: *Фольклорный театр*, с. 346–349.

Раство – здесь: Рождество.

Смоленское вертепное представление близко белорусской батлейке, от которой здесь песнь «Не плачь, не плачь, Рахеля» и две бытовые сценки – «Аришенька» и «Максимка, собиратель грибов, и его отец». Сцена с Отшельником и диалог Ирода со Смертью не известны батлейке. Последний, похоже, заимствован из диалога «Аника и Смерть», исполнявшегося в русской традиции самостоятельно или входившего в состав больших народных драм (см. «Царь Максимилиан»).

Помимо текстуально записанных сценок второй части представления (светской), В. Н. Добровольский упомянул о других, где действуют Цыган, Межевой и Межевая, Князь и Княгиня, Александр Македонский, сражающийся с персидским царем Пиром.

Смерть царя Ирода. Записано в начале XX века на волжском пароходе от кукольников из Новгорода.

Впервые опубл.: Известия ОРЯС. Спб., 1905, т. X, кн. 3, с. 365–382. Текст взят из кн.: Виноградов Н. Великорусский вертеп. Спб., 1906.

Волствие (волхвы), *пастыри* (пастухи), *отроча* (отрок) – устаревшие церковнославянские слова, формы слов.

Театр, встреченный Виноградовым, несколько отличался от обычного, двухэтажного. Это «прямоугольный ящик, шириною около аршина с четвертью, в глубину – три четверти аршина и в вышину около аршина. Передняя стенка открывается и, будучи опущена вниз, закрывает различные манипуляции, производимые под полом проворными руками хозяина вертепа; верх сведен конем и украшен резьбой. Снаружи театр оклеен переплетной бумагой и лубочными картинками, изображающими различные «возрасты человеческой жизни». Внутренность богато украшена. Стены и потолок оклеены золотой и серебряной бумагой, разноцветной фольгой и блестками. По бокам и вверху подвешено несколько разноцветных фонариков для освещения сцены при вечерних представлениях. Пол покрыт черным мехом, маскирующим движения марионеток на проволоках, по прорезанным в разных направлениях щелям. В правом и левом боку прорезано по двери. У задней стены, посредине, стоит разукрашенный трон царя Ирода, возвышающийся несколькими ступеньками над уровнем пола. Около

трона, по обеим его сторонам, стоят по три неподвижно прикрепленных воина в полном вооружении. Это царская свита. В правом углу от зрителей сделан вертеп с новорожденным младенцем и над ним повешена воссиявшая звезда. (Первые четыре сцены проходят перед этим вертепом; затем он закрывается занавеской.) Открытие и закрытие представления производится при помощи красного кумачного занавеса».

Из беседы с кукольниками Виноградов узнал, что в Новгородской губернии «еще несколько человек занимаются тем же промыслом», что они «ежегодно отправляются со своим театром в разные местности» и везде их принимают «очень хорошо, но заработки неважные, да и полиция притесняет». Пьесу кукольники знают наизусть и играют «с незначительными вариантами», у одного текст записан в тетрадке. Виноградов записал пьесу со слов кукольника, «с его пояснениями, затем прослушал, сравнил и дополнил по исполнению и, наконец, выписал все варианты из тетради [...], где, кроме того, оказалось лишним еще одно явление».

Царь Ирод. Записано в местечке Славута Заславского у. Волынской губ. зимой 1896/97 г. от местных парней 18–20 лет.

Текст находится в собрании И. П. Еремина. Публикуется по статье: Еремин И. П. Драма-игра «Царь Ирод»//Труды отдела древней русской литературы. М.; Л., 1940, т. 10, с. 234–237. См. также: *Фольклорный театр,* с. 352–355.

Катуй – казни (от укр. катовать – казнить).

Катей – кат, палач.

Миолан – «Миолан, Змиулан – персонажи народных сказок, рыцарских повестей XVII–XVIII вв. и ряда народных драм. Название это происходит от соединения двух слов – «Змей» и «Илан» (тат. змей, дракон)» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 336).

Данное представление особенно интересно тем, что разыгрывалось не куклами, а людьми – живущими на Украине (в Волынской губ.) русскими, причем представление давали две партии: «в одной принимали участие парни постарше – восемнадцати-двадцати лет, [...] в другой были хлопцы помоложе – тринадцати-четырнадцати лет».

По словам собирателя, этнографа В. А. Мошкова, у обеих трупп не было «никаких декораций; все их театральное имущество состояло из их костюмов, которые они вновь шили на каждое Рождество, и палатки, в которой помещался трон Ирода (попросту табуретка)». Царь Ирод изображался «в солдатском мундире, поверх которого накинута красная мантия: он подпоясан широким кушаком, оклеенным золоченой бумагой; через левое плечо повешена бумажная орденская лента, а через правое плечо – шашка на портупее, обклеенной золотой бумагой,

на голове картонная корона, обклеенная золоченой бумагой, на руках белые перчатки». Хранитель Ирода выступал «в обыкновенной маринарке с золотыми галунами на груди, с лентой через плечо и с шашкой; на голове невысокая цилиндрическая шапочка с пером». Воины — «в коротких мундирах из ситца, в кожаных кушаках с бляхой, с шашками через плечо; на головах каски из золоченой бумаги; у одного из них, кроме шашки, пика». Рахиль — «хлопец, одетый в женское платье, с тряпочной куклой в руках». Черт — или «в обыкновенной маринарке с черной маской на лице, с рогами», или «в полушубке, вывороченном наизнанку». Смерть — «хлопец с накинутой на голову простыней, в белой маске, с деревянной косой в руках».

ФОЛЬКЛОР ГОРОДСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ

РАЕК

Петербургский раек. I. Текст взят из кн.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. М., 1881, т. 5, с. 231. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 125—126; *Фольклорный театр,* с. 379.

II. Текст взят из кн.: *Книга Алексеева-Яковлева,* с. 55—56. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 126—127; *Фольклорный театр,* с. 379—380.

Алексеев-Яковлев слышал данные прибаутки от человека «бесспорного дарования» — Ивана Даниловича Рябова, бывшего «крепостного какого-то орловского помещика, рослого, статного красавца, вышедшего «на волю» в 1861 году». Далее Алексеев-Яковлев пишет: «Познакомившись с Рябовым на Адмиралтейской площади, я встретил его затем в Москве на Девичьем поле, а в последний раз — в средине девяностых годов в Бразильском саду, в Кунавине, на Нижегородской ярмарке, где я ставил сказку-феерию, а он торговал книжками, лубочными изданиями, по преимуществу, и продолжал показывать панораму. [...] Рябов был неистощим в балагурстве, о себе и своих странствованиях не говорил иначе, как — «скоморошествую». Слышно было, он умер в Иваново-Вознесенске в годы русско-японской войны, до глубокой старости выступая с панорамой».

III. Текст взят из кн.: Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922, с. 70. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 127; *Фольклорный театр,* с. 380—381.

IV. Текст взят из статьи «Петербургские заметки»// Сын отечества, 1875, № 8, 23 февр.

Кострома горит — «намек на знаменитые костромские пожары, во время которых собственное неряшество обвиняло в поджигательстве чуть не каждого попавшегося, поголовно» (примеч. Ровинского).

Бисмарк — Отто Бисмарк (1815—1898), первый рейхсканцлер Германии в 1871—1890 гг., один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г., направленного против Франции и России.

Сенатору Гамбету подали карету.— «Гамбетта Леон (1838—1882) — крупный французский политический деятель, в марте 1871 г. временно покинул политическую деятельность. Возможно, что пояснения раешника имеют в виду этот эпизод в биографии Гамбетты» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 331).

Битва Седан — около французского г. Седан во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. германские войска окружили и разбили французскую армию маршала М. Э. Мак-Магона, которая капитулировала во главе с императором Наполеоном III.

Московский раек. I. Текст взят из статьи Ю. А. Дмитриева «На старом московском гулянии».— Театральный альманах ВТО. М., 1947, кн. 6, с. 347. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 127—128; *Фольклорный театр,* с. 382.

II. Исполнялось в Москве, в мае 1883 г.

Текст находится в Архиве ГЦТМ, ф. 144 Лентовского, № 910—911, л. 1—2 об. Впервые опубл. в кн.: Русский фольклор. Л., 1989, т. 25, с. 134—135. См. также: *Фольклорный театр,* с. 382—384.

Город Аривань — Ереван.

Князь Иван Федорович — Паскевич-Эриванский, взявший в 1829 г. приступом Ереван, находившийся до того во власти турок.

Ходынское поле — обширное поле в северо-западной части Москвы, место проведения массовых народных гуляний. В 1896 г. при праздновании по случаю коронации Николая II здесь произошла из-за халатности властей страшная давка, где погибло, по официальным данным, около тысячи четырехсот человек.

Тульский раек. Текст взят из статьи И. Чулковского «Масленица в Туле»// Тульский справочный листок, 1865, № 15, 20 февр.

Прибаутка ярославского раешника. Записано в Ярославле в 1938 г. В. Ю. Крупянской от С. Н. Родионовой.

Текст находится в Архиве ГЛМ (материал Ярославской экспедиции 1938 г.), кор. 20, п. 1д, № 22. Публикуется впервые.

Нижегородские ярмарочные райки. Впервые опубликовано в статье А. С. Гациского «Когда угодно». (Литературные прибавления.) I. Ярмарочные райки.— Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке. Н.-Новгород, 1875, с. 173—175. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 124—125; *Фольклорный театр,* с. 387—388.

Сухарева башня — «башня свыше 70 метров высотою, построенная по

приказанию Петра I в 1692 г. в Москве. При реконструкции Москвы была разобрана» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 330).

Усиленский собор (т. е. Вселенский собор) — вместо Успенский собор (в Кремле) (*Антология П. Н. Беркова,* с. 330).

Хотинское поле — «Ходынское поле в Москве; раешник спутал его с Хотинским полем, упоминающимся в некоторых старинных солдатских песнях о турецких войнах в XVIII в. Хотин — город в Молдавии, в XVIII в.— сильная турецкая крепость» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 330).

Петросьский дворец — Петровский замок в Москве.

Лександровский сад — Александровский сад в Петербурге перед Адмиралтейством.

Адеста — Одесса. «Раешник показывал картинки из истории Крымской войны. В 1854 г. соединенная англо-французская эскадра подвергла Одессу бомбардировке. При обороне Одессы отличился прапорщик А. П. Щеголев (ум. в 1904 г. в чине генерала)» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 330).

Русский раек. Текст на лубочной картинке «Русский раек». Изд. Л. Абрамова, литогр. Н. Головина. М., 1857.

Всемирная косморама. Текст лубочной картинки. Печ. в литографии А. Прокофьева. М., 1858. Публикуется по кн.: Иванов Е. П. Русский народный лубок. М., 1937, с. 120.

ПРИБАУТКИ БАЛАГАННЫХ И КАРУСЕЛЬНЫХ ЗАЗЫВАЛ

Прибаутки петербургских «дедов». I. Записано в 1871 г. от двух петербургских «дедов»-зазывал — отставных солдат Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева.

Текст взят из статьи «Петербургские балаганные прибаутки, записанные В. И. Кельсиевым// Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889, кн. 9, с. 113—118. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 129—133 (помещены не все прибаутки); *Фольклорный театр,* с. 395—401.

Записи В. И. Кельсиева опубликовал его брат, который подверг их некоторой правке: «Я точно скопировал записные листы моего брата, в двух-трех местах смягчил слова, опустил повторения, расположил тексты в порядке содержания, перенумеровал и озаглавил их, придерживаясь пометок на оригинале. За исключением нескольких номеров, неудобных к печати, здесь все, что я нашел в рукописях брата» (с. 113).

II. Текст взят из кн.: Лейферт А. В. Балаганы, с. 65—69. См. также:

Антология П. Н. Беркова, с. 129—136; *Фольклорный театр,* с. 401—406.

Сенная — площадь в Петербурге, где размещался один из крупнейших рынков столицы.

«Баня» — «иносказательно: полицейский участок, где подвергали телесным наказаниям карманных воров» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 332).

Нарвская застава — построена в 1814 г. при въезде в Петербург по южной дороге.

Обуховский мост — мост через Фонтанку в Петербурге, сейчас не существует.

«Цирульник» — в данной прибаутке намек на частые в Петербурге 1860-х годов грабежи за Московской заставой.

С вязовой иголкой стоял — «с дубиной, то есть занимался грабежом» (*Антология П. Н. Беркова,* с. 332).

Фартал — искаж. «квартал».

Идите покататься на лодке — то есть на карусели или качели с сиденьями в виде лодки.

Московские прибаутки. I. Текст взят из кн.: Дмитриев Ю. А. Русский цирк. М., 1953, с. 35.

II. Монолог перед спектаклем. Эпилог.

Текст находится в архиве ГЦТМ, № 145904, л. 1—4. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 408—409.

Мириканцы — американцы.

Максимилиан — имеется в виду представление о царе Максимилиане, которое дается в балагане, куда и зазывает «дед».

По Манежу гуляйте. — В Москве конца XIX в. народные гулянья часто устраивались в городском Манеже. «Манеж весь убирался и украшался флагами, гирляндами, устраивались открытые подмостки для выступления разных фокусников, акробатов, рассказчиков, куплетистов, хоров песенников и прочих эстрадных исполнителей» (Белоусов И. Ушедшая Москва. М., 1964, с. 337).

Смоленский закликала. Текст взят из кн.: Альперов С. Д. На арене старого цирка. М., 1936, с. 15—16. См. также: *Фольклорный театр,* с. 410—411.

«Сюда, сюда, почтенные господа...» Текст взят из кн.: Филатов В., Аронов А. Медвежий цирк. М., 1962, с. 21.

Монолог зазывалы на раусе цирка, звучавший в 1886 г., когда тринадцатилетнего Ивана Филатова (будущего знаменитого артиста цирка, дрессировщика) хозяин цирка заставил выступать со львами, вместо погибшего отчима мальчика.

РАУСЫ

Клоун и шталмейстер. 1–4. Тексты находятся в собрании П. Н. Тиханова. № 1–3, л. 111–113, № 4, л. 123. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 416–420.

Шталмейстер – в цирке: «заведующий конюшней». Лицо, разговаривающее с клоунами, – это шпрехшталмейстер. Но в народной балаганной традиции во многих записях «раусов» употребляется первый термин.

Клоун и хозяин. Текст взят из статьи В. В. «Комедиант» в харьковской газете «Южный край» за 18 декабря 1897 г. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 420–421.

Семнадцатой гильдии купец – комедийное сочетание. В России купечество, в зависимости от величины капитала и рода торговли, делилось на три гильдии (разряда).

Столбовой дворянин – древнего рода, чье дворянство насчитывает несколько поколений.

Товарищ и паяц. Текст взят из статьи Ю. А. Дмитриева «На старом московском гулянии», с. 354–355. См. также: *Фольклорный театр,* с. 422–423.

Ерема и Фома. Текст находится в архиве ГЦТМ, № 145905. Впервые опубл.: *Фольклорный театр,* с. 424–426.

Ерема и Фома – популярная комическая пара. Начало их разговора – диалог, хорошо известный по лубочным картинкам, сказкам, повестям и песням о Фоме и Ереме; вторая же часть – типичный зазыв в балаган в форме раусного диалога, в котором использованы существующие в народе представления о медведе как звере умном и обладающем даром лечить, предугадывать судьбу и пр.

Ерема и Замазка. Текст находится в архиве ГЦТМ, № 145906. Публикуется впервые.

Замазка – партнер Еремы по раусному диалогу, назван так за то, что выходил выпачканным в муке (вариант русского Пьеро).

Сельтерская вода – столовая минеральная вода.

...«медведя водить» – очень много выпить и съесть.

«Эрмитаж» – роскошный дорогой ресторан на Трубной площади Москвы, где гуляли именитые купцы и богатеи. Так назывался и увеселительный сад со знаменитым опереточным театром М. В. Лентовского.

Трансвааль. Текст находится в архиве ГЦТМ, № 145909, л. 1. Публикуется впервые.

Диалог является откликом на войну 1899—1902 гг. Великобритании против бурских республик Южной Африки — Оранжевого свободного государства и Трансвааля.

Ледисмит — город, который в начале войны осаждали буры.

Крюгер С.-П. (1825—1904) — президент Трансвааля, один из руководителей сопротивления буров английским войскам.

Чемберлен Дж. (1836—1914) — министр колоний Великобритании в 1895—1903 гг.

Пахомыч. Текст находится в архиве ГЦТМ, № 167950. Публикуется впервые.

Сценка, рассчитанная для балконных зазывал, создана и исполнялась И. А. Зайцевым в начале XX века.

И. А. Зайцев (1863—1936) — типичный представитель ярмарочной, площадной культуры России, он был великолепным кукольником (владел в совершенстве петрушками, марионетками), сам резал и конструировал кукол, был акробатом, шпагоглотателем, гимнастом, фокусником, сочинителем и исполнителем раусных миниатюр; объездил всю Россию, работал в разных балаганах и цирках. В 1931 г. был принят в труппу Центрального театра кукол под управлением С. В. Образцова, где ему было присвоено звание заслуженного артиста республики.

ВЫКРИКИ И ПРИБАУТКИ УЛИЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ И РЕМЕСЛЕННИКОВ

Красноречие русского торжка. Материалы из собрания В. И. Симакова, хранящегося в Рукописном отделе Института русского языка АН СССР. Печатается по публикации Т. Г. Булак в кн.: Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 107—134.

Записи производились в Москве в 10 — 20-е годы нашего столетия.

«Коркодил» — журнал «Крокодил», который начал издаваться с 1922 г.

Маднасть (манность) — мягкость, бархатистость, нежность, отсутствие всякой терпкости (примеч. Булак).

«Трезвон» — название старой фирмы, выпускавшей папиросы (примеч. Булак).

«Дели», «Узбек» — папиросы советского производства, появившиеся на рынке в 1922—1923 гг. (примеч. Симакова).

Спички Лапшина — имеется в виду спичечная фабрика Лапшина в дореволюционной России.

Антих, антик (устар.) — прелесть, восторг; шутливое выражение похвалы, высшей степени восхищения кем-либо или чем-либо (примеч. Булак).

Московский сбитенщик. Текст лубочной картинки «Московский сбитенщик и ходебщик», печатанной в литографии А. Прокофьева. М., 1858.

Разносчик-балясник. Текст лубочной картинки. Литография Голышева в Голышевке. 1876.

Пирожник Яшка. Текст находится в архиве ГЦТМ, № 10332 (145908). Опубл. В. Д. Кузьминой в Трудах ОДРЛ. М.; Л., 1955, т. XI, с. 421.

Сбитенщик. Текст взят из статьи М. А. Орлова «Рекреация, или маевка»// Отдых христианина, 1910, № 6.

МЕДВЕЖЬЯ ПОТЕХА

«Приход вожака с медведем...» Текст взят из кн.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Спб., 1881, т. 5, с. 227—229. См. также: *Антология П. Н. Беркова,* с. 137—138; *Фольклорный театр,* с. 431—432.

...барыня с баб в корзинку тальки да яйца собирает — крепостные крестьянки должны были в течение года отдавать помещице определенное количество пряжи, яиц, ягод и др. продуктов и изделий своего труда.

...сидит, мало говорит, через слово рыгнет, через два п[...] — нет. — Во втором издании «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского (1900, т. II, стб. 365—367): «...сидит, мало говорит, через слово [...]» — Ровинский делает сноску: «Записано на самом представлении, которое в натуре бывало несравненно скоромнее» (т. II, стб. 366).

Вожак начинает выбивать дробь. — «Отсюда произошло и бранное название: «Ах ты, отставной козы барабанщик» (примеч. Ровинского, т. II, стб. 367).

Описание медвежьей комедии середины XIX века.

Сергач. Текст взят из очерка С. В. Максимова «Сергач».//Собрание сочинений С. В. Максимова. В 20 т. Спб., 1909, т. 13, с. 76—83. См. также: *Фольклорный театр,* с. 435—438.

...годовой праздник летней Казанской. — Явление Казанской иконы бого-

матери отмечается 8 (21) июля. Праздник особенно торжественно отмечался там, где Казанская была престольным праздником; в такое село съезжались гости, устраивались гулянья молодежи.

...скалит уже неопасные зубы. — Для безопасности вожака молодым медведям, которых готовили для потехи, подпиливали когти и зубы.

В очерке описывается нижегородская медвежья потеха середины XIX века.

Объясняя прозвище медведя, Максимов пишет: «В наших северных великороссийских губерниях обычай водить медведей усвоен жителями известных местностей; большею частью водят татары Сергачского уезда Нижегородской губернии. И вот происхождение названия сергача, которое переходит с хозяина-поводыря и на мохнатого плясуна; один проводник остается при своем неизменном названии — *козы*. Имя сергач сделалось в последнее время до того общим, что, будь поводырь из Мышкина (Ярославской губернии), владимирец, костромич, ему непременно дается имя нижегородского городка» (с. 73—74).

Приговариванье поводильщика. Записано в Княгининском уезде Нижегородской губ. со слов обрусевшего татарина-поводильщика из Васильского уезда, в середине XIX века.

Текст взят из кн.: Нижегородский сборник. Под ред. А. Гациского. Н.-Новгород, 1867, т. 1, с. 220—221. См. также: *Фольклорный театр,* с. 441.

[Приговоры медвежатника]. Текст взят из статьи: Альбинский П. Сергачские медвежники (Из истории отживших отхожих промыслов)//Нижегородские губ. ведомости. 1887, 7 янв. См. также: *Фольклорный театр,* с. 439—440.

П. Альбинский, как и С. Максимов, считал «настоящими, коренными медвежниками» вожаков Сергачского и Васильского уездов Нижегородской губ. «Особенно славилось числом своих медведей татарское поселение Андреевка, где было до 150 медведей. Значительное количество медведей водилось в [...] Грибанове (до 50 медведей), Пошатове (около 10 медведей), Анде, Кочко-Пожарках [...], в уездном городе Сергаче (до 90 медведей), в селах Ключеве (до 120 медведей) и Кладбищах (до 60 медведей). Покупали медведей наши сергачские медвежники всюду, где сыщется — около Тверской губернии, в лесах и болотах, на барских дворах, у охотников [...]». Стоили медвежата от рубля до четырех, а большой выученный медведь оценивался до 150 рублей. «Между медвежниками были люди сравнительно зажиточные, имевшие по нескольку медведей и отдававшие их в аренду другим», в таком случае вожак получал половину заработка, мальчик-«козарь» — третью или четвертую часть, остальное полагалось владельцу медведя. «Общая сред-

няя цифра денег, приносимых каждым медвежником из походов с медведем, в год равнялась 100 рублям», походы же были очень дальние и долгие: выходили из дома на промысел артелями человек пятнадцать «около Спаса Преображения (6 авг.) и около Сергиева дня (25 сент.), а возвращались обратно к Петрову дню (29 июня), к Троице, к Ильину дню»[1], т. е. дома удавалось пожить недели три, в лучшем случае месяц. Сергачские «медвежники» ходили в Москву, Смоленск, Белоруссию, на Украину, заходили и в Польшу, Латвию, Молдавию.

Рассказы и приговоры записаны П. Альбицким в основном от «старинного медвежника» из села Кладбищи Андрея Васильева Ломакина.

«А ну-тка, Мишенька Иваныч...» Текст лубочной картинки, печатанной в литографии А. Абрамова. М., 1866. Публикуется по сб.: Народно-поэтическая сатира. Л., 1960, с. 298—299. См. также: *Фольклорный театр,* с. 446—447.

[Медведи в Калуге]. Записано в 1928 г. в Калуге от вожаков медведей Н. И. Баланова, 37 лет, и Н. Ф. Решетника, 38 лет — молдаван Хотинского уезда Бессарабии.

Текст взят из статьи Шереметевой М. Е. «Вожаки медведей в Калуге»// Сборник Калужского гос. музея. Калуга, 1930, вып. 1, с. 61—64. См. также: *Фольклорный театр,* с. 442—444.

Молдаване-медведчики путешествовали по всей стране, промысел их наследственный, в некоторых семьях занятие это передавалось от поколения к поколению в течение трех столетий. По словам вожаков, от которых сделана запись, дети в таких семьях обучались искусству комедии с раннего детства, работая с медвежатами и молодыми медведями.

Представление шло под гармонию и бубен, игралась комедия на русском языке.

ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ О НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

НАРОДНАЯ ДРАМА

«Певцы не умолкали...» Текст взят из очерка А. С. Грибоедова «Загородная поездка (отрывок из письма южного жителя)».

Печатается по кн.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова. Спб., 1889, т. 1, с. 109.

«Шаловливые забавы наши...» Отрывок из воспоминаний Ф. И. Буслаева о днях учебы в Московском университете.

[1] Даты даны по старому стилю. Ильин день — 20 июля (ст. ст.)

Печатается по кн.: Буслаев Ф. И. Мои воспоминания (Академика Ф. И. Буслаева). М., 1897, с. 116–117.

«Я также хорошо помню...» Из статьи М. Сперанского «Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии//Вестник Европы, 43-й год, т. VI, Спб., 1908, с. 25.

«У меня на праздниках были маскарады...» Отрывок из письма И. С. Тургенева Аксаковым.

Печатается по: Тургенев И. С. Из переписки И. С. Тургенева с семьею Аксаковых. Сорок лет тому назад: 1852–1857 годы// Вестник Европы, 29-й год, кн. 1. Спб., 1894, с. 339.

«Вечером явились ко мне артиллерийские солдаты...» Отрывок из письма И. С. Аксакова родным.

Печатается по кн.: Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 3. Письма 1851–1860 годов. Поездка в Малороссию. Ополчение... Путешествие за границу. М., 1882, с. 221–222.

«Оригинальное объявление в Сестребеке...» Из дневника Я. П. Полонского. 18 декабря 1855// Голос минувшего, 1919, № 1–4, с. 115.

«В уездных городах в то время...» Отрывок из воспоминаний П. В. Засодимского.

Печатается по кн.: Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908, с. 13–15.

«Александр Иванович много рассказывал...» Отрывок из воспоминаний А. Милюкова о Герцене.

Печатается по кн.: Милюков А. Литературные встречи и знакомства. Рассказы А. Милюкова. Спб., 1890, с. 143, 145–146.

«Вновь начавшаяся суета половых...» Отрывок из очерка Ф. Д. Нефедова. «Святки в селе Данилове. Очерки из жизни фабричного села»// Вестник Европы, 6-й год, т. II. Спб., 1871, с. 83–87.

[Ярмарочные самокаты] Отрывок из очерка А. П. Мельникова. «Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки».

Печатается по кн.: Столетие Нижегородской ярмарки. Н.-Новгород, 1917, с. 126–128.

«Здесь ведь не деревня...» Отрывок из очерка О. Я. Елпатьевского «Ярмарочные картинки. I. Самокаты».

Печатается по кн.: Елпатьевский О. Я. Рассказы. М., 1919, т. 2, с. 136–138.

«Хор выступал в закрытом помещении...» Из воспоминаний заслуженного артиста М. А. Ростовцева.

Печатается по кн.: Ростовцев М. А. Страницы жизни. М., 1939, с. 63–65.

«Поляков давно звал нас...» Отрывок из дневника В. Я. Брюсова о встрече Нового года (1900) на фабрике А. Полякова.

А. А. Поляков – фабрикант-меценат.

Балтрушайтис Ю. К. (1873–1944) – литовский поэт, в начале XX века примыкал к символистам.

«Через несколько дней приходит сам Антон Бобров...» Отрывок из воспоминаний Е. В. Сахаровой «Народный театр и семья В. Д. Поленова. Воспоминания дочери художника»// Тарусские страницы. Литературно-художественный иллюстрированный сборник. Калуга, 1961, с. 243.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

«Комедия эта играется в Москве...» Описание петрушечного представления в Москве середины XIX века. Текст взят из кн.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Спб., 1881, т. 5, с. 225–227.

[«Петрушка» на Кубани.] Дневниковая запись смотрителя Екатеринодарского приходского училища В. Ф. Золотаренко от 1 октября 1844 г.

Печатается по кн.: Из дневника В. Ф. Золотаренка (1841–1847)// Кубанские областные ведомости, 1901, № 165, 29 июля.

Петербургские шарманщики. Текст взят из очерка Д. В. Григоровича «Петербургские шарманщики» (1843)//Григорович Д. В. Полн. собр. соч. В 12 т. Спб., 1896, т. 1, с. 22–26.

В Семеновском полку на уголку, в пятой роте, на Козьем болоте – комический адрес, в котором сочетаются реальные петербургские наименования с выдуманными: Семеновским полком называлась территория, на которой когда-то размещались роты Семеновского полка, соответ-

ственно улицы этого района именовались «ротами» и были пронумерованы.

«Про балаган прослышавши...» Отрывок из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863—1877): часть первая, глава II «Сельская ярмонка».

Петрушка. Стихотворение принадлежит поэту-искровцу и актеру Александринского театра Г. Н. Жулеву (1834—1878), написано в 1864 г.

Публикуется по кн.: Поэты «Искры». В 2 т. Л., 1987, т. 2, с. 305—306, 413.

...играют роли из-за разовых — то есть на условиях поспектакльной оплаты артистов.

...красный воротник — квартальный.

«Я повел его слушать Петрушку...» Черновые записи Ф. М. Достоевского к 3-й главке первой главы «Дневника писателя» за январь 1876 г.

Опубликовано А. С. Долининым в Ученых зписках Ленинградского пед. ин-та им. Покровского, вып. 2. Л., 1940, т. 4, с. 315—316; См. также: Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с. 452—455.

Рассуждения Достоевского вызваны виденным им вместе с И. Ф. Горбуновым представлением народной кукольной комедии на елке в Клубе художников в Петербурге.

Самойлов В. В. (1813—1887) — актер петербургского Александринского театра, имевший большой успех в пьесах А. Н. Островского, Сухово-Кобылина, Шекспира.

Горбунов И. Ф. (1831—1896) — актер петербургского Александринского театра, автор и великолепный исполнитель коротких юмористических рассказов-сценок.

Сельская ярмарка и Петрушка Уксусов. Отрывок из дорожного дневника Ив. Шеглова (И. Л. Леонтьева), относящийся к ярмарке в г. Муроме Владимирской губ. в 1895 г.

Публикуется по кн.: Щеглов И. Народ и театр. Спб., 1911, с. 117—127.

Петрушка на Сахалине. Текст из главы «Каторжный театр» книги В. М. Дорошевича «Сахалин» (М., 1903, с. 125—126).

Петр Петрович Уксусов. Текст взят из кн.: Сперанский Е. В. Актер театра кукол. М., 1965, с. 15—21.

Описание петрушечной комедии в Москве начала XX века принад-

лежит крупнейшему деятелю советского театра кукол — актеру, режиссеру, драматургу, автору ряда работ по театру кукол. Е. Спѐранский смотрит на «Петрушку» глазами профессионала, воспитанного на качественно ином искусстве, и тем не менее высоко оценивает многовековый народный опыт, мастерство обыкновенных уличных кукольников.

«Вертеп — ящик о двух ярусах...» Отрывок из воспоминаний писательницы Е. А. Авдеевой об Иркутске конца XVIII века.

Текст взят из кн.: Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 57—59.

Вертеп в Иркутске. Воспоминания принадлежат перу известного критика и драматурга прошлого века — Ник. Полевого, детство которого прошло в Иркутске начала XIX века.

Текст взят из статьи: Полевой Н. Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии // Репертуар русского театра. Спб., 1840, кн. 2 (февр.), с. 2—3.

Каталани Анджелика (1780—1849) — знаменитая итальянская оперная певица. Выступала во многих странах, в том числе и в России (в 1820 г.).

Зонтаг Генриетта (1806—1854) — немецкая оперная и камерная певица. В 1837—1843 гг. жила в Петербурге.

Реквием, Дон-Жуан — произведения В.-А. Моцарта.

Род Скапена-слуги, род Оргона-барина — герои пьес Ж.-Б. Мольера («Проделки Скапена» и «Тартюф»).

ФОЛЬКЛОР ЯРМАРОЧНЫХ ЗРЕЛИЩ

«Немного подале...» Отрывок из очерка писателя-шестидесятника А. И. Левитова «Типы и сцены сельской ярмарки»//Левитов А. И. Соч. В 2 т. Л.; М., 1932, т. 1, с. 110—111.

Город Китай — смешение Китая и центральной части Москвы, примыкающей к Кремлю,— Китай-города.

Спасские ворота — имеются в виду ворота в Московском Кремле.

Брюс — колдунище заморский — «Брюс Яков Вильямович (1670—1735) — генерал при Петре I; в 1709—1715 гг. издал так называемый «Брюсов календарь» с рисунками и с предсказаниями событий до 1821 г., из-за чего и прослыл в народе за колдуна. В дореволюционное время многие издатели печатали в массовых изданиях календарей всякий вздор под заглавием «Предсказания по Брюсу» (примеч. И. С. Ежова к указ. тому Левитова, с. 846).

Александр Благословенный — Александр I.

«Не случалось ли вам...» Отрывок из рецензии В. Г. Белинского «Бенефис г. Живокини» // Белинский В. Г. Соч. М., 1888, ч. 1, с. 505.

Рецензия написана в 1835 г.

Юшка-комедиант. Текст взят из кн.: Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Гиляровский В. А. Избранное. В 3 т. М., 1961, т. 3, с. 74–75.

Юлия Пастрана — женщина с повышенной волосатостью («дама с бородой»), которую часто демонстрировали в балаганах как «чудо природы».

Яшка-паяц. Отрывки из воспоминаний Ф. И. Шаляпина о Казани начала 1880-х годов. Печатается по кн.: Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. В 3 т. М., 1957, т. 1, с. 42–43; 243–244.

Фомина неделя — следующая за Пасхальной неделей.

«В подворотне нашего дома...» Отрывок из книги Льва Успенского «Записки старого петербуржца» (Л., 1970, с. 76–79). Речь идет о Петербурге начала XX века.

Нюстадтская ул. — ныне Лесной проспект в Ленинграде.

«Мелкий, доходящий до карикатурности нэпик...» Из статьи В. В. Маяковского 1923 года «Мелкий нэп. (Московские наброски)» // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1959, т. 12, с. 59–60.

Черт и будочник. Представление в одном из балаганов на Девичьем поле в Москве середины XIX века.

Текст взят из кн.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. В 2 т. М., 1900, т. 2, стб. 407.

«Многие действительно отправляются в балаган...» Отрывок из очерка Г. И. Успенского «Светлый день. I. Ночь и увеселения» (1863) // Полн. собр. соч. В 14 т. М., 1952, т. 1, с. 46–47.

«Попал в балаган на Цветном бульваре...» Запись из дневника П. И. Чайковского. Текст из кн.: Чайковский П. И. Дневник. Л.; М., 1928, с. 141.

«Самара. 1878 год...» Из воспоминаний И. Л. Филатова — одного из крупнейших представителей целой династии артистов отечественного цирка.

Публикуется по кн.: Филатов В., Аронов А. Медвежий цирк. М., 1962, с. 16—18, 50—51, 51—53.

«Самым ярким впечатлением...» Отрывок из воспоминаний Алисы Коонен (1889—1974), относящийся к середине 1890-х годов. Печатается по кн.: Коонен А. Страницы жизни. М., 1985, с. 14—16.

Одинцово — большое торговое село Тверской губ.

Малаховский театр — дачный театр в Малаховке (поселок под Москвой), где А. Коонен играла летом 1911 г.

«Откуда сыр-бор загорелся» — комедия-шутка в 4-х действиях В. Александрова (В. А. Крылова).

«Помню, подходила Пасха...» Отрывок из биографической повести знаменитой в начале нашего века исполнительницы русских народных песен Надежды Плевицкой «Дежкин карагод». Рассказ относится к 1899—1900 гг.

Публикуется по кн.: Нестьев И. В. Звезды русской эстрады. (Панина, Вяльцева, Плевицкая). М., 1970, с. 136—137.

ОПИСАНИЯ ЯРМАРОК И ГУЛЯНИЙ

«На улицах много разносчиков...» Текст из кн.: Кони А. Ф. Старый Петербург. Воспоминания старожила. Пб., 1922, с. 19—20, 52—53.

Речь идет о Петербурге середины XIX века.

Петербургские заметки. Отрывок из очерка В. А. Слепцова «Петербургские заметки. I. Весенняя прогулка с детьми по санктпетербургским улицам» (1863).

Печатается по кн.: Слепцов В. А. Соч. В 2 т. М., 1957, т. 2, с. 330.

«Толпы народа тянутся со всех сторон...» Текст взят из очерка И. Г. Прыжова «Из-под Новинского, что в Москве» // Прыжов И. Г. Очерки. Статьи. Письма. М.; Л., 1934, с. 236—237.

Марьонетки с неизменным Петрушкой — подразумеваются куклы вообще.

Балаганы на святой. Главка очерка В. А. Слепцова «Уличные сцены» // Слепцов В. А. Соч. в 2 т. М.; Л., 1933, т. 2, с. 469—479.

Описывается народное гулянье на Пасху в Петербурге шестидесятых годов XIX столетия.

У другой панорамы — имеется в виду раек.

Город Аршава: она прежде была шершава, нынче сгладили — намек на усмирение польского восстания 1863 г.

Николаевский мост — ныне мост лейтенанта Шмидта на Неве.

В Большой Морской — ныне ул. Герцена в Ленинграде.

«На Девичьем поле...» Отрывок из «Записок писателя» Н. Д. Телешова. Печатается по изд.: Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1948, с. 256, 268–270, 273–274.

Описание относится к Москве конца прошлого века.

В неделю мясопуста — масленичная неделя, Масленица.

Вербная неделя — неделя перед Пасхой.

Воспоминания о масленичных балаганах в Петербурге. Предисловие А. Н. Бенуа к кн.: Лейферт А. В. Балаганы. Л., 1922.

Царицын луг — Марсово поле, где с 80-х годов XIX века в Петербурге устраивались масленичные и пасхальные гулянья.

Кирочная — ныне ул. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Мельпомена и Талия — в древнегреческой мифологии две из девяти муз искусства; первая — покровительница трагедии, вторая — комедии.

Кассандра — в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона пророческий дар.

Пленницы Смольного монастыря — воспитанницы Смольного института благородных девиц; институт располагался на территории Смольного монастыря.

Петербург моего детства. Из воспоминаний М. В. Добужинского, относящихся к 90-м годам XIX века.

Печатается по кн.: Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987, с. 6, 17–20.

Неизбежная «Битва русских с кабардинцами» — чрезвычайно популярный лубочный роман середины XIX века, много раз переиздавался, эпизоды его разыгрывались в балаганных представлениях.

Белый генерал — так называли генерала от инфантерии М. Д. Скобелева — героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

МЕДВЕЖЬЯ ПОТЕХА

«И я паки позавелся...» Эпизод из «Жития протопопа Аввакума».

Публ. по изд.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934, с. 75–76.

Ухари — видимо, «маски», «личины (хари)».

Боярин Василий Петрович Шереметев (ум. 1659) — с 1648 г. назначен на воеводство в Казань.

Встреча Аввакума с медвежатниками произошла в июле — августе

1648 г. в селе Лопатицы Макарьевского уезда Нижегородской губ.

Уведомление. Помещено в «Санктпетербургских ведомостях», 1771, № 56, 15 июля.

Карлы — карлики.

Порох — здесь: сор, соринка.

«Медведь с козою проклажаются...» Текст лубочной картинки. Вторая четверть XIX века.— Гос. Русский музей (Ленинград), отдел гравюры. ГР. луб. 2731. См. также: Ровинский Д. А. Русские народные картинки, т. 1, № 179 6.

Заиграй в валаику — искаж. написание, должно быть или «волынку», или «балалайку».

Сырная неделя — Масленица.

Картинка относится к наиболее старым и популярным, известна с XVIII века (гравировка на дереве), в XIX веке делалось много повторений, гравированных на меди.

В Марьиной роще. Текст лубочной картинки, печатанной в металлографии Е. [Я]. Яковлева. М., 1858.

Печатается по тексту, воспроизведенному в кн.: Лубок. Ч. 1. Русская песня. Сост. и коммент. С. А. Клепикова. М., 1939, с. 221. (В наст. издании текст дан в современной орфографии.)

Картинка пользовалась устойчивым успехом, охотно раскупалась и потому издавалась большими тиражами в разных типографиях на протяжении полувека (с 1850-х гг.).

«В детстве я часто видел...» Текст взят из очерка С. Щеглова «Город Петровск. Отрывки воспоминаний»//Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 25, 1909, с. 279.

Воспоминания относятся к 1860-м гг.

Петровск — уездный город на севере Саратовской губ.

Ушедшая Москва. Отрывок из воспоминаний поэта, прозаика и переводчика И. А. Белоусова «Ушедшая Москва»//Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX столетия. М., 1964, с. 347—348.

...в то время и позднее — речь идет о 70-х годах XIX века.

«Марьиванна». Текст взят из статьи: Легат В. По Московским задворкам//Огонек, 1925, № 36(127), с. 14—15.

В статье отражен последний период существования медвежьей потехи.

СЛОВАРЬ

Алтын — разменная монета в 3 копейки

аналой — *(церк.)* налой, высокий столик откосом, с наклонной столешницей, для чтения стоя, для положения иконы и пр.

антимония — разводить антимонию — вести пустые, ненужные разговоры

артикул *(военный)* — воинский устав, изданный Петром I; в народе так называлось обучение ружейным приемам и маршировке.

аршин — в России с XVI в. мера длины, равная 16 вершкам, т. е. 71,12 см

Бабка — несколько составленных хлебных снопов на жниве

банник — деревянная колодка со щеткой (часто металлической), насаженной на древко, служила для очистки ствола орудия от порохового нагара

бат — бает, т. е. говорит; здесь: в значении вводного слова

бахилы — бродни, рыбацкие сапоги с высокими голенищами, здесь холщовая обувь на покойника

блиндированный *(поезд)* — покрытый защитным материалом

бреткая — крепкая *(искаж.)*

будочник — низший чин городской полиции в Российской империи. Имел пост (будка с черно-белыми полосами) на перекрестках улиц. Во 2-й половине XIX в. заменен городовым

бурмистр — при крепостном праве — староста, назначенный помещиком

бурнус — старинное женское пальто в виде накидки

буффон — шут, паяц; актер, играющий комические роли в оперетках, водевилях

Вейка — в Петербурге XIX в. — извозчик-финн с разукрашенной лентами и бубенцами запряжкой и маленькими «чухонскими» санками; вейки приезжали специально для катания горожан на Масленицу

вереД — болячка, чирей, стержневой нарыв

вольтижер — наездник в конном цирке, умеющий перепрыгивать с лошади на лошадь, к партнеру на другой лошади во время движения лошади галопом или рысью

выздынять, выздынуть, выздымать — поднять, поднимать

Гальё (голье) — голь, нищета, что-либо голое, веник, хворост, голое место, предмет или вещь

гудок — старинный русский трехструнный смычковый музыкальный инструмент

Дельницы — рабочие рукавицы

драницы — колотые сосновые дощечки в сажень длины, для кровель

дратва — прочная просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий

Ерник — повеса, распутник, сквернослов

Жалмерка — солдатка (от пол. zolnierka)
жирандолька (жирандоль) — фигурный подсвечник для нескольких свечей

Зипун — старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана, обычно из грубого самодельного сукна

Кабан — здесь: кладь хлеба, стог, скирда
канифас — плотная хлопчатобумажная ткань, обычно с рельефными полосками
капитан-исправник — глава уездной полиции
капот — женская домашняя одежда свободного покроя, род халата
кварта — мера жидких и сыпучих тел, обычно немного больше литра; сосуд соответствующего объема
квартал — до 1862 года низшая городская административно-полицейская единица во главе с квартальным надзирателем; состоял из нескольких улиц, входил в полицейский участок
квартальный (квартальный надзиратель) — с 1782 г. до середины XIX в. должностное лицо в городской полиции, следившее за порядком в определенном квартале
кикимора — род домового, который по ночам прядет, проказит с веретеном, прялкой, а днем сидит невидимкою за печкой
кокора — бревно или брус с корневищем; дерево с корнем в форме колена
колокол — громадный круглый шатер, расположенный на видном месте (обычно в центре) площади, где продавали водку, вино, пиво и пр.
коляда — песня, исполняемая при рождественских обходах домов, в которой прославляется праздник Рождества и сулится благополучие дому и хозяевам
конотопка (конопатка) — род тупого долота или деревянной лопаточки для конопачения
конфедератка — четырехгранная польская шапка без козырька, с кисточкой наверху
коньки — вид каруселей, где катаются на деревянных разрисованных конях
корегушка, коре́га — коряга, гнутая палка, кривой ствол
ко́ршик — кормщик; кормчий, управляющий ходом судна, рулевой
косная (лодка) — легкая лодка для переездов, на 6—12 весел, с двумя съемными мачтами
кружало — питейный дом
куколь — колпак, пришитый к вороту одежды, холщовый башлык, капюшон
кумачный, кумачовый — сделанный из кумача — хлопчатобумажной ткани ярко-красного цвета
кутьица — куть, часть избы за печью, место и угол против печного устья

Лагушка — бочка (здесь дегтярная), кубышка с дегтем, дегтярница

лыва — лужа, мочажина, полой от дождя, разлива, родников; лес по болоту (вят.)

Маркитан — маркитант, торговый человек, следующий в военное время за войском, торгуя съестными и другими припасами. Повар в харчевне
матка — здесь: компас («Матка водит, судно ходит» — Даль. Т. 2, с. 307); балка, брус, на котором настлан потолок
межевой — землемер, определяющий и вычисляющий границы земельных владений, участков
муравчец, мурачец — мелкое сверло, буравчик
мытарь — в библейских сказаниях: сборщик податей в Иудее; в России — сборщик мыта — налогов, пошлины
мясопуст (мясопустная неделя) — неделя перед Великим постом, Масленица

Набойка — домотканая материя, холст, набитый одной краской
назём — навоз
назола — огорчение, неприятность, грусть, тоска, досада
нанка — прочная ткань буровато-желтого цвета из хлопка особого сорта, которая первоначально вывозилась из Китая
напойка (полторы напойки табака) — щепоть, напояющая нос в один раз, понюшка
нать — надо, нужно

Огореваться — пережить, перенести горе, утрату, бедствие
овин — деревянное помещение, сарай для сушки снопов перед молотьбой
околоточный — чин городской полиции, ведавший небольшой частью территории города — околотком
онуча — кусок плотной материи, навертываемой на ногу при ношении лаптей или сапог
оркестрион — самоиграющий механический музыкальный инструмент, имитирующий звучание симфонического оркестра; небольшой переносной орган
осерье (осердье, осередь, осередок) — середина, средняя часть
острога́ — орудие для ловли рыбы в виде вил, трезубца («рыболовное орудие вилами»)

Па́дуга — в театре полоса ткани, подвешенная на штанге к верху сцены, вместе с кулисами составляет так называемую одежду сцены
па́бедок (па́обед) — время около полудня, второй завтрак, полдник
паки — опять, снова
па́сма (мера — три пасма) — па́сменка — часть мотка льняных или пеньковых ниток
пестрядь, пестрядинный *(сарафан)* — пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая, обычно синяя с белым, для рабочей одежды
пике́ — ткань полотняного переплетения из хлопчатобумажной пряжи из

искусственного шелка с выпуклым рисунком на лицевой стороне (обычно в виде рубчиков)

п и́ с а н к и — разукрашенные, расписные пасхальные яйца

п л а х а — здесь: бревешко в три полена, расколотое пополам

п л и с о в ы й — сделанный из плиса — ткани из грубой пряжи с ворсом, похожей на бархат

п о д о з р и т е л ь н а я *(трубка)* — подзорная труба

п о д п а х а т ь, п о д п а х и в а т ь — здесь: подметать, слегка подмести, обмести пыль

п о́ л о г *(портяной)* — здесь: покрывало, занавеска из ряднины

п о л у́ ш к а — самая мелкая разменная монета, равная 1/4 копейки; с 1700 г. — наименьший номинал русской монетной системы

п о р а́ т о — очень, сильно, крепко, много

п о с т а в *(мельничный)* — снасть, стан, каждая пара жерновов. «Мельница на два, на три, на шесть поставов»

п о с т а в *(посудный)* — поставец, полочка или шкафик для расхожей посуды, буфет

п р и с т а л е т — пистолет

п р и с т р а м и т ь — пристыдить, осрамить, опозорить

п р о к л а ж а т ь с я — нежиться, тешиться

п с а л ь м ы — псалмы, религиозные (рождественские) песнопения

п р у́ ж и т ь — гнуть, огибать, упругое натягивать

Р а ц е я — здесь: длинное (скучное) наставление, рассуждение

р е к р у т — в дореформенной России солдат-новобранец из податного сословия

р е н с к о в ы е погреба — погреба для виноградных вин, вин с Рейна (рейнвейна)

р и п а с ы — здесь: лохмотья, рванье, старая изношенная одежда

р у б е ц — первый, самый большой отдел желудка жвачных животных; кушанье, приготовленное из этой части желудка

р ы д в а н — старинная большая дорожная карета

С а л о п — широкое женское пальто

с а м о к а т — двухэтажная крытая карусель с внутренними и наружными галереями, на которых устраивались театрализованные представления; иногда с трактиром внутри

с б и т е н ь — горячий напиток, приготовленный из воды, меда и пряностей

с е м е р я г а — семеро, семерка

с е м и т к а — народное название монеты в две копейки

с к а ж е н н ы й — ненормальный, взбесившийся

с н о х а — жена сына по отношению к его отцу

с о л о щ и й — жадный до еды, обжора

с с ы п ч и н а — складчина для общего празднества

с т а н о в о й (становой пристав) — в России с 1837 г. полицейское должностное лицо, заведовавшее станом — административно-полицейским округом из нескольких волостей; назначался губернатором, подчинялся исправнику, имел в своем распоряжении полицейских урядников (с 1878 г.)

Тальяночка — гармонь «Итальянская»
тарачки — клочки
талица — оттепель
тиликон — телефон
та́лька — моток ниток определенной длины
тороватый — щедрый, добрый, ласковый, обходительный
трапезник — церковный сторож или староста; сотрапезник

Урядник — в дореволюционной России старший нижний чин уездной полиции

Фермуар — ожерелье с застежкой
фиакр — легкий наемный экипаж

Хожалый — полицейский — рассыльный

Черепенник — хлебное изделие из гречневой муки, по форме напоминающее усеченный конус; тот, кто печет черепенники, торгует ими
чёрни — плоский берег с моря, вдали, когда еще мало что различается
чёрнедь — чернь, цвет или краска; утка чернь, голован
черничка — монахиня
четверик — старинная русская мера объема сыпучих тел, равная 26,24 л
чубук — полый стержень (обычно деревянный), на который насаживается курительная трубка

Шалаш — здесь: торговая палатка, небольшой балаган

ЛИТЕРАТУРА О НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Акимова Т. М. Народная драма в новых записях // Ученые зап. Саратовского ун-та, Т. 20.— Саратов, 1948.— С. 3—49.

Алексеев-Яковлев А. Я. Русские народные гуляния по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева/В зап. и обработ. Е. Кузнецова.— Л.; М., 1948.

Белкин А. А. Русские скоморохи.— М., 1975.

Берков П. Н. Русская народная драма XVII—XX веков: Тексты пьес и описания представлений/Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова.— М., 1953.

Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства.— М., 1971.

Богатырев П. Г. Чешский кукольный и русский народный театр.— Берлин; Пг., 1923.

Виноградов Н. Н. Великорусский вертеп.— Спб., 1906.

Виноградов Н. Н. Народная драма «Царь Максимилиан»: Тексты, собр. и пригот. к печати Н. Н. Виноградовым // Сборник отд. рус. яз. и словесности. Имп. АН.— Спб., 1914.

Гусев В. Е. Взаимодействие русской вертепной драмы с белорусской и украинской // Славянский фольклор.— М., 1972.— С. 303—311.

Гусев В. Е. Истоки русского народного театра.— Л., 1977.

Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века.—Л., 1980.

Дмитриев Ю. А. Цирк в России: От истоков до 1917 г.— М., 1977.

Иванов Е. П. Карусели и прочие монстры.— М., 1928.

Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка»: (Генезис и литературная история) // Славянский фольклор.— М., 1972.— С. 258—302.

Конечный А. М. Раек в системе петербургской народной культуры: Русский фольклор XXV.— Л., 1989.— С. 123—138.

Лейферт А. В. Балаганы.— Пг., 1922.

Некрылова А. Ф., Гусев В. Е. Русский народный кукольный театр.— Л., 1983.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века.— Л., 1984; 2-е изд.— Л., 1988.

Ончуков Н. Е. Северные народные драмы // Сборник Н. Е. Ончукова.— Спб., 1911.

Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси: Исторический очерк // Ежегодник имп. театров. Сезон 1894—1895 годов.— М., 1895.— Кн. I. Приложение.

Савушкина Н. И. Русский народный театр.— М., 1976.

Савушкина Н. И. Русская народная драма: Художественное своеобразие.— М., 1988.

Цехновицер О., Еремин И. Театр Петрушки.— Л., 1927.

Ушедшая Москва: Воспоминания современников о Москве второй половины XIX столетия.— М., 1964.

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Репродукции этнографических фотографий, различных по технике и времени создания лубков, театральных кукол, игрушек, книжной графики, эскизов декораций и станковых полотен русских художников, образующие иллюстративную часть книги, достаточно полно отражают структуру и жанровый, сюжетно-тематический состав настоящего сборника.

Иллюстрации являют собой зримое подтверждение мысли о тесной взаимосвязи различных видов и жанровых разновидностей фольклорного театра с изобразительными формами народного искусства. В лубочных изданиях обнаруживаются истоки песенных фрагментов, излюбленных сюжетных ситуаций народных драм; эстетика лубка многое проясняет в трактовке образов, особенностях поэтики театрально-драматических произведений фольклора. Одновременно принимается во внимание «ярмарочно-балаганно-театральная» сущность лубочных картинок, их особая «игровая» природа, когда изображение и слово соотносятся как тема и ее развертывание (Ю. М. Лотман), а сами лубки предстают как своего рода «настенный лубочный театр» (А. Г. Сакович).

Визуальный ряд дает конкретное представление о традиционном ряжении, знакомит с характерными персонажами (кукольник, клоун, балаганный зазывала, уличный торговец), типичными ситуациями и с многообразием словесно-игровых форм городских и сельских праздничных увеселений и зрелищ (раек, балаганная и торговая реклама, приговоры «медведчика» и др.). Вместе с тем иллюстрации позволяют оценить роль народных театрально-зрелищных традиций в художественных открытиях профессиональных мастеров (А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, Б. М. Кустодиев, В. Е. Татлин, А. Г. Тышлер и др.), составивших гордость русской культуры XX века.

* * *

При подготовке иконографической части настоящего издания использованы фотоматериалы Государственного академического центрального театра кукол, Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, частных собраний.

Большая помощь оказана сотрудниками Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина Л. М. Даниловой, И. Н. Дуксиной, Л. А. Гузовской, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Н. А. Борисовской, Государственного Исторического музея Е. И. Иткиной, Музея Государственного академического центрального театра кукол Н. А. Костровой. Неоценимо содействие Н. М. Ведерниковой, О. В. Всеволодской-Голушкевич, С. Г. Заградской, Р. М. Калиновской, А. Л. Налепина, Н. А. Новоселовой, Н. С. Полищук, Е. В. Шкаевой.

Фотосъемка Н. Н. Алексеева, А. В. Рязанцева, П. К. Скирды, Н. А. Стребкова, В. В. Фридкеса, Н. Ф. Шаговой, В. К. Шульца.

* * *

Принятые сокращения:

ГБЛ – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

ГМЭ – Государственный музей этнографии народов СССР

ГЦТМ – Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина

Музей ГАБТ – Музей Государственного академического Большого театра Союза ССР

Музей ГАЦТК – Музей Государственного академического центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова

Акв. – акварель

Б. – бумага

Кар. – карандаш

М. – масло

Х. – холст

* * *

1. Д. А. Ровинский (1824–1895) – собиратель и исследователь русского лубка. Гравюра резцом Ф. А. Меркина. 1876. ГМИИ

2. Участники фольклорно-этнографической экспедиции Русского географического общества в д. Шокшозеро Лодейнопольского округа Ленинградской обл. Слева направо: Н. А. Никитина, Е. М. Могилянская (?), Н. Е. Ончуков, И. М. Калинин. Фото 1928 г.

3. И. А. Зайцев (1863–1936) – народный кукольник, фокусник, шарманщик с куклами Андрюшкой и Томом (номер «Чревовещание»). Москва. Фото 1934 г.

4. П. Г. Богатырев (1893–1970) – фольклорист, этнограф, театровед. Фото 1960-х гг.

5. В. Ю. Крупянская (1897–1985) – фольклорист. Фото 1950-х гг.

6. П. Н. Берков (1896–1969) – историк литературы, театровед. Фото 1950-х гг.

7. В. Н. Всеволодский-Гернгросс (1882–1962) – театровед. Фото 1930-х гг.

8. Ряженые – святочное вождение «козы». Ст-ца Анастасиевская, Славянский р-н, Краснодарский край. Фото 1989 г.

9. Ряженые – «вожак с медведем». Д. Климово, Уренский р-н, Горьковская обл. Фото 1962 г.

10. Ряженые – «супруги». Д. Климово, Уренский р-н, Горьковская обл. Фото 1960 г.

11. Т. М. Малышев в роли Марса из народной драмы «Царь Максимилиан». Д. Климово, Уренский р-н, Горьковская обл. Фото 1962 г.

12. Царь Максимилиан (справа) и Адольф. Героическая сцена из народной

драмы «Царь Максимилиан» в постановке студентов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Фото 1967 г.

13. Царь Максимилиан (в центре), Старик-гробокопатель, Старуха. Комическая сцена из народной драмы «Царь Максимилиан» в постановке студентов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Фото 1967 г.

14. «Что затуманилась, зоренька ясная». Хромолитография. 1897. ГИМ

15. Шайка разбойников атамана Радича, или Черного Ворона, поет песню. Литография. 1845. ГИМ

16. «Вниз по матушке по Волге». Металлография, раскраска. 1878. ГМИИ

17. Голь на выдумки хитра. Металлография. 1858. ГМИИ

18. Роспись приданого. Металлография, раскраска. 1871. ГМИИ

19. Бова и Полкан. Гравюра на меди, раскраска. 1830-е гг. ГМИИ

20. Аника-воин и Смерть. Металлография, раскраска. 1889. ГБЛ

21. «Ты Настасья, ты Настасья». Металлография, раскраска. 1857. ГМИИ

22. «Гусар, на саблю опираясь». Металлография, раскраска. 1862. ГМИИ

23. Вертеп. Конец XIX в. Старая Русса, Новгородская губ. ГМЭ

24. И. А. Зайцев. Цыган. Перчаточная кукла. Лошадь. Кукла на штыре. Конец XIX — начало XX в. Музей ГАЦТК

25. И. А. Зайцев. Петрушка. Перчаточная кукла. Конец XIX — начало XX в. Музей ГАЦТК

26. И. А. Зайцев. Доктор. Перчаточная кукла. Конец XIX — начало XX в. Музей ГАЦТК

27. Шарманка И. А. Зайцева. Одесса. 1882. Музей ГАЦТК

28. Ученица И. А. Зайцева, народный кукольник Е. Ф. Трофимова (р. 1913) с марионетками конца XIX — начала XX в. (куклы И. А. Зайцева) из балаганного представления «Цирк на сцене». Москва. Фото 1989 г.

29. Русский раек. Литография. 1857. ГИМ

30. Дед-зазывала («карусельный дед» дядя Серый). Гравюра с рис. С. Александровского. 1870

31. Последний день Помпеи. Литография, раскраска. 1878. ГМИИ

32. Замечательные из женихов девицы Юлии Пастрана. Фрагмент. Металлография. 1858. ГМИИ

33. Девица Родионова. Металлография, раскраска. 1859. ГМИИ

34. Фома, Парамошка и Ерема. Гравюра резцом, раскраска. Вторая половина XVIII в. ГМИИ

35. Шут Гонос. Ксилография, раскраска. Середина XVIII в. ГМИИ

36, 37. В. Д. Пичугин. Клоуны-хлопуны — куклы с пищиком. Начало XX в. Мастика, ткань, дерево, кружево; ручная формовка, резьба, роспись. Сергиев Посад, Московская губ. Художественно-педагогический музей игрушки Академии педагогических наук СССР, Загорск, Московская обл.

38. Медведь с козой прохлаждаются. Гравюра резцом. 1820 — 1840-е гг. ГМИИ

39. Медведь с козой прохлаждаются. Гравюра на меди, раскраска. 1830-е гг. ГБЛ

40. Свадьба медведя. Металлография, раскраска. 1871. ГМИИ

41. «А ну-тка, Мишенька Иваныч!» Металлография, раскраска. 1882. ГМИИ

42. Бродячий артист П. Я. Любаев с ученым медведем. Казань. Фото 1925 г.

43. Продавец игрушек. Лист из детской азбуки. Литография, раскраска. Середина XIX в. Художественно-педагогический музей игрушки Академии педагогических наук СССР, Загорск, Московская обл.

44. К. А. Зеленцов. Квасник и сбитенщик. Из серии «Волшебный фонарь». Офорт, раскраска акв. 1817. ГМИИ

45. К. А. Зеленцов. Пирожник. Из серии «Волшебный фонарь». Офорт, раскраска акв. 1817. ГМИИ

46. Песня о патоке с имбирем. Металлография, раскраска. 1858. ГМИИ

47. «По ягоду, по клюкву». Металлография, раскраска. 1859. ГИМ

48. В. Ф. Тимм. Масленица. Балаганы на Исаакиевской площади в Петербурге. Литография // Русский художественный листок В. Тимма.— 1858.— № 4

49. Москва. Вербный торг. Почтовая карточка.— М.: Изд. П. Г. Поллак, 6. г. Раскрашенная фотография начала XX в. Собрание П. Д. Цуканова, Москва

50. Б. М. Кустодиев. Масленица. 1919. Х., м. Музей-квартира И. И. Бродского, Ленинград

51. А. Н. Бенуа. Масленица в Петербурге. Эскиз декораций к балету И. Ф. Стравинского «Петрушка». Постановка 1921 года, Большой театр, Москва. Б., гуашь, акв. Музей ГАБТ

52. А. Н. Бенуа. Комната Петрушки. Эскиз декораций к балету И. Ф. Стравинского «Петрушка». Постановка 1921 года, Большой театр, Москва. Б., гуашь, акв., бронза, тушь. Музей ГАБТ

53. А. Н. Бенуа. Театр. Иллюстрация к книге: Азбука в картинах.— Спб.: Изд. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1904

54, 55. В. Е. Татлин. Царь Максимьян. Кумерская Венера. Эскизы костюмов к народной драме «Царь Максимилиан». Постановка 1911 года, Литературно-художественный кружок, Москва. Б., гуашь, акв., кар. ГЦТМ

56. М. В. Добужинский. Эскиз декораций пролога к мистерии А. М. Ремизова «Бесовское действо над некиим мужем, а также прение живота со смертью». Постановка 1907 года, театр В. Ф. Комиссаржевской, Петербург. Б., гуашь, акв., бронза, серебро. ГЦТМ

57. Б. М. Кустодиев. Тула. Эскиз декораций к пьесе Е. И. Замятина «Блоха» (по мотивам рассказа Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»). Постановка 1925 года, МХАТ 2-й, Москва. Б., акв., кар. ГЦТМ

58. А. Г. Тышлер. Русский народный театр Петрушки. Фрагмент. Х., м. 1966. ГЦТМ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Русский фольклорный театр. *А. Некрылова, Н. Савушкина* 5

ИГРЫ И СЦЕНКИ РЯЖЕНЫХ

Святочное ряжение 23 *500*
Шуточная свадьба ..... 32 »
Рассказ о ряжении 33 *501*
Старик старуху выхваливает. (Приговор ряженного стариком) ..... 33 »
Описание ряжения ..... 35 »
Поповские стихи. (Пародийная молитва) ..... 37 »
Служба неграмотного попа ..... 38 »
Баба в лаптищах ..... 39 »
Проводы Масленицы на реке Тавде ..... 40 »

САТИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

Барин 45 *501*
Мнимый барин 49 *502*
Маврух ..... 56 »
Пахомушка ..... 59 »

ГЕРОИКО-РОМАНТИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ ДРАМЫ

Лодка 65 *502*
Черный Ворон 73 *503*
Шайка разбойников ..... 95 »
Ермак ..... 111 »
Царь Максимилиан (I) ..... 131 »
Царь Максимилиан (II) 151 *504*
Царь Максимилиан (III) 205 *505*

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая — комментариев.

Как француз Москву брал ..... 213 »
Параша ..... 219 »

ПЬЕСЫ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Театр Петрушки

Петр Иванович Уксусов 225 *506*
Петрушка ..... 235 »
Петрушка ..... 242 »
Автоматический театр под названием «Петрушка» ..... 251 »
Петрушка, он же Ванька Рататуй 254 *507*
Петрушка 263 *508*
Петрушка. Уличный театр, списанный со слов уличного паяца ..... 278 »
Петрушка. Уличный театр ..... 284 »
Озорник Петрушка 290 *509*
Ванька. Современная народная кукольная комедь ..... 293 »

Вертепные представления

Царь Ирод 300 *510*
Смерть царя Ирода ..... 304 »
Царь Ирод 313 *511*

ФОЛЬКЛОР ГОРОДСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ

Раек

Петербургский раек 319 *512*
Московский раек 322 *513*
Тульский раек ..... 324 »
Прибаутка ярославского раешника ..... 325 »
Нижегородские ярмарочные райки ..... 325 »
Русский раек 327 *514*
Всемирная косморама ..... 327 »

Прибаутки балаганных и карусельных зазывал

Прибаутки петербургских «дедов» 329 *514*
Московские прибаутки 341 *515*
Смоленский закликала ..... 342 »

Раусы

Клоун и шталмейстер 345 *516*
Клоун и хозяин ..... 349 »

Товарищ и паяц ..... 350 »
Ерема и Фома ..... 352 »
Ерема и Замазка ..... 354 »
Трансвааль 356 *517*
Пахомыч ..... 357 »

Выкрики и прибаутки уличных торговцев и ремесленников

Красноречие русского торжка 361 *517*
Московский сбитенщик 399 *518*
Разносчик-балясник ..... 399 »
Пирожник Яшка ..... 400 »
Сбитенщик ..... 401 »

Медвежья потеха

I. «Приход вожака с медведем...» 403 *518*
II. Сергач ..... 405 »
III. Приговариванье поводильщика 410 *519*
IV. [Приговоры медвежатника] ..... 410 »
V. «А ну-тка, Мишенька Иваныч...» 411 *520*
VI. [Медведи в Калуге] ..... 413 »

ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ О НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Народная драма 417 *520*
Кукольный театр 436 *522*
Фольклор ярмарочных зрелищ 455 *524*
Описания ярмарок и гуляний 471 *526*
Медвежья потеха 493 *527*

Комментарии 498

Словарь 529

Литература о народном театре 534

Пояснения к иллюстрациям 535

Н30 **Народный театр**/Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной.— М.: Сов. Россия, 1991.— 544 с., 24 л. ил.—(Б-ка русского фольклора; Т. 10).

В сборнике представлены все виды, жанры и жанровые разновидности русского фольклорного театра.

Центральное место занимает народная драма, получившая широкое распространение в конце XVIII — начале XX века, а также пьесы кукольного театра Петрушки.

Включенные в книгу игры и сценки ряженых позволяют проследить истоки народной театральной культуры, ее связь с ритуальными обрядовыми действами.

Особое место занимают свидетельства деятелей отечественной культуры о народном театре, содержащие яркие описания городских театральных зрелищ. Книга красочно иллюстрирована.

Н $\frac{4702010105\text{--}017}{\text{М-105(03)91}}$ **под. 91** **РФ**

ISBN 5-268-01287-8 (т. 10)
ISBN 5-268-00784-х

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Том 10

Составители
Нина Ивановна Савушкина
Анна Федоровна Некрылова

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Редактор
Е. Г. КОЖЕДУБ

Художественный редактор
Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ

Технические редакторы
Т. С. МАРИНИНА,
И. И. ПАВЛОВА

Корректоры
Л. В. КОНКИНА,
А. З. ЛАЗУТКИНА,
Л. М. ЛОГУНОВА,
М. Е. КОЗЛОВА

ИБ № 6127

Сдано в набор 21.03.90. Подп. в печать 25.01.91. Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура баскервиль. Бумага типогр. № 1. На вкл.— офс. мелован. Печать высокая (вкл.—офсет). Усл. печ. л. 37,0 (в т. ч. вкл. 3,0). Усл. кр.-отт. 46,5. Уч.-изд. л. 31,79 (в т. ч. вкл. 2,53). Тираж 200 000 экз. Заказ № 4401. Цена 4 р. 90 к. Изд. инд. ЛХ-283.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

БИБЛИОТЕКА
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНЫЙ
ТЕАТР